

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 21. № 6

2022

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Главная тема номера: / Mainstream issue:

«Лингвистические корпуса: проблемы составления и возможности использования»

“Linguistic Corpora: Compilation Challenges and Capabilities”

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 21. No. 6

2022

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

Журнал включен в базу **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2022

Том 21. № 6

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2022

Volume 21. No. 6

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2022. Vol. 21. No. 6

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Mainstream issue:

“Linguistic Corpora: Compilation Challenges and Capabilities”

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *S. Vogeler* (Brussels, Belgium);

Prof., Dr. *D. Vovodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Assoc. Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, DPR);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany)

Editor, Proofreader *I.V. Smetanina*

Editors of English texts: *O.S. Volkova, D.A. Novak*

Making up and technical editing *O.N. Yadykina*

Passed for printing Oct. 6, 2022.

Date of publication: Dec. 30, 2022. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 20.3. Published pages 21.8.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–32).

Order 154. «C» 41.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2022. Т. 21. № 6

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Главная тема номера:

«Лингвистические корпуса: проблемы составления и возможности использования»

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, ДНР);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шителевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редактор, корректор *И.В. Сметанина*

Редакторы английских текстов *О.С. Волкова, Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ябыкиной*

Подписано в печать 06.10 2022 г.

Дата выхода в свет: 30.12 2022 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 20,3.

Уч.-изд. л. 21,8. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–32).

Заказ 154. «С» 41.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

- Баранов В.А., Новак М.О.* Параллельный корпус славянского Паримейника: состав, структура и разметка вспомогательных текстов 6
- Жолобов О.Ф.* Простой аорист в древнерусских списках Паримейника (к интернет-изданию корпуса) 18
- Рогозина Е.А.* Представление и анализ элементов структуры содержания в Санкт-Петербургском корпусе агиографических текстов (СКАТ) 30
- Горбань О.А., Косова М.В., Шептухина Е.М., Светлов А.В.* Корпус архивных документов Войска Донского: проблемы морфологического анализа 47
- Пенькова Я.А.* Семантика начала: корпусное исследование глаголов начинательной семантики в истории русского языка 57

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Кунавин Б.В.* Причастная клауза в истории русского языка 76
- Русанова С.В.* Морской устав 1720 г.: функционально-коммуникативная обусловленность языковых средств 88
- Ильин Д.Ю., Сидорова Е.Г.* Отражение процессов глобализации и глокализации в топонимическом пространстве малых населенных пунктов 100

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Чемодурова З.М.* Искусство повествования в цифровую эпоху: мультимодальный аспект [На англ. яз.] 110
- Морозова И.С., Пермьякова Т.М., Росс Б., Смольянина Е.А.* Спортивное состязание: отражение национальной идентичности в английском и русском языках [На англ. яз.] 121

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Сафонова И.А.* Глагольно-именные сочетания с семантикой зрительного восприятия: синхронно-диахронический аспект 132
- Багана Ж., Яковлева Е.С., Глебова Я.А.* Национально-культурные особенности фразеологических единиц с компонентом *ворона* (на материале четырех языков) 146
- Кожмякина В.А., Ретинская Т.И., Кириленко С.В.* Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: современное состояние и перспективы развития [На англ. яз.] 160

ДИСКУССИИ

- Токарев Г.В.* Вопросы изучения символика региональной идентичности 173
- Пильгун М.А., Ерофеева И.В.* Восприятие речи в цифровом контенте: сетевые конфликты в городских проектах 183
- Акимова Э.Н., Безкоровайная Г.Т., Ионова С.В.* Активные процессы в современном русском языке: возможности эколого-лингвистического изучения [На англ. яз.] 204

CONTENTS

MAINSTREAM ISSUE

- Baranov V.A., Novak M.O.* Parallel Corpus of the Slavonic Parimejnik: Composition, Structure, and Markup of Ancillary Texts 6
- Zholobov O.F.* The Root Aorist in Old East Slavonic Parimejnik Copies (To the Online Corpus Edition) 18
- Rogozina E.A.* Representation and Analysis of Content Structure Elements in Saint Petersburg Corpus of Hagiographic Texts (SCAT) 30
- Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., Svetlov A.V.* Corpus of the Archival Documents of the Don Cossack Army: Problems of Morphological Analysis 47
- Penkova Ya.A.* Semantics of Inception: A Corpus-Based Research of Inchoative Verbs in the History of the Russian Language 57

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Kunavin B.V.* The Participial Clause in the History of the Russian Language 76
- Rusanova S.V.* The Maritime Charter of 1720: Functional-and-Communicative Conditionality of Language Means 88
- Ilyin D.Yu., Sidorova E.G.* Reflection of the Processes of Globalization and Glocalization in the Hodonymic Space of Small Settlements 100

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

- Chemodurova Z.M.* The Art of Storytelling in the Digital Age: A Multimodal Perspective 110
- Morozova I.S., Permyakova T.M., Ross B., Smolianina E.A.* Cross-National Rivalry: National Identity in Sports (A Case Study of English and Russian) 121

MATERIALS AND REPORTS

- Safonova I.A.* Verb-and-Nominal Phrases with Semantics of Visual Perception: Synchronic and Diachronic Approach 132

<i>Baghana J., Iakovleva E.S., Glebova Ya.A.</i> Semantic Features of Idioms, Which Contain Lexeme <i>Crow</i> as the Main Component	146
<i>Kozhemyakina V.A., Retinskaya T.I., Kirilenko S.V.</i> Indigenous Languages of the North, Siberia and the Far East: Current Status and Development Prospects	160

DISCUSSIONS

<i>Tokarev G.V.</i> Symbolary of Regional Identity: Research Issues	173
<i>Pilgun M.A., Erofeeva I.V.</i> Speech Perception in Digital Content: Network Conflicts in City Projects	183
<i>Akimova E.N., Bezkorovaynaya G.T., Ionova S.V.</i> Active Processes in Modern Russian: Possibilities of Ecological and Linguistic Study	204

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.1>

UDC 811.163.1
LBC 81.416.1

Submitted: 18.07.2022
Accepted: 19.09.2022

**PARALLEL CORPUS OF THE SLAVONIC PARIMEJNIK:
COMPOSITION, STRUCTURE, AND MARKUP OF ANCILLARY TEXTS ¹**

Victor A. Baranov

Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Izhevsk, Russia

Maria O. Novak

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article presents a classifying analysis of ancillary texts in Old East Slavonic hand-written copies of Parimejnik (Old Testament lectionary) from the 12th – 14th centuries. It aims to establish parameters for the analytical markup in Parimejnik subcorpus from the “Manuscript” historical corpus, to provide searching based on the fragments values, to demonstrate corresponding fragments in addition to the already existing aligned visualization of manuscripts based on temporal characteristics (dates, days of a week, and services), as well as paroemias and their components (headings and biblical verses). In the text-critical sense, the authors describe components of ancillary texts in various sections of the manuscripts (Nativity-Epiphany, Triodia, Synaxarion), their specificity, and mutual correlation. The variation of ancillary texts in different copies has been discovered, which complicates comparison and alignment in the parallel corpus. From the applied linguistics point of view, the authors propose a classification of the ancillary text components according to several criteria (function, method of execution, the presence of a biblical/hymnographic source, and the place in the sequence of rites). A system of their identifiers and fragmentation parameters into elementary components to establish links in a parallel corpus was also proposed. As a result, it will ensure the search and visualization of fragments of the same type in the corpus.

Key words: Medieval Slavonic manuscripts, Parimejnik (the Book of Paroemias), parallel corpus, ancillary texts, markup.

Citation. Baranov V.A., Novak M.O. Parallel Corpus of the Slavonic Parimejnik: Composition, Structure, and Markup of Ancillary Texts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 6, pp. 6-17. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.1>

УДК 811.163.1
ББК 81.416.1

Дата поступления статьи: 18.07.2022
Дата принятия статьи: 19.09.2022

**ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ КОРПУС СЛАВЯНСКОГО ПАРИМЕЙНИКА:
СОСТАВ, СТРУКТУРА И РАЗМЕТКА ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ ¹**

Виктор Аркадьевич Баранов

Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, г. Ижевск, Россия

Мария Олеговна Новак

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья представляет классифицирующий анализ вспомогательных (непаримийных) текстов восточнославянских списков Паримейника XII–XIV вв., имеющий целью установить параметры для их ана-

литической разметки в параллельном подкорпусе исторического корпуса «Манускрипт», обеспечения поиска на основе значений фрагментов и демонстрации соответствующих друг другу фрагментов в дополнение к уже имеющейся выровненной визуализации рукописей на основе временных характеристик (дат, дней недели и служб), а также паримий и их составляющих (заголовков и библейских стихов). В лингвотекстологическом аспекте описаны компоненты непаримийных текстов в различных разделах паримейников (рождественско-богоявленском, триодном, месяцесловном), их специфика и взаимное соотношение. Установлен факт варьирования вспомогательных текстов по разным спискам, осложняющего сопоставление и выравнивание в параллельном корпусе. В прикладном аспекте дана классификация компонентов непаримийных текстов по ряду критериев (функция, способ исполнения, наличие библейского / гимнографического источника, место, занимаемое в чинопоследовании), предложена система их идентификаторов и параметры фрагментирования на элементарные составляющие для установления связей в параллельном корпусе, что в итоге обеспечит осуществление поиска и визуализацию однотипных фрагментов в корпусе.

Ключевые слова: средневековые славянские рукописи, паримейник, параллельный корпус, вспомогательные тексты, разметка.

Цитирование. Баранов В. А., Новак М. О. Параллельный корпус славянского Паримейника: состав, структура и разметка вспомогательных текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 6. – С. 6–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.1>

Введение

Статья отражает очередной этап лингвистического описания и создания машиночитаемых копий древних восточнославянских списков Паримейника, предполагающий работу со вспомогательными (непаримийными) текстами, и имеет двоякую цель: а) охарактеризовать состав, функции и лингвотекстологическую специфику этих текстов в ряде рукописных источников; б) описать техническое обеспечение аналитической разметки, которая позволит осуществлять их поиск и визуализацию в параллельном корпусе паримейников.

В предыдущих публикациях [Баранов, 2021а; 2021б; Баранов, Гнутиков, 2021] представлены этапы работы над параллельным корпусом четырех списков Паримейника, содержащим в настоящее время тексты паримий, выровненные по времени чтения, библейским стихам и заголовкам: разметка транскрипций, организованных в виде реляционной базы данных, аннотирование аналитических единиц – стихов, паримий и их компонентов, разработка форматов идентифицирующих их индексов, установление связей между словарными и текстовыми единицами. Результаты работы в настоящее время доступны в Интернете в виде параллельного корпуса (<http://manuscripts.ru/mns/cred.cred?koll=94052725>) и карты паримий (<https://clck.ru/Y4PBk>). Первая форма визуализации предполагает выбор пользователем списков, листов или паримий, формы демон-

страции выровненных фрагментов четырех рукописей, вторая – позволяет познакомиться с составом и структурой списков в их сопоставлении друг с другом и с некоторым инвариантом перечня паримий, представленного в виде сводного словаря паримий.

Как уже приходилось отмечать, сопроводительные тексты в списках Паримейника изучены мало [Новак, 2021, с. 15]. Однако непаримийные чтения конкретной рукописи или группы списков представляют несомненный интерес по нескольким причинам. Анализ их структуры в источниках XII–XIV вв. позволяет:

- получить новую информацию о специфике древнерусского богослужения на фоне общих требований церковного устава;
- выяснить соотношение текстов в паримейниках с аналогичными текстами в других литургических книгах;
- определить содержательную связь паримий с сопровождающими их текстами;
- выявить проблемы, возникающие при аналитической разметке непаримийных текстов в базе данных, и предложить пути их решения.

Результаты и обсуждение

Рукописи Паримейника и их представление в корпусе

В состав параллельного корпуса к настоящему моменту введены или вводятся (см. подробнее ниже) следующие рукописи:

– Лазаревский (Сковородский) паримейник (РГАДА, ф. 381, оп. 1, Тип. 50. 126 л.; далее – Лаз), датируемый первой третью либо серединой XII в. [Князевская, 1999; Михеев, 2019; Мольков, 2020];

– Федоровский II паримейник XIII в. (РГАДА, ф. 381, оп. 1, Тип. 60. 107 л.; далее – Фед);

– Захариинский паримейник 1271 г. (РНБ, Q.п.I.13. 264 л.; далее – Зах);

– паримейник из собрания Троице-Сергиевой лавры XIV в. (РГБ, ф. 304/I, № 4. 142 л.; далее – Тр);

– Козминский паримейник 1313 г. (РГАДА, оп. 1, ф. 381, Тип. 61. 151 л.; далее – Козм).

В настоящее время в корпусе четыре списка (Козм находится в процессе подготовки), размещенные в Казанской коллекции корпуса (<http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>), имеют несколько форм демонстрации – одно-текстовые запросные формы, многотекстовую запросную форму и параллельный корпус. Кроме того, доступ к лингвистическим данным кодексов обеспечен с помощью специализированных модулей статистики и *n*-грамм. Во всех случаях особые формы поиска данных и вывода их на экран, например визуализация запрошенных пользователем паримий или перечней входящих в них лингвистических единиц, обеспечены уже имеющейся аналитической разметкой транскрипций.

Для разработки механизмов разметки непаримийных текстов в параллельном корпусе, а также выявления возможных проблем и путей их решения необходимо составить реестр соответствующих единиц и классифицировать их по имеющимся параметрам.

Состав и структура непаримийных чтений

Интенсивность сопровождения паримий вспомогательными текстами различна и зависит от структуры Паримейника как целого: «как правило, паримейники выстроены следующим образом: вначале идут два праздника “вне категории”: Рождество и Богоявление (оба этих праздника имеют свою сложную систему паремий), затем описывается триодный круг, затем месяцесловный» [Щепеткин, 2021, с. 222].

Именно такова структура обрабатываемых рукописных источников, однако приходится принимать во внимание текстовые лакуны, возникшие в результате утраты листов. Например, в Федоровском II паримейнике отсутствуют чтения Богоявления и утрачены тексты значительной части месяцеслова, а в Троицком списке не представлен рождественско-богоявленский раздел, который наиболее насыщен интересующим нас материалом.

Обилие непаримийных текстов в рождественско-богоявленском разделе связано не только с большим количеством паримий, но и с нетривиальным характером праздничных богослужений. Состав непаримийных чтений существенно варьируется по спискам, что осложняет сопоставление и выравнивание материала в параллельном корпусе. Например, в Лазаревском паримейнике на л. 3–3 об. перед паримиями на освящении воды даются подробнейшие указания порядка службы, упоминающие чтения из Апостола и Евангелия, сопровождающий их аллилуарий со стихами, выход духовенства на место молебна со свечами, каждение, несколько прошений ектении (обозначенной древним термином «дьяконникъ», см. об этом: [Щепеткин 2021, с. 112–113]) и тропарь «Глас Господень на водах», выписанный полностью. В Захариинском списке, напротив, после отсылок к чтениям из Апостола и Евангелия следует лишь краткая констатация, при этом тропарь не выписан полностью, дан только его инципит: *и по семь не пѣвше блг(с)лю ѿ. идоуть · воды кр(с)титъ · поюще треп(арь) · гла(с) г(с)нь на водах ·* (л. 19).

Структура триодного раздела наиболее предсказуема: за исключением службы Великой субботы, содержащей большее число паримий и снабженной более развернутыми указаниями, там стабильно выписываются заголовки паримий, так называемые тропари пророчества (сопровождающие чтения из книг Исаии и Иезекииля) и стихи прокимнов, обрамляющих паримии.

Месяцесловный блок в исследуемых рукописных источниках также представляет немало расхождений, затрагивающих ряд параметров: набор памятей, их последовательность, характер заголовков паримий, наличие / отсутствие инципитов непаримийных текстов. Выявлены следующие уникальные (на фоне остальных списков) памяти:

– перенесение Нерукотворенного Образа (16/29 августа) – Тр (л. 141 об.);

– Усекновение главы Иоанна Предтечи (29 августа / 11 сентября) – Фед (л. 107 об.);

– память свт. Николая Чудотворца (6/19 декабря) – Козм (л. 143);

– память мчч. Евстратия, Авксентия и др. (13/26 декабря) – Лаз (л. 120);

– память свт. Петра Московского (21 декабря / 3 января) – Лаз (л. 120).

Последнее празднование упомянуто в более поздней записи Лаз, дополняющей основной блок месяцеслова (свт. Петр был прославлен в лике святых в XIV в., то есть много позднее появления Лазаревского списка).

Память Иоанна Богослова в Зах отмечена 8/21 мая (л. 237 об.), тогда как в остальных списках – 26 сентября / 9 октября (преставление святого).

Месяцеслов Захариинского паримейника выделяется на общем фоне нарушением хронологического принципа размещения памятей. Чередувание дат в Зах исследователи Паримейника заметили давно. Так, М.А. Джонсон, ссылаясь на работы А.В. Михайлова, констатирует: «The feast days of Zah's Synaxarion section appear in the following order: September 1, 6, 8, 14; February 2; March 25; May 8; June 24, 29; July 20; August 6, 15; November 8; July 16; November 13; January 1; July 24 (Михайлов, 1907, 293, и 1912, XCIV–XCVI)» [Johnson, 1997, p. 371, ref. 31].

Что касается непосредственно непаримийных текстов, месяцесловы во всех источниках демонстрируют следующие отличия от предыдущих разделов: отсутствуют прокимны; ряд паримий представлен только инципитами, сопровождаемыми отсылкой к полному тексту, выписанному в другом разделе, триодном или (что реже) рождественско-богоявленском, например: *ѡ прч(с)тва исаина. Тако глѣтъ зѣ възвесели(с) пус[тыни] · ици на крѣщение з(с)не · а · над водо[ю]* (Козм, л. 146 об., третья паримия на Сретение Господне, 2/15 февраля; ремарка «над водо[ю]» отсылает к паримии на крещенском водосвятии).

Заголовки в месяцесловах стандартны: заглавие к первой паримии включает название и число месяца, название памяти, упоминание вечерни, на которой читаются паримии, и название библейской книги, откуда взято чтение.

Заглавия второй и третьей паримий содержат только последний элемент.

На общем фоне привлекают внимание заглавия к блоку паримий празднования пророку Илии (20 июля / 2 августа): *вгньное въшьствие · пр(о)р(о)ка · илиа* (Лаз, л. 124 об.), *вгньное въсхождение ст(е)о пр(о)р(о)ка илие ·* (Козм, л. 150 об.), *вгненое схоженые · стго · пррка · или* (Тр, л. 131 об.). И. Христова-Шомова фиксирует подобные заглавия в месяцесловах нескольких южнославянских списков Апостола XIV в. и отмечает, что формула *вгньное въсхождение / въшьствие* восходит к частотному в греческих источниках выражению η *πυρφόρος ἀνάβασις* [Христова-Шомова, 2012, с. 812–813]. Возможно, вариант младшего списка Тр представляет собой искажение изначальной формы *въсхождение*.

Еще одна вариация обнаруживается в заглавии праздника Введения во храм пресв. Богородицы: *внесение въ цр(к)вь · стына бѣца* · (Козм, л. 142) – *въведеные · въ цркъвь · стына бѣца* · (Тр, л. 123). И. Христова-Шомова сообщает, что первый вариант характерен для месяцесловов наиболее ранних рукописей Апостола и Минеи, второй – для «новоизводных», усматривая в этом отражение перевода различных греческих лексем [Христова-Шомова, 2012, с. 303]. Добавим, что конкуренция этих существительных заставляет вспомнить о пассаже в молитве Господней $\mu\eta$ *εἰσενέγκης* ἡμᾶς εἰς πειρασμόν (Мф. 6:13, традиционный перевод «не введи нас во искушение»), где выделенная глагольная форма может означать как ‘не введи’, так и ‘не вноси’ (супплетивная основа от εἰσφέρειо ‘вносить, вводить’). Ср. показательные решения в англоязычных переводах Нового Завета: «And **lead** us **not** into temptation» / «And **bring** us **not** into temptation» и т. п. [Bible Hub...].

Фиксация заголовков как самостоятельного элемента в параллельном корпусе позволит без труда обнаружить указанные лексические вариации в списках Паримейника.

В связи с реестром непаримийных текстов месяцеслова следует упомянуть еще одну особенность Захариинского списка, отличающую его от остальных источников. Это наличие инципитов тропарей некоторым праздникам: Рождеству Богородицы (л. 232), Благовещению (л. 237–237 об.), Рождеству Иоанна Предтечи (л. 242, тропарь выписан

почти полностью и совпадает с тропарями древнеславянских апостолов и миней [Христова-Шомова, 2012, с. 755–758]). На Преображение и Успение праздничный тропарь лишь кратко упомянут как «пение» с указанием гласа: *пѣ(н) · гла(с) · ѣ · и пѣ(н) · гла(с) · а̇ ·* (л. 248) соответственно.

Непаримийные чтения и их идентификация

Основной объем списков – это тексты, предназначенные для исполнения участниками богослужения, – паримии, собственно исполняемый текст которых (или часть текста – инципит) может быть снабжен информацией о библейской книге, дате или дне чтения, службе, событии, номере паримии. Понятно, что, будучи содержательно и структурно связанными, все эти компоненты паримии противопоставлены собственно справочным текстам.

Существенной характеристикой любых текстов в Паримейнике является нахождение их во фрагменте списка, относящемся к конкретной службе. В соответствии с моделью разметки и форматом аннотирования фрагментов, предложенными в [Баранов, 2021б, с. 11–13], и паримийные, и непаримийные тексты в настоящее время снабжены в базе данных корпуса информацией о службе, содержащей сведения об отделе, месяце и дне для неподвижного календаря или об отделе, номере недели и ее дне – для подвижного. Тем не менее этого параметра явно недостаточно, чтобы идентифицировать функционально различные вспомогательные тексты кодексов и выровнять соответствующие друг другу фрагменты для построения параллельного корпуса.

Тексты списков Паримейника, не являющиеся паримиями, могут быть классифицированы по крайней мере по нескольким основаниям: 1) функции (тексты для исполнения участниками богослужения – комментирующие тексты); 2) наличие / отсутствие источника; 3) способу исполнения в соответствии с назначением; 4) месту в составе службы.

Первое основание позволяет выделить тексты, исполняемые во время служб (или полные тексты тропарей, стихов Псалтири, возгласов, или их инципитов, или других фрагментов), и справочные тексты, предназна-

ченные для священно- и церковнослужителей (указания (комментарии) и отсылки).

Второе – тексты, имеющие библейский или гимнографический источник (стихи псалмов в составе прокимнов и антифонов и тропари), и тексты, представляющие собой устойчивые формулы, возгласы, не имеющие библейского или какого-либо другого источника (например, инципиты *Слава и ныне, Заступи мя, Господи, Съпаси ны, сыне Божии* и др.).

Третье – фрагменты текстов паримейников, имеющие в составе службы особое назначение, форму (способ) исполнения, а также особое наименование. В составе Паримейника это прокимен, антифон, аллилуарий, ектения.

Четвертое – сведения о месте расположения относительно центральных для Паримейника частей (паримий): до, между, после.

Совокупность значений указанных параметров является уникальной характеристикой каждого из непаримийных текстов и может быть использована в качестве идентифицирующего фрагмент индекса.

Кратко рассмотрим некоторые компоненты оппозиций.

Справочные тексты имеют различное назначение. Это указания (комментарии) об исполнении или замене тех или иных текстов (*А по се(м) · бываю(т) · анти(ф) · ѣ ·* Зах, л. 17 об.; *та(ж) · се пои въ антифона мѣ(с) ·* Фед, л. 3, Козм, л. 3), их последовательности (*И по семь пою(т) тре[на]р[ъ] ·* Зах, л. 3 об.), способе исполнения (*ѡпѣ(л) ·* Зах, л. 7), количестве (*· ѣ · шды ·* Зах, л. 7), включении текста в службу (*аще ли ѣсть постѣнь днь · то чьтоуть ·* Зах, л. 18 об.), соотношении с ходом службы (*въ входъ ·* Зах, л. 7 об.; *по сти(х)ра(х) · и по выхо(д) ·* Козм, л. 4 об.; *и идуць въси людїе ·* Лаз, л. 3 об.; *и покадать ·* Лаз, л. 3 об.), а также отсылки к текстам, выписанным в кодексе на предыдущих листах (*ищи · въ · ѣ · септѣбрѣ · каже и на рожество · стѣна бѣд ·* Зах, л. 248; *писа(н) въ вели(к)[у]ю су(б) ·* Тр, л. 118; *писана ст(у) · прѣ(д) плантїкостїею ·* Зах, л. 249). Идентификация указаний, основанная или на общих (например, указание-отсылка), или на проиллюстрированных частных функциональных характеристиках, должна обеспечивать их маркировку как по отношению к другим вспомогательным текстам рукописи, так и для

указания соответствия контекстов друг другу в разных списках.

Непаримийные исполняемые тексты представляют собой или стихи из Псалтири в составе прокимна, антифона, аллилуария, или тексты тропарей. Понятно, что первые могут быть идентифицированы с помощью номера псалма и номера его стиха. В то же время в связи с тем, что в рукописи, помимо самого псалма, выписывается для каждого из исполняемых непаримийных текстов и его заголовки (заголовки), то целесообразно для их идентификации и визуализации в псалом включать также и заголовки, как это уже сделано для паримий [Баранов, 2021б, с. 11].

В настоящее время отсутствуют справочники, которые содержали бы полные перечни гимнографических текстов – тропарей (тропарей пророчества, богородичных, стихир, седальнов, кондаков и др.), их инципитов, адресов в греческих или славянских кодексах. Отсылка к таким справочникам позволила бы однозначно идентифицировать тропари в паримиях и базы данных корпуса, соотнеся их с некоторым печатным изданием. Сведения об имеющихся в славянских рукописях Паримейника (Григоровичевой, Лобковской, Захариинской) тропарях находим в работе Зденки Рибаровой [Рибарова, 2009, с. 177–179]. Однако построенная автором сопоставительная таблица, ориентированная на Григоровичев паримейник, неполна; например, отсутствуют тропари:

Рж(с)тво тво[іс] х(с)е бѣ наш . . . (Зах, л. 7 об.);
Просвѣтилъся ісуси . въ весь миръ . сътворивъи въсь миръ . Зах, 7 об.;

Гръшьникомъ и мытаремъ за множество мѣлости твоюю . Зах, л. 14–14 об.;

Въ ноци и въ днѣ припадаемъ ти г(с)и . Зах, л. 65;

Аще безаконна прѣзриши г(с)и члвколюбце Зах, л. 82;

Г(с)и не яростью твоюю вбличи людии съгрѣшьшь . (Зах, л. 92) и др.

Частично решить эту проблему позволяет обращение к трехтомному инципитарию литургических гимнов в восточнославянских рукописях XI–XIII вв., изданному благодаря усилиям Д. Штерна и Х. Роте [Incipitarius..., 2008]. Использованные в этом инципитарии характеристики тропарей, в том числе и поряд-

ковый номер каждого, могут быть использованы и для идентификации соответствующих контекстов при разметке паримейников в электронном корпусе. К таким характеристикам мы относим название праздника (события) на латинском языке, номер гласа (Md), аббревиатуру тропаря (Tr) и номер инципита по изданию инципитария. Однако далеко не все тропари, содержащиеся в паримейниках, зафиксированы этим изданием. Тем не менее индекс, включающий три первые характеристики из четырех, является уникальным для конкретного тропаря.

Прокимен, антифон, аллилуарий и ектения – специальным образом структурированные части служб, которые имеют особые структуру и состав текстов, содержащих как отрывки из псалмов и инципиты славословий, возгласов и т. п., так и в целом ряде случаев тексты указаний. Они представляют интерес как с точки зрения состава конкретного кодекса, так и с точки зрения сопоставления списков между собой. Два параметра могут служить идентификационными характеристиками каждой из таких частей: служба, во время которой исполняется часть, и паримия, перед которой или после которой она исполняется. С учетом того, что в базе данных корпуса индексы и комментарии паримий содержат информацию и о службе, целесообразно использовать для идентификации вспомогательных чтений сведения о паримиях в виде отсылки к их индексам с указанием местоположения относительно паримии: до или после нее. Наличие в рукописях указаний и инципитов из Апостола и Евангелий, а также относящихся к ним вспомогательных текстов, которые не связаны непосредственно с текстами паримий, предполагает независимую от прокимнов идентификацию этих фрагментов и отношений между ними.

Сказанное позволяет предложить следующие идентификаторы непаримийных чтений: Prk – прокимен, Ant – антифон, All – аллилуарий, Ect – ектения, Ukz – указание, Inc – инципит, при необходимости к ним можно добавить порядковый номер в пределах службы: Ant1, Ant2, Ukz1, Ukz2. Указание на последующую (или предшествующую) паримию с помощью ее индекса позволяет однозначно указать службу и место в службе

непаримийного текста: Prk>P1a – прокимен, предшествующий 1-й паримии на Рождественской вечерне; Prk<P3a – прокимен, следующий за паримией 6-го часа среды на Сырной неделе; Ukz1>P1d – 1-е указание во фрагменте непаримийных чтений между 3-й (P1c) и 4-й (P1d) паримиями; Ant3>P1h – 3-й антифон из трех, исполняемых между 7-й (P1g) и 8-й (P1h) паримиями. (Аналогичные индексы вводятся для указаний на чтения из Евангелия или Апостола и их вспомогательные тексты: Prk>Ap – тексты прокимна, предворяющего чтения Апостола.)

Уникальные идентификаторы совместно с указанием на паримии однозначно описывают и жанр непаримийного текста, и его место относительно центрального текста списков – паримии.

Наличие у тропарей как минимум трех собственных традиционных идентификаторов – названия праздника или имени святого, номер гласа, вида песнопения, а также в ряде случаев номера в [Incipitarium..., 2008] – позволяет представить уникальный индекс как сочетание указанных значений: NativitasDomini_Md6_Tr, NativitasDomini_Md4_A_17411 и под.

Особыми вспомогательными фрагментами являются тексты-отсылки, сообщающие о чтении в указанном месте ранее выписанных в списке паримий. В рукописях представлено два вида отсылок – при инципите выписанной паримии и без выписанного текста паримии:

ѿ прито(ч) чте(н) · Праведникъ аще постигне(т) · : · писа(н) септа(б) · а · (Тр, л. 114 об.);
м(с)ца · того(ж) · въ · с̄ · чю(д) архистратига
михаїла · : ·

паремы писа(н) · ноябра въ · ѿ ·
м(с)ца · того(ж) · въ · ѿ · днѣ · рж(с)тво
стѣна бѣа ·
си же чти на вса праздни(к) · стѣна бѣа · : ·
 (Тр, л. 115 об.).

В первом случае порядок следования заголовка и инципита паримии, с одной стороны, и отсылки – с другой, может различаться:

– отсылка следует за инципитом:

чь(т) · а · бы(с) въ днѣ ныи ш(с)съ въ керихонѣ ·
ици · въ соу(б) · великоу(ю) · въ · е · пармии ·
ѿ половины · : · (Зах, л. 230 об.);

– отсылка предшествует заголовку и инципиту:

Ици · ѿ · ноябра въ · ѿ ·
въ инѣхъ днѣхъ бы(с) брань на нѣсть · (Зах, л. 230 об.).

Непосредственная связь таких отсылочных текстов с паримиями и разные позиции по отношению к ним дают возможность использовать по крайней мере два способа их идентификации: а) независимую косвенную с указанием паримии и положения относительно ее или б) иерархически подчиненную с включением вспомогательного контекста в качестве особого компонента текста паримии, как это сделано в отношении заголовков. С учетом того, что тексты отсылок являются «заместителями» самого текста паримии, целесообразно включить их при разметке в паримию наряду с заголовками:

паримия P48c

заголовок *ѿ премудр(с)о соломон:* текстовый

тело *Правдници въ вѣкы ж:* Прем. 5:15

отсылка *ици вс(х)ѣ стѣхъ:* = P47c (Фед, л. 104),

где P48c – индекс текущей паримии; = P47c – индекс паримии, на которую указывает отсылка.

Подобный принцип разметки отсылочных текстов однозначно определяет связь между двумя паримиями.

Разметка компонентов вспомогательных текстов

Состав чтений, их соотношение с источниками различны.

В состав псалма или тропаря входят один или несколько заголовков и сам текст (тело):

пѣ(н) · гла(с) · с̄ · въсиавыи ѿ дѣвы <...> х(с)
е бѣ слава тебе · : · (Зах, л. 6 об.).

Разметка заголовка и тела позволяет включить оба компонента в один аналитический раздел и указать их как его подразделы, снабдив в базе данных необходимыми значениями:

тропарь

заголовок *пѣ(н) ·* текстовый

заголовок *гла(с) · с̄ ·* нумерованный

тело *въсиавыи w(т) дѣвы<...>X(с)е бѣ слава тебе · : ·* (Зах, л. 6 об.).

Фрагмент прокимна, соответствующий телу псалма, одновременно должен быть снаб-

жен указанием на то, с каким стихом Псалтири он соотносится:

прокимен

заголовок *про(к)* · текстовый
заголовок *гла(с)* · *ṣ̄* · нумерованный
заголовок *ψ(с)мъ* · *ṣ̄* · нумерованный
тело *гѣ бѣ мои на тѣ уповахъ сп̄си*

ма · :Пс. 7:2 (Лаз, л. 14).

Соотношения со стихами Библии различны:

– каждый стих прокимна (его инципит) соответствует стиху Библии:

про(к) · *праведень г(с)ь правду возлюби а правыя ви(д)[гѣ]* · *сти(х)* · *на г(с)а упова(х) како р(ч)* · (Тр, л. 9). –

Яко праведен Господь и правды возлюби: правоты виде лице его. Пс. 10:7.

В конец, псалом Давиду. На Господа уповах, како речете души моей: превитай по горам, яко птица? Пс. 10:1;

– каждый стих прокимна соответствует частям одного стиха Библии:

про(к) · *ṃ* · *п(с)лмъ* · *к̄ṣ̄* · *Г(с)ь просвѣщение мое* · *и сп̄ситель мои* · *кого сѧ оубою* · :· *ст(х)* *Г(с)ь защититель животу моему* · *ṃ* *кого сѧ оустраш* · :· (Зах, л. 54 об.). –

Господь просвещение мое и спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель живота моего, от кого устрашуся? Пс. 26:1;

– первый стих совпадает только с конечными синтагмами стиха Псалтири. См., например, первый стих прокимна 3-й паримии в понедельник 5-й недели Великого поста, ср.:

Любить г(с)ь врата сионя · *паче въ* · :· (Зах, л. 116 об.). –

Основания его на горах святых: **любит Господь врата сионя паче всех селений иakovлх Пс. 86:2.**

Иногда границы стихов Псалтири и прокимна не совпадают. См., например, два стиха прокимна на утрени в четверг 5-й недели Великого поста, ср.:

про(к) · *ā* · *п(с)лмъ* · *ṣ̄ṣ̄* · *гла(с)* · *ṣ̄* · *Г(с)ь възвеселится* · *да радуется сѧ земля* · :· *сти(х)* *Да възвеселится и мнози облакъ и мракъ и кр(с)тъ юго* · :· (Зах, л. 127). –

Господь воцарися, да радуется земля, | да веселятся острови мнози. Пс. 96:1, Облак и мрак окрест его: правда и судьба исправление престола его. Пс. 96:2.

Понятно, что указание номера стиха, но не конкретного его фрагмента при разметке не позволяет выровнять стихи прокимнов и других непаримийных чтений на уровне инципитов или синтагм стихов псалмов. В то же время наличие в базе данных двух переводов Псалтири – Елизаветинского и Синодального – дает возможность при необходимости визуализировать на сайте соответствующие контексты и показать пользователю частные текстовые соответствия.

Разделы, содержащие тексты антифонов, следуя практике службы, включают как тексты (инципиты) исполняемых псалмов (в том числе и их заголовки), так и тексты ответов (своеобразных припевов), а также указания различного содержания:

указание и по се(м)

антифон

заголовок *ант(ф)* · *ā* ·

заголовок *п(с)лмъ* · *ā* · :·

тело *Бл̄жнь моужь* · *иже не идетъ на съв* · Пс. 1:1

указание *ṃп̄гь(л)* ·

припев *застоупи ма г(с)и* ·

заголовок *сти(х)* · *ṃ* ·

тело *И въ законъ его поучить(с) д̄нь и ноць* · Пс. 1:2

заголовок *сти(х)* ·

тело *и на съдалици гоуб* · :· Пс. 1:1

инципит *сла(в)* · *и ны(н)* ·

указание *w(m)п̄гь(л)* ·

припев *застоупи ма г(с)и* · (1-й антифон на Рождество, Зах, л. 7).

Включение в компоненты второго уровня значения **припев** дает возможность передать при разметке структуру и состав антифона, выровнять компоненты разных списков относительно друг друга, показать их на сайте и обеспечить нахождение однотипных фрагментов при поиске.

Особенностью подобной структуры является наличие внутри текстов антифона двух указаний *ṃп̄гь(л)* и инципита малого славословия *сла(в)* · *и ны(н)*, которые, строго говоря, в состав антифона не входят. Тем не менее их расположение между компонентами антифона и структурно, и содержательно указывает на их отношение к чтением последнего.

Аналогичное последовательное расположение компонентов, позволяющее, не уста-

навливая явные связи между ними, иметь в базе данных сведения об их отношениях последовательности, находим в тексте службы на Богоявление.

Представленный в таблице текстовый материал демонстрирует также способ выравнивания соответствующих друг другу компонентов разных списков: в строках таблицы компоненты первого уровня (прокимен, указание, чтения Апостола) имеют тождественные идентификаторы для установления явной связи между ними в базе данных, а идентичная структура и последовательность входящих в них (или отсутствующих) составных частей позволяют автоматически выравнивать их относительно друг друга.

Выводы

Рассмотрев непаримийные (вспомогательные тексты) рукописных паримейников XII–XIV вв. с точки зрения их состава и способов аналитической разметки их транскрипции в параллельном корпусе портала «Манускрипт», мы пришли к следующим выводам.

1. Основные непаримийные единицы в исследуемых источниках – заголовки различных уровней, прокимны, антифоны с их припевами, тропари, прошения ектении, малое славословие, богослужебные указания. Прокимны и антифоны, в свою очередь, состоят из стихов Псалтири. Практически все элементы могут быть представлены также в виде инципитов.

Компоненты непаримийных чтений службы на Богоявление

Ancillary Epiphany texts components

Компонент чтения	Зах, лл. 18 об. – 19	Лаз, лл. 3 – 3 об.	Чтение Библии
прокимен Prk1>Ap			
заголовок	про(к) ·	про(к) ·	–
заголовок	гла(с) · г̃ ·	гла(с) · г̃ ·	–
тело	Г̃ъ просвѣщение мое и сп̃ситель мой ·	г̃ъ просвѣщеніе мое и сп̃ст ·	Пс. 26:1
заголовок	сти(х) · : ·	сти(х)	–
тело	Г̃ъ защититель животоу моему · : ·	г̃ъ защитите ·	Пс. 26:1
указание Ukz1>Ap	Аще ли ѳсть постынь д̃нь · то чтоуть ·	аще ли ѳсть постынь д̃нь · не чтоуться пр(о)рчства исаина · нь поють прк(м)нь · и ап(с)ль · и ал(г)оу ·	–
паримия P2n (отсылка)			
заголовок	ѡ пррч(с)тв исаина ·	–	–
тело	такo г̃леть г(с)ь въ вр̃ѣм̃а при̃ятн̃ ·	–	Ис. 49:8
указание Ukz2>Ap	та(ж) ·	–	–
прокимен Prk2>Ap			
заголовок	пр(к)	–	–
тело	–	–	–
указание Ukz3>Ap	та(ж) ·	аще ли ѳсть непостынь д̃нь ѡ про(к) ·	–
апостол Ap1			
заголовок	ап(с)ль ·	ап(с)ль ·	–
заголовок	–	къ кореньфимь ·	–
тело (начало)	бра(т)а не велю вамъ ·	бра(т) · не велю вамъ неразоу	1 Кор. 10:1
указание Ukz4>Ap	ко[нь](ц)[ь] ·	кв[нь](ц)[ь] ·	–
тело (конец)	камень же б̃ѣ х(с)ь ·	камень же б̃ѣ х̃с̃ь ·	1 Кор. 10:4
указание Ukz5>Ap	Аще ли н̃ѣ(с) постынь д̃нь то г̃леть ·	аще ли н̃ѣ(с) постынь д̃нь · г̃ли ѡ зачала ·	–
апостол Ap2			
заголовок	–	–	–
тело (начало)	бра(т)а свободь сы ѡ вьс̃ѣ(х)	бра(т) свободь си ·	1 Кор. 9:19
указание Ukz6>Ap	–	ко(ц) ·	–
тело (конец)	–	камень же б̃ѣ х̃с̃ь ·	1 Кор. 10:4

2. Формализующая классификация компонентов, требующих разметки и установления связей, возможна по нескольким основаниям: функции, способу исполнения во время службы, местоположению относительно текста паримии, наличию / отсутствию библейского или гимнографического источника.

3. Тексты, сопровождающие паримии, отличается высокая степень вариативности элементов одних и тех же чинопоследований, что осложняет их сопоставление и выравнивание в корпусе. Вместе с тем наличие устойчивых элементов, таких как стихи псалмов и тропари, позволяет создать систему идентификаторов.

4. Система идентификаторов, предложенная в статье, в свою очередь, позволяет создать иерархию компонентов, обеспечивающую установление связей в базе данных, выравнивание однотипных единиц и, в итоге, их успешный поиск и визуализацию в параллельном корпусе.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполняется при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-512-18001 «Средневековые тексты в современном контексте (новые методы и принципы представления средневековых текстов сегодняшним пользователям)».

The study is given a financial support by The Russian Foundation for Basic Research, the research project no. 20-512-18001 entitled “Medieval Texts in the Contemporary Context (Modern Methods and Principles of Presentation of Medieval Texts to the Nowadays Users)”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов В. А., 2021а. Параллельный корпус славянских списков паримейника: материал и постановка задачи // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2021». СПб. : Скифия-принт. С. 167–174.

Баранов В. А., 2021б. Параллельный корпус списков славянского паримейника: состав, структура, аналитическая разметка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 6. С. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.1>

Баранов В. А., Гнутиков Р. М., 2021. Параллельный корпус списков славянского паримейника: демонстрация // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. В 2 т. Т. 1 : Между-

нар. конф.: VIII Бодуэновские чтения (Казан. федер. ун-т, 17–20 нояб. 2021 г.) : тр. и материалы / под общ. ред. Р. Р. Замалетдинова, Е. А. Горобец, Э. А. Исламовой. Казань : Изд-во Казан. ун-та. С. 28–35.

Князевская О. А., 1999. Древнейший список Паримейника (первая половина XII в., РГАДА, ф. 381, оп. 1, № 50) // Роль библейских переводов в развитии литературных языков и культуры славян : тез. докл. Междунар. науч. конф. (Москва, 23–24 нояб. 1999 г.). М. : Ин-т славяноведения РАН. С. 44–46.

Михеев С. М., 2019. Миней двух Домок : Еще раз о писцах служебных миней из новгородского Лазарева монастыря // Slověne. Т. 8, № 2. С. 7–56. DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.1

Мольков Г. А., 2020. Формирование орфографических систем в древнерусской письменности XI – начала XIII века : дис. ... д-ра филол. наук. СПб. 494 с. URL: <https://iling.spb.ru/diss/theses/molkov/thesis.pdf>

Новак М. О., 2021. Тропари в древнерусских паримейниках XII–XIV вв. : (На материале онлайн-коллекции «Манускрипт») // Palaeobulgarica = Старобългаристика. Т. XLV, № 4. С. 15–34.

Рибарова З., 2009. Палеословенистички студии. Скопје : Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков». 275 с.

Христова-Шомова И., 2012. Служебният Апостол в славянската ръкописна традиция. Т. 2. Изследване на синаксарите. София : Университетско издателство «Климент Охридский». 1133 с.

Щепеткин А. В., 2021. Уставные особенности богослужения в Русской Церкви XI–XIV вв. : дис. ... канд. теологии. М. 374 с.

Bible Hub. Online Bible Study Suite. 2004–2021. URL: <https://biblehub.com>

Incipitarium liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts, 2008 / Hrsg. von D. Stern, H. Rothe. Paderborn : München : Wien : Zürich : Ferdinand Schöningh. Teil I : A–I. XXX, 795 S. ; Teil II : K–P. 736 S. ; Teil III : P–Ja. 797 S. (Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften ; 118/1-3. Patristica Slavica ; 16/1-3 / Hrsg. von H. Rothe).

Johnson M. A., 1997. Observations on the Hymnography of Certain Medieval Slavic Parimejniks // Српски език. № 1–2. С. 363–375.

ИСТОЧНИКИ

Зах – Захариинский паримейник 1271 г. // РНБ. Q.п.1.13. 264 л.

- Козм* – Козминский паримейник 1313 г. // РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Тип. 61. 151 л.
- Лаз* – Лазаревский (Сковородский) паримейник, XII в. // РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Тип. 50. 126 л.
- Тр* – Троицкий паримейник, XIV в. // РГБ. Ф. 304/1. № 4. 142 л.
- Фед* – Федоровский II паримейник, XIII в. // РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Тип. 60. 107 л.

REFERENCES

- Baranov V.A., 2021a. Parallelnyy korpus slavyanskikh spiskov parimeynika: material i postanovka zadachi [Parallel Corpus of Slavonic Parimejnik Manuscripts: Material and Problem Statement]. *Trudy mezhdunarodnoy konferentsii “Korpusnaya lingvistika – 2021”* [“Corpora 2021” International Conference Proceedings]. Saint Petersburg, Skifia print Publ., pp. 167-174.
- Baranov V.A., 2021b. Parallelnyy korpus spiskov slavyanskogo parimeynika: sostav, struktura, analiticheskaya razmetka [Parallel Corpus of the Slavonic Parimejnik Copies: Composition, Structure, Analytical Markup]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 6, pp. 6-17. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.6.1>
- Baranov V.A., Gnutikov R.M., 2021. Parallelnyy korpus spiskov slavyanskogo parimeynika: demonstratsiya [Parallel Corpus of the Slavonic Parimejnik Copies: Demonstration]. Zamaletdinov R.R., Gorobets E.A., Islamova E.A., eds. *I.A. Boduen de Curtene i mirovaya lingvistika. V 2 t. T. 1: Mezhdunar. konf.: VIII Boduenovskie chteniya (Kazan. feder. un-t, 17–20 noyab. 2021 g.): tr. i materialy* [J. Baudouin de Courtenay and Worldwide Linguistics. In 2 Vols. Vol. 1. International Conference. (Kazan Federal University, November 17–20, 2021). Proceedings]. Kazan, Izd-vo Kazan. un-ta, pp. 28-35.
- Knyazevskaya O.A., 1999. Drevneyshiy spisok Paremiynika (pervaya polovina XII v., RGADA, f. 381, op. 1, № 50) [The Most Ancient Copy of Parimejnik (First Half of the 12th Century, Russian State Archive of Ancient Acts, f. 381, inv. 1, No. 50)]. *Rol bibleyskikh perevodov v razviti literaturnykh yazykov i kultury slavyan: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 23–24 noyab. 1999 g.)* [The Role of Biblical Translations in the Development of Slavic Literary Languages and Culture. Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, November 23–24, 1999)]. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, pp. 44-46.
- Mikheev S.M., 2019. Minei dvukh Domok: Eshche raz o pistsakh sluzhebnykh miney iz novgorodskogo Lazareva monastyrya [The Menaia of Two Domkas. Once More on the Scribes of the Menaia from the Novgorod Convent Of St. Lazarus]. *Slověne*, vol. 8, no. 2, pp. 7-56. DOI: 10.31168/2305-6754.2019.8.2.1
- Molkov G.A., 2020. *Formirovanie orfograficheskikh sistem v drevnerusskoy pismennosti XI – nachala XIII veka: dis. ... d-ra filol. nauk* [Orthography Systems Development in Old East Slavonic Writing from the 11th – Beginning of the 13th Century. Dr. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg. 494 p. URL: <https://iling.spb.ru/dissovet/theses/molkov/thesis.pdf>
- Novak M.O., 2021. Tropari v drevnerusskikh parimeynikakh XII–XIV vv. (na materiale onlain-kollektsii “Manuskript”) [Troparia in Old Russian Parimeyniks from the 12th–14th Centuries (Based on “Manuskript” Online Collection)]. *Palaebulgarica = Starobulgaristika*, iss. XLV, no. 4, pp. 15-34.
- Ribarova Z., 2009. *Paleoslovenistichki studii* [Paleo-Slavonic Studies]. Skopje, Institut za makedonski jazik “Krstе Misirkov”. 275 p.
- Hristova-Shomova I., 2012. *Sluzhebniyat Apostol v slavyanskata rakopisna traditsiya. T. 2. Izsledvane na sinaksarite* [The Officiating Apostle in the Slavic Manuscript Tradition. Vol. 2. Study of Synaxares]. Sofiya, Universitetsko izdatelstvo «Kliment Okhridskiy». 1133 p.
- Shchepetkin A.V., 2021. *Ustavnye osobennosti bogosluzheniya v Russkoy Tserkvi XI–XIV vv.: dis. ... kand. teologii* [Rite Peculiarities of Divine Services in the Russian Church of the 11th – 14th Centuries. Cand. theol. sci. diss.]. Moscow. 374 p.
- Bible Hub. Online Bible Study Suite. 2004–2021*. URL: <https://biblehub.com>
- Stern D., Rothe H., Hrsg., 2008. *Incipitarium liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften des 11. bis 13. Jahrhunderts*. Paderborn, München, Wien, Zürich, Ferdinand Schöningh. Teil I. XXX, 795 S.; Teil II. 736 S.; Teil III. 797 S. (Rothe H., Hrsg. Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften ; 118/1-3. *Patristica Slavica* ; 16/1-3).
- Johnson M.A., 1997. Observations on the Hymnography of Certain Medieval Slavic Parimejniks. *Srpski ezik* [Serbian], no. 1-2, pp. 363-375.

SOURCES

- Zakharinskiy parimeynik 1271 g. [Zacharia’s Parimejnik, 1271]. *RNB* [National Library of Russia], Q.p.I.13. 264 l.

Kozminskiy parimeynik 1313 g. [Kozma's Parimejnik, 1313]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 381, inv. 1, tip. 61. 151 l.

Lazarevskiy (Skovorodskiy) parimeynik, XII v. [Lazar's Parimejnik, 12th Century]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 381, inv. 1, tip. 50. 126 l.

Troitskiy parimeynik, XIV v. [Troitsa Parimejnik, 14th Century]. *RGB* [Russian State Library], f. 304/I, no. 4. 142 l.

Fedorovskiy II parimeynik, XIII v. [Fyodor II Parimejnik, 13th Century]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 381, inv. 1, tip. 60. 107 l.

Information About the Authors

Victor A. Baranov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Linguistics, Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Studencheskaya St, 7, 426069, Izhevsk, Russia, victor.a.baranov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1730-6359>

Maria O. Novak, Doctor of Sciences (Philology), Lead Researcher, Department of Linguistic Source Studies and the History of Literary Russian Language, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Volkhonka St, 18/2, 119019 Moscow, Russia, mariaonovak@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5501-8510>

Информация об авторах

Виктор Аркадьевич Баранов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики, Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова, ул. Студенческая, 7, 426069 г. Ижевск, Россия, victor.a.baranov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1730-6359>

Мария Олеговна Новак, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, ул. Волхонка, 18/2, 119019 г. Москва, Россия, mariaonovak@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5501-8510>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.2>

UDC 811.163.1

LBC 81.416.1

Submitted: 18.07.2022

Accepted: 19.09.2022

THE ROOT AORIST IN OLD EAST SLAVONIC PARIMEJNIK COPIES (TO THE ONLINE CORPUS EDITION)¹

Oleg F. Zholobov

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article focuses on aorist forms and root aorist distribution in the Old East Slavonic Parimejnik corpus, an Old Testament lectionary, being one of the most important liturgical texts in Byzantine and Slavonic rites, it provided the Old Testament knowledge. The root aorist is a diagnostic type of archaic forms that indicates the reference of the text with Cyril-and-Methodius tradition to the emergence of Slavonic written culture. The analysis is carried out for the first time and is based on the corpus approach. It became possible due to the online edition of five Old East Slavonic copies of Parimejnik: Lazarevskiy from ca. 1150–1170, Zakharinskiy from 1271, Kozminskiy from 1312–1313, Troitskiy I from the 14th century, and Fedorovskiy II, from the 13th century. The author discovered 18 entries of root aorists in Zakhariinskiy Parimejnik. This is the largest number of entries in the late Old East Slavonic written sources altogether. 10 entries were found at Lazarevskiy Parimejnik. The root aorist is represented in the rest of the copies in sporadic forms. The distribution of forms in the copies corresponds precisely to the four distinguished editorial types: the most ancient, Zakharinskiy, Kozminskiy, and Semenovskiy. The samples of editing root aorist forms were revealed to occur due to their confusion with homonymous forms of “zero” presence and participles.

Key words: root aorist, homonymous forms, Old East Slavonic manuscripts, corpus, online editions, Parimejnik.

Citation. Zholobov O.F. The Root Aorist in Old East Slavonic Parimejnik Copies (To the Online Corpus Edition). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 6, pp. 18-29. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.2>

УДК 811.163.1

ББК 81.416.1

Дата поступления статьи: 18.07.2022

Дата принятия статьи: 19.09.2022

ПРОСТОЙ АОРИСТ В ДРЕВНЕРУССКИХ СПИСКАХ ПАРИМЕЙНИКА (К ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЮ КОРПУСА)¹

Олег Феофанович Жолобов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу варьирования аористных форм и распределения форм простого аориста в корпусе древнерусских списков Паримейника – одного из главных богослужебных текстов, благодаря которому происходило освоение Ветхого Завета. Простой аорист – диагностический тип форм, указывающих на связь текста с кирилло-мефодиевской традицией и начальным периодом славянской письменности. Их анализ проводится впервые и основывается на корпусном подходе, что стало возможным благодаря появлению интернет-издания корпуса из пяти древнерусских списков Паримейника: Лазаревского списка 50–70-х гг. XII в., Захариинского списка 1271 г., Козминского списка 1312–1313 гг., Троицкого I списка XIV в. и Федоровского II списка XIII века. Установлено, что Захариинский паримейник включает наибольшее количество простых аористов в позднедревнерусской письменности – 18 форм. Значительное количество простых аористов – 10 форм – зафиксировано в Лазаревском паримейнике. В остальных списках простой аорист представлен единичными формами. Распределение форм в списках точно соответствует их принадлежности к четырем редакционным группам – древнейшей, Захарьинской, Козминской и Семеновской. Обнаружены примеры правки простого аориста, которые обусловлены его смешением с омонимичными формами «нулевого» презенса и причастий.

Ключевые слова: простой аорист, омонимичные формы, древнерусские рукописи, корпус, интернет-издания, Паримейник.

Цитирование. Жолобов О. Ф. Простой аорист в древнерусских списках Паримейника (к интернет-изданию корпуса) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 6. – С. 18–29. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.2>

Введение

Паримейник как богослужебный текст с избранными ветхозаветными и отдельными новозаветными чтениями, бывший постоянно на слуху, оказывал существенное влияние на древнерусский язык в различных его узальных разновидностях, наряду со служебными Евангелием и Апостолом. Славянский перевод Паримейника связывают с кирилло-мефодиевской миссией (см.: [Киас, 1955; Mareš, 1988]). В качестве богослужебного текста он был унаследован в славянской епископии Климента Охридского, а в конце X в. в Западно-Болгарском царстве получил кириллическую транскрипцию и поновленные редакции, судя по истории создания и эволюции служебного Евангелия (см.: [Пентковский, 2019]).

Полных книжных изданий древнерусских списков Паримейника до сих пор нет. В Скопье в 1998 г. был издан западноболгарский Григоровичев паримейник XII–XIII вв. [Рибарова, Хауптова, 1998], относящийся к изолированной разновидности древнейшей редакции. В издании приведены разночтения по западноболгарскому Лобковскому паримейнику 1294–1320 гг. и древнерусскому Захариинскому паримейнику 1271 года. В 2005 г. в Белграде был издан сербский Белградский паримейник начала XIII в., текст которого, к сожалению, плохо сохранился и имеет большие утраты [Јовановић-Стипчевић, 2005].

В составе Казанской электронной коллекции славяно-русских памятников письменности XII–XIV вв. на портале «Манускрипт» недавно впервые был опубликован корпус древнерусских списков Паримейника, в который вошли пять рукописей: Лазаревский паримейник 50–70-х гг. XII в. (далее – Лз); Захариинский паримейник 1271 г. (далее – Зх); Козминский паримейник 1312–1313 гг. (далее – Кз); Троицкий I паримейник второй половины XIV в. (далее – Тр); Федоровский II паримейник второй половины XIII в. (далее – Фд) (Казанская коллекция 2007–2022). Издания

являются машиночитаемыми, сопровождаются цифровыми фотокопиями рукописей, модулем поиска, модулями формоуказателей – прямого, обратного, количественного, указателем чтений. Таким образом, появилась возможность корпусного исследования Паримейника, в том числе в лингвотекстологическом плане.

Согласно исследованию А.А. Пичхадзе, посвященному выявлению редакционных типов Паримейника на материале чтений книги Исход, названные пять рукописей распределяются по следующим редакционным типам: Лазаревский (Сковородский) паримейник относится к древнейшему типу; Захариинский паримейник представляет особую Захарьинскую редакционную группу (очерк языка см.: [Zholobov, 2016]); Козминский и Федоровский II паримейники – Козминскую группу; Троицкий I паримейник – Семеновскую группу. Захарьинская группа определяется как редакция древнейшего типа, включающая спорадическую правку по типу чтений Семеновской группы. Козминская и Семеновская редакционные группы имеют общий протограф, в который вносились правки по греческому тексту: спорадические и случайные в первом случае и относительно систематические – во втором [Пичхадзе, 1991, с. 151–157]. Вместе с тем А.А. Пичхадзе отмечает, что «текстологическая группировка списков может изменяться от паримьи к паримье: паримейник, принадлежащий к одной текстологической группе в одной паримье, в другой может уже относиться к другой группе или даже к другой редакции» [Пичхадзе, 1998, с. 7]. Поэтому проблема лингвотекстологического описания славянского Паримейника до сих пор остается открытой.

В дальнейшем изложении определяются лингвотекстологические характеристики списков Паримейника на основе корпусного описания распределения форм простого аориста. Простой аорист рассматривается как важнейшая лингвотекстологическая характеристика в определении редакционных типов в ходе

эволюционирования текста служебного Евангелия в начальный период славянской письменности [Пентковский, 2019, с. 107 и др.]. Простой аорист обладает, наряду с некоторыми другими глагольными формами, повышенной диагностической значимостью при классификации текстов [Жолобов, 2020, с. 88–91]. Вместе с тем история простого аориста в древнерусской письменности представляет самостоятельный интерес (см.: [Мольков, 2017]).

Результаты и обсуждение

Генезис и системный статус простого аориста

Простой аорист возводят к формам индоевропейского безаугментного имперфекта, то есть инъюнктива (см.: [Елизаренкова, 1982, с. 281–283; Мейе, 2000, с. 199, 203; Семереньи, 1980, с. 317]). Его морфонологическая невыразительность – отсутствие особых суффиксальных показателей – стала основанием для нового удвоения в системе претеритов в праславянском и восстановления индоевропейского трехчленного противопоставления, включающего новый тип имперфекта, который выполнял функцию видовой формы прошедшего времени (см.: [Жолобов, 2017а, с. 26–33; Poldauf, 1956, S. 163]). Таким образом, простой аорист в древнеславянских источниках – это индоевропейско-праславянский архаизм. Поскольку зоны устойчивости простого аориста связаны с юго-западными южнославянскими диалектами, носителями которых были Кирилл и Мефодий, а также их ученики, в богослужебных переводных текстах простые аористы диагностируют их кирилло-мефодиевское происхождение, а затем связь с охридской книжной традицией. В собственно восточноболгарских и восточнославянских источниках простой аорист не употреблялся, но это связано, по-видимому, не с диалектными ограничениями, а с тем этапом в исторической трансформации аориста, когда морфологически невыразительный тип простого аориста был заменен новым сигматическим. Поскольку при редактировании богослужебных текстов в середине и конце X в. простой аорист постепенно заменялся новосигматическим и в Западной Болгарии,

его скорее следует считать ранним этапом в эволюционировании аориста, нежели сугубо диалектной юго-западной формой. Так, в наиболее ранней редакции служебного четвероевангелия (глаголическом Зографском Евангелии [Пентковский, 2019, с. 104]) соотношение форм типа **ведъ** и **ведоухъ** почти равное – 123 к 120 [Vondrák, 1912, S. 504]). Для древнерусского языка раннего периода все это означает, что аорист как таковой являлся общеузуальной, а не собственно книжной формой. Если бы аорист был неизвестен живой речи, то в книжный язык была бы перенесена целиком система форм, восходящая к кирилло-мефодиевским переводам богослужебных книг и включающая простой аорист. В таких оригинальных сочинениях, как Слова Кирилла Туровского, отличающихся наиболее сложной системой вариативных форм глагола, простого аориста тем не менее нет [Жолобов, 2017б].

Такие архаичные глаголические тексты, как Мариинское Евангелие, Клоцов сборник и Синайская псалтырь, вовсе не содержат аористов типа **ведоухъ**, в них употребляются только аористы типов **ведъ** и **вѣсть** (см.: [Vondrák, 1912, S. 503–504]). Если в глаголическом краткоапракосном Ассеманиевом Евангелии простой аорист еще значительно преобладает над сигматическим тематическим (отношение 142 к 26), то в древнерусском краткоапракосном Остромировом Евангелии 1056–1057 гг. нашлась лишь форма 2-го л. мн. ч. **възможете**. Хотя отсутствие простых аористов в этом тексте наблюдается, несмотря на западно-болгарский протограф [Пентковский, 2019, с. 113–114], на фоне современной этому протографу восточноболгарской Саввиной книги с 66 простыми аористами (при 78 новосигматических) [Vondrák, 1912, S. 503–505] и таких кратких апракосов древнерусского письма, как Погодинское Евангелие XI в., где простой аорист составляет довольно существенную величину – 22 формы [Мольков, 2017, с. 181], ситуация с распределением вариативных форм в Остромировом Евангелии может отчасти обуславливаться русификацией. Рукопись в целом характеризуется масштабным отражением русизмов [Ван-Вейк, 1957, с. 55]. О том, что русификация такого типа в целом имела место, говорит, например, замена простого аориста 3-го л. мн. ч. **прѣвъзидоу** в Пандектах

Антиоха XI в. формой **прѣвъзидоша** в списке Пандектов в Троицком сборнике XII–XIII вв. (см.: [Паймина, 2012, с. 63]), притом что, как указывает В.М. Живов, древнерусский список Пандектов Антиоха XI в. является непосредственным антиграфом Пандектов Антиоха в Троицком сборнике [Живов, 2006, с. 18]. Простые аористы 2–3-го л. ед. ч. **веде, може, рече** и т. п. вместе с тем оставались единственно возможными формами аориста от инфинитивных основ на согласный.

Нужно заметить, что целый ряд форм простого аориста имел омонимичные параллели. Так, формы 1-го л. ед. ч. типа **могъ, съпась** совпадали с именными формами действительных причастий прошедшего времени в им. п. ед. ч. муж. и сред. рода. Коммуникативные осложнения должно было вызывать совпадение форм простого аориста в большей части парадигмы с формами презенса, включая нулевые формы презенса 3-го л. ед. и мн. ч. типа др.-рус. **(при)иде** и **(при)идоу**, которые, являясь реликтами индоевропейского инъюнктива, имели тождественное с простым аористом происхождение. Омонимия данного типа в древнерусской письменности sporadически сказывалась в ошибках – замена простого аориста, совпадающего с нулевым презенсом, регулярными формами настоящего времени на **-тъ**. Тем не менее омонимия в случае с 3-м л. мн. ч. поддерживала сохранение отдельных форм простого аориста ввиду общности грамматических значений лица и числа.

Распределение форм простого аориста в корпусе

Древнерусские списки Паримейника сохранили довольно много простых аористов, которые, однако, очень неравномерно распределены в списках, отражая, таким образом, сложность лингвотекстологической истории и разнородность их антиграфов.

З. Рибарова привела полный перечень простых аористов в Григоровичевом паримейнике XII–XIII вв. (далее – Гр) [Рибарова, 2005, с. 156].

В рукописи обнаружилось 42 формы от глагола **ити** и приставочных образований от него. В перечне имеются отдельные неточ-

ности. Так, форма **внидж** 32r5 – это нулевой презенс-футурум (:·**в̄**·**в̄**: **ѿ вѣсѣхъ вни/дж к тебѣ** :· **питати сѧ с тобоѧ** :· **мжжъскъ полъ/ и женъскъ** :· **ты же прими себѣ ѿ вѣсѣхъ бра/шнъ** :· **аже имате ѣсти** Бытие 6: 20–21). В то же время была пропущена форма простого аориста 3-го л. дв. ч. **прѣидета** 8r17 (и **растжпи сѧ вода сж/доу и сждоу** :· и **прѣидета шѣа по соухоу** 4 Царств 2: 8). Количественное распределение форм по лицам и числам следующее: 3-е л. мн. ч. – 30 форм, 1-е л. ед. ч. – 12 и 3-е л. дв. ч. – 1 форма. Новосигматический аорист представлен лишь 8 формами данных глаголов. Соотношение форм простого и новосигматического аориста у глагола **обрѣсти** – 7 (4 формы 3-го л. мн. ч. и 3 формы 1-го л. ед. ч.) к 1. Один омограф – причастная форма **обрѣтъ** 77r13 была ошибочно определена как аористная (**да вждж оубо шбрѣтъ/ блгодѣтъ прѣ тобоѧ** Исход 33: 13). Приводится 15 форм других 10 глаголов (12 форм 3-го л. мн. ч., 2 формы 1-го л. ед. ч., 1 форма 3-го л. дв. ч.) с параллельными формами новосигматического аориста в ряде случаев. Форма 3-го л. дв. ч. простого аориста приведена ошибочно – это омонимичная форма презенса-футурума **ѿврѣзетѣ сѧ** (Гр 21v15: **вѣдѣше во вѣ ѣко въ нѣже днѣ снѣ/ста ѿ него ѿврѣзетѣ сѧ wчи ваю** :· и **вждета ѣко бѧ** Бытие 3: 5), а форма 1-го л. ед. ч. **съпасьса** (**спсѣ же сѧ азъ единъ и придѣ възвѣ/стити** 71r26 Иов 1: 17) пропущена. Общее количество простых аористов – 64 формы. Довольно большое количество форм 1-го л. ед. ч. (17 форм) свидетельствует о жанрово-стилистических особенностях ветхозаветных текстов, в которых, наряду с нарративными пассажами, содержатся драматургические фрагменты, основанные на прямой речи. Несколько глаголов употребляются только в новом аористе. Так, глагол **вести** и приставочные образования от него имеют только новые формы (6 форм). Встречаются единичные формы от других глаголов (9 форм). Тем не менее в Григоровичевом паримейнике преобладание простых аористов над новосигматическими выражено сильнее, чем в некоторых старославянских памятниках на глаголице, что доказывает большую близость рукописи протографическому состоянию. Редактирование здесь проявилось лишь в устранении аористов типа **принѣсъ** и **пась**, которые

представлены в старославянских глаголических текстах. Форма сигматического аориста **прижсь** 79v сохранилась в западноболгарском Лобковском паримейнике 1294–1320 гг., наряду с несколькими формами простого аориста [Рибарова, 2005, с. 181].

Корпусное рассмотрение паримейников показало, что ближе всего к Григоровичеву паримейнику по такой архаичной характеристике, как употребление простого аориста, находится Захариинский паримейник, несколько дальше отстоит Лазаревский паримейник, остальные рукописи отстоят еще дальше, поскольку имеют только единичные примеры.

Приведем все разночтения, связанные с простым аористом в древнерусских списках Паримейника (после адреса контекста в скобках ведется подсчет форм простого аориста, знак «+» обозначает совпадение с формой Гр, знак «-» – отсутствие совпадения). Разночтения приводятся на фоне Григоровичева паримейника с опорой на употребление Захариинского паримейника. Контексты по разным источникам даются полностью в случае расхождений в переводе, в других случаях – только аористные формы. Указываются соответствующие ветхозаветные чтения. Выносные буквы вставляются в строку в круглых скобках. В квадратных скобках приводятся плохо читаемые или нечитаемые графемы.

(1) Гр **внидж** бv1.4 (Исход 14: 22–23).

Зх

и сътв[о]ри море соушю · и р[а]/здѣлиса вода · и/ вънидоша снѣ[ε]/ излви посредѣ/ морѣ · по соухоу · [и]/ вода имъ стѣн[а]/ ѡ десноую · и ст[ѣ]/на ѡ шюую · и по/гнаша же кгоу//птѣне · и вънидоу/ въ слѣдѣ ихъ 9г–10а (1+).

Кз, Лз, Тр, Фд

и сътвори море соушѣ/ и раздѣлиса море./ и вънидоутъ снѣе/ излви посредѣ морѣ/ по соухоу·:/ И вода имъ стѣна о/ десноую. и стѣна/ о шюую. погна/ша же кгюптѣ/нѣ въ слѣдѣ ихъ Лз 94б (вторая форма отсутствует); створи море соушю · / и раздѣлиса вода и/ внидоша снѣе изрлѣ/ви посрѣде морѣ по/ соухоу · и вода имъ/ стѣна ѡ дѣсноую и/ стѣна ѡ шюую по/гнаша же кгюптѣ/нѣ за ними и вни/доша въ слѣдѣ ихъ Кз 5б; внидоша/ ... внидоша/ Фд 89в; Тр – чтение отсутствует.

В Лз представлена правка аористной формы, воспринятой как нулевой презенс-футурум, на регулярную форму с окончанием -тъ. Аналогичный пример в Зх с заменой **падоу** на **падоутъ** и комментарий см. ниже (контекст (2)).

(2) Гр **вѣрѣтошж** 7г5, **придж** 7г5 (Исход 15: 22–23).

Зх

и/ не вѣрѣтоу воды/ да бѣша пили · / придоша же въ/ мѣрьроу 10г (2-).

Кз, Лз, Тр, Фд

и не вѣрѣ/тахоу воды пити · / и придоша въ мѣ/рроу Кз 6а; Лз, Тр, Фд – чтение отсутствует.

(3) Гр **придж** 7г18.21, **въздвигнж** же сѣ 7г20 (Исход 15: 27; 16: 1).

Зх

и при/доу въ климъ · и/ вѣста тоу · вѣ · исто/чника водъ · и/ · ѡ · стѣль фни/къ · и ста-ша тоу/ при водахъ · въ/здвигоу же сѣ ѡ/ клима · и при/доу въ вьсь снѣь/мѣ снѣвъ излвъ · / въ поустыню си/нѣ 11б (3+, 4-, 5+).

Кз, Лз, Тр, Фд

и приведе га въ/ климъ и вѣ(ш) тоу · вѣ · / источника водъ и/ ѡ · стѣль фнѣнч/скъ · и сташа при во/дахъ въздвигоша/ же сѣ ѡ/ клима · и прі/ведоу въ вьсь снѣмъ/ снѣвъ излвъ · въ поустыню синѣ Кз 6б (1+); Лз, Тр, Фд – чтение отсутствует.

Форма 3-го л. мн. ч. Гр **въздвигнж** З. Рибаровой толкуется как презенс без окончания -тъ [Рибарова, 2005, с. 160]. Возможно, однако, рассматривать ее и как искаженную форму простого аориста с обобщением -н- основы, в отличие от закономерной формы Зх **въздвигоу**, поскольку она находится в окружении двух форм простого аориста.

(4) Гр **мимондж** 8г1 (Иисус Навин 3: 17).

Зх

и/ вьси снѣе излви · / мимондоу по соухоу 12б (6+).

Кз, Лз, Тр, Фд

и вь/си снѣе излви мимондоша по соухоу Лз 1в; мимондо/ша Кз 7б; Тр, Фд – чтение отсутствует.

(5) Гр – чтение отсутствует.

Зх

и ѡ/ всехъ гадъ соуци/хъ по земли · дѣ/ва дѣва · вѣни/доу къ нокви/ въ ковьчегъ · моу/жьскъ полъ и же/ньскъ · такоже/ за^{но}вѣда кмоу/ вѣ 81а (7-).

Кз, Лз, Тр, Фд

и ѿ всѣхъ га/дѣ нечистѣиыхъ соу/цихъ по земли дво/кѣ двою. вѣнидоша/ кѣ нокви въ ковьчегѣ. моужьскѣ полѣ/ и женьскѣ. такоже/ заповѣда кмѢ бѣ Лз 38г; внидоша Кз 51б; внидош(а) Тр 34в; внидоша Фд 21а.

(6) Гр внидж 35v13.16 (Бытие 7: 15–16).

Зх

и вси скоти на ро/дѣ · и всакъ гадѣ/ двизанса по зе/мли на родѣ · и вса/ка птица на ро/дѣ · вѣнидоу кѣ/ нокви въ ковьчегѣ · двою двою · ѿ всакоа плѣти/ въ неиже кетѣ/ дѣхъ животнѣи/и вѣходацаа/ моужьскѣ полѣ/ и женьскѣ · ѿ вса/коа плѣти вѣни/доу 84б (8+, 9+).

Кз, Лз, Тр, Фд

и вси звѣри/кѣ на родѣ. и всакъ/ гадѣ двизанса по/ земли на родѣ. и/ вса/ка птица на/ родѣ. и вѣнидоша/ въ ковьчегѣ. двою/ двою. ѿ всакоа/ плѣти въ неиже кетѣ дѣхъ животнѣи/и вѣходацаи./ моужьскѣ полѣ и/ женьскѣ. ѿ всако/а плѣти вѣнидо/ша кѣ нокви Лз 41б; Кз – чтение отсутствует; внидоша Тр 36б (вторая форма отсутствует); внидоша Фд 22г (вторая форма отсутствует).

(7) Гр придж 50v6 (Исайя 42: 9).

Зх

ни изво/лени мои/хъ истоука/ннѣхъ · таже/ испьрва се прѣ/доу 127в (10+).

Кз, Лз, Тр, Фд

изволени/и мои/хъ истоука/ннѣхъ · таже испьрва се приде Кз 69г; приде Фд 46а; Лз – чтение отсутствует; ни изволени мои/хъ/ истука/ннѣхъ та/же испьрва се при/доша Тр 56б.

(8) Гр възъидж 64v18.24 (Бытие 50: 7–9); придж 64v25 (Бытие 50: 10).

Зх

и вѣзи/де нисн/фѣ по/гретѣ ѿца сво/его · и вѣзи/доша с нимь ·/ вси штроци/ фараонови ·/ и старьци/ домоу его ·/ и вси старьци/ земля егоу/ птѣскы · и вси/ домашнии/ нисн/фови ·/ и братиа его ·/ и весь домъ ѿца его · а родѣ/ и скотѣ · и нѣ/тоу · встави/ша въ земли/ гесемьскѣ и/ вѣзидоша/ съ нимь коле/сница · и снѣ/зници и бы(сѣ)/ плѣкѣ вели/и зѣло · и при/доша на гоу/мно аната/дово · еже кетѣ въ о^{нѣ} полѣ/ крдана 162в–163а.

Кз, Лз, Тр, Фд

и вѣзи/де нисн/фѣ погретѣ оца своего./ и вѣзидоу съ нимь въ/си штроци фараови./ и старьци домоу его./ и вси старьци земля/ египтѣскы. и вси до/мовни нисн/фови и/ братиа его. и весь

до/мѣ оца его. и родѣ ѣ ско/тѣи. и ноутоу остави/ша въ земли ег/иптѣскѣ. и вѣзи/доу съ нимь колесни/ца и сѣноу/зници и/ бы(сѣ) плѣкѣ вели/и зѣ/ло. и придоу на гоу/мно стадово. еже естѣ о/Б онѣ полѣ иордана Лз 73а (1+, 2+, 3+); и н/зи/де нисн/фѣ погрѣ/тѣ ѿца своего · нзи/доша с нимь штроци фараонови · и/ старци домоу его ·/ и старци всеа земля/ египтѣскы · и/ весь домъ нисн/фовѣ ·/ и бра(тѣ)а его и весь до/мѣ ѿца его · ро(д) и ско/ти и ноу/та · встави/ша въ земли геси//мьскѣ · и вѣзидоша/ с нимь · колѣсницѣ/ и всадници · и бы(сѣ) плѣкѣ вели/и зѣло · и/ изидоша на гоу/мно/ ататова · еже кетѣ въ/б онѣ полѣ иордана Кз 89б–в; вѣзи/де нисн/фѣ погре/стѣ ѿца своего и взи/доша с нимь штроци/ фараонови · и старци до/му его и всеа земля(а)/ египтѣскы · и ве/сь домъ нисн/фовѣ и бра(тѣ)а его · и весь домъ ѿца своего · и родѣ и швц(а)/и волы встави/ша въ/землѣ гесемьскѣ · и/ сндоша с нимь шроу/жыа и всадници · и бы(сѣ)/ с нимь полѣ вели/и зѣ/ло · и придоша на гоу/мно/ ататова еже кетѣ въ/б онѣ полѣ иордана Тр 74г–75а; Фд – чтение отсутствует.

(9) Гр внидж 69r1 (Исход 1: 1).

Зх

кождо/ съ всѣмь домъ/мь своимь ·/ вѣнидоша 173б.

Кз, Лз, Тр, Фд

къждѣ съ въ/сѣмь домъ/мь своимь/ вѣнидоу Лз 77в (4+); кожѣ/до съ всѣмь домо/мь своимь внидо/ша Кз 94г; Тр, Фд – чтение отсутствует.

(10) Гр придж 70r7 (Иов 1: 6).

Зх

и/ се придоша ан/гли вѣи · прѣ/дѣстати прѣ/дѣ г(сѣ)мь. и ди/аволь приде/ съ ними 176б.

Кз, Лз, Тр, Фд

и се придоу ан/гли вѣи/и. прѣ/дѣстати прѣ/дѣ гмь. и дѣ/воль пр[и]/де съ ними Лз 78г (5+); при/доша Кз 96б; придоша Фд 68а; придоша Тр 81в.

(11) Гр въврѣжж (sic!) 82r31 (Иона 1: 15).

Зх

Чтение отсутствует.

Кз, Лз, Тр, Фд

и при/аша оноу. и въвѣр/ьгоу и въ море. и ста/ море отъ вѣз/моуце/ниа Лз 91б (6+); въвѣр/ьгоша Кз 113а; въвѣр/ьгоша Фд 84г; въвѣр/ькоша (sic!) Тр 96а.

(12) Гр идоста 53r20 (Бытие 22: 6).

Зх

и идете оба въ/коупѣ 134б (11-).

Кз, Лз, Тр, Фд

и идоста ова въкѸ/пѸ Лз 59б; и/доста Кз 73в; идо/ста Фд 50а; идо/ста Тр 59г.

Архаичная сама по себе форма простого аориста 3-го л. дв. ч. **идете** в Зх, кроме того, имеет окончание **-те**, относящееся к архаическому кирилло-мефодиевскому типу употребления.

(13) Гр **вѡрѡтъ** 77r11 (Исход 33: 13).

Зх

аще оубо вѡрѡтъхъ бл҃гдѣтъ/предѣ тобою /тави ми сѧ/ самъ 195г.

Кз, Лз, Тр, Фд

аще оубо /вѡрѡтъ бл҃г(д)тъ предѣ то/бою тави ми сѧ самъ Тр 90а (1+); **аще оубо вѡрѡтъхъ бл҃го/дѣтъ прѣдѣ тобою. ѡ/ви ми сѧ самъ** Лз 87б; **аще оубо вѡрѡтъхъ бл҃г(д)тъ/прѣ(д) тобою /тави ми/ сѧ самъ** Кз 106б; **вѡрѡтъхъ** Фд 79а.

(14) Гр **вѡрѡтъ** 77r20 (Исход 33: 16).

Зх

Чтение отсутствует.

Кз, Лз, Тр, Фд

и ка/ко разоумно воудеть/ въ истинуоу. **ако вѡрѡтъ/ бл҃годать прѣдѣ тобою./ азъ же и людие твои. нѣ/ градуцию тебе съ нами/ и прославимъсѧ** Лз 87б (7+); **ако разоумно вудеть во истинуоу /ако/ вѡрѡтъ бл҃г(д)тъ ѿ тебе /азъ же і людие твои /но градуцию тебе с нами/ прославимъсѧ** Тр 90б (2+); и како ра/зоумно вудеть въ/ истинуоу /ако вѡрѡтъхъ бл҃г(д)тъ ѿ тебе а/зъ и людие твои /нѣ/ градуцию ти с нами/ и прославимъсѧ Кз 106в; **вѡрѡтъхъ** Фд 79б.

В Тр можно предполагать в двух приведенных выше случаях обобщение причастной формы из соседнего контекста: **да/ вуду оубо вѡрѡтъ бл҃г(д)тъ/ предѣ тобою** Тр 90а. Г.А. Мольков приводит противоположный пример, когда в этом контексте, как и в соседних, обнаруживается аористная форма **вѡрѡтъ(х)** вместо причастной, которая ожидается в этом случае, в позднем списке 1585 г. [Мольков, 2017, с. 188, примеч. 17]. В наших источниках аналогичная картина наблюдается в двух паримейниках Козминской редакции – Кз и Фд, в которых причастная форма **спасъ** заменена на новосигматический аорист **спасоухъ** вместе с введением союза **и**. Основанием для такой ошибочной правки была исходная омонимия форм простого аориста 1-го л. ед. ч. и действительного причастия прошедшего времени муж. р. им. п. ед. ч.

(15) Гр: **спѣсъ же сѧ азъ единъ придѣ възвѣстити** 71r16 (Иов 1: 15).

Зх, Лз, Тр

спѣсъ/ же сѧ азъ уди/нѣи · придѡхъ · възвѣстити/тъ тебе Зх 179г; и **спѣсъ же/ сѧ единъ азъ придѡхъ/ възвѣстити/тъ тебе** Лз 80б; **спасъсѧ азъ уди/нѣ придѡхъ възвѣ/стити/тъ тебе** Тр 83б.

Кз, Фд

спѣс(о)хъ же сѧ азъ кдинъ /и придѡхъ възвѣ/стити/тъ тебе Кз 98а; **спѣсоухъ же сѧ/ азъ кдинъ и при/дѡхъ възвѣс/титъ/ тебе** Фд 69г–70а.

Этот контекст в паримии повторяется 4 раза, однако в третьем контексте в Гр содержится союз **и**, следовательно, употреблен простой аорист, неучтенный в перечне З. Рибаровой. В таком случае и в других рукописях при союзном употреблении здесь следует усматривать простой аорист. В Лз союзное употребление обнаруживается и в четвертом контексте, а в Зх встречается только в нем. В греческой Триоди в этой паримии в Страстную среду в первых двух контекстах читается причастие, а в третьем и четвертом – аорист (ГречТриодь):

(16) **Причастие** (Иов 1: 15, 16):

σωθεῖς δὲ ἐγὼ μόνος ἦλθον τοῦ ἀπαγγεῖλαι σοι ‘спасшись же я один, пришел возвестить тебе’.

Аорист (Иов 1: 17, 19):

ἔσωθην δὲ ἐγὼ μόνος καὶ ἦλθον τοῦ ἀπαγγεῖλαι σοι ‘спасся же я один и пришел возвестить тебе’.

(17) Гр: **спѣсъ же сѧ азъ единъ и придѣ възвѣ/стити** 71r26 (Иов 1: 17); **спѣсъ же сѧ азъ единъ придѣ въз(–)/стити** 71v1 (Иов 1: 19).

Зх, Лз, Тр

спѣсъ же сѧ/ азъ уди/нѣ · придѡхъ · възвѣстити/тъ тебе Зх 179г (третий контекст); **спѣс(с)ъ/ же сѧ азъ уди/нѣ и придѡхъ · възвѣстити/тъ тебе** Зх 180в (четвертый контекст) (12-); и **спѣсъ/ же азъ единъ и придѡхъ възвѣсти (sic!) тебе** Лз 80в (8+); **і спѣс(с)ъ/сѧ азъ единъ. и придѡхъ възвѣстити/тъ тебе** Лз 80г (9-); **спѣсъ же сѧ азъ/ кдинъ придѡхъ възвѣ/стити/тъ тебе** Тр 83б (третий контекст); **спѣсъ же сѧ азъ кдинъ/ придѡхъ възвѣстѣ/тъ (sic!) тебе** Тр 83в (четвертый контекст).

Кз, Фд

спѣсохъ же/ сѧ азъ кдинъ · и при/дѡхъ възвѣстити/тъ тебе Кз 98в (четвертый контекст, третий в рукописи пропущен); **спѣсоухъ же сѧ азъ/ кдинъ и при/дѡхъ възвѣс/титъ/ тебе** Фд 70б (четвертый контекст, третий в рукописи пропущен).

Формы простого аориста в данной паримии отчетливо разводят рукописи по четырем редакционным группам, включая древнейшую.

В Зх зафиксирован пример правки простого аориста, омонимичного именной форме причастия, на членное причастие.

(18) Гр възъдвигъ 52v9 (Исайя 11: 13).

Зх

азъ/ въздвигъи/ съ правдою ц(с)рѣ 132в.

Кз, Лз, Тр, Фд

азъ въздвигъи/гохъ съ правдою црѣ Лз 58б; азъ въздвигъи/гохъ с правдою ц(с)рѣ Кз 72в; въздвигъи/гохъ Фд 49а; азъ въздвигъи/гохъ правдою ц(с)рѣ Тр 59а.

(19) Гр възнесъ 14г3; Ѡвръгохъ сѣ 14г3–4 (Исайя 1: 2).

Зх

слыши/ нѣо и въноуши/ землк · тако г(с)в/ възъгласи · съ/ны родихъ и въз/несохъ · ти же/ сѣ Ѡвръгоу мѣ/нѣ 27г (13-).

Кз, Лз, Тр, Фд

Слыши нѣо и въноуши землѣ. тако гъ/ глѣ снѣи родихъ и/ възвѣсихъ. ти же/ сѣ Ѡвръгоша мнѣ Лз 10а; съ/слыши нѣо вноуши/ землѣ · тако гъ глѣ снѣи родихъ и възъ/несохъ · ти же Ѡвръ/рошасѣ мене Кз 18в; Фд – чтение отсутствует; слы/ши нѣо і вноуши земль/ь · тако г(с)в глѣ снѣи ро/дихъ і възнесохъ ти/ же мене не Ѡвръгош(а)/ сѣ (sic!) Тр 3б.

В последнем контексте наблюдается наиболее яркое в морфологическом и генетическом планах противопоставление: кирилло-мефодиевская форма простого аориста с вакернагелевским рядом энклитик **же сѣ Ѡвръгоу** в Зх, с одной стороны, и новый южнославянский тип аориста с окончанием имперфекта и постпозицией энклитики **Ѡвръгохъ сѣ** в Гр, с другой стороны. Это противопоставление подчеркивает связь Зх с первоначальным текстом Паримейника в ряде чтений – без сомнения, там, где используется простой аорист.

(20) Гр ищезъж 74г31 (Иеремия 12: 4).

Зх

Ѡ злобы/ живущици/хъ на земли · ищезноуша/ скоти и птица. такоже рѣ/ша. не види/тъ бѣ/ поуги/и нашихъ 188г.

Кз, Лз, Тр, Фд

Ѡ злобы живѣ/цихъ на земли. ищезоу/скоти и птица. ако/ рѣша. не оузрѣи/тъ бѣ/ поуги нашихъ Лз 84б (10+); Ѡ злобы// живущицихъ

на зем(л)и · ищезоша птициѣ а/ко рѣша · не оузрѣи/тъ бѣ/ поуги нашихъ Кз 102в–г; ищезоша Фд 75а; Ѡ злобы живущици(х) на неї · ищезноуша ско/ти і птица іхъ тако рѣ/ша не оузрѣи/тъ во поуги/нашихъ Тр 87б–в.

В приведенном чтении заметно влияние на Зх Семеновской редакции Паримейника, представителем которой является Тр.

(21) Гр падъж 10г2 (3 Царств 18: 39).

Зх

и падоу въ/си людк ници/ и рѣша въ исти/ноу г(с)в тѣ ксть бѣ 17б (14+).

Кз, Лз, Тр, Фд

и па/доша вси людк ници · и рѣша въ исти/ноу то ксть бѣ Кз 11в; и падоша вси/ людк ници и/ рѣша во истину/ тако то ксть г(с)дѣ бѣ Тр 135г; Лз, Фд – чтение отсутствует.

(22) Гр падъж 32v25 (Исайя 9: 9(10)).

Зх

высокомъ/ срѣдцемъ глѣще · плѣнти падоу/тъ · нѣ придѣте/ да оусѣчемъ ка/меник · и постѣ/чемъ соуками/ны · и тисик · и/ съзижемъ себе/ стѣлпъ 75б.

Кз, Лз, Тр, Фд

высоко/мъ ср(д)цѣмъ глѣще · плѣнти падоу · нѣ придѣте да оусѣчемъ/ каменик · и постѣ/чемъ соукаманы/ и тисик · и съзиже/мъ стѣлпъ Кз 48а (2+); падоу Фд 17а (1+); высокоихъ ср(д)цѣмъ глѣще плѣньфы паду/тъ · придѣте да постѣ/чемъ а · і съзижемъ/ собѣ столпъ Тр 31в–г; Лз – чтение отсутствует.

В Зх и Тр снова обнаруживаются одинаковые формы, что обусловлено одной из типичных ошибок при русификации текстов – смешения простого аориста с омонимичной формой нулевого презенса-футурума и добавления стандартной флексии презенса-футурума в 3-м л. мн. ч. Такая же причина ошибочной правки была отмечена в Лз в контексте (1) с заменой **вънидоу** на **вънидоутъ**. См. аналогичные примеры в древнерусских списках Паренесиса при замене простого аориста 3-го л. мн. ч. **изидоу**, **пр(ѣ)идоу** Типографского списка на регулярные формы презенса-футурума **изидоутъ**, **прендоутъ** в Академическом и Троицком списках и новосигматический аорист **изидоша**, **прѣидоша** в Погодинском списке, а также многочисленные случаи смешения аориста и нулевого презенса в 3-м л. ед. ч. [Zholobov, 2014, p. 127–133].

(23) Гр могж 29г1 (Исайя 7: 1).

Зх

възиде раасонъ/ц(с)рь ирамьскъ ·/и ·факен
снъ ро/медивъ · ц(с)рь/излвъ на икр/салимъ
въ бра/нь · и не могоу одо/лѣти кмоу 65в–г (15+).

Кз, Лз, Тр, Фд

възидѣ а/росонъ ц(с)рь арамь/скъ · и фекни
снъ ро/моуилевъ · ц(с)рь изр/лвъ · на крл(с)мъ
въ/брань · и не могоша/вдолѣти кмоу Кз 42а;
не могоша Фд 26в; Лз – чтение отсутствует; възиде/
асоронъ ц(с)рь арамьскъ/и факѣ снъ роме/лѣквѣ ·
и ц(с)рь излвъ/на кр(с)лмъ въ брань//и не могоша
вдолѣ/ти кму Тр 26б–в.

(24) Гр изнемогостѣ 55г17 (Бытие 27: 1).

Зх

Бы(с) по състарѣ/ни(и) исаковѣ ·// изне-
можетъ/вчи кго не видѣти 138г (16-).

Кз, Лз, Тр, Фд

Бы(с) по (с)старѣ/нии і/саковѣ. изне-
мо/госте очи его не/видѣти Лз 61в; Бы(с) по
състарѣ/ни исаковѣ · изне/м(г)оста вчи кмоу
не/видѣти Кз 76а; изнемогоста Фд 53а; Бы(с)
по старинѣ і/саковѣ · изнемогоста вчи кго ·/
не видѣти Тр 62а.

Здесь наблюдается еще один пример яркого контраста: в Зх сохранилась форма простого аориста 3-го л. дв. ч. с архаичным окончанием -те (в данном случае с графическим эффектом ь = ѳ, распространенным в новгородских источниках), а в Гр выступает сугубое поновление – новосигматический аорист и окончание -тѣ, являющиеся южнославянской инновацией маркировки окончания по немужскому роду.

(25) Гр въврѣже 10г9 (4 Царств 2: 21).

Зх

примѣте ми во/дочьрпъ новъ · и/
въсыплете тоу со/ль · и възаша · и/принесоша
к не/моу · и изиде и/кисѣи · на исходъ водъ ·
и въвь/ргоу тоу соль 17в (17-).

Кз, Лз, Тр, Фд

изиде кисѣи/въ исходъ водамъ ·/и
въврѣже тоу соль Кз 11в; Лз, Тр, Фд – чтение от-
сутствует.

Можно предположить, что чтение Зх вторично, несмотря на свою архаичность. В нем отразилось выравнивание предикативных форм по числу и обобщение плюрального деятеля – възаша · и/принесоша ... въвьргоу.

(26) Гр – утрата листов (Иоиль 2:22).

Зх

яко проза/боу пола поуѣты/ньнага 22г (18-).

Кз, Лз, Тр, Фд

яко прозабоша/ пола поуѣтынь/нага Лз 6в;
яко прозабоша/ пола постыньна/га (sic!) Кз 15в;
Тр, Фд – чтение отсутствует.

В Зх сохранился простой аорист прозабоу при новом сигматическом аористе прозабоша других списков.

Заключение

Результаты проведенного подробного анализа показали, что во всех рукописях встречаются такие диагностические архаические формы, как формы простого аориста, свидетельствующие о непосредственной связанности Паримейника с начальной книжной традицией. Вместе с тем количество и состав форм простого аориста в исследуемых рукописях значительно расходятся. В Захариинском паримейнике таких форм 18, и это самое большое количество в известных нам позднерусских источниках в целом. Наиболее показательным то, что, если 10 форм из 18 совпадают с формами Григоровичева паримейника, то по крайней мере в 6 случаях им соответствуют новые формы аориста в Григоровичевом паримейнике. Это свидетельствует о том, что Захариинский паримейник был в ряде чтений ближе к первоначальному тексту, чем источник древнейшей редакции – Григоровичев паримейник, сохранивший наибольшее количество форм простого аориста. Обращают на себя внимание в Захариинском паримейнике такие глубокие архаизмы, как формы простого аориста 3-го л. дв. ч. **идете** и **изнеможетъ** (где ь = ѳ). В двух случаях поновления Захариинского и Троицкого паримейников вместе противопоставлены чтениям других источников, что доказывает факт влияния Семеновской редакционной группы текстов на Захариинский тип. Довольно много простых аористов (10 форм), несмотря на утраты листов, обнаружено в Лазаревском паримейнике, принадлежащем к древнейшей редакционной группе, так что этот текст должен пополнить список источников с большим количеством простых аористов. Все формы в нем оказались тождественными формам простого аориста в Григоровичевом

паримейнике. Козминский и Федоровский II паримейники объединены одной формой простого аориста **падоу**, а Троицкий I паримейник включает две формы простого аориста 1-го л. ед. ч. **обрътъ** в тождественных контекстах, которые представлены также в Григоровичевом паримейнике. Русифицирующая правка простых аористов в случаях типа **придоу vs придоутъ** и **въздвигъ vs въздвигъи** обусловлена омонимией простого аориста и нулевых форм презенса-футурума, а также омонимией простого аориста и причастий.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполняется при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-512-18001 «Средневековые тексты в современном контексте (новые методы и принципы представления средневековых текстов сегодняшним пользователям)».

The study is given a financial support by The Russian Foundation for Basic Research, the research project no. 20-512-18001 entitled “Medieval Texts in the Contemporary Context (Modern Methods and Principles of Presentation of Medieval Texts to the Nowadays Users)”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ван-Вейк Н., 1957. История старославянского языка. М. : Изд-во иностр. лит. 368 с.
- Елизаренкова Т. Я., 1982. Грамматика ведийского языка. М. : Наука. 439 с.
- Живов В. М., 2006. Восточнославянское правописание XI–XIII века. М. : Яз. слав. культуры. 312 с.
- Жолобов О. Ф., 2017а. Древнерусская грамматика: простые претериты и praesens historicum. Казань : Изд-во Каз. ун-та. 190 с.
- Жолобов О. Ф., 2017б. Язык древнеславянской проповеди: неординарность глагольной морфологии в гомилиях Кирилла Туровского // *Словѣне*. Т. 6, № 2. С. 137–162.
- Жолобов О. Ф., 2020. Диагностические глагольные формы в древнерусских паримейниках и Толстовском сборнике XIII в. // *Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова*. № 1 (23). С. 88–105.
- Киас В., 1955. Положение исследования в области византийско-славянского паримейника // *Byzantinoslavica*. [Vol.] XVI (2). С. 374–376.
- Мейе А., 2000. Общеславянский язык. М. : Прогресс. 500 с.
- Мольков Г. А., 2017. Простой аорист в древнерусской письменности // *Русский язык в научном освещении*. № 1 (33). С. 179–195.
- Паймина О.С., 2012. Языковые особенности Троицкого сборника XII–XIII вв. : дис. ... канд. филол. наук. Казань. 326 с.
- Пентковский А. М., 2019. Славянский перевод Евангелия и его использование в богослужении в IX (посл. треть) – XI вв. // *Наслеђе и стварање. Свети Ћирило. Свети Сава: 869–1219–2019*. [Т.] 1. Београд : [б. и.]. С. 73–148.
- Пичхадзе А. А., 1991. К истории славянского паримейника (паримейные чтения книги Исход) // *Традиции древнейшей славянской письменности и языковая культура восточных славян*. М. : [б. и.]. С. 147–173.
- Пичхадзе А. А., 1998. Книга «Исход» в древнеславянском паримейнике // *Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова*. № 4. С. 5–60.
- Рибарова З., 2005. Јазикот на македонските црквенословенски текстови. Скопје : МАНУ. 245 с.
- Рибарова З., Хауптова З., 1998. Григоровичев паримейник. I. Текст со критички апарат. Скопје : МАНУ. 452 с.
- Семереньи О., 1980. Введение в сравнительное языкознание. М. : Прогресс. 408 с.
- Јовановић-Стипчевић Б., 2005. Београдски паримейник. Почетак XIII века. Текст са критичким апаратом. Београд : Народна библиотека Србије. 495 с.
- Mareš F. V., 1988. Udział sw. Metodego w początkach pismennictwa słowiańskiego // *Zeszyty naukowe wydziału humanistycznego. Sławistika* 5, Uniwersytet Gdański. № 5. S. 15–22.
- Poldauf I., 1956. Indo-European Personal Endings. A Study of the Channels of Morphological Development // *Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft*. [Bd.] 9 (2). S. 156–168.
- Vondrák V., 1912. Altkirchenslavische Grammatik. Berlin : Weidmannsche Buchhandlung. 656 S.
- Zholobov O. F., 2014. On Reflexes of *ti*- and *t*-Forms of Verbs in Ancient Russian // *Russian Linguistics*. Vol. 38, no. 1. P. 121–163.
- Zholobov O. F., 2016. The Synthetic Indicative in Cyril and Methodius’ Sources (The Internet Edition of the Paroemiaron Zacharianum Dating from 1271) // *Russian Linguistics*. Vol. 40, № 2. P. 153–172.

ИСТОЧНИКИ

Казанская коллекция 2007–2022 – Казанская коллекция славяно-русских памятников письменности XII–XIV вв. / Каз. федер. ун-т, Лаб. палеославистики, при поддержке ИАС «Манускрипт». 2007–2022. URL: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>

- Гр* – Григоровичев паримейник, XII–XIII вв. // Рибарова З., Хауптова З. Григоровичев паримейник. I. Текст со критички апарат. Скопје : МАНУ, 1998. С. 1–417. Место хранения документа: РГБ. Григ. 2. 104 л.
- ГречТриодъ* – ΤΡΙΩΔΙΟΝ. URL: <https://glg.goarch.org/texts/Tri/t04.html>
- Зх* – Захариинский паримейник 1271 г. // РНБ. Q.п.І.13. 264 л.
- Кз* – Козминский паримейник 1313 г. // РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Тип. 61. 151 л.
- Лз* – Лазаревский (Сковородский) паримейник, XII в. // РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Тип. 50. 126 л.
- Тр* – Троицкий I паримейник, XIV в. // РГБ. Ф. 304/І. № 4. 142 л.
- Фд* – Федоровский II паримейник, XIII в. // РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Тип. 60. 107 л.

REFERENCES

- Van Wijk N., 1957. *Istoriya staroslavjanskogo yazyka* [History of Old Church Slavonic]. Moscow, Izd-vo inostr. lit. 368 p.
- Elizarenkova T.Ya., 1982. *Grammatika vedijskogo yazyka* [Grammar of the Vedic Language]. Moscow, Nauka Publ. 439 p.
- Zhivov V.M., 2006. *Vostochnoslavjanskoe pravopisanie XI–XIII veka* [East Slavic Spelling of the 11th – 13th Centuries]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 312 p.
- Zholobov O.F., 2017a. *Drevnerusskaya grammatika: proste preterity i praesens historicum* [Old Russian Grammar: Simple Preterites and Praesens Historicum]. Kazan, Izd-vo Kaz. un-ta. 190 p.
- Zholobov O.F., 2017b. *Yazyk drevneslavjanskoj propovedi: neordinarnost glagolnoj morfologii v gomilyakh Kirilla Turovskogo* [Old Slavic Sermon Language: The Extraordinary Nature of Verb Morphology in Cyril Turovskij's Homilies]. *Slověne*, vol. 6, no. 2, pp. 137-162.
- Zholobov O.F., 2020. *Diagnosticheckie glagolnye formy v drevnerusskikh parimeinikakh i Tolstovskom sbornike XIII v.* [Diagnostic Verb Forms in Old Russian Paroemiarions and the 13th-Century Tolstovskiy Sbornik]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute], no. 1 (23), pp. 88-105.
- Kias V., 1955. *Polozhenie issledovaniya v oblasti vizantijsko-slavjanskogo parimejnika* [Situation of Research in the Field of the Byzantine-Slavic Parimejnik]. *Byzantinoslavica*, vol. 16 (2), pp. 374-376.
- Meillet A., 2000. *Obshchoslavjanskij yazyk* [Pan-Slavic Language]. Moscow, Progress Publ. 500 p.
- Molkov G.A., 2017. *Prostoy aorist v drevnerusskoj pismennosti* [The Root Aorist in Old Russian Monuments]. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 1 (33), pp. 179-195.
- Paymina O.S., 2012. *Yazykovye osobennosti Troitskogo sbornika XII–XIII vv.: dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic Features of the Trinity Collection from the 12th – 13th Centuries. Cand. philol. sci. diss.]. Kazan, s.n. 326 p.
- Pentkovskiy A.M., 2019. *Slavyanskiy perevod Evangelija i ego ispolzovanie v bogoslužhenii v IX (posl. tret) – XI vv.* [Slavic Translation of the Gospel and Its Use in Worship in the 9th (Last Third) – 11th Centuries]. *Nasleđe i stvaranje. Sveti Ćirilo. Sveti Sava: 869–1219–2019. T. 1* [Heritage and Creation. Saint Cyril. Saint Sava: 869–1219–2019. Vol. 1]. Belgrade, s.n. pp. 73-148.
- Pichkhadze A.A., 1991. *K istorii slavyanskogo parimejnika (parimejnye chteniya knigi Iskhod)* [To the History of the Slavic Parimejnik (Parimean Readings of the Book Exodus)]. *Traditsii drevneyshey slavyanskoy pismennosti i yazykovaya kultura vostochnykh slavyan* [Traditions of the Most Ancient Slavic Writing and the Language Culture of the Eastern Slavs]. Moscow, s.n., pp. 147-173.
- Pichkhadze A.A., 1998. *Kniga «Iskhod» v drevneslavjanskom parimejnike* [The Book “Exodus” in the Old Slavonic Parimejnik]. *Uchenye zapiski Rossijskogo pravoslavnogo universiteta ap. Ioanna Bogoslova*, no. 4, pp. 5-60.
- Ribarova Z., 2005. *Jazikot na makedonskite crkvnoslovenski tekstovi* [The Language of the Macedonian Church Slavonic Texts]. Skopje, MANU Publ. 245 p.
- Ribarova Z., Hauptova Z., 1998. *Grigorovičev parimejnik. I. Tekst so kritički aparat* [Grigorovich's Parimejnik. I. Text with a Critical Apparatus]. Skopje, MANU Publ. 452 p.
- Szemerényi O., 1980. *Vvedenie v sravnitelnoe yazykoznanie* [Introduction to Comparative Linguistics]. Moscow, Progress Publ. 408 p.
- Jovanović-Stipčević B., 2005. *Beogradski parimejnik. Pochetak XIII veka. Tekst sa kritičkim aparatom* [Belgrade Parimejnik. The Beginning of the 13th Century. A Text with a Critical Apparatus]. Belgrade, Narodna biblioteka Srbije. 495 p.
- Mareš F.V., 1988. *Udział sw. Metodego w początkach pismennictwa słowiańskiego. Zeszyty naukowe wydziału humanistycznego. Sławistika 5, Uniwersytet Gdański*, no. 5, s. 15-22.
- Poldauf I., 1956. *Indo-European Personal Endings. A Study of the Channels of Morphological Development. Zeitschrift für Phonetik und*

- allgemeine Sprachwissenschaft*, Bd. 9 (2), S. 156-168.
- Vondrák V., 1912. *Altkirchenslavische Grammatik*. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung. 656 S.
- Zholobov O.F., 2014. On Reflexes of ti- and t-Forms of Verbs in Ancient Russian. *Russian Linguistics*, vol. 38, no. 1, pp. 121-163.
- Zholobov O.F., 2016. The Synthetic Indicative in Cyril and Methodius' Sources (the Internet Edition of the Paroemiaron Zacharianum Dating from 1271). *Russian Linguistics*, vol. 40, no. 2, pp. 153-172.
- SOURCES**
- Kazanskaya kolleksiya slavyano-russkikh pamyatnikov pismennosti XII–XIV vv.* [Kazan Collection of Slavic-Russian Written Monuments of the 12th – 14th Centuries], 2007–2022. URL: <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=54>
- Grigorovichev parimejnik, XII–XIII vv. [Grigorovichev Parimejnik, 12th – 13th Centuries]. Ribarova Z., Hauptova Z. *Grigorovichev parimejnik. I. Tekst so kritichki aparat* [Grigorovichev Parimejnik. I. Text with a Critical Apparatus]. Skopje, MANU Publ., 1998, pp. 1-417. Storage location of the document: RGB [State Library of Russia]. Grig. 2. 104 l.
- Triodion*. URL: <https://gl.goarch.org/texts/Tri/t04.html>
- Zakharinskiy parimejnik 1271 g. [Zacharia's Parimejnik, 1271]. *RNB* [National Library of Russia], Q.p.I.13. 264 l.
- Kozminskiy parimejnik, 1313. [Kozma's Parimejnik, 1313]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 381, inv. 1, tip. 61. 151 l.
- Lazarevskiy (Skovorodskiy) parimejnik, XII v. [Lazar's Parimejnik, 12th Century]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 381, inv. 1, tip. 50. 126 l.
- Troitskiy I parimejnik, XIV v. [Troitsa I Parimejnik, 14th Century]. *RGB* [Russian State Library], f. 304/I, no. 4. 142 l.
- Fedorovskiy II parimejnik, XIII v. [Fyodor II Parimejnik, 13th Century]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 381, inv. 1, tip. 60. 107 l.

Information About the Author

Oleg F. Zholobov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Applied and Experimental Linguistics, Kazan Federal University, Kremlevskaya St, 18, 420008 Kazan, Russia, ozolobov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7178-1890>

Информация об авторе

Олег Феофанович Жолобов, доктор филологических наук, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, ozolobov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7178-1890>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.3>

UDC 81'42:26-24
LBC 81.055.1

Submitted: 18.07.2022
Accepted: 19.09.2022

REPRESENTATION AND ANALYSIS OF CONTENT STRUCTURE ELEMENTS IN SAINT PETERSBURG CORPUS OF HAGIOGRAPHIC TEXTS (SCAT)

Elena A. Rogozina

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. SCAT is a digital corpus of Old Russian hagiographic texts of 15th–17th centuries created at the Department of Mathematical Linguistics of Saint Petersburg State University. The project involved the introduction of morphological and syntactic markup as well as markup of content structure elements. The first task was to markup meaningful parts (or chapters). The analysis of the texts, which constitute the corpus, allowed to establish a plot structure common to the texts. Markup of the plot components and creation of tables of contents provided an opportunity to work with certain parts of texts and compare similar chapters in different texts. Another task within the framework of the project implied research and markup of biblical, patristic and liturgical quotes in corpus texts. The study of quote distribution in texts and different chapters of the plot enabled the author to reveal the trends in the use of quotes and define the quotes typical of certain parts of the plot. One more task involved markup of repeating text fragments. Research on the texts of SCAT corpus disclosed numerous text excerpts reproduced by different authors. Such extracts are being marked up and links to the original texts are provided. The markup allows to create a register of such fragments, thus simplifying further research of new texts.

Key words: text corpus, hagiography, plot structure, quote, XML markup.

Citation. Rogozina E.A. Representation and Analysis of Content Structure Elements in Saint Petersburg Corpus of Hagiographic Texts (SCAT). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 6, pp. 30-46. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.3>

УДК 81'42:26-24
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 18.07.2022
Дата принятия статьи: 19.09.2022

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ И АНАЛИЗ ЭЛЕМЕНТОВ СТРУКТУРЫ СОДЕРЖАНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ КОРПУСЕ АГИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (СКАТ)

Елена Андреевна Рогозина

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. СКАТ – электронный корпус агиографических древнерусских текстов XV–XVII вв., созданный на кафедре математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета. В текстах корпуса вводится морфосинтаксическая разметка, а также активно ведется работа по разметке содержательных элементов. В статье охарактеризованы принципы разметки смысловых разделов. Представлен результат анализа входящих в корпус текстов, позволивший выявить общую для них сюжетную схему. Показано, что разметка сюжетных элементов и создание оглавлений дают возможность работать с отдельными разделами и сравнивать одинаковые разделы в разных текстах. Осуществлен поиск и разметка библейских, святоотеческих и литургических цитат в текстах корпуса. Изучение распределения цитат по текстам и сопоставление цитат с размеченными разделами позволили установить закономерности в использовании цитат и обнаружить цитаты, характерные для определенных разделов житий. Описаны принципы разметки повторяющихся фрагментов текстов. В житиях корпуса СКАТ обнаружены многочисленные текстовые фрагменты, воспроизводимые разными авторами. Такие фрагменты размечаются с указанием ссылки на первоисточник. Эта разметка позволяет постепенно накопить реестр подобных фрагментов и делает возможным их выделение в других текстах.

Ключевые слова: лингвистический корпус, агиография, сюжетная схема, цитата, XML-разметка.

Цитирование. Рогозина Е. А. Представление и анализ элементов структуры содержания в Санкт-Петербургском корпусе агиографических текстов (СКАТ) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 6. – С. 30–46. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.3>

Введение

СКАТ – электронный корпус агиографических древнерусских текстов XV–XVII вв., созданный на кафедре математической лингвистики Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). Работа над ним началась еще в 70-х гг. XX в., и на данный момент корпус содержит более 50 житий общим объемом свыше 500 тысяч словоупотреблений. Более подробную информацию о корпусе СКАТ можно найти на веб-странице, посвященной проекту (<http://project.phil.pu.ru/skat/>), где также представлены 13 житийных текстов в формате XML и PDF. Кроме того, 22 жития общим объемом порядка 185 000 словоупотреблений представлены на веб-странице текстометрической платформы ТХМ лионской лаборатории IHRIM: <https://txm-cactus.huma-num.fr>.

Помимо публикации текстов житий, в рамках проекта ведется исследование собранных материалов и работа по структурированию текста в формате XML. На сайте проекта представлен электронный словоуказатель, который позволяет осуществлять поиск словоформ по всему корпусу текстов (подробно об этой функции см.: [Азарова, Алексеева, 2008]). Для текстов корпуса также вводится морфологическая разметка с указанием не только частей речи, но и типа склонения, рода, падежа и числа для существительных и прилагательных; времени, спряжения, лица, числа для глагольных форм и т. д. Ведется работа и над синтаксической разметкой [Алексеева, Азарова, 2013]. Кроме того, вводится разметка содержательных элементов. Она осуществляется на основе международных норм оформления электронных изданий текста, в частности Text Encoding Initiative (TEI) (<https://tei-c.org/>).

Материал и методы

Занимаясь выявлением и разметкой содержательной структуры текста, следует учитывать отмеченный Д.С. Лихачевым факт, что

композиция житий подчиняется определенным канонам и литературному этикету [Лихачев, 1961]. Помимо трех основных частей: зачина, рассказа о жизни святого и рассказа о совершенных им чудесах, можно выявить схему с более подробным членением, характерную для большинства житийных текстов.

Это обусловлено тем, что при создании агиографического текста зачастую использовался прием сопоставления описываемого святого с его «агиологическим образцом» (или «агиотипом») [Панченко, 2003]: автор жития выбирает одного из уже известных святых, которому и уподобляет героя своего текста. Это сопоставление может осуществляться либо в форме вербального сравнения, либо путем создания нового жития по подобию уже существующего. Готовый текст используется как своего рода шаблон, в котором имеющиеся позиции (второстепенные персонажи, элементы сюжета и т. п.) замещаются новыми образами и заполняются конкретным содержанием. Как отмечал В.О. Ключевский, «получив... образцы агиобиографии, русские слагатели житий однообразно подражали им и в литературных приемах, и в понимании исторических явлений» [Ключевский, 2003, с. 141] и таким образом «житие превратилось в стройное и сложное архитектурное здание, в однообразные формы которого стремились облекать разнообразные исторические явления» [Ключевский, 2003, с. 299]. В результате применения этого подхода сложилась каноническая схема жития, которая переходила из текста в текст.

Следует отметить, что при использовании приема уподобления агиологическому образцу заимствуется не только композиционная схема – из текста с описанием агиотипа могут копироваться целые фрагменты. Иногда они оформляются как явные цитаты, в других случаях обнаружить их можно только при сопоставлении текстов. В текстах житий встречаются цитаты и из других источников, а также устойчивые формулы, сравнения и литературные приемы. Использование подобных топосов весьма характерно для аги-

ографических текстов [Руди, 2005], и зачастую их употребление связано с композицией: те или иные цитаты и клише регулярно появляются в определенных разделах житий.

Учитывая перечисленные особенности житийных текстов, можно ввести три вида содержательной разметки: разметка композиционных элементов (глав), разметка цитат и разметка повторяющихся фрагментов.

В первую очередь для текстов житий вводится разметка композиционных элементов. Зачастую автор жития сам разбивает текст на главы, выделяет части заголовками или буквицами. Однако деление дается не всегда, и в авторской главе может содержаться несколько различных сюжетов. Чтобы обеспечить удобный поиск по текстам и возможность анализа тех или иных элементов, вводится дополнительное деление на смысловые разделы.

Тексты, входящие в корпус СКАТ, представляют собой жития преподобных, и можно было рассчитывать на наличие общих черт в их композиции, поскольку «тип подвига святого... определяет особенности композиционной структуры и поэтики его жития» [Руди, 2006, с. 431]. Характерное для житий преподобных развитие сюжета описывал В.В. Кусков: «Герой происходил, как правило, от благочестивых родителей и с момента своего рождения строго соблюдал посты, чуждаясь детских игр; быстро овладевал грамотой и предавался чтению божественных книг, уединяясь, размышлял о бренности жизни; отказывался от брака, уходил в пустынные места, становился монахом и основывал там обитель; собирал вокруг себя братию, наставлял ее; преодолевал различные бесовские искушения: злокозненные бесы являлись святому в облике диких зверей, разбойников, блудниц и т. п.; предсказывал день и час своей кончины и благочестиво умирал; после смерти тело его оставалось нетленным, а мощи оказывались чудотворными, даруя исцеление недужным» [Кусков, 1982, с. 7].

Опираясь на понимание этих принципов, мы выявили общую для корпуса схему построения сюжета житий, включающую в себя элементы трех уровней.

На первом уровне выделены наиболее крупные элементы сюжета – блоки, в кото-

рых описаны основные события в жизни святого (рождение, учение, уход в монастырь и т. д.). К этому уровню отнесены также введение и заключение. Получена следующая схема:

ВСТУПЛЕНИЕ
 РОДИТЕЛИ
 РОЖДЕНИЕ И МЛАДЕНЧЕСТВО
 УЧЕНИЕ
 ВОЗДЕРЖАНИЕ
 РЕШЕНИЕ УЙТИ В МОНАСТЫРЬ
 МОНАСТЫРЬ
 ОСНОВАНИЕ МОНАСТЫРЯ
 РАСШИРЕНИЕ МОНАСТЫРЯ
 КОНЧИНА
 ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Далеко не во всех житиях представлены все перечисленные блоки. Например, если отсутствует информация о жизни святого до пострига, то рассказ о родителях, о младенчестве и учении может опускаться.

Некоторые блоки могут повторяться в тексте несколько раз. Прежде всего это относится к той части жития, где описывается жизнь святого после пострига. Например, если святой после пострига переходил из одного монастыря в другой, то в житии может несколько раз повторяться блок «Монастырь».

Каждый из блоков подразделяется на более мелкие компоненты, которые образуют второй уровень. Приведем в качестве примера компоненты, входящие в блок «Монастырь» (см. таблицу).

Так же, как и блоки, отдельные компоненты в конкретном тексте могут опускаться или повторяться при необходимости.

На третьем уровне выделены «плавающие» модули, у которых нет фиксированного места в сюжетной схеме: они могут появляться внутри любых компонентов или блоков либо между ними. Таких модулей пять: «Наставник», «Монашеский подвиг», «Чудо», «Интермедия (риторика / летопись)» и «Быт».

НАСТАВНИК: рассказ о встрече святого с уже известным святым / наставником / архиереем и получении от него благословения; либо, наоборот, о благословении святым другого святого / монаха.

Сюжетная схема житий

Plot structure of hagiographic texts

Блоки уровня 1	Компоненты уровня 2
ВСТУПЛЕНИЕ РОДИТЕЛИ РОЖДЕНИЕ И МЛАДЕНЧЕСТВО УЧЕНИЕ ВОЗДЕРЖАНИЕ РЕШЕНИЕ УЙТИ В МОНАСТЫРЬ МОНАСТЫРЬ ОСНОВАНИЕ МОНАСТЫРЯ РАСШИРЕНИЕ МОНАСТЫРЯ КОНЧИНА ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ЗАКЛЮЧЕНИЕ	Приход в монастырь Постриг Добродетельное служение Слава и почести Желание уединения и уход из монастыря

МОНАШЕСКИЙ ПОДВИГ: рассказ о деяниях святого (противостояние бесовским козням / вразумление или наставление грешников на путь истинный и т. п.).

ЧУДО: описание как прижизненных (например, пророчества), так и посмертных (например, чудесные исцеления над гробом святого) чудес.

БЫТ: описание повседневной жизни монастыря, работы в поле и т. п.

ИНТЕРМЕДИЯ: этот модуль не всегда связан с жизнью святого. Выделяется два подтипа интермедий: авторские рассуждения о событиях жития (риторика) и описание исторических событий того времени, например военных походов (легопись).

Первые четыре модуля, как правило, встречаются в той части, которая повествует о монашеском служении святого. Последний модуль может встречаться в любой части текста.

XML-разметка такой трехуровневой сюжетной схемы позволяет создать для каждого размеченного жития в корпусе своего рода оглавление, с помощью которого можно, как по веб-ссылке, переходить к нужному разделу текста. Это значительно облегчает поиск. Кроме того, появляется возможность сопоставлять и анализировать аналогичные разделы в разных текстах и находить характерные для них языковые особенности, например от-

слеживать использование тех или иных цитат и клише.

В житийных текстах встречается довольно много цитат из различных источников. Основную часть составляют цитаты из Библии, но есть также цитаты из сочинений Отцов Церкви (например, в размеченных текстах корпуса встретились цитаты из Иоанна Златоуста, Василия Великого) и из литургических текстов [Азарова и др., 2019].

Цитаты различаются по размеру, по характеру и по тому, как они вводятся в текст. Все эти особенности учитываются в XML-разметке.

Нами выделены три способа представления цитат в тексте. Во-первых, цитата может вводиться выражением, в котором содержится указание на источник цитаты. Например, *рече господь* указывает на цитату из Евангелия, а *рече пророк Давид* – на цитату из Псалтири. Во-вторых, цитата может быть введена общим выражением, например *якоже пишется* или *сказано бо есть*. В третьем случае цитата формально никак не выделяется в тексте, а органично вписывается в повествование. Для всех этих случаев предусмотрены разные варианты разметки.

В ходе работы мы выделили три типа цитат: точная цитата, видоизмененная цитата и аллюзия.

Точной мы считаем цитату, в которой текст используется в том же виде, что и в пер-

воисточнике. К этому типу также относятся случаи цитирования с небольшими изменениями. Например, когда изменяется время глагола или падеж существительного, чтобы адаптировать цитату и вписать ее в текст жития. Так, в строке *и присно с теми съи их же нога ста на правоте* точно приводится цитата из Псалтири *нога ста на правоте*.

В видоизмененной цитате текст первоисточника может воспроизводиться в сокращенном виде, элементы цитируемого текста могут меняться местами, а отдельные слова могут заменяться на синонимы. Например, во фразе из жития *си суть пощение молитва от чиста сердца... и любовь по Бозе нелицемерна* цитата из 2-го послания к Коринфянам *в любви нелицемерне* адаптирована к контексту.

Третий тип цитат – аллюзия. В этом случае конкретный фрагмент текста первоисточника не цитируется, но дается отсылка к какому-либо его эпизоду. Например, во фразе *но да не и мы впадем в осуждение раба оного, погребшаго в земли талант* содержится отсылка к притче из Евангелия от Матфея, поэтому слова *раба оного, погребшаго в земли талант* мы также размечаем как цитату с указанием типа: «аллюзия».

Для обозначения начала и конца цитат используется тег `<q></q>`, у которого есть ряд удобных для разметки атрибутов. Основным из них является атрибут «source». Он используется в разметке всех типов цитат, потому что позволяет указать «адрес» цитируемого фрагмента. Для Библии это название книги, номер главы и стиха. Например, для приведенной выше цитаты *нога ста на правоте* указывается источник `source="BQ:PSA25:12"`. При цитате-аллюзии указывается весь диапазон стихов, в которых содержится притча, например `source="BQ:MAT25:14-30"`.

Результаты и обсуждение

Совмещая разметку элементов содержания и разметку цитат, мы можем отслеживать, как цитаты распределяются по тексту жития, для каких разделов характерно обилие цитат, а в каких цитаты не используются. Можно также выявлять типичные цитаты, которые характерны для определенного раздела и повторяются из текста в текст (часть цитат размечена на основе данных работы М.К. Кузьминой [2017]).

На данный момент в корпусе СКАТ сюжетная схема и цитаты размечены в четырех текстах: житиях Димитрия Прилуцкого, Григория Пельшемского, Дионисия Глушицкого и Корнилия Комельского. Эта разметка позволяет проводить сравнения и делать определенные выводы.

Прежде всего следует отметить, что тексты значительно различаются по объему и по количеству цитат. В Житии Димитрия Прилуцкого (ДП) зафиксировано около 5 000 словоупотреблений, в Житии Григория Пельшемского (ГП) – около 7 100 словоупотреблений, в Житии Дионисия Глушицкого (ДГ) – около 10 800 словоупотреблений, а в Житии Корнилия Комельского (КК) – около 13 200 словоупотреблений. Однако, как показывают результаты разметки, количество цитат в тексте не зависит от его объема (см. рис. 1).

Диаграмма на рисунке 1 показывает количество цитат в каждом из размеченных текстов. Для каждого жития первый столбец диаграммы демонстрирует общее число цитат в тексте, второй столбец – число цитат из Ветхого Завета (ВЗ), третий столбец – число цитат из Нового Завета (НЗ), а четвертый – число цитат из других источников.

Больше всего цитат встретилось в тексте Жития Григория Пельшемского, которое является далеко не самым большим по объему. В самом большом по количеству словоупотреблений Житии Корнилия Комельского число цитат сопоставимо с числом цитат в самом маленьком по объему Житии Димитрия Прилуцкого.

Совмещение разметки цитат с разметкой сюжетной схемы позволяет сделать некоторые выводы о распределении цитат по смысловым разделам. Использование цитат наиболее характерно для содержательных разделов «Введение» и «Интермедия (риторика)» (рассуждения автора текста), а также для разделов «Добродетельное служение» и «Монашеский подвиг» (в наставлениях преподобного к братии или мирянам часто содержатся цитаты). Реже всего цитаты встречаются в разделах «Чудо» – в них обычно только описывается последовательность событий.

Для дальнейшего анализа текстов мы используем программное обеспечение с открытым кодом ТХМ, разработанное лабораторией IHRIM (Institut d'Histoire des Représentations et

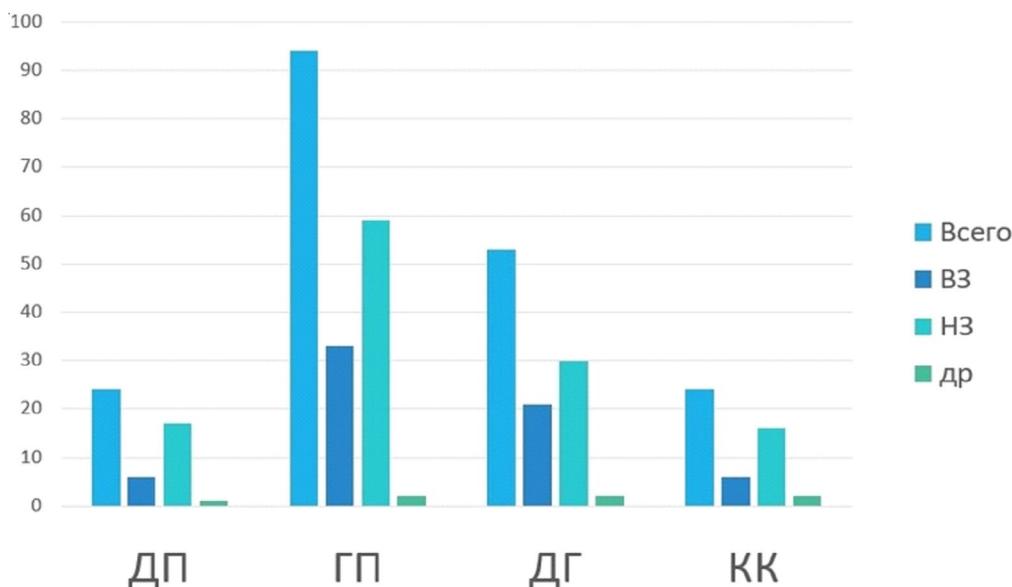

Рис. 1. Количество цитат в текстах житий

Fig. 1. Number of quotes in hagiographic texts

des Idées dans les Modernités) в Лионе. Эта текстометрическая платформа позволяет исследовать размеченные файлы с использованием различных инструментов для выявления закономерностей использования тех или иных элементов структуры содержания. Ознакомиться с ее возможностями можно на веб-портале: <https://txm-sactus.huma-num.fr>. Можно также установить полную версию платформы ТХМ на компьютер и получить доступ ко всем функциям.

Прежде всего ТХМ позволяет представить текст жития с размеченными цитатами и разделами в удобном для пользователя виде; цитаты в тексте подсвечиваются (см. рис. 2).

Далее можно составить конкорданс цитат с помощью запроса на языке CQL (см. рис. 3). Слева указан адрес цитаты в тексте. Если выбрать цитату в конкордансе щелчком мыши, то отобразится визуализация фрагмента жития, в котором выделены все слова цитат.

Помимо собственно представления и поиска платформа ТХМ предлагает и другие инструменты анализа, такие как прогрессия, специфичность и анализ соответствий.

Прогрессия показывает увеличение числа цитат по мере чтения текста (см. рис. 4).

На графике слева показана прогрессия по первому слову в цитатах (то есть по числу цитат). По оси *X* указано количество словоупотреблений. В данном случае оно начинается с цифры 84 000, потому что платформа ТМХ анализирует

весь корпус, а Житие Дионисия Глушицкого, для которого построен этот график, не является первым в корпусе. Показатель $T = 10\ 827$ указывает количество словоупотреблений в данном тексте. По оси *Y* указано количество цитат.

Программа проверяет все слова по направлению чтения текста: от первого слова до последнего. Когда встречается слово, которое является первым словом цитаты, график поднимается на одно деление вверх. Таким образом, мы двигаемся по тексту и отслеживаем, с какой «скоростью» увеличивается число цитат. В тех частях текста, где цитаты следуют одна за другой, график резко идет вверх. Там, где цитат нет, график идет горизонтально.

Вертикальные линии на графике показывают деление текста на основные содержательные разделы – блоки. Сверху рядом с линиями указаны номера этих блоков. Так можно проследить, в каких разделах цитат много, а в каких – мало или нет совсем. Первый раздел Жития Дионисия Глушицкого – это «Введение», где автор обосновывает необходимость написания жития. По графику видно, что в этом разделе довольно много цитат: график резко поднимается вверх. Второй раздел – «Основание монастыря» (в этом житии отсутствует информация о мирской жизни святого), в нем тоже много цитат. В третьем разделе график идет строго горизонтально, то есть в этом разделе (описывающем основание второго монастыря) не встретилось ни одной цитаты.

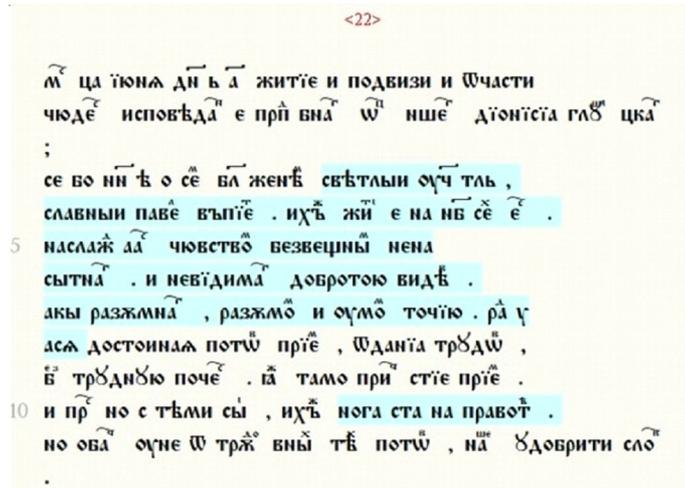

Рис. 2. Визуализация разметки цитат в тексте
 Fig. 2. Visualization of quote mark-up in texts

Рис. 3. Конкорданс
 Fig. 3. Concordance

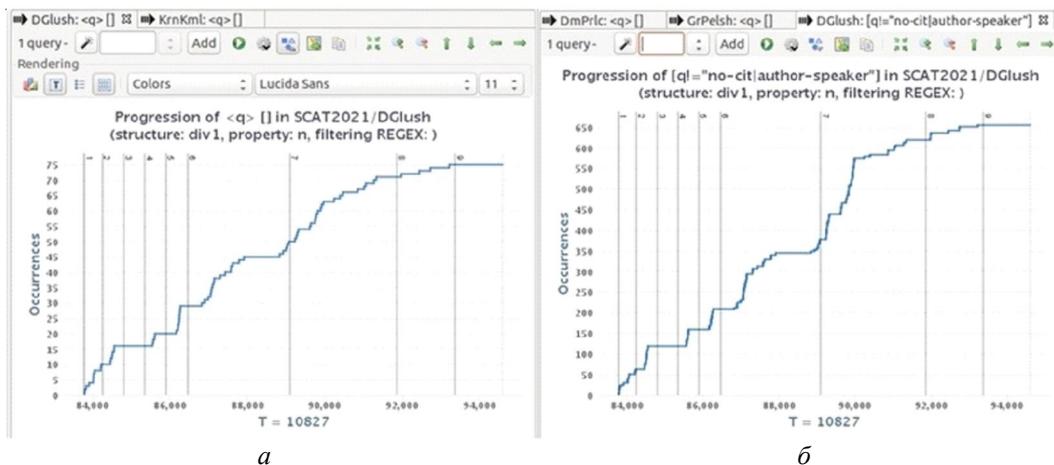

Рис. 4. Прогрессия (для Жития Дионисия Глушицкого):
 а – по первому слову в цитатах; б – по количеству слов в цитатах
 Fig. 4. Progression (for Life of Dionisy Glushitskiy):
 а – by the first word in a quote; б – by the number of words in a quote

На графике справа также представлена прогрессия, но в данном случае она показывает не количество цитат, а количество слов в цитатах. Поэтому показатели на шкале *Y* больше – до 650 слов. В разделах 6 и 7 можно видеть, что график резко поднимается вверх: когда в тексте встречается цитата, график поднимается на столько делений, сколько слов содержится в цитате, то есть резкое движение графика вертикально вверх обозначает длинную цитату.

Таким образом, можно построить отдельные графики прогрессии для каждого текста отдельно и наглядно представить распределение цитат по разным содержательным блокам (рис. 5, 6).

Помимо построения графиков прогрессии платформа ТХМ позволяет создавать частотные словари. Например, можно узнать частоту употребления тех или иных словоформ в цитатах (см. рис. 7).

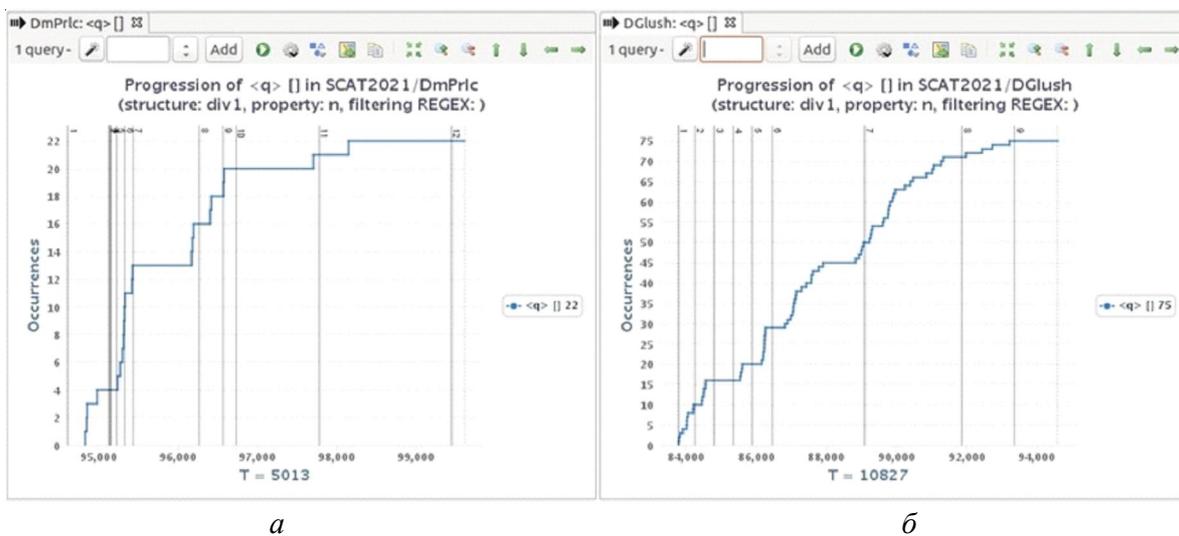

Рис. 5. Прогрессия цитат в житиях:
a – Житие Дмитрия Прилуцкого; *б* – Житие Дионисия Глушицкого
 Fig. 5. Progression of quotes in Lives:
a – Life of Dimitriy Prilutskiy; *b* – Life of Dionisy Glushitskiy

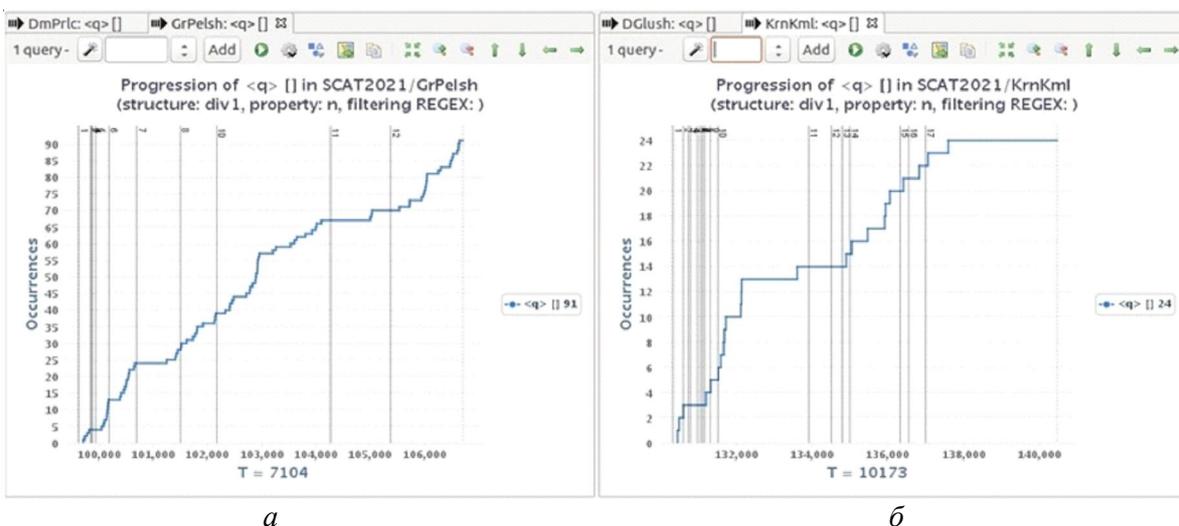

Рис. 6. Прогрессия цитат в житиях:
a – Житие Григория Пельшемского; *б* – Житие Корнилия Комельского
 Fig. 6. Progression of quotes in Lives:
a – Life of Grigoriy Pelshemskiy; *b* – Life of Korniliy Komelskiy

На рисунке 7 в виде таблицы представлены встречающиеся в цитатах словоформы в порядке убывания их частоты (служебные слова исключены из списка). Во втором столбце указывается частота вхождения словоформы во всех размеченных текстах, а в следующих столбцах указаны частоты употребления словоформы в каждом тексте отдельно. Так, можно увидеть, что оказавшееся в начале частотного словаря слово *мене* особенно характерно

для цитат в Житии Дионисия Глушицкого: оно встретилось 15 раз. В остальных текстах оно встречается гораздо реже: в житиях Григория Пельшемского и Корнилия Комельского – по одному разу, а в Житии Димитрия Прилуцкого – ни разу.

Основываясь на данных частотных словарей, платформа ТХМ оценивает специфичность употребления тех или иных словоформ (рис. 8).

word	Frequency T=33117	DGlush t=10827	DmPrlc t=5013	GrPelsh t=7104	KrnKml t=10173
МЕНЕ	17	15	0	1	1
ЕСТЬ	15	6	1	7	1
ИЖЕ	14	5	3	5	1
ЕГО	12	3	0	8	1
МА	9	4	0	5	0
БЪ	7	6	1	0	0
СВОЕГО	7	3	1	2	1
ТИ	7	1	2	4	0

Рис. 7. Частотный словарь словоформ для четырех житийных текстов

Fig. 7. Frequency dictionary of word forms in four hagiographic texts

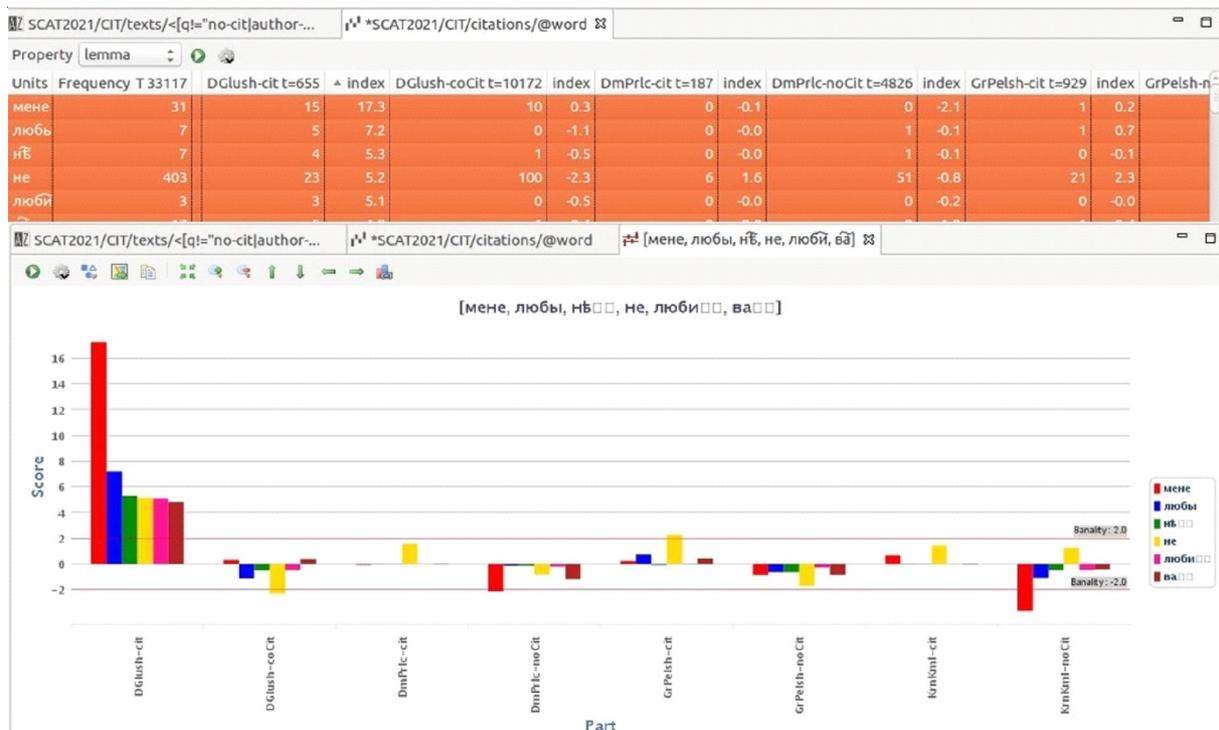

Рис. 8. Специфичность

Fig. 8. Specificity

Диаграммы на рисунке 8 показывают специфичность первых шести словоформ из частотного словаря в размеченных текстах. При этом отдельно оценивается употребление словоформ в цитатах и в остальном тексте жития. Для этого рассчитывается индекс, который показывает, насколько вероятно столь частое (или редкое) употребление слова в выбранном подкорпусе относительно всего корпуса в целом. Например, индекс специфичности +4 означает, что вероятность настолько частого появления данного слова в выбранном подкорпусе равна $1/10^4$. Значения в диапазоне от -2 до +2 (то есть $1/100$) являются статистически незначимыми. Такие значения могут получиться в результате случайного распределения слов.

На рисунке 8 в верхней части приведена таблица, в которой перечислены словоформы из частотного словаря, указаны частота их употребления и индекс специфичности. Во втором столбце указано, сколько раз эти словоформы встречаются во всех четырех житиях. Далее идут значения для каждого текста отдельно. В третьем столбце указана частота употребления слова в цитатах в Житии Дионисия Глушицкого. В четвертом столбце указан индекс специфичности для такой частоты употребления. В пятом столбце показана частота употребления этого же слова в тексте Жития Дионисия Глушицкого без учета цитат, а в шестом столбце – индекс специфичности для этого числа словоупотреблений в тексте. Аналогичные показатели указаны для всех житий.

В нижней части изображения индексы специфичности представлены в виде столбчатых диаграмм, которые показывают, у каких текстов есть уникальные, присущие только им характеристики. Например, первый столбик в первой диаграмме показывает, что частое употребление слова *мене* является уникальной характеристикой цитат в Житии Дионисия Глушицкого. Индекс специфичности этого слова выше 17, то есть вероятность того, что в подкорпусе такого объема слово *мене* может встретиться 15 раз, крайне мала и составляет $1/10^{17}$. В остальном тексте жития (вне цитат) частота употребления этого слова оказывается в рамках

статистически незначимого диапазона (вторая диаграмма), то есть такое частое использование этой словоформы является уникальной характеристикой только для цитат, содержащихся в этом житийном тексте. Другая ситуация с той же словоформой наблюдается в Житии Корнилия Комельского (две последние диаграммы). В цитатах это слово употребляется в рамках статистической нормы, но для остального текста жития это слово крайне нехарактерно – его показатель специфичности составляет -4. Отрицательное значение показывает, что слово употребляется в тексте гораздо реже, чем могло бы при статистически неспецифичном распределении.

На основе оценки специфичности отдельных слов можно провести анализ соответствий. Это многомерный анализ, который позволяет оценить употребление всех слов во всех разделах текста и определить, насколько тексты близки друг к другу или, наоборот, далеки друг от друга по лексическому составу. Приведем в качестве примера график анализа соответствий для двух житий: Жития Дионисия Глушицкого и Жития Григория Пельшемского (см. рис. 9). В данном случае также отдельно рассматривался лексический состав цитат (DGlushCit и GrPelshCit) и лексический состав остального текста (DGlushNoCit и GrPelshNoCit).

Ожидаемо, тексты двух житий оказались по разные стороны оси 2: лексический состав текстов не совпадает. Однако можно видеть, что лексический состав цитат в обоих житиях значительно отличается от лексического состава остального текста (разделы оказались по разные стороны оси 1). Это различие особенно ярко выражено в Житии Дионисия Глушицкого. Таким образом, результаты многомерного анализа подтверждают, что в цитатах сохраняются языковые особенности оригинала, которые могут не совпадать с языковыми характеристиками основного текста жития, потому что «цитате по определению естественно звучать иначе, чем основному тексту» [Запольская, 2003, с. 482].

Платформа ТХМ предлагает еще один вариант представления анализа соответствий, который позволяет увидеть отдельные совпадающие или специфичные слова (см. рис. 10).

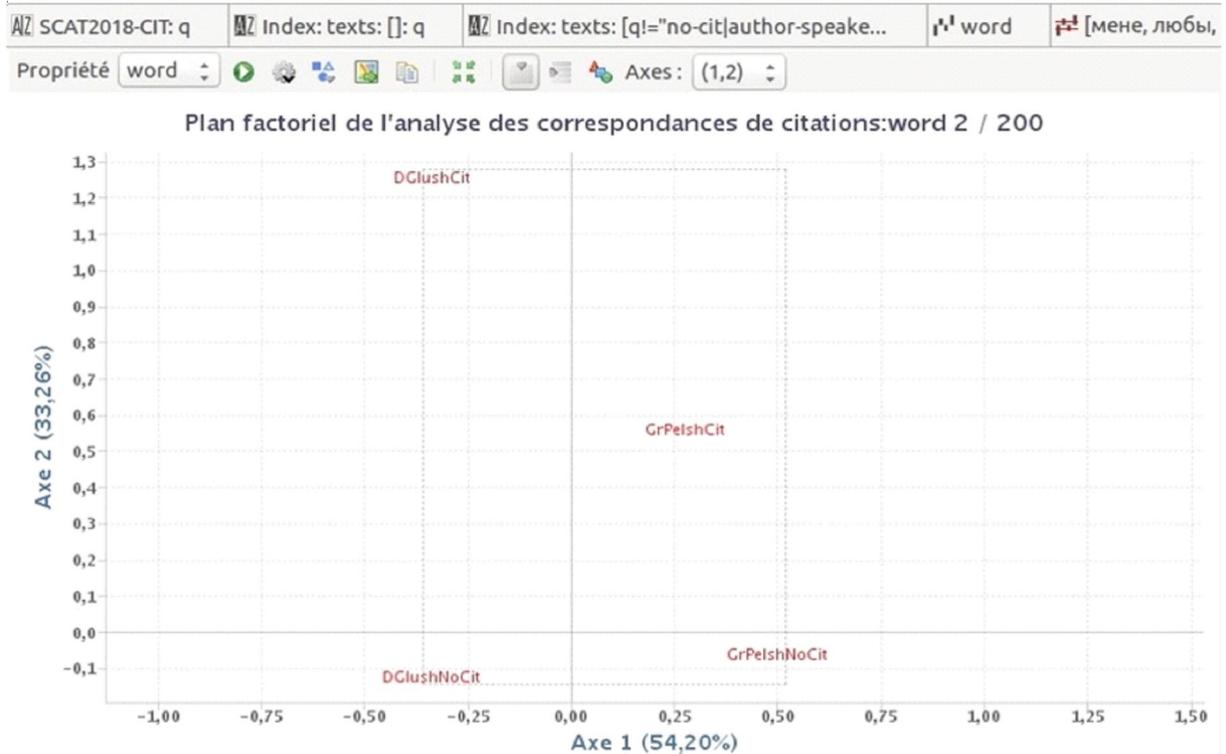

Рис. 9. Анализ соответствий: простое представление
Fig. 9. Correspondence analysis: simple representation

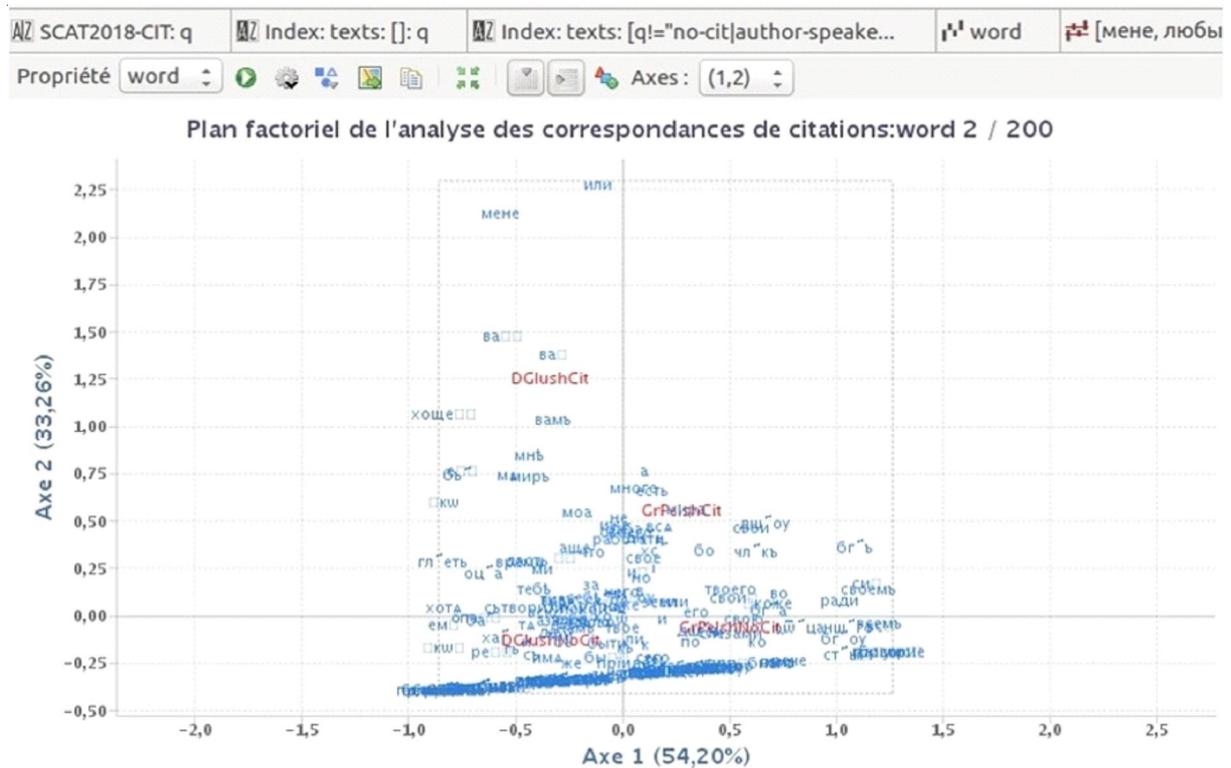

Рис. 10. Анализ соответствий: представление со специфичностью слов
Fig. 10. Correspondence analysis: representation with word specificity

Слова, имеющие одинаковую специфичность в обоих текстах, накладываются друг на друга, образуя сплошную полосу пересечений в нижней части графика. Чем дальше слово расположено от центра графика, тем более уникальным для данного подкорпуса является его употребление. Например, слово *мене*, которое уже рассматривалось в других примерах, оказалось в верхней части графика, далеко от основной полосы пересечений.

Такие возможности анализа текста, которые дает текстометрическая платформа ТХМ, позволят нам выявлять все новые особенности и закономерности житийных текстов по мере того, как разметка смысловых разделов и цитат будет вводиться в остальных текстах корпуса.

Теперь обратимся к третьему типу разметки элементов содержания – разметке повторяющихся фрагментов для отражения межтекстовых связей в корпусе.

Как уже говорилось, житийные тексты строились по определенному канону и при их написании авторы ориентировались на существующие образцы: в уже накопленном агиографическом материале подбирались жизнеописание святого, близкого по характеру своей деятельности и чертам личности к святому, чье подвижничество предстояло описать, и автор нового жития свободно пользовался текстом предшественника, иногда только заменяя имена и топонимы, иногда адаптируя или сокращая текст или даже заимствуя целые фрагменты текста, «повторяя те же слова и выражения» [Панченко, 2003, с. 507]. Например, в качестве источников для Жития Александра Свирского И. Яхонтов приводит Жития Феодосия Печерского, Сергия Радонежского, Варлаама Хутынского и Кирилла Белозерского [Яхонтов, 1881], уже в наше время Н.В. Пак добавила к этому списку два переводных жития [Пак, 2001].

Можно по-разному относиться к такому использованию чужих сочинений. Например, И. Яхонтов очень низко оценил труд Иродиона, автора Жития Александра Свирского, не признав за ним никакой исторической ценности [Яхонтов, 1881], в то время как Л.А. Дмитриев посмотрел на него с другой точки зрения: «Полнота наших сведений об обстоятельствах написания И<родионом> Жития Алек-

сандра Свирского красноречиво свидетельствует о том, в чем прежде всего агиограф XVI в. видел задачу своего труда: рассказать о святом, имея в виду реальные факты его жизненного пути, во всяком случае хорошо зная эти факты, так, как об этом уже рассказывалось о других святых, предшественниках этого нового святого» [Дмитриев, 1988, с. 441].

Входящие в корпус СКАТ тексты северорусских житий позволяют обнаружить многочисленные текстовые фрагменты, воспроизводимые разными авторами. Поэтому мы решили ввести третий тип структурной разметки: в текстах корпуса отмечены повторяющиеся фрагменты со ссылкой на первоисточник.

Приведем фрагмент, который обнаружился в корпусе СКАТ в житиях Дионисия Глушицкого и Александра Куштского. Он повторяет фрагмент из вступления к Житию Иоанна Лествичника. (Текст Жития Иоанна Лествичника цитируется по публикации Т.Г. Поповой [Попова, 2014].) В результате сопоставления фрагментов можно увидеть, что это один и тот же текст, который заимствуется с некоторыми изменениями (см. рис. 11).

В рамках проекта СКАТ не проводятся текстологические исследования. Решение о том, какой текст считать первоисточником того или иного повторяющегося фрагмента, принимается на основе данных из уже опубликованных работ других исследователей. Например, для фрагмента в данном примере мы указываем в качестве первоисточника Житие Иоанна Лествичника, опираясь на работы Т.Г. Поповой [Попова, 2011]. Если для каких-либо фрагментов со временем будет обнаружен более ранний источник, мы сможем скорректировать разметку и ссылки в корпусе. Выбранная схема разметки позволяет оперативно вносить подобные изменения.

При разметке повторяющихся фрагментов мы даем ссылку на первоисточник. Поскольку во многих случаях цитируемый текст не входит в корпус СКАТ и далеко не все цитируемые тексты представлены в электронном виде, было принято решение добавить оригиналы повторяющихся фрагментов в корпус. Чтобы избежать сложностей, связанных с добавлением полных текстов, мы ограничиваемся только цитируемым фрагментом, со-

Житие Иоанна Лествичника http://www.drevnyaya.ru/vyp/2014_2/part_8.pdf	Житие Дионисия Глушицкого	Житие Александра Куштского
<p>есть во и съ нѣна въ томъ. о немъже </p> <p>свѣтлѣи оу читель слави. сде нѣкако</p> <p>въпиа ихъ же житие на нѣсхъ есть. насыщаа са [ч]ѣвствѣмъ. везв[е]ц[ѣ] нѣмъ. ненасытн[а]го и не видим[а]го добротою. [зрѣа како мѣсле] наго разоумѣ [разоу]мѣмъ тѣчю радоуа са. достоино потѣ</p>	<p>се бо нѣѣ ѡ се̄ влѣнѣѣ</p> <p>свѣтлѣи оу чѣтлѣ, слѣнѣи пѣвѣ</p> <p>въпѣѣ. ихъ̄ же̄ житѣ на нѣсѣ̄ ѣ̄.] наслаждѣ</p> <p>чѣвствѣ</p> <p>везвѣцнѣ̄ нѣна сѣтнѣ̄. ӣ невѣднѣ̄ добротою видѣ̄.] ѣкы разѣмнѣ̄, разѣмѣ̄ ӣ оӯмѣ̄</p> <p>тѣчю. рѣ аса̄ достоинѣа потѣ</p>	<p>сѣи оӯво влѣнѣнѣи, ѡ немѣ̄ѣ вгоглѣнѣ̄ </p> <p>свѣтлѣи оу чѣтель слѣнѣи пѣвелѣ</p> <p>вопѣѣтѣ, ихъ̄ же̄ житѣ̄ на нѣсѣ̄хъ̄ ѣ̄стѣ. наслаждѣ дѣа̄са̄</p> <p>чѣвствѣа</p> <p>везвѣцнѣ̄ ненасытнѣ̄го, ӣ невѣднѣ̄маго добротою̄ видѣ̄вѣ̄ ѣкы разѣ мнѣ̄ разѣмѣ̄мъ, тѣчю̄ рѣдѣ са̄ достоинѣа̄ по тебѣ̄,</p>

Рис. 11. Пример повторяющихся фрагментов

Fig. 11. Example of repeating fragments

здаем для каждого отдельный XML-файл и обязательно указываем источник текста, по которому цитируется фрагмент. Именно на этот файл и дается ссылка из текста жития.

При визуализации повторяющийся фрагмент в тексте жития выглядит как веб-ссылка с четко обозначенными границами. При нажатии на ссылку можно перейти к цитируемому оригиналу.

В качестве примера дан повторяющийся фрагмент в тексте Жития Дионисия Глушицкого (см. рис. 12).

Исходный фрагмент в Житии Иоанна Лествичника, представленный в отдельном файле, приведен на рисунке 13.

Приведем еще один пример перехода от повторяющегося фрагмента к первоисточнику (см. рис. 14). Слева представлена страница из Жития Антония Свирского, где также в виде веб-ссылки оформлен фрагмент, описывающий чудо об олене. Справа приведен текст цитируемого фрагмента Жития Евстафия Плакиды. (Мы указываем его в качестве первоисточника, ориентируясь на данные работы О.В. Гладковой [Гладкова, 2013].)

Используя такую разметку, мы составляем реестр повторяющихся фрагментов, что

позволит отслеживать возможные закономерности заимствований и на основе имеющихся данных находить повторяющиеся фрагменты в других текстах житий, а со временем автоматизировать их поиск.

Заключение

Таким образом, в Санкт-Петербургском корпусе агиографических текстов (СКАТ) вводится разметка элементов содержания трех типов: разметка сюжетной схемы, разметка цитат и разметка повторяющихся фрагментов. Совмещение трех типов разметки позволяет анализировать особенности построения житийных текстов. В рамках проекта планируется увеличение объема корпуса и введение разметки в большее число текстов, в том числе разметка наиболее знаковых житий, например Жития Сергия Радонежского, которое послужило образцом для многих других житийных текстов. Это позволит нам выявить общие закономерности в употреблении цитат и заимствований, что в дальнейшем облегчит работу по их поиску в новых текстах и поможет автоматизировать процесс разметки.

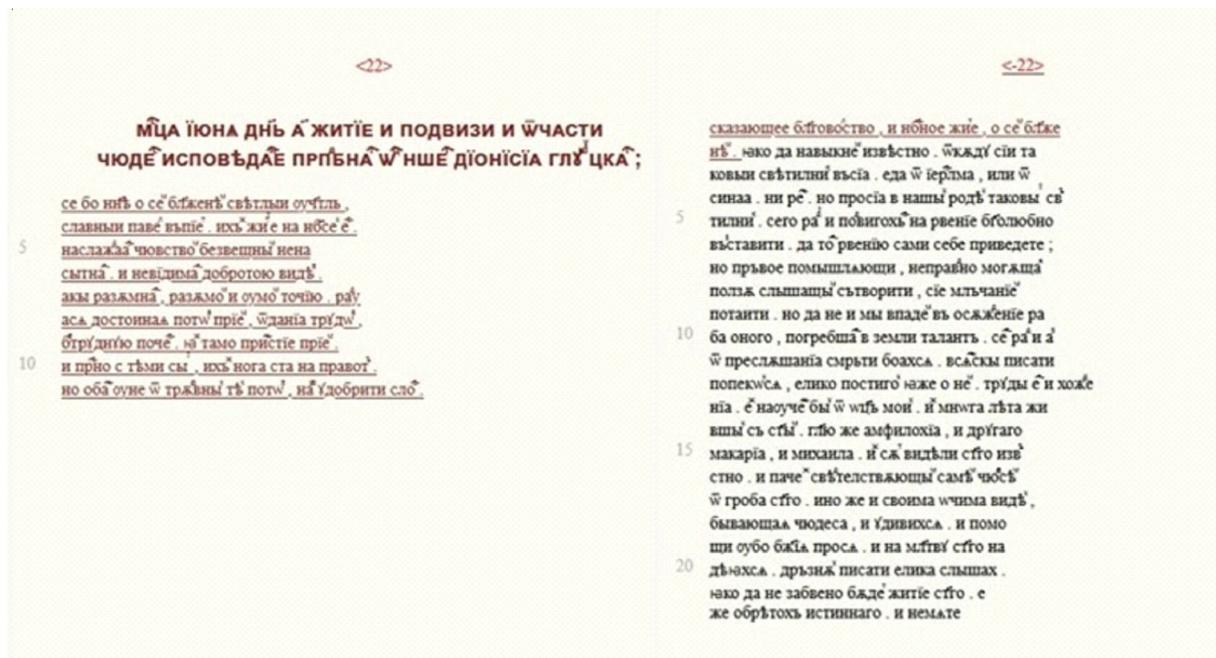

Рис. 12. Визуализация жития Дионисия Глушицкого
 Fig. 12. Visualization of Life of Dionisiy Glushitskiy

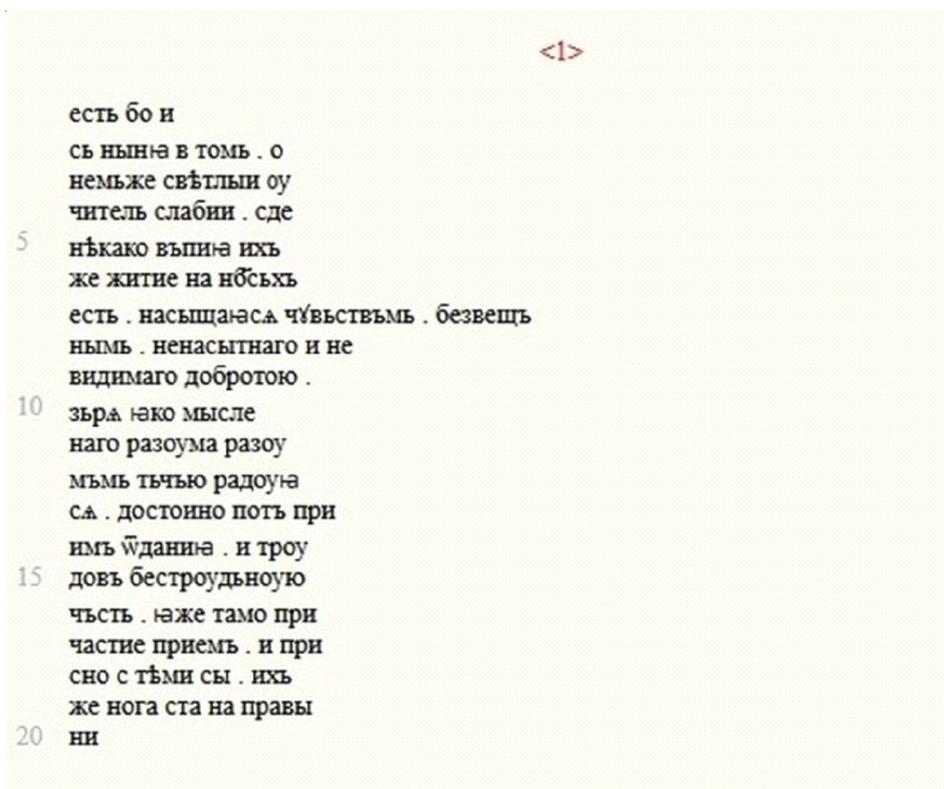

Рис. 13. Исходный фрагмент в житии Иоанна Лествичника
 Fig. 13. Original fragment in Life of John of the Ladder

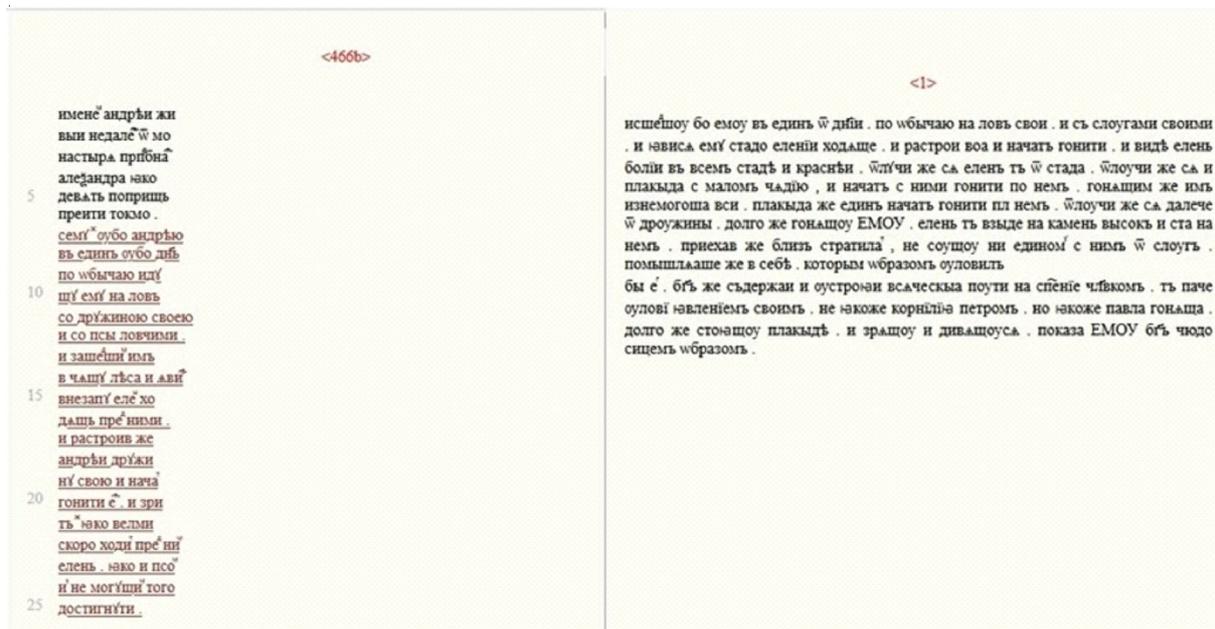

Рис. 14. Фрагмент из жития Евстафия Плакиды в житии Александра Свирского
 Fig. 14. Fragment from Life of Saint Eustathius in the text of Life of Alexander Svirskiy

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азарова И. В., Алексеева Е. Л., 2008. Санкт-Петербургский корпус агиографических текстов (СКАТ): формат XML-представления лингвистической информации и организация поиска данных на сайте // Современные информационные технологии и письменное наследие: от древних текстов к электронным библиотекам : Е1'Manuscript-08 : материалы Международ. науч. конф. Казань : Изд-во Каз. ун-та. С. 3–6.
- Азарова И. В., Алексеева Е. Л., Лаврентьев А. М., Рогозина Е. А., Сипунин К. В., 2019. Представление и анализ библейских, святоотеческих и литургических цитат в корпусе СКАТ // Корпусная лингвистика – 2019 : тр. Международ. конф. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т. С. 265–270.
- Алексеева Е. Л., Азарова И. В., 2013. Особенности морфо-синтаксической разметки древнерусских агиографических текстов // Корпусная лингвистика – 2013 : тр. Международ. конф. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т. С. 157–164.
- Гладкова О. В., 2013. Житие Евстафия Плакиды в русской и славянской книжности и литературе IX–XX веков. М. : Индрик. 910 с.
- Дмитриев Л. А., 1988. Иродион // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая пол. XIV–XVI вв. Ч. 1. Л. : Наука, ленингр. отд-ние. С. 440–442.
- Запольская Н. Н., 2003. Библейские цитаты в текстах конфессиональной культуры: семантика, функции, адаптация // Славянский альманах. 2002. М. : Индрик. С. 482–492.
- Ключевский В. О., 2003. Древнерусские жития святых как исторический источник. М. : АСТ : Астрель. 394 с.
- Кузьмина М. К., 2017. Канон преподобнического жития сквозь призму библейских цитат. М. : Водолей. 399 с.
- Кусков В. В., 1982. Литература высоких нравственных идеалов // Древнерусские предания (XI–XVI вв.). М. : Сов. Россия. С. 5–22.
- Лихачев Д. С., 1961. Литературный этикет Древней Руси (к проблеме изучения) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л. ; М. : Изд-во Акад. наук СССР. Т. 17. С. 5–16.
- Пак Н. В., 2001. К проблеме источников Жития Александра Свирского // Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри. СПб. : Дмитрий Буланин. С. 145–151.
- Панченко О. В., 2003. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике, гимнографии) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб. : Дмитрий Буланин. Т. 54. С. 491–534.
- Попова Т. Г., 2011. Лествица Иоанна Синайского в славянской книжности. Саарбрюкен : Lap Lambert. 457 с.
- Руди Т. Р., 2006. О композиции и топике житий преподобных // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб. : Дмитрий Буланин. Т. 57. С. 431–500.

- Руди Т. Р., 2005. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Polemika. СПб. : Дмитрий Буланин. С. 59–101.
- Яхонтов И., 1881. Жития святых севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань : Тип. ун-та. 377 с.

ИСТОЧНИК

- Попова Т. Г. Житие Иоанна Лествичника (по древнейшей славянской рукописи Лествицы) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 2 (56). С. 83–95.

REFERENCES

- Azarova I.V., Alekseeva E.L., 2008. Sankt-Peterburgskiy korpus agiograficheskikh tekstov (SKAT): format XML-predstavleniya lingvisticheskoy informatsii i organizatsiya poiska dannykh na sayte [Saint Petersburg Corpus of Hagiographic Texts (SKAT): Format of XML Markup for Linguistic Information and Search Function for Web-Site Data]. *Sovremennye informatsionnye tekhnologii i pismennoe nasledie: ot drevnikh tekstov k elektronnyim bibliotekam. El'Manuscript-08: materialy Mezhdunar. nauch. konf.* [Modern Information Technologies and Textual Heritage – from Ancient Texts to Electronic Libraries. El'Manuscript-08. Proceedings of the International Scientific Conference]. Kazan, Izd-vo Kaz. un-ta, pp. 3-6.
- Azarova I.V., Alekseeva E.L., Lavrentyev A.M., Rogozina E.A., Sipunin K.V., 2019. Predstavlenie i analiz bibleyskikh, svyatootecheskikh i liturgicheskikh tsitat v korpuse SKAT. [Representation and Analysis of Biblical, Patristic and Liturgical Quotes in the SKAT Corpus]. *Korpusnaya lingvistika – 2019: tr. Mezhdunar. konf.* [Corpus Linguistics – 2019. Proceedings of the International Conference]. Saint Petersburg, S.Peterb. gos. un-t, pp. 265-270.
- Alekseeva E.L., Azarova I.V., 2013. Osobennosti morfo-sintaksicheskoy razmetki drevnerusskikh agiograficheskikh tekstov [Aspects of Morphological and Syntactical Mark-up of Old Russian Hagiographic Texts]. *Korpusnaya lingvistika – 2013: tr. Mezhdunar. konf.* [Corpus Linguistics – 2013. Proceedings of the International Conference]. Saint Petersburg, S.-Peterb. gos. un-t, pp. 157-164.
- Gladkova O.V., 2013. *Zhitie Evstafiya Plakidy v russkoy i slavyanskoy knizhnosti i literature IX–XX vekov* [Life of Eustathios Plakidas in Russian and Slavic Books and Literature of 9th – 20th Centuries]. Moscow, Indrik Publ. 910 p.
- Dmitriev L.A., 1988. Irodion [Herodion]. *Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vyp. 2. Vtoraya pol. XIV–XVI vv. Ch. 1* [Dictionary of Scribes and Booklore of Ancient Rus. Iss. 2. The Second Half of 14th – 16th Centuries. Part 1]. Leningrad, Nauka Publ., leningr. otd-nie, pp. 440-442.
- Zapolskaya N.N., 2003. Bibleyskie tsitaty v tekstakh konfessionalnoy kultury: semantika, funktsii, adaptatsiya [Bible Quotes in Texts of Religious Culture: Semantics, Functions, Adaptation]. *Slavyanskiy almanakh. 2002* [Slavic Almanac. 2002]. Moscow, Indrik Publ., pp. 482-492.
- Klyuchevskiy V.O., 2003. *Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskiy istochnik* [Ancient Russian Lives of the Saints as a Historical Source]. Moscow, AST Publ., Astrel Publ. 394 p.
- Kuzmina M.K., 2017. *Kanon prepodobnicheskogo zhitiya skvoz prizmu bibleyskikh tsitat* [The Canon of the Monastic Life Through the Prism of Biblical Quotations]. Moscow, Vodoley Publ. 399 p.
- Kuskov V.V., 1982. Literatura vysokikh nrvstvennykh idealov [Literature of High Moral Ideals]. *Drevnerusskie predaniya (XI–XVI vv.)* [Old Russian legends (11th – 16th Centuries)]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., pp. 5-22.
- Likhachev D.S., 1961. Literaturnyy etiket Drevney Rusi (k probleme izucheniya) [Literature Etiquette of Ancient Rus (on the Issue of Research)]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR, vol. 17, pp. 5-16.
- Pak N.V., 2001. K probleme istochnikov Zhitiya Aleksandra Svirskogo [On the Issue of Sources for Life of Alexander Svirsky]. *Knizhnye tsentry Drevney Rusi. Severnorusskie monastyri* = [Book Centers of Ancient Rus. Monasteries of Russian North]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., pp. 145-151.
- Panchenko O.B., 2003. Poetika upodobleniy (k voprosu o «tipologicheskom» metode v drevnerusskoy agiografii, epideyktike, gimnografii) [The Poetics of Assimilation (On the Question of the “Typological” Method in Old Russian Hagiography, Epideictics, Hymnography)]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., vol. 54, pp. 491-534.
- Popova T.G., 2011. *Lestvitsa Ioanna Sinayskogo v slavyanskoy knizhnosti* [Ladder of Paradise of John Sinaites in Slavic Literature]. Saarbrücken, Lap Lambert. 457 p.

Rudi T.R., 2006. O kompozitsii i topike zhitiy prepodobnykh [On the Composition and Topoi of the Lives of the Saints]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Saint Petersburg, Dmitryiy Bulanin Publ., vol. 57, pp. 431-500.

Rudi T.R., 2005. Topika russkikh zhitiy (voprosy tipologii) [Topoi of Russian Lives of Saints (the Issue of Typology)]. *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Publikatsii. Polemika*. [Russian Hagiography. Research. Publications. Discussions]. Saint Petersburg, Dmitryiy Bulanin Publ., pp. 59-101.

Yakhontov I., 1881. *Zhitiya svyatykh severnorusskikh podvizhnikov Pomorskogo kraya kak istoricheskiy istochnik* [Lives of the Saints of Russian North as a Source of Historical Information]. Kazan, Tip. un-ta. 377 p.

SOURCE

Popova T.G. Zhitie Ioanna Lestvichnika (po drevneyshey slavyanskoy rukopisi Lestvitsy) [Life of John of the Ladder (Based on the Oldest Slavic Manuscript of the Ladder of Paradise)]. *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki* [Ancient Rus. Issues of Medieval Studies], 2014, no. 2 (56), pp. 83-95.

Information About the Author

Elena A. Rogozina, Senior Lecturer, Department of Mathematical Linguistics, St. Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 11, 199034 Saint Petersburg, Russia, e.rogozina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5777-1020>

Информация об авторе

Елена Андреевна Рогозина, старший преподаватель кафедры математической лингвистики, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 11, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия, e.rogozina@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5777-1020>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.4>

UDC 811.161.1'04
LBC 81.411.2-03

Submitted: 31.05.2022
Accepted: 19.09.2022

**CORPUS OF THE ARCHIVAL DOCUMENTS
OF THE DON COSSACK ARMY:
PROBLEMS OF MORPHOLOGICAL ANALYSIS**

Oksana A. Gorban

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Marina V. Kosova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Elena M. Sheptukhina

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Andrey V. Svetlov

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article presents the results of the collective project aimed at comprising a special annotated diachronic corpus of documents of the 18th – 19th cen. from the “Mikhailovsky Stanitsa Ataman” Archive Fund (State Archive of Volgograd Region, Russia). In the course of the work, linguistic, technical and software tasks related to meta-marking, morphological tagging and representation of marked texts in an electronic search environment were solved. The texts are written in cursive script of the 18th cen. with the use of the old Cyrillic letters, which have spelling specificity. To work correctly with them, an add-on to the stemming tool MyStem by I. Segalovich was created. This application adds to the MyStem the following capabilities: the option to work with the old Cyrillic symbols, a convenient graphical interface; it provides the opportunity to remove homonymy manually, enables marked text exporting to an external data storage and processing system. Morphological analysis of some texts revealed the presence of nominal case form variants, which were not noted in the “Russian Grammar” by M.V. Lomonosov, in modern studies of literary texts of the 18th century. These findings point to effectiveness of automatic tagging which allows word form correction. The research results substantiated text tagging software tools adjustment for the extension of homonymous forms grammatical analysis options, aimed at identification and manual removal of homonymy. A quantitative analysis of these variants will allow the authors to evaluate their significance for the regional administrative language. The information obtained confirms the importance of the corpus creation for studying the history of the Russian language.

Key words: history of the Russian language, regional business writing, linguistic corpus, morphological markup, variants of case forms, grammatical homonymy.

Citation. Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., Svetlov A.V. Corpus of the Archival Documents of the Don Cossack Army: Problems of Morphological Analysis. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 6, pp. 47-56. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.4>

**КОРПУС АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ВОЙСКА ДОНСКОГО:
ПРОБЛЕМЫ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА****Оксана Анатольевна Горбань**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Марина Владимировна Косова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Елена Михайловна Шептухина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Андрей Владимирович Светлов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье обобщены некоторые результаты исследования, нацеленного на создание специального аннотированного диахронического корпуса документов архивного фонда Михайловского станичного атамана Государственного архива Волгоградской области. Предложены решения лингвистических и технических задач, связанных с разметкой текстов и представлением их в электронно-поисковой среде. Для корректной работы с текстами документов, написанными скорописью XVIII в. и первой половины XIX в., группой специалистов под руководством А.В. Светлова создана надстройка над утилитой для стемминга MyStem И.В. Сегаловича. Она добавляет к возможностям утилиты выводить всю грамматическую информацию и количественные данные опцию работы с устаревшей кириллицей, удобный графический интерфейс, имеет функционал для снятия омонимии вручную, поддерживает экспорт размеченного текста во внешнюю систему хранения и обработки данных. В результате морфологического анализа части текстов О.А. Горбань и Е.М. Шептухиной установлены варианты падежных форм существительных, не отмеченные в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова, в современных исследованиях литературных текстов XVIII в., и обоснована необходимость корректировки программных инструментов разметки текстов в плане расширения возможных вариантов грамматического разбора омонимичных форм для последующего снятия омонимии вручную. Количественный анализ выявленных фактов, проведенный М.В. Косовой, и их лингвистическая интерпретация показали в сфере грамматики, наряду с общими тенденциями развития и функционирования русского языка, особенности, характерные для деловой письменной речи в ее региональном варианте.

Ключевые слова: история русского языка, региональная деловая письменность, лингвистический корпус, морфологическая разметка, варианты падежных форм, грамматическая омонимия.

Цитирование. Горбань О. А., Косова М. В., Шептухина Е. М., Светлов А. В. Корпус архивных документов Войска Донского: проблемы морфологического анализа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 6. – С. 47–56. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.4>

Введение

Одна из проблем развития русского исторического языкознания заключается в малодоступности значительной части источников для широкого круга исследователей. Особенно это касается массива памятников деловой письменности, хранящихся в многочисленных российских региональных архивах. Введение такого материала в научный обо-

рот даст возможность более полно представить картину исторического развития русского языка во всем ее многообразии, с учетом местных вариантов. Традиционно эта задача решается путем публикации письменных памятников. Новые возможности открываются благодаря современным информационным технологиям и созданию лингвистических корпусов. В данной статье представлены некоторые результаты исследования, осуществ-

ленного в Волгоградском государственном университете в рамках коллективного проекта, нацеленного на создание специального аннотированного диахронического корпуса документов Войска Донского XVIII–XIX вв. (участники проекта – О.А. Горбань, М.В. Косова, Е.М. Шептухина, А.В. Светлов, И.С. Герасимова, Н.И. Тихонова). В 2019–2021 гг. работа по составлению этого корпуса выполнялась при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00246 «Параметризация текстов как основа создания лингвистического корпуса архивных документов XVIII–XIX вв. канцелярий Войска Донского»).

Земля Войска Донского представляла собой специфичное административно-территориальное образование в составе Российской империи. Лишившись при Петре I государственной автономии, оно сохраняло автономию областную, что обуславливало его социальное и этнокультурное своеобразие, несмотря на все большее подчинение на протяжении двух столетий общегосударственной системе управления. В рамках норм этой системы складывалась и функционировала документация, обеспечивавшая управление Войском со стороны верховной власти и управление внутри Войска.

В языковом отношении это территория формирования и распространения донских говоров южнорусского наречия. Памятники деловой письменности, созданные в этом регионе, отражают взаимодействие общерусских и региональных языковых черт и представляют собой ценный источник для изучения истории русского языка на Юге России в XVII – начале XX века. Однако, как отмечают исследователи, обращение к донским документальным источникам затруднено тем, что значительная их часть утрачена, а оставшаяся рассредоточена по различным центральным и региональным хранилищам, из которых основное – Государственный архив Ростовской области [Сень, 2014, с. 484]. Часть документов хранится в Государственном архиве Волгоградской области (далее – ГАВО).

Материал и методы

Создаваемый лингвистический корпус основан на документах 1734–1837 гг., отложившихся в фонде Михайловского станично-

го атамана ГАВО (фонд 332, опись 1, дела 1–158; далее при цитировании источников указываются только дело и лист / оборот листа, примеры приводятся в упрощенной графике с использованием современного алфавита). Фонд включает оригиналы и копии документов, поступивших в канцелярию (станичную избу) станицы Михайловской на Хопре из войсковой канцелярии, из учреждений Волжского войска, соседних губерний, в частности Воронежской, от должностных лиц и рядовых казаков; черновики и копии документов, отправленных из станичной канцелярии в другие учреждения или отдельным должностным лицам; копии некоторых высочайших указов, касавшихся Войска Донского. Часть документов опубликована (см.: [Горбань и др., 2020]). В фонде представлена большая коллекция оригиналов войсковых грамот; документы этого уникального жанра характерны именно для Войска Донского. Войсковые грамоты, содержащие распоряжения Войска для исполнения в донских станицах, копировались в минимальном количестве, грамота от Черкасского – столицы Войска – направлялась по всем станицам, расположенным вдоль одной реки, в каждой из них читалась и копировалась, затем передавалась дальше и оставалась в последней. Такой станицей в верховьях реки Хопёр и была Михайловская.

Документы написаны скорописью первой и второй половины XVIII в. и первой половины XIX века. Для них характерно: использование вышедших из употребления букв кириллицы (s, i, k, w, ѿ, ѓ, ѱ, Ѡ), выносных букв; запись слов под титлом; деление текста на слова, но слитное написание союзов, предлогов и частиц с последующей или предыдущей словоформой; отсутствие прописных букв как маркеров имен собственных; редкое и непоследовательное употребление знаков препинания, затрудняющее выделение синтаксических единиц, в частности предложений; написание чисел арабскими цифрами.

Разработка параметров и инструментов метаразметки [Филимонов и др., 2020], принципов представления текстов в электронно-поисковой среде, подготовка их для автоматической машинной обработки потребовали решения ряда лингвистических и технических задач.

С целью расширения возможностей исторических лингвистических исследований тексты даны в корпусе с сохранением орфографии оригиналов и подвергнуты лишь частичной адаптации: выносные буквы даны в строке, диграф передан как сочетание двух букв в строке; титла раскрыты; союзы, предлоги и частицы даны отдельно с последующими или предыдущими словоформами; имена собственные (личные имена и географические названия) – с прописной буквы. Такое представление материала в основном соответствует принципам презентации текстов в Национальном корпусе русского языка [Савчук, Сичинава, 2009, с. 57], облегчает работу пользователей и обеспечивает адекватную работу программ по морфологической разметке текстов. Однако при этом вышедшие из употребления кириллические буквы сохранены, восстановленные при раскрытии титл буквы приведены в круглых скобках, поскольку они даются в современной орфографии и должны быть маркированы как неаутентичные. Сохранена также пунктуация оригиналов, поскольку невозможно однозначно осуществить синтаксическое членение текстов и оформить его по современным правилам. Проведена структурная разметка, предусматривающая деление текстов на сегменты (не всегда совпадающие с предложениями), необходимые и достаточные для контекстуального представления пользователю результатов поиска в корпусе (подробно об этом см.: [Горбань, Косова, Шептухина, 2021]).

В данной статье рассмотрим некоторые вопросы, связанные с морфологической разметкой, правила которой во многом совпадают с принятыми в Национальном корпусе русского языка (см. о них: [Ляшевская, Плунгян, Сичинава, 2005]).

Результаты и обсуждение

Для морфологической разметки текстов используется морфологический анализатор MyStem, разработанный И.В. Сегаловичем [Segalovich, 2003]. MyStem корректно обрабатывает устаревшую лексику, если она передается в программу с использованием современной кириллицы. Поэтому для работы с устаревшей графикой IT-специалистами – участниками проекта было создано приложение-

надстройка к MyStem, которое буквы *i, ѣ, ѡ, ѣ, љ* заменяет соответственно на *и, е, о, ф, кс*, затем передает текст для анализа в MyStem и после этого производит уже в обработанном документе обратную замену символов. Приложение добавляет к возможностям утилиты удобный графический интерфейс, имеет функционал для снятия омонимии вручную [Комендантов, Матвеев, Светлов, 2019].

При помощи созданного приложения была проведена пробная морфологическая разметка документов 1734–1753 гг., которая выявила случаи ошибочного определения форм программой и вызвала необходимость ее корректировки. Эти случаи обусловлены, с одной стороны, выбранным подходом к орфографической передаче текстов, с другой – грамматическими особенностями самих текстов.

Так, слова с раскрытыми титлами не были прочитаны как целостные единицы, потому что круглые скобки воспринимались как знак препинания. Данная проблема устранена путем игнорирования круглых скобок; такая возможность объясняется тем, что скобки в функции знаков препинания в размечаемых документах не используются и не имеют значения для передачи их синтаксиса.

Трудности связаны также с правописанием некоторых грамматических формантов, например падежных окончаний адъективного и местоименного склонений. Как известно, флексия родительного падежа единственного числа мужского и среднего родов прилагательных, причастий, ряда местоимений могла передаваться на письме как *-аго/-яго* и *-ого/-его* (это объясняется историей местоименных форм в церковнославянском и восточнославянских языках; отношения данных вариантов – предмет отдельного рассмотрения). Такое вариативное написание широко представлено и в документах Войска Донского, однако программа корректно определяет оба варианта как формы прилагательных и причастий.

Наряду с указанными, в текстах часто встречаются написания окончаний *-ова/-ева*, местоимения 3-го лица *ево* (вместо *его*), которые отражают живое произношение соответствующих форм: *пьянова* (д. 8, л. 4), *хорчевова* (д. 9, л. 14), *коровева, понова* (д. 9, л. 14 об.), *какова* (д. 8, л. 30), *никакова* (д. 9, л. 9) и др.; они же в современной орфографии:

пьяного, харчевого, коровьего, постного, какого, никакого. Формы на *-ова* в своем графическом облике омонимичны формам широко распространенных русских фамилий на *-ов* и последовательно определены программой как имена существительные (отметим, что в рассмотренных документах фамилия графа Г.П. Толстого в родительном падеже пишется только как *Толстова*, в других падежах, по аналогии, *Толстову*, *Толстовым* наряду с правильными *Толстой*, *Толстому*). В связи с этим требуется корректировка программы в плане расширения количества возможных грамматических разборов подобных словоформ для последующего снятия омонимии.

Такое расширение количества омонимов и, следовательно, вариантов разбора у одной морфологической формы может быть связано не только с орфографией, но и с собственно грамматическими особенностями текстов. Морфологический анализ обнаружил формы, не сохранившиеся в современном русском языке, некоторые из них не отмечаются уже грамматиками XVIII века. Соответственно, омонимичные формы не получают всего набора морфологических признаков, что обуславливает возможность ошибки в их разборе. Известные же и сегодня варианты формы могут иметь функциональную специфику. В связи с этим перед исследовательским коллективом стоит задача определить, насколько частотны такие явления и требуют ли они существенной корректировки программы. Однако уже имеющиеся результаты позволяют оценить значимость документов создаваемого корпуса как источников для истории русского языка и получить представление о нормах делового языка рассматриваемого исторического периода в среде донского казачества.

В качестве иллюстрации рассмотрим падежные формы имен существительных родительного и предложного падежей единственного числа (далее – Р. ед., П. ед.), дательного, творительного и предложного падежей множественного числа (далее – Д. мн., Т. мн., П. мн.).

Родительный и предложный падежи единственного числа. Наличие у существительных мужского рода вариантных окончаний *-а/-я*, *-у/-ю* в Р. ед. и окончаний *-е*, *-у/-ю* в П. ед. является хорошо известной и давней

чертой русского языка. Они широко представлены в памятниках деловой письменности XVII и XVIII вв., что отмечается многими учеными (сошлемся здесь на книгу Н.И. Тарабасовой, в которой учтены наблюдения А.А. Шахматова, С.И. Коткова, В.М. Маркова и других исследователей: [Тарабасова, 1986, с. 62–80]). Варианты Р. ед. и П. ед. подробно описаны в «Российской грамматике» М.В. Ломоносова, «Российской грамматике» А.А. Барсова с указанием лексических, словообразовательных, морфонологических, стилистических признаков их дифференциации [Ломоносов, 1755, с. 81–85; Барсов, 1981, с. 117–122, 437–442]. Н.А. Еськовой показано употребление этих форм в литературных произведениях XVIII в., отличающееся от современной нормы и свидетельствующее об их конкуренции [Еськова, 2008, с. 545–621]. Так называемые второй родительный и второй предложный с окончанием *-у* отражены в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ), где отмечается омонимия этих форм и формы дательного падежа единственного числа. Традиционно вариант на *-у* связывают с народно-разговорной традицией, однако С.И. Котков считал, что это черта всего русского языка, разговорного и литературного (см.: [Тарабасова, 1986, с. 74]). Материал документов изучаемого фонда подтверждает имеющиеся сведения об употреблении данных вариантов, однако количественный анализ словоформ позволяет дополнить их некоторыми наблюдениями.

Так, в Р. ед. в размеченных текстах у слова *год* существенно преобладает форма на *-у* (86 %). У слов *полк*, *род*, *сыск*, *уезд*, *указ* она является единственной. Сопоставление этих данных с данными НКРЯ (в подкорпусе 1734–1753 гг.) по состоянию на 25.10.2021 показывает в деловых текстах большую частотность этой формы у слов *род*, *сыск*, *полк* и меньшую – у слов *указ*, *уезд*.

Формы П. ед. на *-у* в текстах немногочисленны и зафиксированы у слов *круг*, *год*, *сыск*. Отметим такую особенность, как употребление слова *сыск* только во втором предложном, в том числе с предлогом *о*, причем в одном случае, вероятно, под влиянием стоящей рядом формы *сыску* написана и форма *поиску*: *велено о сыску и поиску бежавших*

ис крепости святые Анны [...] публиковать (д. 9, л. 38). Источники, преимущественно следственные документы, этого же периода в НКРЯ показывают распределение *о сыске*, но *в сыску* (хотя зафиксирован один случай употребления *о сыску* в работе В.Н. Татищева 1733 г.). Словоформа *о сыску* отмечается в памятниках деловой письменности XVII в., где П. ед. на -у, характерный для народно-разговорной речи, использовался довольно широко [Тарабасова, 1986, с. 76, 80]. Документы фонда в целом сохраняют эту особенность.

Дательный, творительный и предложный падежи множественного числа. Результаты морфологического анализа показали наличие вариантов форм Д. мн., Т. мн. и П. мн., нехарактерных для современного русского языка.

Для Д. мн. наряду с узуальным окончанием -ам/-ям отмечается также окончание -ом/-ем, восходящее к древнему продуктивному типу склонения на *ѣ и свойственное большинству имен существительных мужского рода с окончанием -ѣ/-ѣ (позднее – нулевым) в начальной форме. Как известно, оно постепенно вытеснялось формами на -ам/-ям под влиянием имен на *а в результате унификации системы склонений. Однако, по наблюдениям Н.И. Тарабасовой, еще в XVII в. в деловых памятниках окончание -ом/-ем в Д. ед. в именах мужского рода преобладало, причем встречалось и под ударением, что позволяет видеть здесь не только орфографическую примету [Тарабасова, 1986, с. 97–107]. Грамматики М.В. Ломоносова и А.А. Барсова данный вариант Д. мн. не отмечают [Ломоносов, 1755, с. 69; Барсов, 1981, с. 128, 447–448]; поиск в подкорпусе НКРЯ результатов также не дал.

Формы на -ом/-ем являются омонимичными формам творительного падежа единственного числа, и для соответствующих словоформ при морфологической разметке должны быть предусмотрены варианты грамматического разбора. Наличие Д. мн. на -ом характерно для существительных *указ* и *атаман*, что может быть интерпретировано по-разному. В первую очередь необходимо сказать, что в обоих словах окончание Д. мн. является безударным и в «акающих» донских говорах -ом и -ам фонетически не различаются.

Слово *указ* в размеченных документах встречается только в форме *указом* в сочетании с предлогом *по*; данная конструкция регулярно используется для ссылки на постановляющие документы верховной власти, и ее можно рассматривать как устойчивую и воспроизводимую, в том числе орфографически; встречается она и в копиях высочайших указов.

Словоформа *атаманом* используется, как правило, в устойчивых формулах адресата *атаманом и казакам*, например в начальном протоколе войсковых грамот: *От донских атаманов и казаков [...] станицнымъ атаманомъ и казакамъ объявляемъ* (д. 1, л. 2; и др.). Результаты количественного анализа показывают, что вариантные формы представлены примерно в равных долях, но *атаманом* чаще встречается в ранних документах и со временем уступает место форме на -ам. Элементы формуляра войсковых грамот во многом продолжают традиции делопроизводства московских приказов и сохраняют некоторые обороты, устоявшиеся в деловой письменности.

Кроме того, образцами для войсковых и станичных писарей могли служить документы, поступавшие из вышестоящих учреждений. Так, высочайшие грамоты XVII–XIX вв. в адрес Войска Донского, собранные и опубликованные А.А. Лишиным, содержат аналогичную начальную формулу, в которой примерно до середины 1730-х гг. последовательно употребляется выражение *донским атаманом и казаком*, затем наблюдается регулярное *атаманом и казакам*, и примерно с середины 1750-х гг. – *атаманам и казакам* (Акты..., т. 1, с. 241, 246 и др.; т. 2, с. 132 и след.; т. 3, с. 728 и след.). Если форму *казаком* с ударным окончанием еще можно считать архаизмом (возможно, и в произношении) как чертой приказного языка, а при ней так могла восприниматься и *атаманом*, то в сочетании *атаманом и казакам* написание *атаманом*, вероятно, уже чисто орфографическое явление. Добавим также варианты написания окончания Д. мн. прилагательного в одном и том же документе: *станицномъ атаманомъ и казакам* (д. 8, л. 35) и *станицнымъ атаманом и казакамъ* (д. 8, л. 36 об.), где отражена нейтрализация противопоставления /ы/, /о/, /а/ в заударном положении, характерная для донских и некоторых других

южнорусских говоров [Касаткин, 1999, с. 483–485; Осипов, Гейгер, Рогожникова, 1993, с. 21–22]. Таким образом, написание *атаманом*, скорее всего, определяется орфографической нормой, которая поддерживается документами центральных учреждений.

Формы Т. мн. имеют регулярные окончания *-ами/-ями* и *-ми*, что отражает общую норму литературного языка XVIII века. Однако в документах фонда у некоторых имен мужского рода и *pluralia tantum* встречаются также формы с окончанием *-ы/-и*, восходящие к древнему типу склонения на *ѣ, например: *с пожитки* (д. 5, л. 3), *всеми образы и меры* (д. 5, л. 3 об.), *с тремя человеки* (д. 7, л. 11 об.), *под немалыми штрафы* (д. 8, л. 14). Конкуренция старой и новой форм была широко представлена в деловой письменности XVII в. [Тарабасова, 1986, с. 104–112]. М.В. Ломоносов в своей Грамматике вариант *-ы/-и* у имен данного типа склонения не отмечает [Ломоносов, 1755, с. 68–71, 76], однако А.А. Барсов пишет о ней как о довольно регулярной, хотя и имеющей некоторые лексические ограничения [Барсов, 1981, с. 129–130, 449]. Формы Т. мн. на *-ы/-и* вступают в отношения омонимии с формам родительного падежа единственного числа женского рода и именительного падежа множественного числа мужского и женского родов, предложного падежа имен среднего рода с мягким согласным в исходе основы; окончание *-и* свойственно нескольким падежным формам имен женского рода с нулевым окончанием, что также необходимо учитывать при автоматической разметке.

В размеченных документах окончания *-ы/-и* имеют единичные словоформы Т. мн. Из них *всеми образы* представляет собой устойчивый оборот, употребительный в языке XVIII в., о чем свидетельствуют данные НКРЯ. Окончание *-ы*, как показывает материал, появляется у заимствованного *штраф*, что в целом нехарактерно для языковой нормы. В выражении *всеми образы и меры* видим воздействие формы на *-ы* и на форму существительного женского рода, также наблюдавшееся в деловых памятниках XVII в. [Тарабасова, 1986, с. 105].

Предложный падеж множественного числа регулярно принимает окончания *-ах/-ях*, однако некоторые существительные употреб-

ляются с окончанием *-ех*, исконным (с учетом фонетических изменений гласных) для имен древних типов склонения на *ѣ и *ї. Формы на *-ех* в деловых письменных памятниках XVII в. преобладали над словоформами с *-ах* и выступали в качестве узальной нормы [Тарабасова, 1986, с. 115], однако в XVIII в. их соотношение изменилось.

В документах Войска Донского середины XVIII в. окончание *-ех* является единственным для отдельных слов, например *сбор*, *год*, у большинства же существительных отмечается *-ах/-ях*. В источниках того же периода из НКРЯ у слова *год* наблюдаются варианты, причем преобладает форма на *-ах* (56 вхождений против 17), то же обнаруживается у слова *место* (516 случаев употребления форм на *-ах* против 54), у слова *сбор* – только форма на *-ах*. Грамматики М.В. Ломоносова и А.А. Барсова в Т. мн. фиксируют единственное окончание *-ах/-ях*. Таким образом, документы фонда отражают в определенной степени узус деловой письменности предшествующего периода при явной тенденции к утверждению нормы *-ах/-ях*. Форма на *-ех* в парадигме имен существительных является уникальной и не вступает в отношение омонимии с другими формами.

Заключение

Морфологическая разметка части документов Войска Донского XVIII в. из фонда Михайловского станичного атамана Государственного архива Волгоградской области выявила наличие грамматических форм, нехарактерных для современного русского языка и, соответственно, необходимость корректировки программных инструментов разметки текстов в плане расширения возможных вариантов грамматического разбора омонимичных форм для последующего снятия омонимии вручную. Результаты количественного анализа фактов и их лингвистическая интерпретация показали в сфере грамматики, наряду с общими тенденциями развития и функционирования русского языка, особенности, характерные для деловой письменной речи в ее региональном варианте.

На примере падежных форм имен существительных обнаружено, что исследуемые

региональные источники в большей степени сохраняют узус делового языка предшествующего исторического периода, нежели официальные документы центральных учреждений и тексты художественной литературы, публицистики и др. В формах родительного и предложного падежей единственного числа отличие наблюдается в лексическом распределении характерных для общерусского языка вариантов и в их частотности. В дательном, творительном и предложном падежах множественного числа отмечаются архаичные формы, вышедшие из общего употребления либо характеризующиеся меньшей частотностью в иных источниках.

Данные выводы имеют на сегодня предварительный характер и могут быть уточнены в результате расширения обработанных в процессе создания лингвистического корпуса текстов. Пока не представляется возможным сделать вывод о специфике выявленных особенностей для деловой письменной речи именно в среде донского казачества. Несмотря на это, полученные сведения подтверждают значимость документов Войска Донского как источников истории русского языка и актуальность представления их в корпусе для проведения исследований в этой области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барсов А. А., 1981. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова. М. : Изд-во МГУ. 776 с.
- Горбань О. А., Косова М. В., Шептухина Е. М., 2021. Структурная разметка деловых документов в диахроническом лингвистическом корпусе: проблемы и решения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 4. С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.1>
- Горбань О. А., Косова М. В., Шептухина Е. М., Дмитриева Е. Г., Сафонова И. А., 2020. Документы Войска Донского XVIII века: лингвистическое описание и тексты. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 464 с.
- Еськова Н. А., 2008. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков : Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М. : Рукоп. памятники Древ. Руси, 2008. 960 с.
- Касаткин Л. Л., 1999. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М. : Наука : Шк. «Яз. рус. культуры». 526 с.
- Комендантов А. С., Матвеев А. Г., Светлов А. В., 2019. Автоматизация морфологической разметки архивных документов // Математическая физика и компьютерное моделирование. Т. 22, № 4. С. 53–63. DOI: <https://doi.org/10.15688/mpcm.jvolsu.2019.4.4>
- Ломоносов М. В., 1755. Российская грамматика Михайла Ломоносова. СПб. : Тип. Императ. Акад. наук. 210 с.
- Ляшевская О. Н., Плунгян В. А., Сичинава Д. В., 2005. О морфологическом стандарте Национального корпуса русского языка // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М. : Индрик. С. 111–135.
- Осипов Б. И., Гейгер Р. М., Рогожникова Т. П., 1993. Язык русских деловых памятников XV–XVIII вв. : Фонетический, орфографический и стилистический аспекты. Омск : Ом. ун-т. 96 с.
- Савчук С. О., Сичинава Д. В., 2009. Корпус русских текстов XVIII века в составе Национального корпуса русского языка: проблемы и перспективы // Национальный корпус русского языка: 2006–2009. Новые результаты и перспективы / отв. ред. В. А. Плунгян. СПб. : Нестор-История. С. 52–69.
- Сень Д. В., 2014. Архив Войска Донского и история войскового делопроизводства: актуальные вопросы изучения // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося русского ученого) : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф., г. Ростов-на-Дону, 4–5 апр. 2014 г. / отв. ред. М. Д. Розин, Д. В. Сень, Н. А. Трапш. Ростов н/Д : Фонд науки и образования. С. 484–495.
- Тарабасова Н. И., 1986. Явления вариативности в языке московской деловой письменности XVII в. / отв. ред. С. И. Котков. М. : Наука. 164 с.
- Филимонов Д. Ю., Светлов А. В., Горбань О. А., Косова М. В., Шептухина Е. М., 2020. Автоматизация процесса метаразметки архивных документов // Математическая физика и компьютерное моделирование. Т. 23, № 4. С. 56–68. DOI: <https://doi.org/10.15688/mpcm.jvolsu.2020.4.6>
- Segalovich I., 2003. A Fast Morphological Algorithm with Unknown Word Guessing Induced by a Dictionary for a Web Search Engine // Proceedings of the International Conference on Machine Learning: Models, Technologies and Applications. LasVegas : CSREAPress. P. 273–280.

ИСТОЧНИКИ

Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лиши-

ным : в 3 т. / изд. Обл. правл. Войска Донского под ред. д. чл. Донского Обл. стат. ком. А. А. Карасева, Х. И. Попова. Новочеркасск : Тип. А. А. Карасева, 1891–1894. Т. 1. 1891. 373 с. ; Т. 2, ч. 1. 1894. XXXII, 368 с. ; Т. 2, ч. 2. 1894. XXII, 369–821, XXVI с. ; Т. 3. 1894. 480 с.

Михайловский станичный атаман // Государственный архив Волгоградской области. Ф. 332. Оп. 1.
Национальный корпус русского языка. 2003–2021.
URL: <http://ruscorpora.ru>

REFERENCES

- Barsov A.A., 1981. *Rossiyskaya grammatika Antona Alekseevicha Barsova* [The Russian Grammar of Anton Barsov]. Moscow, Izd-vo MGU. 776 p.
- Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., 2021. Strukturnaya razmetka delovykh dokumentov v diakhronicheskom lingvisticheskom korpusе: problemy i resheniya [Structural Markup of Official Documents in Diachronic Linguistic Corpus: Problems and Solutions]. *Vestnik Volgogradsko gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 4, pp. 5-18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.1>
- Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., Dmitrieva E.G., Safonova I.A., 2020. *Dokumenty Voyska Donskogo XVIII veka: lingvisticheskoe opisanie i teksty* [Documents of the Don Army of the 18th Century: Linguistic Description and Texts]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 464 p.
- Eskova N.A., 2008. *Normy russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XIX vekov: Udarenie. Grammaticheskie formy. Varianty slov. Slovar. Poyasnitelnye statyi* [Norms of the Russian Literary Language of the 18th – 19th Centuries: Stress. Grammatical Forms. Variants of Words. Dictionary. Explanatory Articles]. Moscow, Rukop. pamyatniki Drev. Rusi Publ. 960 p.
- Kasatkin L.L., 1999. *Sovremennaya russkaya dialektnaya i literaturnaya fonetika kak istochnik dlya istorii russkogo yazyka* [Modern Russian Dialect and Literary Phonetics as a Source for the History of the Russian Language]. Moscow, Nauka Publ., Shk. «Yazyki russkoy kultury» Publ. 526 p.
- Komendantov A.S., Matveev A.G., Svetlov A.V., 2019. Avtomatizatsiya morfologicheskoy razmetki arkhivnykh dokumentov [Automation of Morphological Tagging of Archival Documents]. *Matematicheskaya fizika i kompyuternoe modelirovanie* [Mathematical Physics and Computer Simulation], vol. 22, no. 4, pp. 53-63. DOI: <https://doi.org/10.15688/mpcm.jvolsu.2019.4.4>
- Lomonosov M.V., 1755. *Rossiyskaya grammatika Mikhayla Lomonosova* [Mikhail Lomonosov's Russian Grammar]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Akad. nauk. 210 p.
- Lyashevskaya O.N., Plungyan V.A., Sichinava D.V., 2005. O morfologicheskom standarte Natsionalnogo korpusa russkogo yazyka [Russian Language National Corpus Morphological Standard]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka: 2003–2005. Rezultaty i perspektivy* [National Corpus of the Russian Language: 2003–2005. Results and Prospects]. Moscow, Indrik Publ., pp. 111-135.
- Osipov B.I., Geyger R.M., Rogozhnikova T.P., 1993. *Yazyk russkikh delovykh pamyatnikov XV–XVIII vv.: Foneticheskiy, orfograficheskiy i stilisticheskiy aspekty* [The Language of Russian Business Monuments of the 15th – 18th Centuries: Phonetic, Spelling and Stylistic Aspects]. Omsk, Om. un-t. 96 p.
- Savchuk S.O., Sichinava D.V., 2009. Korpus russkikh tekstov XVIII veka v sostave Natsionalnogo korpusa russkogo yazyka: problemy i perspektivy [Corpus of Russian Texts of the 18th Century as Part of the National Corpus of the Russian Language: Problems and Prospects]. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka: 2006–2009. Novye rezultaty i perspektivy* [National Corpus of the Russian Language: 2006–2009. New Results and Prospects]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 52-69.
- Sen D.V., 2014. Arkhiv Voyska Donskogo i istoriya voyskovogo deloproizvodstva: aktualnye voprosy izucheniya [Archive of the Don Army and the History of Military Records Management: Current Issues of Study]. Rozin M.D., Sen D.V., Trapsh N.A., eds. *Nauchnoye nasledie professora A.P. Pronshyteyna i aktualnye problemy razvitiya istoricheskoy nauki (k 95-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiyskogo uchenogo): materialy Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch.-prakt. konf., g. Rostov-na-Donu, 4–5 apr. 2014 g.* [The Scientific Legacy of Professor A.P. Pronstein and the Actual Problems of the Development of Historical Science (To the 95th Anniversary of the Birth of an Outstanding Russian Scientist). Materials of All-Russian (with International Participation) Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, 4–5 April 2014]. Rostov-on-Don, Fond nauki i obrazovaniya, pp. 484-495.
- Tarabasova N.I., 1986. *Yavleniya variativnosti v yazyke moskovskoy delovoy pismennosti XVII v.* [Phenomena of Variability in the Language of

- Moscow Business Writing of the 17th Century]. Moscow, Nauka Publ. 164 p.
- Filimonov D.Yu., Svetlov A.V., Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., 2020. Avtomatizatsiya protsessa metarazmetki arkhivnykh dokumentov [Automation of Archival Documents Meta Tagging]. *Matematicheskaya fizika i kompyuternoe modelirovanie* [Mathematical Physics and Computer Simulation], vol. 23, no. 4, pp. 56-68. DOI: <https://doi.org/10.15688/mpcm.jvolsu.2020.4.6>
- Segalovich I., 2003. A Fast Morphological Algorithm with Unknown Word Guessing Induced by a Dictionary for a Web Search Engine. *Proceedings of the International Conference on Machine Learning: Models, Technologies and Applications*. Las Vegas, CSREA Press, pp. 273-280.

SOURCES

- Karaseva A.A., Popova Kh.I., eds. Akty, odnosyashchiesya k istorii Voyska Donskogo, sobrannye general-mayorom A. A. Lishinym: v 3 t. [Acts Relating to the History of the Don Army, Collected by Major General A.A. Lishin. In 3 Vols.]. Novocherkassk, Tip. A.A. Karaseva, 1891–1894. Vol. 1. 1891. 373 p. ; Vol. 2, part 1. 1894. XXXII, 368 p. ; Vol. 2, part 2. 1894. XXII, 369–821, XXVI p. ; Vol. 3. 1894. 480 p.
- Mikhaylovskiy stanichnyy ataman [Mikhailovsky Stanitsa Ataman]. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti* [State Archive of Volgograd Region], f. 332, inv. 1.
- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka. 2003–2021* [The Russian National Corpus]. URL:<http://ruscorpora.ru>

Information About the Authors

Oksana A. Gorban, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, oa_gorban@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2345-3673>

Marina V. Kosova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, mv_kosova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2854-8759>

Elena M. Sheptukhina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, em_sheptukhina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8007-6042>

Andrey V. Svetlov, Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, Department of Mathematical Analysis and Function Theory, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, andrew.svetlov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8764-6132>

Информация об авторах

Оксана Анатольевна Горбань, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, oa_gorban@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2345-3673>

Марина Владимировна Косова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, mv_kosova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2854-8759>

Елена Михайловна Шептухина, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, em_sheptukhina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8007-6042>

Андрей Владимирович Светлов, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математического анализа и теории функций, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, andrew.svetlov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8764-6132>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.5>UDC 811.161.1'04
LBC 81.411.2-03Submitted: 18.05.2022
Accepted: 19.09.2022**SEMANTICS OF INCEPTION: A CORPUS-BASED RESEARCH
OF INCHOATIVE VERBS IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE ¹****Yana A. Penkova**

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The paper discusses the problem of semantic evolution of the language units. It focuses on the semantics and collocation of the inchoative verbs: *nachatisja*, *pochatisja*, *zachatisja*, *nastati*, *nastupiti*, *vozniknuti*, *pojavitisja* in the Middle Russian writing. The research is based on the historical modules of the Russian National Corpus, historical dictionaries and card indices of the Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th centuries. The primary parameter for comparing inchoative verbs is the taxonomic class of a noun used as the main participant in the situation. The author argues that, in earlier period, the main inchoative verbs were verbs with the root *-chn-* and the verb *nastati*; their collocation was much wider than in contemporary Russian (they could collocate with almost any class of a noun). The high-code verb *vozniknuti* co-occurred with nouns that categorize such types of objects that can “rise”, i.e., appear moving from bottom to top. On the contrary, the verb *nastupiti* co-occurred with nouns denoting entities and phenomena, which cover a large space and move horizontally. The verb *pojavitisja* collocated with the nouns of various phenomena, which can be perceived by senses. The verbs *nastupiti*, *pojavitisja*, *vozniknuti* are noted to have expanded their collocation gradually, taking over some meanings of the verbs *nachatisja* and *nastati*, which tended to narrow their collocation. Other verbs with the root *-chn-* ceased to be used.

Key words: inchoative verbs, collocation, taxonomic class, semantics, historical lexicology, Middle Russian, Russian language.

Citation. Penkova Ya.A. Semantics of Inception: A Corpus-Based Research of Inchoative Verbs in the History of the Russian Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 6, pp. 57-75. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.5>

УДК 811.161.1'04
ББК 81.411.2-03Дата поступления статьи: 18.05.2022
Дата принятия статьи: 19.09.2022**СЕМАНТИКА НАЧАЛА:
КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ НАЧИНАТЕЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ
В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ¹****Яна Андреевна Пенькова**

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме семантической эволюции языковых единиц. В работе описаны семантика и сочетаемость начинательных глаголов *начатися*, *початися*, *зачатися*, *настати*, *наступити*, *возникнути*, *появитися* в динамическом аспекте. Работа выполнена на материале исторических модулей Национального корпуса русского языка, исторических словарей и картотеки «Словаря русского языка XI–XVII веков». Параметром для сопоставления начинательных глаголов служит таксономический класс событийного имени существительного, называющего основного участника ситуации. В результате проведенного исследования установлено, что в среднерусский период доминировали начинательные глаголы с корнем *-чн-* и глагол *настати*, они обладали широкой сочетаемостью, употребляясь с существительными большого количества таксономических классов. Церковнославянский глагол *возникнути* использовался с событийными существительными, которые категоризируют движение по вертикали снизу вверх, а глагол *наступити* – с событийными существительными, обозначающими сущности и явления,

заполняющие большое пространство и перемещающиеся по горизонтали. Глагол *появится* сочетался с существительными, называвшими явления, которые воспринимаются различными органами чувств. Показано, что в XVIII в. глаголы *наступити*, *появится*, *возникнути* постепенно расширяли сочетаемость, перенимая часть значений, свойственных глаголам *начатися* и *настати*, сочетаемость которых сужалась. Другие глаголы с корнем *-чьн-* выходят из употребления.

Ключевые слова: начинательные глаголы, сочетаемость, таксономический класс, лексическая семантика, историческая лексикология, среднерусская письменность, русский язык.

Цитирование. Пенькова Я. А. Семантика начала: корпусное исследование глаголов начинательной семантики в истории русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 6. – С. 57–75. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.5>

Введение

Настоящая работа посвящена исследованию семантической эволюции начинательных глаголов в истории русского языка, то есть глаголов, у которых начинательность является не строевым, а тематическим компонентом в лексической семантике (о терминах см.: [Падучева, 2004, с. 180]). Помимо лексических, существует большое количество словообразовательных и морфологических способов выражения начинательности (см.: [Храковский, 2001]), эти способы в настоящей работе не рассматриваются. В центре нашего внимания находятся несколько частотных глаголов с корнем *-чьн-* (*начатися*, *початися*, *зачатися*²), а также *возникнути*, *появится*, *наступити*, *настати*. Эти глаголы объединяет то, что они употреблялись в памятниках письменности ранее и большинство из них до сих пор употребляются в текстах для обозначения начала какой-либо ситуации, названной событийным именем существительным, ср.:

(1) и по томъ к тому **начнетса осмыи вѣкъ**, конча же сеи вѣкъ не имѣеть³ (Житие Андрея Юродивого, XII в.);

(2) вниде смерть в люди тяжка и напрасна, отъ Госпожина дни **почалося** (Новг. I лет., с. 351, XV в.);

(3) хотящи **ся зачати недѣли**, приде Мария Магдалины... видѣтъ гроба (Усп. сб., с. 397, XII в., СлРЯ XI–XVII, т. 5, с. 337);

(4) и будетъ многа ра(д)сть и веселье тогда, и добрая и ѿ земля и ѿ моря **възникнутъ** поизобила (Житие Андрея Юродивого, XII в.);

(5) **появились** деи у насъ новые **вѣсти** изъ Аталиянския земли (Англ. д., с. 346, 1600 г., СлРЯ XI–XVII, т. 18, с. 90);

(6) и бысть **тма** прегустая **наступило** (Аз. пов. (сказ.)1, с. 93, XVII в.; СлРЯ XI–XVII, т. 1, с. 278);

(7) **наставши веснѣ** приде Изяславъ Кыкву (Суздальская летопись, 1377 г.).

В текстах древнерусского периода в начинательном значении широко употреблялись некоторые формы глагола *быти*, прежде всего форма аориста *бысть* и форма презенса от перфективной основы *буд-*:

(8) и **бысть матежь** великъ (История иудейской войны, XI–XII вв.);

(9) и въ послѣднѣмъ лѣтѣ(тѣ) **буде(тѣ) знаменья** въ слнци и в лунѣ и въ звѣздахъ (Почуения Серапиона, XIV в.).

Однако мы эти формы не рассматриваем, поскольку в них начинательное значение выражается не лексически, а грамматически – за счет аспектуального значения основы (о свойстве глагольного вида передавать начинательное значение см., например: [Гловинская, 1982, с. 91]).

Начинательное значение было также характерно для глагола *стати* (подробно см.: [Пенькова, 2021]). В современном русском языке он сохраняет такое значение только в сочетаниях с инфинитивом. Мы не анализируем этот глагол, ограничиваясь приставочным образованием *настати*, так как *стати*, указывая на возникновение, одновременно передает и результативность (начало ситуации неразрывно связано с ее концом), например:

(10) Начали ставить в Кирилове монастыре **церковь** камени, а **стала** в пять месяц (Лет. Тушина, с. 200, XV–XVI вв., СлРЯ XI–XVII, т. 28, с. 22–27);

(11) В томъ де у нихъ меж собою **стал спор и шум** (Якут. а., карт. 6, № 6, сст. 77, 1645 г., СлРЯ XI–XVII, т. 28, с. 25).

В примере (10) глагол обозначает ситуацию, которая достигла своей полноты, в при-

мере (11) – выражает возникновение ситуации и ее завершение (*стал спор и шум* = ‘возник и прекратился, произошел’).

Примеры (1)–(7) показывают, насколько современная система начинательных глаголов отличается от таковой в древне- и среднерусский периоды. Во-первых, в современном литературном языке не представлен глагол *початься*, а глагол *зачаться* используется только для обозначения зарождения жизни в материнской утробе (в других значениях глагол является архаизмом). Во-вторых, глагол *появится* не зафиксирован в памятниках письменности древнерусского периода, а глагол *наступити* приобрел инхотативное (начинательное) значение только в позднесреднерусский период. Таким образом, очевидно, что переход к современной системе произошел в течение XV–XVIII веков.

Семантические различия между глаголами *начаться*, *возникнуть*, *появиться* и *наступить* в современном русском языке подробно описаны в лингвистике, однако динамика семантических изменений в истории русского языка не становилась предметом отдельного исследования. Внимание лингвистов в основном сосредоточивалось на перифрастических конструкциях с глаголами *начати*, *почати* и др., присоединяющими инфинитив (ср.: [Юрьева, 2020; Пенькова, 2019]). Настоящая работа призвана восполнить существующую лауну.

Материал и методы исследования

В фокусе нашего внимания находятся тексты среднерусского периода и XVIII в., поскольку именно в это время в семантике и сочетаемости данных глаголов происходят основные изменения, которые привели к формированию современной системы. Основными источниками исследования послужили среднерусский корпус и корпус XVIII в. в составе НКРЯ, дополнительными – картотека «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (далее – картотека ДРС), хранящаяся в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН, и исторические словари в объеме опубликованных томов: «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (далее – СлРЯ XI–XVII), «Сло-

варь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» (далее – СОРЯМР), «Словарь русского языка XVIII в.» (далее – СлРЯ XVIII). Кроме того, привлекались количественные данные древнерусского корпуса в составе НКРЯ.

Поиск соответствующих примеров в исторических корпусах осуществлялся по леммам «начатися», «початися», «зачатися», «возникнути», «появитися», «настати», «наступити». Далее все вхождения классифицировались в соответствии с семантикой глагола. Мы отобрали все примеры употребления глаголов *начатися*, *початися*, *зачатися*, *возникнути*, *появитися*, *настати*, *наступити* в начинательном значении из среднерусского корпуса НКРЯ (объем корпуса 8 561 261 словоформ), корпуса XVIII в. (объем корпуса 6 563 517 словоформ), исторических словарей и картотеки ДРС.

Основным параметром для сопоставления начинательных глаголов послужил таксономический класс событийного имени существительного, называющего основного участника ситуации. Мы выделили следующие семантические классы имен существительных: существительные, обозначающие человека (лицо), совокупность лиц, животное, материальный предмет, субстанции, пространственные объекты, объекты вербального характера, абстрактные сущности, состояния, отношения, оценки и параметры, отрезки и моменты времени, события, процессы и деятельности.

В таблице 1 представлено хронологическое распределение фиксации рассматриваемых начинательных глаголов. Полу жирным выделены единицы, характеризующиеся относительно высокой частотностью в тот или иной период, курсивом – низкой частотностью. Частотность измеряется в количестве фиксаций на миллион словоупотреблений (ipm – items per million). Для определения частотности в древнерусский период использовался древнерусский корпус объемом 573 252 словоформы, частотность в среднерусской письменности считалась в объеме среднерусского (старорусского) корпуса (см. объем выше). Частотность в текстах XVIII в. оценивалась на материале подкорпуса текстов XVIII в. (см. объем выше) в составе основного корпуса НКРЯ. Частот-

Таблица 1. Представленность начинательных глаголов в разные периоды истории русского языка

Table 1. Inchoative verbs in different historical periods of Russian

Древнерусский период		Среднерусский период		XVIII в.		Современный русский литературный язык (XX в.)	
Лексическая единица	Частотность, ipm	Лексическая единица	Частотность, ipm	Лексическая единица	Частотность, ipm	Лексическая единица	Частотность, ipm
начатися	3,5	начатися	11	начаться	84	начаться	200
початися	5,2	початися	4,2	–	–	–	–
зачатися *	–	зачатися	3,9	зачаться	4,7	зачаться	0,6
настати	82	настати	17	настать	31	настать	27
<i>възникнути</i>	1,7	<i>возникнути</i>	0,4	<i>возникнуть</i>	5,8	возникнуть	98
–	–	<i>появитися</i>	2,5	появиться	16	появиться	227
–	–	<i>наступити</i>	2,5	наступить	35	наступить	72

Примечание. * – в древнерусском корпусе не представлен, но фиксируется в исторических словарях (СлРЯ XI–XVII, т. 5, с. 337; СДРЯ, т. 3, с. 355).

Note. * – absent in the Old Russian Corpus, but registered in historical dictionaries (Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv., vol. 5, p. 337; Slovar drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.), vol. 3, p. 355).

ность в современный период определялась на основе подкорпуса текстов XX в. объемом 182 102 664 словоформы. В подсчетах учитывались только употребления данных глаголов в начинательном значении.

Как видно из таблицы, в древнерусский период глагол *настати* был самым частотным, в то время как *начатися*, *початися*, *зачатися*, *възникнути* представлены единичными примерами, остальные начинательные глаголы в этот период не зафиксированы. В среднерусский период наиболее частотны глаголы *настати* и *начатися*, гораздо реже встречаются *зачатися*, *початися* и *возникнути*. Фиксируются начинательные глаголы *появитися* и *наступити*, характеризующиеся в этот период низкой частотностью. В XVIII в. глагол *начаться* практически вытесняет другие однокоренные глаголы: *початься* не встречается, а *зачаться* становится самым малочастотным среди начинательных глаголов. С XVIII в. отмечается постепенный рост частотности глагола *возникнуть*, существенно возрастает частотность глаголов *появиться* и *наступить*. В XX в. самыми частотными из начинательных глаголов становятся *начаться*⁴ и *появиться*, частотность глаголов *возникнуть* и *наступить* также увеличивается, тогда как *настать*, самый распространенный в древне- и среднерусский периоды, в текстах XX в. становится одним из самых редких начинательных глаголов.

Результаты и обсуждение

Семантика начинательных глаголов в современном русском языке

В современном русском языке начинательные глаголы имеют существенные семантические различия, отраженные в сочетаемости этих лексических единиц. Е.В. Падучева делит такие глаголы на две группы: собственно фазовые (*начаться*), которые обозначают конкретную фазу ситуации (в данном случае – начальную⁵), и фазовые в широком смысле, или начинательные, которые обозначают возникновение ситуации «целиком», без выделения начальной фазы, к последним принадлежат глаголы *возникнуть*, *наступить*, *появиться* [Падучева, 2004, с. 179–196]. Глагол *настать* в указанной работе не рассматривается.

В современном русском языке типично, что субъект при глаголе *начаться* выражен существительным, обозначающим процесс (*начался дождь, ветер, кашель*) или деятельности (*началось чтение, танцы, беседа, строительство*) [Падучева, 2004, с. 184]. Глагол *начаться* применим к ситуациям, которые имеют протяженность и развитие, то есть требуют времени для реализации и делятся на фазы. Такие ситуации Г.И. Кустова называет темпоральными [Кустова, 2002, с. 73].

Глагол *наступить* сочетается с существительными, обозначающими отрезки времени, события и состояния (ср.: *наступила*

зима, ночь, тишина) – ситуации, которые не связаны с развитием [Падучева, 2004, с. 182]. Г.И. Кустова также уточняет, что важным свойством этих ситуаций является их расположение в определенной последовательности на временной оси, иными словами, их наступление ожидаемо для говорящего (ср.: *наступил понедельник, наступил день свадьбы*) [Кустова, 2002, с. 76]. Существительные, обозначающие эмоциональные или ментальные состояния, обычно не сочетаются с *наступить* (*наступила мысль) [Падучева, 2004, с. 182].

Глагол *возникнуть*, как и *наступить*, не относится к собственным фазовым. В отличие от *наступить*, субъект действия, обозначенного глаголом *возникнуть*, как правило, выражен существительными, называющими не состояния, а сущности (все, что не протекает во времени), в том числе предметными именами: *новые города, облако*. Если *наступить* выражает наступление чего-либо только в мире реальном, то *возникнуть* может употребляться и по отношению к абстрактному миру (ср.: *возникли мысль, идея, вопрос*): «в семантике *наступать* важна идея “ступания” – перемещения по земле; а *возникать* обозначает чистый переход от небытия к бытию» [Падучева, 2004, с. 191].

Глагол *появиться*, близкий к *возникнуть*, отличается от последнего тем, что у *появиться* значение ‘начать быть в поле зрения наблюдателя’ связано с перемещением, тогда как *возникнуть* если и предполагает какое-либо движение, то только снизу вверх [Падучева, 2004, с. 192].

Некоторые наблюдения над глаголом *настать* (и другими начинательными глаголами) в русском языке в сопоставлении с чешским представлены в работе [Reuther, 1998], в которой показано, что *настать* обладает довольно узкой сочетаемостью и употребляется преимущественно с названиями некоторых отрезков времени, в отличие от его чешского когната, имеющего очень широкую сочетаемость [Reuther, 1998, р. 66–67].

Далее мы сопоставим таксономические классы существительных, называющих основных участников ситуаций, которые выражены глаголами *начатися, початися, зачатися, возникнуть, появиться, настати, наступити* в памятниках среднерусской письменнос-

ти и в текстах XVIII в., и попытаемся установить особенности их сочетаемости, различия, существовавшие между ними в среднерусский период, а также направление семантических изменений.

Глаголы с корнем -чьн-:

начатися, початися, зачатися

У праславянского корня **čьn-* (и.-е. корня **ken-*) реконструируется значение ‘родиться, прорасти, начинаться’ (ЭССЯ, с. 109). Чередованием в аблауте этот корень связан с корнем **kon-* со значением ‘предел, ряд’. Известно, что *начало* и *конец, начати* и *кончати* исторически являются однокоренными словами (ср. словенск. *konez* ‘конец; начало’) ⁶.

В древне- и среднерусский периоды сочетаемостные возможности глагола *начатися* отличались от таковых в современном русском языке. Приведем несколько примеров из картотеки ДРС и НКРЯ:

(12) и сидеть судья и въздасть комуже по дѣлу своему, и по томъ к тому **начнетса осмыи вѣкъ**, конча же сеи вѣкъ не имѣтъ (Житие Андрея Юродивого, XII в.);

(13) Того же лѣта явися... на городищи проща именовъ пречистые Богородицы, и многое множество **прощение** человеком всяким недугом **начася** (Псков. 3 лет., л. 237);

(14) Благодарственныя же хвалы и радостныя песни великому и богоносному чудотворцу Сергию от всех возсылаеми бываху, зане от дому его **начятся добродѣяние** (Сказ. Авр. Палицына, с. 199, 1620 г.);

(15) Сице убо неблагочестне в человецех **наченшуся царьству**, якоже рече Господь наш Исус Христос во Евангелии: еже есть высоко в человецех, мерзость есть пред Богом (Ив. Гр. Посл., с. 198–199, 1577 г.);

(16) Сказаніе сибирскія земли о **царѣхъ** и **князехъ** како и откуда **начашася** и чесо ради Сибирь именуется (Строгановская летопись по Толстовскому списку, 1630–1640);

(17) Поставихомъ таковой храмъ въ моей князѣ... внегда **начатися** Иоаннову **благовѣстію** (Посл. Епиф., с. 6, СлРЯ XI–XVII, т. 10, с. 311);

(18) Да мы жь великие государи... пожаловали... до Унския губы тонями... а противъ тѣхъ тонь черными **лѣсами** и **мхами**, которые **начались** отъ моря (ДАИ, т. X, с. 303, 1683–1686 гг.).

Приведенные примеры показывают, что *начатися* мог употребляться с существительными, обозначающими и временные отрезки (ср. совр. *наступить*), как в примере (12), и точечные события (*прощение, добродѣяние*), ср. примеры (13)–(14). Однако возможность *начатися* употребляться с названиями точечных ситуаций объясняется узуально-хабитуальным контекстом: *прощение* и *добродѣяние* – не однократно, а многократно повторяющиеся события, в совокупности представляющие собой некий протяженный во времени континуум. Современным эквивалентом для таких употреблений *начатися* мог бы служить глагол *пойти*, также возможный в фазовом значении в контекстах, представляющих итеративные или узуальные ситуации ('из его рода пошли добродетели', 'с этого времени пошло исцеление / пошли исцеления болезней'), ср.:

(19) Погода **пошла** плохая – через день шторм (БАС, с. 346);

(20) **Пойдут** сплетни да разговоры (БАС, с. 346).

Еще одной группой имен существительных, с которыми сочетался глагол *начатися*, являются предметные существительные: *мхи, благовѣстие* (в значении 'текст Евангелия'), ср. примеры (17)–(18), однако такое употребление мало чем отличается от современного (ср.: *начались болота, леса; началась глава*), поскольку здесь речь также идет о протяженной во времени ситуации, только протяженность обеспечивается не длительностью самой ситуации, а движением наблюдателя. *Начатися* в этом случае фиксирует именно начальную точку движения.

В примерах (15)–(16) *начатися* сочетается с существительными *царство, цари*, обозначающими сущности, не протяженные во времени. В современном русском языке это сфера употребления глагола *возникнуть*. В отличие от современного глагола *возникнуть*, *начатися* в данном случае помещает в фокус не само возникновение из небытия, но именно начало, зарождение того или иного явления, имеющего дальнейшее длительное существование. При этом также важно, что, сочетаясь с

«нетемпоральными» существительными (*цари, князья* и т. д.), *начатися*, подобно глаголу *пойти* в начинательном значении, маркирует именно начало узуальной ситуации: существительные *царь* и *князь* в данном случае употребляются в предикатной функции – имеется в виду не появление конкретных князей, а появление сибирских князей как класса явлений (ср.: *откуда пошли князья*).

В целом же, принимая во внимание все примеры, можно заключить, что глаголу *начатися* в среднерусский период свойственно обозначать совершаемые интенсивно и длительно процессы или деятельности, в том числе узуальные и связанные с движением наблюдателя (ср.: *добродѣяние, прощение, осмый вѣкъ, территория мхов*). Кроме того, *начатися* употребляется для характеристики тех ситуаций, которые предполагают некоторую подготовительную фазу, некоторые предпосылки для своего осуществления (ср.: *сидет судия – начнется осмый вѣкъ; Сице убо не благочестне в человецех наченишуся царству* и т. д.).

Представим сочетаемость глагола *начатися* в таблице 2. Здесь и далее данные из памятников среднерусской письменности и текстов XVIII в. приводятся отдельно. В последнем столбце приводится общее количество существительных определенного таксономического класса, каждое из которых считается только один раз независимо от того, сколько раз оно встретилось в контексте с начинательным глаголом.

Как видно из таблицы, глагол *начатися* в среднерусский период имел широкую сочетаемость (названия лиц, природных и культурных объектов, состояния, названия отрезков времени, события, процессы и деятельности), которую он сохранил и в XVIII веке. Иными словами, в среднерусский период все типы ситуаций, выраженные в контексте глаголом *начатися*, категоризируются как имеющие начало. Однако уже в XVIII в. отмечается тенденция употребления данного глагола преимущественно с существительными, обозначающими процессы и деятельности, то есть исключительно темпоральные ситуации.

Таблица 2. Сочетаемость глагола *nachatisja*

Table 2. Collocation of the verb *nachatisja*

Таксономический класс	Хронологический период		Всего
	XV–XVII вв.	XVIII в.	
Человек (лицо)	<i>Цари, князья</i>	<i>Цари, думные дьяки, люди</i>	5
Материальный предмет (естественные и искусственные объекты)	<i>Калябрия, мост, Казанское (и др.) царство, друкарня, благовестие 'текст Евангелия', леса, мхи</i>	<i>Книги, камень, морская вода, берег, горы, волок, пустошь, вал, ров, жилища, селения, жительства, монастырь, дача, уезд, стена, округ, палисадник, ступени, переходы, нитка, журнал, Катехизис, ребра</i>	31
Абстрактные сущности	<i>Благочестие</i>	<i>Имя, общежитие, наместничество, требования, династия, достоинство, наука, купечество, церковь, священство, вера, секта, академия, христианство, стихосложение, благопристойность, средство, художества, ремесла, общества, орден</i>	22
Состояния	<i>Тяжкое время, болезнь, злая, начало, ярмо</i>	<i>Благополучие, смятение, владение, бытность, род жизни, муки, боли, жизнь, негодование, ипохондрия, интрига, жары, сожаление, морозы, недосуги, нестроения, мучения, печали, стужа, вечная (и т. д.) жизнь, рай в сердце, язва, болезнь, замешательство, страсть, счастье, состояние, блаженство, ясная погода, роскоши</i>	35
Отношение	<i>Злоба, любовь</i>	<i>Любовь, претензии, ссора, холодность, обиды, дружба, вражды, крамолы, согласие, распри</i>	11
Отрезки времени	<i>Великий пост, день</i>	<i>День, пост, весна, год, эпоха славы, век, первый час, август</i>	8
События	<i>Присвоение, прощение, братоубийство, добродетели</i>	<i>Припадки, несчастья, объятия, насилия, визит, донос, затмение, ответы</i>	12
Процессы / деятельности	<i>Благовест, процессия, ветер, вечерня, целование, государствование, брань, междоусобие, война, погребение, битва, дело, пожар, державство, скипетроправление, слово, беседа</i>	<i>Строение 'строительство', пожар, открытие (комиссии), Духовная коллегия, спор, присяга, война, служба, осада, поход, пение, разорение, течение, разговор, пересуды, насмешки, брань, промыслы, волнение, бой, огонь 'стрельба', стрельба, дебоиство, пьянство, атака, сейм, приступ, вьюга, буря, баталия, поветрие, мор, правительство, приготовление, апрои, выступление, действие, конференции, негоциация, маскарад, фейерверк, описание, прием, подписка, балдаровка, шествие, проезд, бунт, розыск, пьеса, мари, выборы, переговоры, обряд, музыка, гульбища, катания, балы, танцы, пляска, праздники, празднование, поприще, переписка, торжество, репетиции, учения, строи, баллотировка, кампания, канонада, выговоры, пени, усвоение, судаченье, шептание, перешептывание, интриги, сплетни, суеты, празднества, рекрутский набор, забавы, суд, диспут, дело, театр, всенощная, образование, пальба, пение, торги, сражение, собрание, школа, свадьба, сочинение, проба, экзамен, звон, лекции, кормление, ращение, движение, ужины, ярмарка, пиры, игра, опера, балет, увеселения, веселье, обеденный стол 'обед', схватка, побище, поединок, эксперимент, путешествие, пилигримство, возвратный путь, стук, топот, шепот, рукоплескание, толки, крестины, собор, исправление языка, вызовы, резвости, континуация, карантин, набор, роман, производство, съезд, драка, странствие, работа, заседание, карнавал, воспитание, гонения, рассуждения, чтение, поздравление, тяжи, чин, раздача, очищение, рысталище, нагноение, дележ, пириество, потуги, пирование, торжество, плач, церемония, рыдание, вопли, колебание земли, ход, перемена книг, поправление книг, поход, потоп, сотворение мира, эволюция, просвещение, прощание, езда, слово, прививание, битва, следствие</i>	176

Глагол *початися* ожидаемо весьма близок к *начатися*, однако, по данным СлРЯ XI–XVII вв. и картотеки ДРС, имеет свои особенности: он не полностью совпадает с *начатися* по сочетаемости. Ср.:

(21) Того же лѣта бысть морь силенъ въ Новѣградѣ... вниде смѣрть в люди тяжка и напрасна, отъ Госпожина дни почалося нольнѣ и до Велика дни (Новг. I лет., с. 351, XV в.);

(22) Почался соймъ на середокрестной недѣли (АМГ, т. I, с. 349, 1632 г., СлРЯ XI–XVII, т. 18, с. 66);

(23) А отъ того башенного мѣста до московскихъ воротъ, от которыхъ мѣра почелась, городовые стѣны 40 саж (Баг. маг., с. 47, 1665 г.);

(24) А то байберешное дѣло почалось со 193 году (ДАИ, с. 195, 1685 г.);

(25) А межа той пустоши... почалась отъ Верхнеозерской рѣки (ДАИ, т. XII, с. 324, 1687 г.);

(26) И вложи Бѣ Ярославу в мысль, и постави ег<о> [Илариона] митрополитомъ стѣни Софии, и так и почася от того час<а> мѣсто то (Переясл. лет., с. 44–45, XV в.);

(27) Преже... сего, как и Астарахан<ь> почалас<ь>, в Астарахани таких болших судов с рыбою и с сол<ь>ю не окладывали (Астрах. а., № 1148, 1628–1629 гг.);

(28) Князь Семень сказаль, что у него мысль почалась потому, какъ государь недомогаля (Лет. рус., с. 15, XVII в.);

(29) А иза Анъдранаполя тутъ почнутъ уѣздны люди тѣ болгарские (Турц., с. 28, XVII в.);

(30) И проѣхавъ де село Воздвиженское, тогъ рострига почался имь встрѣчу (Сл. и д., т. II, с. 40, 1701 г.).

Приведенные примеры показывают, что *початися* употребляется с существительны-

ми, обозначающими процессы и деятельности, как *начатися* (*мѣра* ‘измерение’, *дѣло*, *соймъ*, *морь*). В случае со словом *межа* тоже можно говорить о процессе – движении наблюдателя. С *початися* также могут сочетаться существительные, обозначающие точечные события, представленные как длительный процесс за счет узуального контекста (ср.: *смерть*, пример (21)). Оба типа ситуаций совпадают с теми, которые обозначаются глаголом *начатися*. Однако *початися*, в отличие от *начатися*, шире употребляется с названиями существей, не протяженных во времени (*мѣсто*, *Астрахань*, *мысль*), в том числе с существительными, называющими человека (*рострига*, *уѣздные люди*), и такие употребления не связаны с узуальностью. Иными словами, *початися* ведет себя подобно глаголам *появиться* и *возникнуть* в современном русском литературном языке. В текстах XVIII в., по данным НКРЯ, глагол *початися* не употребляется.

Представим особенности сочетаемости глагола *початися* в виде таблицы (табл. 3).

Глагол *зачатися* фиксируется начиная с древнейших памятников письменности (SJS, vol. I, s. 665; СлРЯ XI–XVII, т. 5, с. 337), в которых он употребляется как в значении ‘начаться’, так и в значении ‘зародиться в утробе’. В XVI–XVII вв. глагол *зачатися* употребляется в значении ‘зародиться в утробе’, сочетаясь с именами существительными, называющими человека, в значении ‘возникнуть’ – с названиями различных местностей, городов и

Таблица 3. Сочетаемость глагола *початися*

Table 3. Collocation of the verb *pochatisja*

Таксономический класс	Хронологический период		Всего
	XV–XVII вв.	XVIII в.	
Человек (лицо)	Сын Слово (о Христе), уездные люди	рострига	3
Материальный предмет (искусственные объекты)	Образы	–	1
Пространственные объекты	Дорога, Казанское царство, Астрахань, место, межа	–	5
Абстрактные сущности	Мысль	–	1
Отношение	Дружба, любовь	–	2
Отрезки времени	Дни, часы	–	2
События	Смерть	–	1
Процессы / деятельности	Бой, мор, звериная ловля, смертоносие, сойм(а), бань, дело	–	7

государств (*Казанское царство, Казань, монастырь, обитель*), а также в значении ‘начаться’ – с именами процессов и деятельностей (*война, бунт, молитвы*), редко – состояний и отношений (*беда, любовь*). Представим сочетаемость глагола *зачатися* в виде таблицы (табл. 4).

Как видно из таблицы, в XVIII в. глагол *зачатися* сохраняет относительно широкую сочетаемость и продолжает употребляться как с одушевленными существительными, выражая значение ‘зародиться’, так и с неодушевленными существительными, называющими процессы и деятельности, аналогично глаголу *начатися* (ср. сохранение широкой сочетаемости глагола *zачit(se)* в чешском языке [Reuther, 1998, p. 65–66]). Значение ‘начаться’ сохраняется в говорах (СРНГ, с. 178), а из литературного языка вытесняется за счет экспансии глагола *начаться* (см. выше), гораздо более частотного в XVIII веке. В результате у глагола *зачаться* наблюдается сужение семантики, в современном русском литературном языке он выражает только значение ‘зародиться’.

**Глагол изменения положения
возникнути**

Глагол *возникнути* в своем архетипическом значении ‘встать, подняться’ являет-

ся глаголом изменения положения. Этот глагол фиксируется начиная с первых письменных источников и известен уже в старославянских памятниках, ср.:

(31) **Възникъ** [‘поднялся’] и, възърѣвъ, не видѣ никогоже (SJS, vol. I, s. 291).

В этом значении он продолжает употребляться вплоть до XVIII в., являясь церковнославянизмом в русской письменности, ср.:

(32) Нѣкій человекъ, именемъ Иванъ... прииде къ рацѣ святаго святителя Юны и знаменася у цѣльбоносныхъ его мощей и, поцеловавъ руку его, начать вопити, елико можаше, не могій **возникнути** отъ мощей святаго (Степенная книга («Книга Степенная царского родословия»). 14-я степень [Василий II Тёмный], 1560–1563);

(33) **Возникни** же и ты главу свою, плодоносная Россия, и изчисли нам победы свои (Архиепископ Платон (Левшин). Слово в день Первоверховных апостол Петра и Павла, 1770).

На базе этого значения за счет метафорического переноса развивается значение ‘начать быть видимым для наблюдателя, появиться в поле зрения наблюдателя’, в основе которого лежит метафора «вверх – начало», «вниз – конец». Типологически сходное семантическое развитие можно наблюдать у глагола *поднять-*

Таблица 4. Сочетаемость глагола *зачатися*

Table 4. Collocation of the verb *zachatisja*

Таксономический класс	Хронологический период		Всего
	XV–XVII вв.	XVIII в.	
Человек (лицо)	<i>Иисус Христос, Иоанн, Пресвятая Богородица, наследник, самодержец, князь, дитя</i>	<i>Младенец, детище, человек, сын, Сын Божий, Бог</i>	13
Животное	–	<i>Животное</i>	1
Материальный предмет (естественные и искусственные объекты)	<i>Обитель, монастырь</i>	<i>Завод, крепость</i>	4
Пространственные объекты	<i>Пустоши, Казанское царство, Казань, Орда</i>	–	4
Объекты вербального характера	–	<i>Комедия, трагедия, пословица</i>	3
Состояния	<i>Беда</i>	<i>Болезнь</i>	2
Отношение	<i>Любовь</i>	–	1
Процессы / деятельности	<i>Война, бунт, дело, молитвы, пеня ‘тяжба’</i>	<i>Разговор, коммерция, споры, хлопоты, огонь ‘стрельба’, комиссия, строение ‘строительство’, сейм, стрельба, мор, бой, дело, идолопоклонство, дача ‘раздача’</i>	19

ся, совпадающего в своем архетипическом значении с глаголом *возникнуть* (ср.: *поднялась буря, поднялось восстание*), ср. также типологически близкий англ. глагол *arise* ‘вставать; возникать, появляться’. Метафорическое переосмысление семантики глагола *возникнути* отражено в типичных для этого значения контекстах с указанием среды, из которой появляется (букв. «поднимается»), новая сущность:

(34) Из **россиискаго народа возниче** нѣкто стрѣлецкаго порождения ересеучитель именем Дмитрий Евдокимов (КВЗ, СлРЯ XVIII, т. 4, с. 21–22);

(35) **На зыбях**, казалось, всею природою забыгтых, **возникает** град великий (Пнк. 1800 8, СлРЯ XVIII, т. 4, с. 21–22).

Значение ‘появиться в поле зрения наблюдателя’ имеет в пресуппозиции существование субъекта, который из ненаблюдаемого становится наблюдаемым. Далее из этого значения развивается начинательное значение ‘начать существовать’, в пресуппозиции которого субъект не существует:

(36) И не виде, откуда **возникоша соблазны и возбранения** божественаго пути (Фрагмент послания старца некоего монастыря [Дементия?] монаху другого монастыря, призывающего отложить злую брань и распря в обители, 1470–1530);

(37) И аще начисто будеши очищати, то и по тебе уже то **терние возникнути** не возможет (Посошков И.Т. Завещание отеческое к сыну своему..., 1718–1725).

Представим в виде таблицы сочетаемость глагола *возникнути* в русской письменности (табл. 5). В таблицу внесены только те существительные, в контексте с которыми *возникнути* имеет начинательное значение, а не значение изменения положения в пространстве.

Данные, приведенные в таблице, показывают, что в среднерусский период глагол *возникнути* употреблялся преимущественно с одушевленными существительными, называющими человека, что объясняется архетипическим значением ‘подняться’. В это время глагол *возникнути* употребляется также с существительными, обозначающими растения. Имена, входящие в эти группы, обозначают то, что может расти и подниматься, для чего вертикальная ось координат является основной. Сочетания глагола *возникнути* с предметными именами такой семантики зафиксированы и в текстах XVIII в.: *плевелы, тыква, растения, город, звезды*, категоризируются как растущее вверх, возникающее в результате движения по вертикальной оси, ср.:

Таблица 5. Сочетаемость начинательного глагола *возникнути*

Table 5. Collocation of the inchoative verb *vozniknuti*

Таксономический класс	Хронологический период		Всего
	XV–XVII вв.	XVIII в.	
Человек (лицо)	<i>Нѣции плътнии смыслъ, воры, бунтовцики, папы, Моисей, пророк, муж, еретики</i>	<i>Младенец, укорители, муж, льстец, аравляна</i>	12
Совокупность лиц	–	<i>Народ, рать</i>	2
Предметные имена (естественные и искусственные объекты)	<i>Трава, терние</i>	<i>Плевелы, тыква, растения, города, град, звезды</i>	8
Абстрактные сущности	<i>Соблазны, возбранения, ереси, пагу-ба, долг</i>	<i>Престол, власть, царства, державы, искусства, науки, вера, образ мыслей, понятия, дух народов, дух любомудрия, язва, чума, зло, идолопоклонство, Магометово учение, образы возлюбленных, мысль, великость (завоевателя)</i>	23
Состояния	–	<i>Страсть, надежда, чувствование</i>	3
Отношение	–	<i>Распря, вражда, ненависть</i>	3
Отрезки времени	–	–	–
События	–	<i>Присвоение (собственностей)</i>	1
Процессы / деятельности	–	<i>Буря, молва</i>	2

(38) Сладка была сень Ионе от **тыквы**, над главою его **возникшей** (Митрополит Стефан (Яворский). Проповеди, 1700–1722).

Небольшая группа существительных, называющих абстрактные сущности и употребляющихся с глаголом *возникнути* в среднерусской письменности, показывает дальнейшее направление семантической эволюции этого глагола. В XVIII в. такие существительные становятся уже преобладающими, среди них доминируют абстрактные имена, обозначающие нетемпоральные, то есть не разворачивающиеся во времени, явления, различные ментальные понятия (*учение, образ, мысль, дух, вера* и др.). Только с XVIII в. глагол *возникнути* приобретает способность сочетаться с существительными, называющими состояния и отношения из чувствуемого мира (*страсть, ненависть, надежда* и др.).

Глагол восприятия *появится*

Появится не зафиксирован в древнерусских памятниках (отсутствует в СДРЯ и древнерусском корпусе НКРЯ). Согласно СлРЯ XI–XVII, данный глагол начинает употребляться в русской письменности с XVI века. Наиболее ранние вхождения в НКРЯ относятся к рубежу XV–XVI вв. (ср. пример (39) из Новгородской Карамзинской летописи по списку конца XV – начала XVI в.). Исходным для *появится* является значение ‘в результате перемещения начать находиться в поле зрения наблюдателя’ (ср. типологически близкий англ. глагол *appear* < лат. *ad parere* ‘прийти в поле зрения’):

(39) Въ 11 день... узрѣвшѣ смолянѣ в полѣ, и се **появился стягъ**, еже есть плѣкъ рати литовская (Новгородская Карамзинская летопись. Вторая выборка, 1400–1450).

В этом значении *появится* синонимичен глаголу *возникнути* в соответствующем значении: в пресуппозиции субъект существует еще до того, как становится видимым для наблюдателя. От этого значения развивается несколько производных: локативно-узואльное ‘появляться в каком-л. месте на протяжении длительного времени’ (40) и ‘обнаружиться, стать известным’ (41):

(40) **Появилася галка** в Новом монастыре бела, аки голубъ бел, и много время была, мало не

до смерти царя Федора Ивановича (Пискаревский летописец, 1600–1650);

(41) А где на ту вотчину **появятца** у ково какие ни есть **крепи**, и мне, Василью, та отчина очищати ото всяких крепей, а убытка монастырю не довести никаково (Данная Василя Федорова сына Борисова Борисогл. монастырю на жеребий сц. Пополутово, д. Дубенки и пуст. Веретея в Дубровском ст. Муромского у., 1577.05.01).

От значения ‘начать существовать в поле зрения наблюдателя’ развивается бытийное значение ‘начать существовать’, в пресуппозиции субъект не существует или существует в скрытом виде:

(42) болячка нача рдѣтисѣ; он же нача болѣ прикладывати; и учинисѣ на болячкѣ яко прыщѣ малъ, и **появисѣ** в ней мало гною (Повесть о болезни и смерти Василя III, 1533–1550);

(43) а мясо по времени вывѣшивати, а и в рыбѣ только **духъ появится**, ино перемывъ вывѣшивать же (Домострой, 1500–1560);

(44) А путь зимней приходит последней, река Нарова портитца, свѣрх леду **появилася вода** великая (Разрядная книга 1475–1598 гг. Разряды 1512–1598 гг., 1512–1598);

(45) А будет **вести появятца**, учнет збиратисѣ король, или болшиѣ литовские люди и посадцкие люди, а поидет, собрався, Полотцку, и тогда бояром и воеводам береженьѣ держати великое к тутошним людям (Записная книга Полоцкого похода, 1562–1563);

(46) Того жѣ мѣсяца Юля писали изъ Великого Новагорода... что **появилось повѣтрее** въ Великомъ Новѣгородѣ въ Шелонской пятинѣ Юля въ 19 день (Отрывок из летописи о временах царя Ивана Васильевича Грозного, 1563–1567).

Широко употребителен глагол *появится* и в значении ‘прибыть куда-л., предстать перед кем-л.’, ср.:

(47) Надобно бы что доброе-то здѣлат[ь] и с чем бы **появит[ь]ся** пред вл[а]д[ы]ку, а то умрем всяко (Протопоп Аввакум. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, 1672–1675).

Данное значение не относится к начинательным и не рассматривается в дальнейшем.

Представим особенности сочетаемости глагола *появится* с событийными именами существительными в таблице 6. В таблицу помещаются только те существительные, в сочетании с которыми *появится* имеет зна-

чение ‘начать существовать’ или ‘начать существовать в поле зрения наблюдателя не в результате перемещения субъекта или наблюдателя’, поскольку в семантике глагола *появиться* акцентируется начало существования ситуации именно в контексте наблюдателя, и далеко не всегда возможно разделить употребления, в которых речь идет о возникновении ситуации или объекта, до этого не существовавших, и о начале существования ситуации именно в восприятии наблюдателя, до этого существовавшей в неявном, скрытом виде (ср.: *появилось поветрие*).

Данных, позволяющих судить о сочетаемости глагола *появиться* в памятниках XVI–XVII вв., крайне мало: *появиться* в начальном значении в этот период употребляется редко. Однако очевидны различия между *возникнути* и *появиться*: в среднерусский период первый употребляется преимущественно в церковнославянской письменности, второй – в текстах не книжных и относящихся к гибриднему регистру; начальное значение первый реализует в сочетании с одуше-

ленными существительными и существительными, выражающими абстрактные сущности, метонимически отсылающими к деятелю, стоящему за ними (*ереси, возбранения* и др.), второй – преимущественно с существительными, называющими субстанции.

Частотность *появиться* увеличивается в XVIII веке. Из таблицы видно, что в семантике данного глагола содержится сильный перцептивный компонент, поскольку *появиться* сочетается с существительными, объединенными общим свойством: они обозначают нечто воспринимаемое, чувствуемое. Помимо предметных существительных и именованных объектов природного мира, сюда входят названия субстанций и различных внешних проявлений физических состояний. В отличие от *возникнути*, часто употребляемого с существительными, обозначающими абстрактные сущности из ментальной сферы, глагол *появиться* тяготеет к употреблению с такими абстрактными существительными, которые выражают оценку, осуществляемую субъектом на основе восприятия и наблюдения: *признаки, черты, следы, склонность* и др.

Таблица 6. Сочетаемость глагола *появиться*

Table 6. Collocation of the verb *pojavitisja*

Таксономический класс	Хронологический период		Всего
	XIV–XVII вв.	XVIII в.	
Совокупность живых существ	<i>Червь</i>	–	1
Материальный предмет	<i>Соболи</i> ‘собольи шкуры’	<i>Деньжонки, деньги, фракы, монета, каменный град, дворец, хрустальный мост, башня</i>	9
Пространственные объекты	–	<i>Острова</i>	1
Объекты природного мира	–	<i>Предметы природы, крысы, насекомые, туча оводу, дерево, звезда, Марс, раковины, трава</i>	9
Объекты вербального характера	<i>Вести</i>	<i>Стешки, стихи, сочинения, наречия, эпиграмы, писание ‘выражение’, книга</i>	8
Субстанции	<i>Вода, гной, дух, голос, плод</i>	<i>Дым, пар, пламя, капельки масла</i>	9
Физические состояния и их проявления	<i>Поветрие, провал (на спине лошади), язвы</i>	<i>Корь, язва, пот, слезы, зараза, начало заразы, болезнь, опухоль, пузырь, карбункул, жилка, бледность, горячка</i>	15
Оценки, параметры	<i>Порча</i>	<i>Признаки, черты (ненависти), склонность (к сатире), тщеславие, системы (философии), школы, следы (оное показывающие)</i>	8
Абстрактные сущности	<i>Житие</i>	–	1
Нефизические состояния	–	<i>Удовольствие</i>	1
Отрезки времени	–	–	0
События	–	<i>Убийства, неистовства</i>	2
Процессы / деятельности	–	<i>Междоусобные войны, мор</i>	2
Другое	–	<i>Великая течь, щели</i>	2

Глагол контакта настати

Глагол *настати* в своем архетипическом значении ‘вступить, наступить’ является глаголом контакта, ср.:

(48) На нов **настахомъ** неблазньнь путь (Ирм. (Амф.), 1250 г., СлРЯ XI–XVII, т. 10, с. 266).

От этого значения развиваются значения ‘стать во главе, вступить на престол’ и ‘напасть, ополчиться против кого-либо’:

(49) Кресомысл после отца на государство **настал**, а от шляхты Премыславовою шапкою коронован (История вкратце о Богеме, 1650–1675);

(50) И какъ мы учинились у твоего царского величества в подданстве, и Дадиян **настал** на нас горше прежнего (Посольство Елчина, с. 376, 1657 г., СлРЯ XI–XVII, т. 10, с. 266).

Однако уже с самого раннего времени (в том числе в старославянских памятниках) этот глагол функционирует преимущественно как начинательный, сохраняя эту специализацию и в современном русском языке, ср.:

(51) и **наста** федорова **недѣла** поста (Повесть временных лет. Ипатьевский список, первая четверть XV в.);

(52) Он понял, что сейчас потеряет ее, что **настала** эта **минута**, что сейчас потеряет все близкое ему, все, что привязывает его к жизни, и он останется один (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Улитка на склоне, 1966–1968).

Представим распределение семантических типов существительных, сочетающихся с *настати*, в виде таблицы (табл. 7). Как видно из таблицы, существенных изменений в сочетаемости глагола *настати* в рассматриваемые периоды не наблюдается: этот глагол употребляется преимущественно с существительными, выражающими состояния и отрезки времени, а также с большим количеством существительных, обозначающих процессы и деятельности. Именно сочетаемость с последними отличает этот глагол от современного глагола *настать*, не употребляющегося с существительными типа *ветер*, *шторм*, *дождь*, *битва* и под. Из этой сферы глагол *настать* был вытеснен глаголом *начаться*.

Таблица 7. Сочетаемость глагола *настати*

Table 7. Collocation of the inchoative verb *nastati*

Таксономический класс	Хронологический период		Всего
	XV–XVII вв.	XVIII в.	
Пространственные объекты	<i>Княжение (суздальское и др.), Сибирь, остров</i>	<i>Зимний путь, зимняя дорога, устье, порог (реки)</i>	7
Природные объекты	<i>Солнце</i>	<i>Луна</i>	2
Абстрактные сущности	<i>Прелести</i>	<i>Христианство, вопрос, множество</i>	4
Состояния	<i>Оттепелие, тьма, свет, глад, морозы</i>	<i>Молчание, перемена, тишина, мода, жары, непогода, ненастье, погода, нужда, надежда, страх, состояние, возраст, воздух, глад, морозы, стужа, заморозы, теплынь, туман, счастье, благополучие, зависимость, царство (перен.), мир, печаль, зло, смешение</i>	31
Отношения	<i>Божий гнев, ярость</i>	–	2
Отрезки времени	<i>Лето ‘год’, година, год, время, век, индикт, весна, осень, зима, ночь, вечер, утро, день, час, седмица, понедельник, неделя ‘воскресенье’, месяц, март, июнь</i>	<i>Год, время, эпоха, век, вечность, месяц, весна, зима, ночь, день, вечер, утро, заря, час, минута, масленица, Великий пост</i>	26
Момент времени	<i>Праздник, память</i>	<i>Праздник, число, полдень, конец, начало, очередь</i>	7
События	–	<i>Беда, горе, несчастье</i>	3
Процессы / деятельности	<i>Жатва, насилдование, трижнение, торжество, война, ветер</i>	<i>Ветер, война, размножение, шторм, гроза, буря, дождь, ливень, обновление, движение, сражение, сеча, битва, звон, тиранство, помощь, бань</i>	21

Глагол контакта наступити

Глагол *наступити* имеет архетипическое значение ‘наступить (ногой на что-либо)’. В древнерусских текстах он не встречается в начинательном значении, а употребляется или в своем прямом значении (53), или в переносных значениях ‘посягнуть’, ‘нарушить’ (54) и ‘напасть (войной)’ (55), в основе которых, по-видимому, лежит когнитивная метафора «сверху – сильнее».

(53) На испиду [так!] и василииску **наступлю** и поперу льва и змия (Усп. сб., с. 482, XII в., СлРЯ XI–XVII, т. 10, с. 277);

(54) А кто на се цѣлованье **наступитъ**, на того Богъ и Святая Богородица (Договорная грамота тверского великого князя Михаила Александровича с Новгородом о мире, 1375);

(55) А все то мене Богъ казнилъ за мое высокоумие, что **наступилъ** есми на Русь на крестномъ целование (Московский летописный свод, 1479–1492).

В среднерусский период у этого глагола отмечается значение ‘надвинуться, распространиться по поверхности’, утраченное в современном русском языке. В этом значении глагол *наступити* сочетается с событийными существительными. В основе такого семантического развития лежит импликация ‘наступить, встать сверху’ > ‘покрыть некоторую поверхность’:

(56) Сынове Рустии **наступиша** поля Коломенския, яко не мощно их никому же презрѣти (Вологодско-Пермская летопись (852–1538 гг.), 1550–1590);

(57) многая бо **вода рѣчная на лед наступи**, и никакоже по леду никому невозможно поступити (Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича, 1553–1555).

В современном русском литературном языке у глагола *наступити* не сохранилось и значение ‘занять какое-либо место вслед за кем-либо’, то есть ‘сменить кого-либо’:

(58) Обаче сии радостнее суть, егда родят и дщерей, нежели оныя, иже родят сыны, того ради, ибо егда султан умрет, старейший его сын **наступит** на царство, прочих всех братьев своих велит подавити (А. Лызлов. Скифская история, 1692).

Начинательное значение глагол *наступити* приобретает довольно поздно, по-видимому,

не ранее XVI века. Однако самые ранние примеры все еще можно интерпретировать как метафорическое употребление *наступити* в значении ‘наступить, надвинуться’ или ‘покрыть какое-либо пространство’. Эти употребления *наступити* в начинательном значении ограничены сочетаниями рассматриваемого глагола с существительными, называющими объемные природные объекты или субстанции, имеющие диффузную структуру: *облак, тьма, вода*. В источниках только начиная с XVII в. появляются существительные, обозначающие состояния (*тьма* может рассматриваться и как субстанция, и как состояние): *печальное время, горестъ затруднение*.

Представим распределение семантических типов имен существительных, сочетающихся с *наступити*, в виде таблицы (см. табл. 8).

Как видно из таблицы, глагол *наступити* в начинательном значении в среднерусский период употреблялся с существительными, обозначающими бесформенные субстанции, которые могут заполнять большое пространство в результате перемещения по горизонтали. Примечательно, что это именно такие состояния, которые связаны с чем-либо темным, мрачным, печальным, тягостным, имеющим отрицательную оценку (*тьма, печальное время, горестъ, гнев Божий*). В XVIII в. рассматриваемый глагол расширил свои сочетаемостные возможности. Существительные, обозначающие мрачные состояния и отношения преобладают (*отчаяние, болезнь, сумрак, темнота, мрак, расстройство, рабство, тягость, опасность, ненастье, голод, старость, леть, ложь, притворство*), хотя зафиксированы и обозначения других состояний (*тишина, свет, мороз, засуха, другая жизнь*). Кроме того, представлены существительные, обозначающие события, процессы и деятельности (*война, ветер, буря, волнение, наводнения, убойство, яд ‘отравление’, измена, злключения*), для них в целом сочетаемость с *наступити* нехарактерна, однако не исключена. Заметим, что эти существительные также выражают отрицательную оценку.

С типологической точки зрения к глаголу *наступитъ* весьма близок глагол *надвинуться*, который также сочетается с большин-

Таблица 8. Сочетаемость начинательного глагола *наступити*Table 8. Collocation of the inchoative verb *nastupiti*

Таксономический класс	Хронологический период		Всего
	XV–XVII вв.	XVIII в.	
Материальный объект	–	<i>Палаты светлые</i>	1
Пространственные объекты	–	<i>Черемисские селения, два порога, два волока, зимний путь</i>	4
Природные объекты	<i>Облак, туча с дождем, рой</i>	–	3
Субстанции	<i>Вода, руда ‘болотная ржавчина’</i>	<i>Туман</i>	3
Состояния	<i>Печальное время, тьма, затруднение, горесть</i>	<i>Отчаяние, состояние, болезнь, погода, распутица, сумрак, темнота, тишина, свет, мрак, расстройство, рабство, тягость, опасность, ненастье, мороз, засуха, другая жизнь, голод, старость, варварство</i>	25
Отношения	<i>Гнев Божий</i>	<i>Лесть, ложь, притворство</i>	4
Качества	–	<i>Мужеская крепость</i>	1
Отрезки времени	<i>Ночь</i>	<i>Ночь, день, вечер, утренник, время, век, год, индикт, весна, зима, лето, осень, май, октябрь, апрель, месяц, минута, великий пост, пора, обстоятельства, май</i>	21
Момент времени	–	<i>Час, полночь, полдень, мгновение, срок, праздник Пасхи, развязка</i>	7
События	<i>Убийство, яд ‘отравление’, измена</i>	<i>Злоключения</i>	4
Процессы / деятельности	<i>Война</i>	<i>Война, ветер, буря, волнение, наводнения, закисание</i>	6

ством из приведенных выше существительных, обозначающих состояния, однако образность, связанная с идеей перемещения, в употреблении этого глагола еще сохраняется, поскольку он, например, не сочетается с существительными, выражающими состояния, воспринимаемые как нечто положительное (**надвинулся свет, *надвинулась радость*).

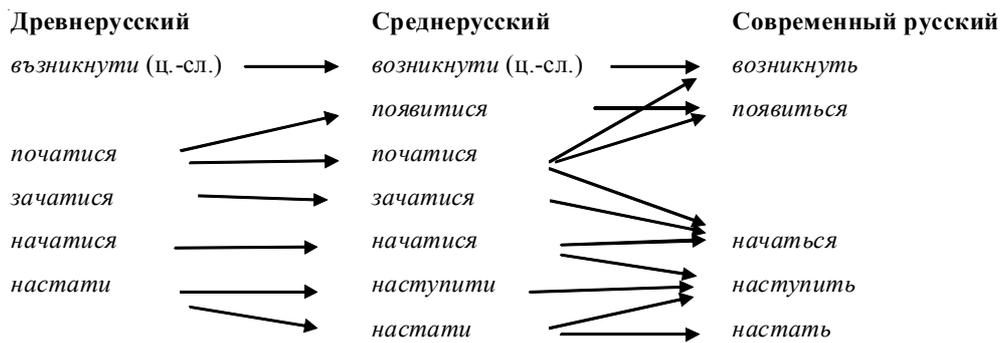
В современном русском языке *наступити* широко употребляется с названиями отрезков времени. Однако первоначально глагол *наступити* сочетался только с существительным *ночь*, которое ассоциативно весьма близко существительному *тьма* и также может пониматься не только как отрезок времени, но и как состояние. Далее метонимически *наступити* распространяется на другие обозначения отрезков времени, в том числе точечных моментов (например, *мгновение*).

Глаголы *наступити* и *настати* имеют схожую сочетаемость, однако *наступити* и в XVIII в. все еще сохраняет некоторую избирательность и сочетается чаще именно с существительными, связанными с отрицательной оценкой.

Выводы

Исследование позволяет реконструировать систему начинательных глаголов и ее эволюцию в истории русского языка. Ниже приведена карта перестройки системы начинательных глаголов (см. рисунок).

В древне- и среднерусский период центральное место занимали глаголы с корнем *-чьн-* и глагол *настати*. Сочетаемость глаголов с корнем *-чьн-* была весьма широкой: они употреблялись как с существительными, обозначающими процессы и деятельности, так и с предметными именами, существительными, называющими человека, названиями состояний и событий в узуальном контексте. Для глагола *начатися* значимой была семантика длительности (длительный процесс или деятельность, длительная серия повторяющихся событий, длительное существование определенного класса явлений или сущностей). Глаголы с корнем *-чьн-* сочетались с существительными, обозначающими не только темпоральные ситуации, но и не протяженные во времени сущности. Глагол

Семантическая перестройка системы начинательных глаголов
 Semantic restructuring of the system of inchoative verbs

настати использовался для маркирования конкретного момента наступления новой ситуации. Глагол *возникнути* употреблялся редко и только в церковнославянских памятниках вплоть до XVIII в. первоначально преимущественно с одушевленными или другими существительными, обозначающими объекты реальной действительности, которые категоризируются как поднимающиеся (двигающиеся снизу вверх), затем расширил свои сочетаемостные возможности, о чем свидетельствует его употребление с существительными, обозначающими абстрактные ментальные сущности, не имеющие темпоральной характеристики.

В среднерусский период у глагола *настати* формируется конкурент – глагол контакта *наступити*, который сначала сочетается с существительными, обозначающими субстанции, которые могут заполнять большое пространство, перемещаясь по горизонтали, а затем – уже в XVIII в. – расширяет сочетаемость, употребляясь с существительными, обозначающими состояния и отрезки времени и связанными с отрицательной оценкой. При этом постепенно сокращается сфера употребления глагола *настати*.

В этот же период начинает употребляться глагол *появитися*, который, имея в семантике перцептивный семантический компонент, сочетается преимущественно с существительными, обозначающими наблюдаемые и воспринимаемые органами чувств явления или признаки этих явлений.

Глагол *начатися* постепенно вытесняет другие глаголы с корнем *-чьн-*, одновременно специализируясь на выражении темпоральных ситуаций (процессов и деятельности с ярко

выраженной начальной фазой развития), при этом средством выражения гомогенных ситуаций, не имеющих такой фазы (например, состояния), становится глагол *наступити*.

Таким образом, сочетаемость начинательных глаголов в текстах древне- и среднерусского периодов отражает представления о том, что начинаться могла любая ситуация, необязательно разворачивающаяся во времени. В текстах XVIII в. обнаруживается категоризация уже нескольких типов ситуаций, выраженных разными начинательными глаголами: ситуации, разворачивающиеся во времени и членящиеся на фазы (*начаться*); ситуации, не членящиеся на фазы и разворачивающиеся во времени, – состояния, отрезки времени (*наступить*); появление абстрактных ментальных сущностей (*возникнуть*); появление сущностей, воспринимаемых органами чувств (*появиться*).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект 20-18-00206 «Дистрибутивно-квантитативный анализ семантических изменений на основе больших диахронических корпусов».

The study is given a financial support by The Russian Science Foundation, the research project no. 20-18-00206 entitled “Distributional-quantitative analysis of semantic changes based on large diachronic text corpora”.

² Глаголы *вчатися*, *всчатися* и *учатися* не рассматриваются, поскольку представлены в памятниках письменности единичными примерами.

³ Примеры из НКРЯ приводятся в той орфографии, в которой они представлены в корпусе, примеры из «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и из других источников даются в упрощенной графике.

Тексты, цитируемые по НКРЯ и историческим словарям, в списке источников не указываются.

⁴ О соотношении частотности *начать* и *стать* в современном русском языке см. также [Молдован, 2010, с. 5].

⁵ Фазовые глаголы не ограничены маркированием только начальной фазы, они могут также обозначать срединную и финальную фазы (подробно см.: [Храковский, 2001; Engerer, 2014]).

⁶ О семантике слов с корнем *-кон-* и *-чл-/чьн-/чин-* в старославянской и церковнославянской письменности см.: [Матвеевко, 2002].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гловинская М. Я., 1982. Семантические типы видовых противопоставлений русского языка. М. : Наука. 155 с.
- Кустова Г. И., 2002. Семантические аспекты лексических функций (глаголы со значением ‘начаться’/ ‘кончиться’) // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / под ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Индрик. С. 69–82.
- Матвеевко В. А., 2002. Начало как продолжение и конец как исполнение (на материале старо- и церковнославянского языка) // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / под ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Индрик. С. 96–108.
- Молдован А. М., 2010. К истории фазового глагола *стать* в русском языке // Русский язык в научном освещении. № 19 (1). С. 5–17.
- Падучева Е. В., 2004. Динамические модели в семантике лексики. М. : Яз. слав. культуры. 608 с.
- Пенькова Я. А., 2019. *Иму, учьну, стану, буду*: корпусное исследование перифраз будущего времени в среднерусской письменности // Slavistična revija. Vol. 67, № 4. С. 569–586.
- Пенькова Я. А., 2021. К вопросу о грамматикализации глагола *стати* в истории русского языка // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности : сб. ст. к 70-летию акад. А.М. Молдована / под ред. А. А. Пичхадзе [и др.]. М. ; СПб. : Нестор-История. С. 51–72.
- Храковский В. С., 2001. Семантика фазовости и средства ее выражения // Теория функциональной грамматики : Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / под ред. А. В. Бондарко. М. : Эдиториал УРСС. С. 153–180.
- Юрьева И. С., 2020. Инфинитивные конструкции с глаголом *начати* // Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса / под ред. А. А. Пичхадзе. СПб. : Нестор-История. С. 296–344.
- Engerer V., 2014. Phases in Verbal Semantics // Events, Arguments, and Aspects: Topics in the Semantics of Verbs / ed. by K. Robering. [S. l.] : John Benjamins Publishing Company. P. 227–260. (Studies in Language Companion Series ; [vol.] 152).
- Reuther T., 1998. О сочетаемости фазовых глаголов с существительными в чешском и русском языках // Issues in Valency and Meaning: Studies in Honour of Jarmila Panevová / ed. by E. Hajičová. Prague : Karolinum. P. 62–74.

ИСТОЧНИКИ

- Баг. мат.* – Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI–XVIII столетии, собранные в разных архивах и отредактированные Д. И. Багалеем. В 2 т. Т. 1. Харьков : [б. и.], 1886. [6], XXI, [1], 358, [3] с.
- ДАИ* – Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией : в 12 т. СПб. : Эдуард Прац, 1846–1872. Т. X. 1867. 504 с. ; Т. XII. 1872. 469 с.
- Ив. Гр. Посл.* – Послания Ивана Грозного / подгот. текста Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. 715 с.
- НКРЯ* – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
- Новг. Илет.* – Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку / изд. Археогр. комис. СПб. : Императ. акад. наук, 1888. X, 490, XCIX с.
- Псков. 3 лет.* – Псковские летописи. Вып. 2 / под ред. А. Н. Насонова. М. : Изд-во АН СССР, 1955. 365 с.
- Сказ. Авр. Палицына* – Сказание Авраамия Палицына / подгот. текста и коммент. О. А. Державиной, Е. В. Колосовой ; под ред. А. В. Черепнина. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. 347 с.

СЛОВАРИ

- БАС* – Большой академический словарь русского языка. Т. 18 / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Наука, 2011. 772 с.
- СДРЯ* – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М. : Рус. яз. 1988– .
- СлРЯ XI–XVII* – Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1975– .
- СлРЯ XVIII* – Словарь русского языка XVIII века. Л. : Наука, 1984– .
- СОЛЯМР* – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков. СПб. : Наука, 2004– .

- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 11. Зароситься – зубрѣнка / гл. ред. Ф. П. Филин. Л.: Наука, 1976. 363 с.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский фонд. Вып. 4. *čaběnitī – *děl'а / под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1977. 235 с.
- SJS – Slovník jazyka staroslověnského (Lexicon linguae palaeoslovenicae). I–IV / J. Kurz a kol. Praha: Nakl. Československé akademie věd, 1966–1997.

REFERENCES

- Glovinskaya M. Ya., 1982. *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavleniy russkogo yazyka* [Semantic Types of Aspectual Opposition of the Russian Language]. Moscow, Nauka Publ. 155 p.
- Kustova G. I., 2002. Semanticheskie aspekty leksicheskikh funktsiy (glagoly so znacheniem 'nachatsya' / 'konchitsya') [Semantic Aspects of Lexical Functions (Verbs with the Meaning 'begin' / 'end')]. Arutyunova N. D., ed. *Logicheskyy analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa* [Logical Analysis of Language. Semantics of Beginning and End]. Moscow, Indrik Publ., pp. 69–82.
- Matveenko V. A., 2002. Nachalo kak prodolzhenie i konets kak ispolnenie (na materiale staro- i tserkovnoslavjanskogo yazyka) [The Beginning as a Continuation and the End as a Fulfillment (on the Material of the Old and Church Slavonic Language)]. Arutyunova N. D., ed. *Logicheskyy analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa* [Logical Analysis of Language. Semantics of Beginning and End]. Moscow, Indrik Publ., pp. 96–108.
- Moldovan A. M., 2010. K istorii fazovogo glagola stat v russkom yazyke [On the History of the Phasal Verb stat in Russian]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 19 (1), pp. 5–17.
- Paducheva E. V., 2004. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in the Semantics of Lexis]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ. 608 p.
- Penkova Ya. A., 2019. Imu, uchnu, stanu, budu: korpusnoe issledovanie perifrasy budushchego vremeni v srednerusskoy pismennosti [Imu, uchnu, stanu, budu: A Corpus-Based Study of Periphrastic Future Constructions in Middle Russian]. *Slavistična revija*, vol. 67, no. 4, pp. 569–586.
- Penkova Ya. A., 2021. K voprosu o grammatikalizatsii glagola stati v istorii russkogo yazyka [On the

Issue of Grammaticalization of the Verb Stati in the History of the Russian Language]. Pichkhadze A. A., Yuryeva I. S., Mishina E. A., Mushinskaya M. S., Kagarlitskiy Yu. V., eds. *Slova, konstruksii i teksty v istorii russkoy pismennosti: sb. st. k 70-letiyu akad. A. M. Moldovana* [Words, Constructions and Texts in the History of Russian Writing. Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Academician A. M. Moldovan]. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 51–72.

- Khrakovskiy V. S., 2001. Semantika fazovosti i sredstva ee vyrazheniya [Semantics of Phaseness and Means of its Expression]. Bondarko A. V., ed. *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Vvedenie. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis* [Theory of Functional Grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal Localization. Taxis]. Moscow, Editorial URSS Publ., pp. 153–180.
- Yuryeva I. S., 2020. Infinitivnye konstruksii s glagolom nachati [Infinitive Constructions with the Verb nachati]. Pichkhadze A. A., ed. *Ocherki drevnerusskogo i staroruskogo sintaksisa* [Essays on Old and Middle Russian Syntax]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 296–344.
- Engerer V., 2014. Phases in Verbal Semantics. Robering K., ed. *Events, Arguments, and Aspects: Topics in the Semantics of Verbs*. S. 1., John Benjamins Publishing Company, pp. 227–260. (Studies in Language Companion Series; 152).
- Reuther T., 1998. O sochetanosti fazovykh glagolov s sushchestvitelnymi v cheshskom i russkom yazykakh [On the Collocation of Phasal Verbs with Nouns in Czech and Russian]. Hajičová E., ed. *Issues in Valency and Meaning: Studies in honour of Jarmila Panevová*. Prague, Karolinum Press, pp. 62–74.

SOURCES

- Materialy dlja istorii kolonizatsii i byta stepnoj okrainy Moskovskogo gosudarstva (Harkovskoj i otchasti Kurskoj i Voronezhskoj gub.) v XVI–XVIII stoletii, sobrannye v raznykh arhivah i redaktirovannye D. I. Bagaleem. V 2 t. T. 1* [Materials for the History of Colonization and Life of the Steppe Outskirts of the Moscow State (Kharkov and Partly Kursk and Voronezh Provinces) in the 16th–18th Centuries, Collected in Various Archives and Edited by D. I. Bagalei. In 2 Vols. Vol. 1]. Kharkiv, s.n., 1886. 6, XXI, 1, 358, 3 p.
- Dopolnenija k Aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arheograficheskoy komissiey: v 12 t.*

- [Additions to the Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission. In 12 Vols.]. Saint Petersburg, Jeduard Prac Publ., 1846–1872. Vol. 10. 1867. 504 p.; Vol. 12. 1867. 469 p.
- Lihachev D.S., Lurye Ja.S., Adrianova-Perete V.P., eds. *Poslanija Ivana Groznogo* [Messages from Ivan the Terrible]. Moscow, Leningad, Izd-vo AN SSSR, 1951. 715 p.
- Nacionalnyj korpus russkogo jazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
- Novgorodskaja letopis po Sinodalnomu haratejnomu spisku* [Novgorod Chronicle According to the Synodal Copy]. Saint Petersburg, Imperatorskaja akademija nauk, 1888. X, 490, XCIX p.
- Nasonov A.N., ed. *Pskovskie letopisi. Vyp. 2* [Pskov Chronicles. Iss. 2]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1955. 365 p.
- Derzhavina O.A., Kolosova E.V., Cherepnin A.V., eds. *Skazanie Avraamija Palicyna* [The Story of Avraamy Palitsyn]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1955. 347 p.
- Dictionary of the Russian Language. Vol. 18]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2011. 772 p.
- Slovar drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian Language (11th–14th Centuries)]. Moscow, Russkiy yazyk Publ. 1988–.
- Slovar russkogo jazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975–.
- Slovar russkogo jazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1984–.
- Slovar obikhodnogo russkogo jazyka Moskovskoy Rusi XVI–XVII vekov* [Dictionary of the Colloquial Russian Language of Muscovite Russia of the 16th–17th Centuries]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2004–.
- Filin F.P., ed. *Slovar russkikh narodnykh govorov. Vyp. 11. Zarositsya – zubrenka* [Dictionary of Russian Dialects. Iss. 11. Zarositsya – zubrenka]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 363 p.
- Trubachev O.N., ed. *Etimologicheskij slovar slavyanskikh jazykov. Praslavyanskiy fond. Vyp. 4. *čaběniti – *děl'a* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic Fund. Iss. 4. *čaběniti – *děl'a]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 235 p.
- Kurz J. a kol. *Slovník jazyka staroslověnského (Lexicon linguae palaeoslovenicae). 1–4*. Prague, Nakl. Československé akademie věd, 1966–1997.

DICTIONARIES

Information About the Author

Yana A. Penkova, Candidate of Sciences (Philology), Acting Leading Researcher, Department of Linguistic Source Study, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Volhonka St, 18/2, 119019 Moscow, Russia, amoena@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6624-2633>

Информация об авторе

Яна Андреевна Пенькова, кандидат филологических наук, и. о. ведущего научного сотрудника Отдела лингвистического источниковедения, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, ул. Волхонка, 18/2, 119019 г. Москва, Россия, amoena@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6624-2633>

www.volsu.ru

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.6>

UDC 811.161.1'04

LBC 81.411.2-03

Submitted: 10.11.2021

Accepted: 20.06.2022

THE PARTICIPIAL CLAUSE IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Boris V. Kunavin

North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

Abstract. The article examines the structure of the participle clause, in which the participle precedes the subject, with the actant or subordinate clause related to the participle placed in postposition. The study aims to reveal grammatical indicators of the participle predicativity, to determine the dynamics of the use of the clause under consideration, its stylistic peculiarities and the reasons for its loss in the Russian language. The application of comparative-historical and comparative-typological methods has enabled the author to prove the higher degree of predicative power of prepositive participles in comparison with the postpositive ones. The grammatical indicators of the participle predicativity have been established. They are expressed in word order, agreement of the participle and the subject in meaning, separation of the participial clause from the verbal part of the sentence with a dot or their connection by means of coordinating conjunction. The participial clause structural diversity has been studied and the development of absolute participle clauses on its basis has been revealed. The dynamics of its use in different periods of the history of the Russian language has been investigated. The frequency of its use has been ascertained in the written records of various genres dating back to the 11th – 17th centuries. The analysis of the texts originating from the 18th century has shown the dynamics of participial clause use in different periods of the history of the Russian language, which indicates the reference of such participial constructions to the bookish style.

Key words: secondary predicate, peripheral predicate, actant, gerund, appositive participle, main predicate, participial clause, history of the Russian language.

Citation. Kunavin B.V. The Participial Clause in the History of the Russian Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 6, pp. 76-87. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.6>

УДК 811.161.1'04

ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 10.11.2021

Дата принятия статьи: 20.06.2022

ПРИЧАСТНАЯ КЛАУЗА В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Борис Всеволодович Кунавин

Северо-Осетинский государственный университет, г. Владикавказ, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты изучения структуры причастной клаузы, в которой причастие стоит перед подлежащим, а после него следует актанта или придаточное предложение, относящиеся к причастию. Цель исследования заключается в определении грамматических индикаторов предикативности причастия, динамики употребления анализируемой клаузы, ее стилистической маркированности и причин утраты в русском языке. С применением сравнительно-исторического и сопоставительно-типологического

методов доказана более высокая степень предикативной силы препозитивных причастий в сравнении с постпозитивными. Установлены грамматические индикаторы предикативности причастия, которые выражаются в порядке слов, согласовании по смыслу причастия и подлежащего, отделении точкой причастной клаузы от глагольной части предложения или их соединении посредством сочинительного союза. Выявлено структурное многообразие рассматриваемой причастной клаузы, и охарактеризованы пути развития на ее основе абсолютных причастных клауз. Сделан вывод о частотности употребления причастной клаузы в разножанровых памятниках письменности XI–XVII веков. С привлечением текстов XVIII в. показана динамика использования исследуемых причастных клауз в различные периоды истории русского языка, свидетельствующая о тяготении таких причастных конструкций к книжному стилю.

Ключевые слова: второстепенное сказуемое, периферийный предикат, актант, герундий, аппозитивное причастие, главный предикат, причастная клауза, история русского языка.

Цитирование. Кунавин Б. В. Причастная клауза в истории русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 6. – С. 76–87. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.6>

Введение

Причастия в древнерусском языке отличались высокой степенью употребительности, что было обусловлено их необычайной синтаксической подвижностью, выражавшейся в многообразии функций. Особенно активны были именные действительные причастия в именительном падеже, находящиеся на одной синтаксической линии с глаголом-сказуемым в составе предложения.

Отмечая высокую предикативную силу именных действительных причастий в древнерусском языке, исследователи со времен А.А. Потебни указывают на их функционирование в качестве единственного предиката в составе *nominativus absolutus*, *dativus absolutus*, *genitivus absolutus*, придаточной части сложноподчиненного предложения [Кунавин, 2008].

Однако вне внимания многих ученых оставалась структурная перестройка конструкций с причастием, ярко свидетельствующая о его функциональных преобразованиях на пути перехода в деепричастие. Данным фактом в значительной мере обусловлена актуальность настоящего исследования.

Актуальность исследования клаузы с причастием в вершине заключается также в ее существенности для доказательства высокой предикативной силы древнерусского именного действительного причастия, поскольку она использовалась в односубъектных оборотах и ее невозможно истолковать иначе как оригинальную. Другие конструкции, отражающие высокую предикативную силу причастия (*nominativus absolutus*, обороты типа

въставъ и рече), многими исследователями не признаются самотождественными.

Важность ее изучения обусловлена тем, что она характеризовалась выраженной предикативностью в границах односубъектной конструкции, имея для этого собственные грамматические показатели, с которыми невозможно не согласиться.

Дело в том, что, например, именительные самостоятельные обороты некоторые исследователи, находясь под впечатлением современного языкового восприятия, определяли либо как именные предложения [Růžička, 1963; Zubaty, 1954; и др.], либо как анаколуфы без соответствующего глагольного сказуемого [Кудрявский, 1916], либо как обороты с опущенной связкой [Никифоров, 1952], либо как квазисамостоятельные [Ferrand, 1976], а союз между причастием и глаголом считали либо ошибкой писца [Miklošič, 1883], либо частицей [Kurz, 1958].

Недостаточная изученность истории именных действительных причастий не позволяет адекватно описать особенности синтаксического употребления деепричастий в современном русском языке. К настоящему времени, несмотря на значительное количество работ, посвященных деепричастию [Абдулхакова, 2007; Бахаева, Хабусиева, 2018; Безроднова, 2009а; Кудрявцева, 2012; Чупашева, 2008; Haspelmath, 1995], остается множество неразрешенных проблем. Не определен грамматический статус деепричастия, противоречиво характеризуется его связь с глаголом-сказуемым и подлежащим, остается дискуссионным вопрос о синтаксической роли де-

епричастий, не решена проблема нормативности ряда конструкций с деепричастием и др.

Цель статьи заключается в выявлении грамматических индикаторов предикативности причастия, в определении динамики употребления анализируемой клаузы, ее стилистической маркированности и причин утраты.

Материал и методы исследования

В работе использованы следующие методы: сравнительно-исторический, сопоставительно-типологический, трансформационный, а также прием количественной характеристики.

Материалом исследования послужила личная картотека автора, содержащая около 300 фрагментов текстов с причастными клаузами. Языковые факты извлечены методом сплошной выборки из разнообразных произведений, относящихся к XI–XVII векам.

Результаты и обсуждение

Многие исследователи древнерусских причастий касались проблемы порядка слов в аспекте выявления степени их предикативности.

Предикативность причастий выражается в терминах «апозитивное причастие» и «второстепенное сказуемое». Впервые термин «апозитивное причастие» был употреблен Г. Курциусом по отношению к греческому причастию. Он полагал, что апозитивное причастие в сравнении с атрибутивным обладает большей предикативной силой [Curtius, 1870, S. 201]. Затем данный термин в отношении к древнерусскому причастию начал использовать А.А. Потебня [Потебня, 1958, с. 489]. При определенных условиях апозитивными могут быть, согласно мнению А.А. Потебни, также прилагательные и существительные [Потебня, 1958, с. 109]. Вместе с тем, стремясь подчеркнуть большую предикативную силу причастия в сравнении с существительными и прилагательными, автор начинает употреблять по отношению к нему термин «второстепенное сказуемое», которым именуется и синтаксическую функцию инфинитива [Потебня, 1958, с. 373–375]. Термин «апозитивный» используется также для обозна-

чения сочетания приложения с определяемым словом [Корнилов, 2008; Малахов, 2008].

Особая предикативная сила причастия в древнерусском языке выражалась в использовании причастной связки в сочетании с именными предикативами, в соединении причастия с глаголом в спрягаемой форме союзом *и*, в функционировании причастного сказуемого в именительных самостоятельных оборотах и, как их разновидности, в придаточной части сложноподчиненного предложения [Потебня, 1958, с. 185, 208]. В сравнении со своим предшественником «деепричастие, напротив, является достаточно узкоспециальной грамматической формой» [Гращенков, 2014, с. 35], в отличие, например, от английского герундия, характеризующегося большим функциональным разнообразием [Cornilescu, 2004; Pires, 2001; Reuland, 1983].

В дальнейшем приведенные аргументы А.А. Потебни были дополнены Е.С. Истриной, указавшей на отделение причастной клаузы точкой от остальной части предложения, а также на согласование причастия по смыслу с подлежащим, что свидетельствует о ее автономном по отношению к глаголу-сказуемому характере. Е.С. Истрина отказывается от термина «апозитивное причастие» и использует лишь термин «второстепенное сказуемое», отрицая полное подчинение такого сказуемого главному предикату [Истрина, 1919, с. 80]. Данная точка зрения была принята многими исследователями (см., например: [Абдулхакова, 2007; Ružička, 1963; Večerka, 1959; и др.]).

Однако спорным представляется суждение Е.С. Истриной о том, что причастное действие в семантическом плане является второстепенным относительно действия главного сказуемого, хотя и было поддержано исследователями [Абдулхакова, 2007; Гращенков, 2014; и др.]. Данное суждение оспаривал Р. Ружичка, заменив термин «второстепенное сказуемое» термином «периферийный предикат». Согласно его мнению, периферийный предикат отличается от центрального своей грамматической (не семантической) зависимостью, которая проявляется в его устремленности к центральному предикату. Предикация центрального предиката носит закрытый характер, а предикация

периферийного предиката характеризуется как открытая и требует закрытия глагольным сказуемым. Периферийный предикат отличается от второстепенного члена предложения тем, что он грамматически не подчиняется главному сказуемому так, как ему подчиняется обстоятельство в современном русском языке [Růžička, 1963, S. 20].

Следуя отечественной традиции, мы предпочитаем термин «второстепенное сказуемое», под которым понимаем грамматическую зависимость от глагольного сказуемого.

Итак, в древнерусском языке была трехступенчатая градация членов предложения: главные члены предложения – второстепенное сказуемое – второстепенные члены предложения. Второстепенное сказуемое выражало предикативность через посредство главного сказуемого, без которого не могло выражать ни времени, ни лица, ни модальности [Истрина, 1919, с. 83].

Впрочем, ставить точку в данном вопросе еще рано, ибо некоторые исследователи пытались отождествить причастный предикат в определенных конструкциях с главным сказуемым [Руднев, 1959, с. 83–84; Růžička, 1963, S. 226; Večerka, 1959, s. 38], а также с деепричастием [Ferrand, 1983].

По месту относительно главного сказуемого причастия подразделяются на препозитивные и постпозитивные. Впервые подобное деление осуществила Е.С. Истрина. Выражение «постпозитивное причастие» встречается уже у А.А. Потебни [Потебня, 1958, с. 198], однако их обоснованного деления на препозитивные и постпозитивные по приведенному выше основанию у него нет.

Деление причастий на препозитивные и постпозитивные было вызвано различиями в их предикативной силе, то есть степень предикативности причастия тесно увязывалась с порядком слов [Истрина, 1919, с. 84]. Было отмечено, что у препозитивного причастия степень предикативности выше, нежели у постпозитивного. Данная точка зрения возобладала во многих дальнейших исследованиях.

Покажем указанное различие на примере следующей конструкции:

(1) Кудесникъ же **вставъ**, рече новгородцю (ПЛДР, вып. 1, с. 32).

В приведенном контексте находящееся в препозиции второстепенное сказуемое *вставъ* открывает предикацию предложения и нуждается в ее закрытии главным сказуемым в финитной форме. Конструкция делится на две клаузы: зависимую с второстепенным сказуемым и самостоятельную с главным предикатом. Ср.: *Кудесникъ же вставъ / рече новгородцю*. Если же второстепенное сказуемое переместить в постпозицию, то его предикативная сила ослабевает. Ср.: *Кудесникъ же рече, вставъ, новгородцю*. При подобном перемещении стоящее в препозиции к причастному предикату главное сказуемое непосредственно закрывает предикацию предложения, а второстепенное сказуемое выражает лишь дополнительный предикативный признак, значительно ослабленный за счет изменения своей позиции в высказывании.

Таким образом, в препозиции психологическая роль второстепенного сказуемого существеннее, чем в постпозиции (то есть выраженное им представление занимает второе место после подлежащего по порядку появления в сознании, а при обратном порядке слов – первое), поскольку в последнем случае выражаемое причастием действие отступает на далекую периферию предикации [Kuehner, 1904, S. 98; Růžička, 1963, S. 172].

Помимо указанного психологического критерия, свидетельствующего о большей предикативной силе препозитивного второстепенного сказуемого, чем постпозитивного, есть и чисто грамматические показатели. Во-первых, препозитивное причастие намного чаще, чем постпозитивное, соединяется сочинительным союзом с финитным глаголом в роли главного сказуемого. Во-вторых, именно препозитивное причастие употребляется в конструкции с порядком слов, характерным для оборотов с финитным глаголом. При таком порядке слов второстепенное сказуемое предшествует подлежащему, а после подлежащего стоит второстепенный член или придаточное предложение, относящееся к этому второстепенному сказуемому, вследствие чего оно отрывается от главного сказуемого и обретает большую самостоятельность, имея непосредственную связь с подлежащим. Ср.:

(2) Услышав же Девгений мольбы Стратиговы, возвратись в дом Стратигов (ПЛДР, вып. 3, с. 56).

Данная точка зрения не представляется единственной. Некоторые исследователи полагают, что, наоборот, препозитивное второстепенное сказуемое обладает меньшей предикативной силой в сравнении с постпозитивным, но при этом не приводится никаких доводов [Никифоров, 1952, с. 247; Шатух, 1958, с. 198]. В этой связи сказанное Д.Н. Овсяннико-Куликовским и поддержанное В.В. Виноградовым относительно современных деепричастий вполне актуально и для древнерусских именных действительных причастий в именительном падеже. Д.Н. Овсяннико-Куликовский справедливо подчеркивал, что стоящие в препозиции к сказуемому-глаголу деепричастия обладают большой глагольностью, а в постпозитивном положении их глагольность понижается и они легче поддаются адвербиализации [Виноградов, 1972, с. 310]. С логической точки зрения невозможно ставить степень предикативности в зависимость от позиции предикативного члена в предложении, а в психологическом аспекте, в плане актуального членения подобная зависимость несомненна, тем более если она подкрепляется грамматическими показателями.

Целесообразность деления второстепенных сказуемых на препозитивные и постпозитивные обусловлена также и тем, что с позицией в определенной мере связаны особенности выражения ими таксисных отношений. «Так, препозитивные причастия прошедшего времени обычно обозначают действие, предшествующее действию главного сказуемого или реже – одновременные с ним, но никогда не могут обозначать последующее действие. Постпозитивные же причастия могут обозначать как предшествующее и одновременное, так и последующее действие» [Кунавин, 1993, с. 31] (об этом см. также: [Безроднова, 2009б; Зорихина-Нильссон, 2014; Семенова, 2002]).

Как уже было показано выше, наиболее очевидно предикативная сила второстепенного сказуемого проявляется при таком порядке слов, когда второстепенный член предложения или придаточное предложение, относящиеся к второстепенному сказуемому, расположены после подлежащего, а само второстепенное сказуемое предшествует подлежащему. Наиболее часто указанный второстепенный член предложения представляет собой

актант в виде косвенного или прямого дополнения, например:

(3) **Прием же блаженный священный сан**, большее смирение приат (ПЛДР, вып. 3, с. 74).

Иногда к второстепенному сказуемому относятся несколько однородных дополнений, в результате чего степень самостоятельности второстепенного сказуемого еще более увеличивается. Ср.:

(4) **И помолився** преподобный **Варлаамъ** господу **богу** и пречистѣй **богородицы** и **всѣмъ** святымъ, вниде во гробъ свой (ПЛДР, вып. 6, с. 420).

Примечательны примеры, в которых дополнение, относящееся к второстепенному сказуемому, располагается, как обычно, после подлежащего, а относящееся к нему определение стоит перед второстепенным сказуемым. Ср.:

(5) **Его же убоивься Святополкъ встания** на ся, скоро възврати съ честью игумена в Печерский монастырь (ПЛДР, вып. 2, с. 560).

Такие обороты с обстоятельством, относящиеся к второстепенному сказуемому, в древнерусских текстах на протяжении всей многовековой истории русского языка довольно редки. Ср.:

(6) **И посѣдвь Давыд мало**, рече... (ПЛДР, вып. 1, с. 250);

(7) **И вышедъ Ярополкъ въ градъ Ольговъ**, перея власть его (ПЛДР, вып. 1, с. 88).

Данные обороты важно отличать от таких, в которых в позиции после подлежащего стоит элемент, являющийся частью единого второстепенного сказуемого, то есть образует с ним одно семантическое целое. Ср.:

(8) **Быв же Адам лет 200 и 30** роди Сифа и 2 дщери (ПЛДР, вып. 1, с. 104).

Иногда в анализируемых материалах встречаются такие конструкции, в которых исследуемый оборот речи разделен с главным сказуемым каким-либо синтаксическим построением, обычно придаточным предложением, например:

(9) **Видѣвъ же** благовѣрный князь **Георгий** **изведение** пресвятыя богородицы, **гдѣ** сама изво-

лила место себѣ, повелѣ построити на том мѣстѣ монастырь (ПЛДР, вып. 3, с. 214).

В приведенном предложении по причине далекого разделения второстепенного сказуемого с главным степень предикативности первого усиливается.

Анализируемая конструкция с местоименной формой причастия встретила лишь однажды. Такое употребление обусловлено воздействием аналогии со стороны соответствующей именной формы. Ср.:

(10) ...**Завидий** же **диаволь спасению** всѣх, облазивъ его... (ПЛДР, вып. 7, с. 66).

Данное синтаксическое построение встретилось в различных повествовательных жанрах, в том числе в посланиях и даже в грамотах, например:

(11) И **пришедши** (жен. р. вместо муж. – Б. К.) под Соколь **воевода** твой виленской **со многими людьми**, город Соколь новымъ умышлениемъ зжегъ (ПЛДР, вып. 8, с. 188).

Данные памятников письменности разных периодов показывают, что указанная причастная клауза использовалась нечасто, причем обычно в начале предложения. Подобные синтаксические построения в середине предложения, как правило сложного, встречаются необычайно редко. Ср.:

(12) И изволениемъ божиимъ наплыль на него корабль муринской земли, и **видя карабельник человека** утопшаго, взялъ его из моря к себѣ на корабль (ПЛДР, вып. 10, с. 349).

В приводимом ниже примере (13) анализируемой клаузе предшествует дательный самостоятельный оборот (dativus absolutus):

(13) И отпевшимъ молебная и литургию превзвистеромъ его служившимъ, и **покаявся онъ у духовного отца** своего, и причастися пречистаго тѣла... (ПЛДР, вып. 7, с. 568).

Только однажды встретился исследуемый оборот речи с формой причастия настоящего времени в постпозиции относительно главного предиката:

(14) ...Глагола к нему **парящи птица на аерѣ** (ПЛДР, вып. 2, с. 202).

В таком случае степень предикативности причастия ослаблена вследствие соседства с главным сказуемым, находящимся в препозиции к нему. Эта ослабленность обусловлена тем, что предикативность в предложении уже реализована глаголом-сказуемым, а причастие сообщает лишь дополнительную предикацию. Вместе с тем относящийся к причастному предикату второстепенный член, отделенный от причастия подлежащим, в определенной мере поддерживает ослабленную предикацию причастия. Малая предикативная сила причастия в данном случае подтверждается также путем применения к данной клаузе трансформационного метода. Она легко трансформируется в полное причастие или деепричастие.

Второстепенное сказуемое в анализируемой конструкции логико-интонационно выделено, что выражается частым употреблением после него частицы *же*. Значительно реже в указанной функции выступает частица *убо*, например:

(15) **Восприяв убо** от царя Пелея **Язонъ отплыти отпущение** новая проходит моря со Еракулумъ и со своими спутники (ПЛДР, вып. 6, с. 230). Характерной чертой приведенной причастной клаузы является отделение причастного сказуемого от подлежащего дополнением, что усиливает степень его предикативности вследствие большей его оторванности от главного сказуемого.

Подлежащее в таких оборотах речи обычно выражено либо именем собственным, либо личным местоимением, и в этом смысле они полностью изоморфны соответствующим конструкциям с финитной формой глагола на месте причастия.

Наиболее употребительной анализируемая клауза была в летописях, житиях, повестях, а также в переводных с греческого языка текстах. Р. Ружичка приводит примеры употребления причастий с подобным порядком слов из евангельских текстов на старославянском языке [Růžička, 1963].

Начиная с XV в., то есть с развитием в русском языке стилей [Колесов, 1989], эта конструкция закрепляется за высоким стилем. Со временем она перестала употребляться в прозаических текстах, в то время как в по-

эзии продолжала использоваться [Булаховский, 1958, с. 423]. Вплоть до XVII в. данная конструкция встречалась в церковнославянском языке, ориентированном на архаизацию. Вместе с тем подобный словоупотребление изредка имел место и в народной речи, свидетельством чему являются фольклорные тексты, в которых в данной конструкции стоит деепричастие на месте древнего причастия [Истрина, 1919, с. 79].

Нельзя исключать того, что проникновение указанной причастной конструкции в фольклорные произведения обусловлено влиянием церковнославянского языка, особенно при учете широкого распространения грамотности на Руси и обучения грамоте по Библии.

Конструкции с деепричастием встречаются в текстах Г. Котошихина, сочинениях Аввакума, а также в светских повестях XVII века. Ср.:

(16) **Помоля я бога**, взяв две сети в протоке перекидал (ПЛДР, вып. 11, с. 398).

В приведенном примере исследуемая конструкция выступает в качестве однородной со следующей конструкцией, имеющей непосредственную связь с финитной конструкцией, в то время как первая такой связи не имеет, вследствие чего ее предикативная сила значительно возрастает.

(17) **И видя князь те перстни**, завязал их в ту же тафтицу (ПЛДР, вып. 10, с. 347).

В приведенном примере с причастием в форме настоящего времени анализируемая конструкция непосредственно контактирует с главным предикатом. Данный факт обуславливает снижение ее предикативной силы.

(18) **И сведав царь у некоторого своего ближнего человека дочь**, дѣвицу добру ростом и красотой и разумом исполнену велѣлъ взяти к себѣ на двор (ПЛДР, вып. 11, с. 255–256).

Особенностью контекста (18) является то, что в анализируемой конструкции к причастному предикату относятся два дополнения, косвенное и прямое, причем последнее распространено приложением, вследствие чего степень предикативности причастия еще более усиливается.

В церковнославянском языке XVII в. данная структура анализируемой конструкции с деепричастием на месте причастия встречается весьма редко. В произведениях светской литературы она использовалась несколько чаще, хотя и была пережиточным явлением, что подтверждается как исследованным материалом, так и наблюдениями других ученых.

Наиболее часто указанная конструкция в XVII в. использовалась и в переводах светских художественных текстов, как правило с польского языка. В «Повести о Петре Златых Ключей» (ПЛДР, вып. 10, с. 323–379), например, она встретилась более 20 раз. Употребление данного оборота в светской литературе, видимо, обусловило его утрату в церковнославянских текстах, подвергшихся в XV в. архаизации. Причем даже из книжных вариантов предпочитался более редкий. Архаизаторские тенденции в церковнославянских текстах должны были бы стимулировать употребление в них анализируемой устаревшей конструкции. Однако этого не происходит, поскольку она употреблялась в светской литературе и даже в народной речи.

В текстах XVIII в., по мнению Л.А. Булаховского, употребление исследуемой конструкции объясняется влиянием французского герундия. Исчезновение в русском языке исследуемого оборота речи было связано с переходом причастий в деепричастия, которые, утратив непосредственную связь с подлежащим, перестали замыкаться с ним в одной конструкции, тяготея к глаголу-сказуемому. В результате, как показано Л.А. Булаховским, в предложении с деепричастием выработалось наиболее рациональное размещение лексем; связанные друг с другом члены располагаются как можно ближе относительно друг друга [Булаховский, 1958, с. 423]. Исчезновение исследуемой конструкции с подобным порядком следования членов свидетельствует о совершенствовании структуры простого предложения, обусловленном не только возникновением в языке новой категории, но и смешением стилей.

В аспекте актуального членения причастное сказуемое в анализируемой конструкции в качестве первой темы выносится в начало предложения, а второстепенный член, выступая в роли ремы, располагается в конце кон-

зы. Подлежащее обозначает данное и, как следует из собранного материала, выражается именем собственным или личным местоимением. Замещение причастием начала предложения в качестве первой темы полностью исключает возможное альтернативное актуальное членение в случае с обычным порядком следования элементов конструкции.

Параллельно с проанализированной выше причастной клаузой в древнерусском языке употреблялся и другой синтаксический оборот с причастием в вершине, предшествующим подлежащему, после которого следовало придаточное предложение, относящееся к причастному предикату, например:

(19) Видѣвъ же дьявол, яко почти богъ челоуѣка, позавидѣвъ ему, преобразися въ змию (ПЛДР, вып. 1, с. 102).

Степень предикативной силы причастия по причине его большей оторванности от глагола-сказуемого в подобных конструкциях возрастает в сравнении с проанализированными выше оборотами.

В редких случаях к причастному предикату могли относиться более громоздкие конструкции, увеличивающие разрыв между второстепенным сказуемым и центральным предикатом. Ср.:

(20) Видѣвъ воевода, яко ничтоже, киновию ратующе, успевают, яко ниже козными, ниже хитростями и умышлением, каковыми, ниже взяти возмогоша, но бездѣлни и посрамлени вспясть отхождаху, отлагаетъ прочее надежду от киновии (ПЛДР, вып. 10, с. 169).

В приведенном примере второстепенное сказуемое разделено с главным конструкцией с подчинением и сочинением, включающей в свой состав три грамматические основы.

Такие обороты речи были характерны для всей многовековой истории русского языка, однако встречались необычайно редко и в дальнейшем были утрачены.

Заключение

Именное действительное причастие древнерусского языка, в отличие от современного деепричастия, характеризовалось большей предикативной силой, выступая в

функции второстепенного сказуемого. В односубъектных конструкциях данный факт выражался не только в том, что причастный предикат соединялся с глагольным посредством сочинительного союза, но и в особой структуре причастной клаузы, изоморфной структуре с глагольным сказуемым. Высокая предикативная сила причастия в указанной клаузе выражалась в особом порядке слов, в возможности согласования по смыслу с подлежащим – собирательным существительным, в отделении точкой от остальной части предложения. Хотя в сравнении с конструкциями, в которых причастие не имеет столь непосредственной связи с подлежащим, исследованный оборот речи употреблялся относительно редко, ему было свойственно конструктивное разнообразие. Ко второстепенному сказуемому могли относиться дополнения, обстоятельства, придаточные предложения, причем иногда таких распространителей могло быть несколько. Расстояние между исследованной причастной клаузой и главным сказуемым могло увеличиваться за счет употребления между ними придаточного предложения, а также более громоздких конструкций. Все это способствовало усилению предикативного веса второстепенного сказуемого.

Несмотря на то что причастная клауза с указанным порядком слов употреблялась в сочинениях протопопы Аввакума и Г. Котошихина, язык которых близок к народной речи, а также изредка использовалась в фольклорных произведениях, ее следует признать книжной, ибо она была наиболее характерна для житий, летописей, повестей, переводных текстов. Переход причастий в деепричастия и изменение стилей обусловили исчезновение исследованной клаузы.

Наличие такой клаузы убедительно свидетельствует о высокой предикативной силе причастия в односубъектных конструкциях, а следовательно, подкрепляется суждение о том, что синтаксические построения, включающие ее, были оригинальными явлениями древнерусского языка. Более того, есть все основания предполагать, что именно такого рода причастные клаузы послужили развитию на их основе именительных самостоятельных оборотов в древнерусском языке.

Именительные самостоятельные обороты, как и дательные самостоятельные, компенсировали неразвитость гипотаксиса в древнерусском языке, выражая зависимость отглагольной части предложения формой именного действительного причастия при своем особом подлежащем. Важнейшим условием их возникновения было далекое расположение глагольного и причастного предикатов при едином подлежащем, подобное расположение наблюдается в проанализированной клаузе.

Дальнейшие исследования древнерусских причастных конструкций следует вести по пути их сопоставления с деепричастными оборотами современного русского языка, а также определения случаев нарушения норм употребления современных деепричастий, возможно обусловленных функциональным и конструктивным многообразием древнерусских причастий, к которым они генетически восходят. Подобные исследования помогут ограничить объяснение некоторых периферийных деепричастных конструкций иноязычным влиянием, а также преодолеть заблуждение относительно перспектив развития абсолютных деепричастных оборотов в современном русском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдулхакова Л. Р., 2007. Категория деепричастия в русском языке. Казань : Казан. гос. ун-т. 186 с.
- Бахаева Л. М., Хабусиева Т. М., 2018. Теоретические предпосылки изучения деепричастия в русском языке // Русский язык. Филологический аспект. № 7 (39). С. 5–11.
- Безроднова О. М., 2009а. Деепричастия русского языка в контексте функционально-семантического поля таксиса и соответствия русским деепричастиям в немецком языке // Вестник Башкирского государственного университета. Т. 10, № 3. С. 432–436.
- Безроднова О. М., 2009б. Таксисные значения причастий русского языка // Вестник Башкирского государственного университета. № 1. С. 87–91.
- Булаховский Л. А., 1958. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Изд. 5-е, доп. и перераб. Киев : Радянська школа. 488 с.
- Виноградов В. В., 1972. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Изд. 2-е. М. : Высш. шк. 614 с.
- Гращенко П. В., 2014. К эволюции нефинитных форм глагола // Вестник Московского государственного университета им. М.А. Шолохова. № 3. С. 34–54.
- Зорихина-Нильссон Н. В., 2014. АСТАЛИНГВИСТИКА РЕТРОПОЛИТАНА. Таксисные деепричастные конструкции с глаголами стандартного положения в пространстве в русском языке // Труды института лингвистических исследований. Т. 10, № 3. С. 273–298.
- Истрина Е. С., 1919. Синтаксические явления 1 Новгородской летописи // Известия отделения русского языка и словесности. Пг. : [б. и.]. Кн. 2. С. 1–172.
- Колесов В. В., 1989. Древнерусский литературный язык. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та. 296 с.
- Корнилов Н. В., 2008. Критерии разграничения определяемого слова и приложения в аппозитивных сочетаниях // Русский язык в школе. № 5. С. 63–67.
- Кудрявский Д. Н., 1916. К истории русских деепричастий. Деепричастия прошедшего времени // Ученые записки Юрьевского университета. Т. 10. С. 1–79.
- Кудрявцева Т. Ю., 2012. Синтаксическая функция деепричастия с позиций современных лингвистических воззрений // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 65–66.
- Кунавин Б. В., 1993. Функциональное развитие системы причастий в древнерусском языке : дис. ... д-ра филол. наук. СПб. 702 с.
- Кунавин Б. В., 2008. Причастные самостоятельные обороты в древнерусском языке. Владикавказ : Сев.-Осет. гос. ун-т. 104 с.
- Малахов А. С., 2008. О связи компонентов в аппозитивных сочетаниях // Русский язык в школе. № 5. С. 68–73.
- Никифоров С. Д., 1952. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в. М. : АН СССР. 344 с.
- Потебня А. А., 1958. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М. : Учпедгиз. 536 с.
- Руднев А. Г., 1959. Обособленные члены предложения в истории русского языка // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Т. 174. 254 с.
- Семенова Н. В., 2002. Семантика таксиса. Концептуализация и категоризация. Великий Новгород : Новгор. гос. ун-т. 265 с.
- Чупашева О. М., 2008. Грамматика русского деепричастия. Мурманск : Мурман. гос. пед. ун-т. 197 с.
- Шатух М. Г., 1958. Краткие действительные причастия и их синтаксические функции в письменных памятниках XI–XII вв. // Труды Одесского государственного университета им. И.И. Меч-

- никова. Серия филологических наук. Т. 148, вып. 8. С. 195–202.
- Cornilescu A., 2004. Gerund Clauses // Complementation in English. A Minimalist. Perspective. Bucharest : [s. n.]. URL: <http://ebooks.uniuc.ro/filologie/cornilescu/14.pdf>
- Curtius G., 1870. Erleuterungen zu meiner Griechischen Schulgrammaik. Zweite Auflage. Prag. : Verlag Von F. Tempsky. 224 S.
- Ferrand M., 1976. La phrase russe ancienne reconstruite ou le mythe du participe quasi autonome. Т. 1. Р. : [s. n.]. 282 p.
- Ferrand M., 1983. Le participe /gérondif/ apparemment coordonné a son verbe principal et le même tour avec subordonnée en vieux russe et ailleurs en indo-européen // Revue des études slaves. Т. 55, fasc. 1. P. 43–55.
- Haspelmath M., 1995. The Converb as a Cross-Linguistically valid category // Converbs in Cross-Linguistic Perspective / ed. by M. Haspelmath, E. König. Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter. P. 1–55.
- Kuehner R., 1904. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache von Dr. Raphael Kuehner. 2 Teil. Satzlehre. 2 Band. Dritte Auflage in zwei Bänden. Neuer Bearbeitung besorgt von Dr. Gerth. Hannover ; Leipzig : [s. n.]. 714 S.
- Kurz I., 1958. Problematika zkaumání syntaxe staroslovenskeho jazyka a nástin rozboru významu částic i, a a pod. v konstrukcih participialnich vaseb s určitými slovesy // K historicko-srovnávacímu studioslovenských jazyku. Praha : [s. n.]. S. 83–107.
- Miklošič F., 1883. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen von Franz Miklosich. 4 Band. Syntax. Wien : Braumüller. 895 S.
- Pires A., 2001. Clausal and TP-Defective Gerunds: Control Without Tense // Proceedings of NELS 31 / ed. by M. Kim, U. Strauss. Amherst : [s. n.]. P. 386–406.
- Reuland E. J., 1983. Governing -ing // Linguistic Inquiry. № 14. P. 101–136.
- Růžička R., 1963. Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhaeltnis zum Griechischen. Berlin : Akademie-Verlag-Berlin. 395 S.
- Večerka R., 1959. Ke genezi slovanských konstrukci participia praes. act. a praet. act. 1 // Sborník prací filosof. fak. Brněnské university. Ročník 8. Rady jazykovědné, vyd. A. 7. S. 37–49.
- Zubaty I., 1954. K vykladu některých příslovci, zvláste slovenských // Studie a články. Svazek 2. S. 106–161.
- ва, Д. С. Лихачева. М. : Худож. лит., 1978–1994. Вып. 1. 1978. 463 с. ; Вып. 2. 1980. 704 с. ; Вып. 3. 1981. 616 с. ; Вып. 6. 1984. 768 с. ; Вып. 7. 1985. 624 с. ; Вып. 8. 1986. 640 с. ; Вып. 10. 1988. 704 с. ; Вып. 11. 1989. 704 с.

REFERENCES

- Abdulxakova L.R., 2007. *Kategoriya deeprichastiya v russkom yazyke* [The Gerunds Category in Russian]. Kazan, Kazanskiy gosudarstvennyy universitet. 186 p.
- Baxaeva L.M., Xabusieva T. M., 2018. Teoreticheskie predposylki izucheniya deeprichastiya v russkom yazyke [Theoretical Prerequisites for the Study of the Gerunds in the Russian Language]. *Russkiy yazyk. Filologicheskii aspekt* [Russian Language. Philological Aspect], no. 7 (39), pp. 5-11.
- Bezrodnova O.M., 2009a. Deeprichastiya russkogo yazyka v kontekste funktsionalno-semanticheskogo polya taksisa i sootvetstviya russkim deeprichastiyam v nemetskom yazyke [The Gerunds of the Russian language in the Context of the Functional-Semantic Field of the Taxis and the Correspondence to the Russian Gerunds in the German Language]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], vol. 10, no. 3, pp. 432-436.
- Bezrodnova O.M., 2009b. Taksisnye znacheniya prichastiy russkogo yazyka [Taxisation Meanings of the Participles of the Russian Language]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir State University], no. 1, pp. 87-91.
- Bulaxovskiy L. A., 1958. *Istoricheskii kommentariy k russkomu literaturnomu yazyku* [Historical Commentary on the Russian Literary Language]. Kyiv, Radyanska shkola Publ. 488 p.
- Vinogradov V.V., 1972. *Russkiy yazyk. Grammaticheskoye ucheniye o slove* [Russian Language. Grammatical Teaching About the Word]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 614 p.
- Grashchenkov P.V., 2014. K evolyutsii infinitnykh form glagola [Towards the Evolution of the Infinite Forms of the Verb]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.A. Sholohova* [Moscow State University named after M.A. Sholokhov], no. 3, pp. 34-54.
- Zorikhina-Nilsson N.V., 2014. ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Taksisnye deeprichastnye konstruktsii s glagolami standartnogo polozheniya v prostranstve v russkom yazyke [Taxis Adverbial Constructions with Verbs of Standard Position in Space in Russian.]. *Trudy*

ИСТОЧНИК

ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси : [в 12 вып.] / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриев-

- instituta lingvistichestkikh issledovaniy* [Proceedings of the Institute for Linguistic Research], vol. 10, no. 3, pp. 273-298.
- Istrina E.S., 1919. Sintaksicheskie yavleniya I Novgorodskoy letopisi [Syntactic Phenomena of the 1st Novgorod Chronicle]. *Izvestiya otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti* [Izvestia of the Department of Russian Language and Literature]. Petrograd, s.n., book 2, pp. 1-172.
- Kolesov V.V., 1989. *Drevnerusskiy literaturniy yazyk* [Old Russian Literary Language]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta. 296 p.
- Kornilov N.V., 2008. Kriterii razgranicheniya opredelyaemogo slova i prilozheniya v appozitivnykh sochetaniyakh [Criteria for Distinguishing Between the Defined Word and the Application in Appositive Combinations]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at school], no. 5, pp. 63-67.
- Kudryavskiy D.N., 1916. K istorii russkikh deeprichastiy. Deeprichastiya proshedshego vremeni [On the History of Russian Participles. Past Participles.]. *Uchenye zapiski Yurevskogo universiteta* [Scientific Notes Yurievsky University], vol. 10, pp. 1-79.
- Kudryavtseva T.Yu., 2012. Sintaksicheskaya funktsiya deeprichastiya s pozicij sovremennykh lingvistichestkikh vozzreniy [The Syntactic Function of the Gerunds from the Standpoint of Modern Linguistic Views]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Voronezh State University Bulletin. Linguistics and Intercultural Communication Series], no. 2, pp. 65-66.
- Kunavin B.V., 1993. *Funktionalnoe razvitie sistemy prichastiy v drevnerusskom yazyke: dis. ... d-ra filol. nauk* [Functional Development of the Participle System in the Old Russian Language. Dr. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg. 702 p.
- Kunavin B.V., 2008. *Prichastnye samostoyatelnye oboroty v drevnerusskom yazyke* [Participatory Independent Turns in the Old Russian Language]. Vladikavkaz, Severo-Osetinskiy gosudarstvennyy universitet. 104 p.
- Malakhov A.S., 2008. O svyazi komponentov v appozitivnykh sochetaniyakh [About the Connection of Components in Appositive Combinations]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 5, pp. 68-73.
- Nikiforov S.D., 1952. *Glagol, ego kategorii i formy v russkoy pismennosti vtoroy poloviny XVI v.* [The Verb, Its Categories and Forms in the Russian Writing of the Second Half of the 16th Century]. Moscow, AN SSSR. 344 p.
- Potebnaya A.A., 1958. *Iz zapisok po russkoy grammatike. T. 1-2* [From Notes on Russian Grammar. Vol. 1-2]. Moscow, Uchpedgiz Publ. 536p.
- Rudnev A.G., 1959. Obosoblennye chleny predlozheniya v istorii russkogo yazyka [Separate Members of the Sentence in the History of the Russian Language]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gertsena* [Scientific Notes of the Leningrad State Pedagogical Institute Named After A.I. Herzen], vol. 174. 254 p.
- Semenova N.V., 2002. *Semantika taksisa. Kontseptualizatsiya i kategorizatsiya* [Taxis Semantics. Conceptualization and Categorization]. Veliky Novgorod, Novgorodskiy gosudarstvennyy universitet. 265 p.
- Chupasheva O.M., 2008. *Grammatika russkogo deeprichastiya* [Russian Gerunds Grammar]. Murmansk, Murmanskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 197 p.
- Shatukh M.G., 1958. Kratkie deystvitelnye prichastiya i ikh sintaksicheskie funktsii v pismennykh pamyatnikakh XI-XII vv. [Brief Real Participles and Their Syntactic Functions in Written Monuments of the 11-12th Centuries]. *Trudy Odesskogo gosudarstvennogo universiteta im. I.I. Mechnikova. Seriya filologicheskikh nauk* [Proceedings of the Odessa State University. I.I. Mechnikov. Series of Philological Sciences], vol. 148, iss. 8, pp. 195-202.
- Cornilescu A., 2004. Gerund Clauses. *Complementation in English. A Minimalist. Perspective*. Bucharest, s.n. URL: <http://ebooks.unibuc.ro/filologie/cornilescu/14.pdf>
- Curtius G., 1870. *Erleuterungen zu meiner Griechischen Schulgrammaik*. Prag., Verlag Von F. Tempsky. 224 S.
- Ferrand M., 1976. *La phrase russe ancienne reconstruite ou le mythe du participe quasi autonome. T. 1*. Paris, s.n. 282 p.
- Ferrand M., 1983. Le participe /gérondif/ apparemment coordonné a son verbe principal et le même tour avec subordonnée en vieux russe et ailleurs en indo-européen. *Revue des études slaves*, T. 55, fasc. 1, pp. 43-55.
- Haspelmath M., 1995. The Converb as a Cross-Linguistically Valid Category. Haspelmath M., König E., eds. *Converbs in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin, s.n., pp. 1-55.
- Kuehner R., 1904. *Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache von Dr. Raphael Kuehner. 2 Teil. Satzlehre. 2 Band. Dritte Auflage in zwei Bänden. In neuer Bearbeitung besorgt von Dr. Gerth*. Hanover, Leipzig, s.n. 714 S.

Kurz I., 1958. Problematika zkaumání syntaxe staroslovenskeho jazyka a nástin rozboru vyznamu částic i, a a pod. v konstrukci participialnich vases s určitými slovesy. *K historicko-srovnávacímu studio slovenskych jazyku*. Praha, s.n., s. 83-107.

Miklošich F., 1883. *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen von Franz Miklosich. 4 Band. Syntax*. Vene, Braumüller. 895 S.

Pires A., 2001. Clausal and TP-Defective Gerunds: Control Without Tense. Kim M., Strauss U., eds. *Proceedings of NELS 31*. Amherst, s.n., pp. 386-406.

Reuland E.J., 1983. Governing -ing. *Linguistic Inquiry*, no. 14, pp. 101-136.

Růžička R., 1963. *Das syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhaeltnis zum Griechischen*. Berlin, Akademie-Verlag-Berlin. 395 S.

Večerka R., 1959. Ke genesi slovanskich konstrukci participia praes. act. a praet. act. 1. *Sbornik prací filosof. fak. Brnenske university. Ročník 8. Rady jazykovedne, vyd. A.7*, s. 37-49.

Zubaty I., 1954. K vykladu nekterých prislovci, zvláste slovenskych. *Studie a články. Svarek 2*, s. 106-161.

SOURCE

Dmitriev L.A., Lihachev D.S., eds. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi: v 12 vyp.* [Monuments of Literature of Ancient Russia. In 12 Iss.]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1978–1994. Iss. 1. 1978. 463 p.; iss. 2. 1980. 704 p.; iss. 3. 1981. 616 p.; iss. 6. 1984. 768 p.; iss. 7. 1985. 624 p.; iss. 8. 1986. 640 p.; iss. 10. 1988. 704 p.; iss. 11. 1989. 704 p.

Information About the Author

Boris V. Kunavin, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, North Ossetian State University, Vatutina St, 46, 362025 Vladikavkaz, Russia, vladraikun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3951-0775>

Информация об авторе

Борис Всеволодович Кунавин, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Северо-Осетинский государственный университет, ул. Ватутина, 46, 362025 г. Владикавказ, Россия, vladraikun@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3951-0775>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.7>

UDC 811.161.1'04
LBC 81.411.2-03

Submitted: 11.01.2022
Accepted: 20.06.2022

THE MARITIME CHARTER OF 1720: FUNCTIONAL-AND-COMMUNICATIVE CONDITIONALITY OF LANGUAGE MEANS

Svetlana V. Rusanova

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article focuses on the study of the language of the Maritime Charter of 1720 that was one of the key legislative acts, which enabled the development and consolidation of the new methods of combining heterogeneous linguistic means. The applied methods aimed at implementation of certain communicative tasks. The correlation between the variety of language means and techniques with argumentativeness, imperativeness and impact of the text has been proved. The research touches upon the issues of special vocabulary and the ways of including it in the language of the Charter. The proposed methods of interpreting new terms range from synonymous substitutions to encyclopedic definitions. The tendency to functional differentiation of the means of expressing imperativeness and the modality of duty in particular has been revealed. Western European legal documentation tradition is noted to have influenced the formation of the wide range of modal means. However, the Russian legislators tried to take into account the pragmatic needs of official business communication and the semantic and stylistic potential of competing lexical modifiers of modality. The research has resulted in the discovery of the peculiarity, which acquired the linguistic explication in the text of the Charter. Namely, it is the conceptually important attitude of legislators not only to the external side of performing the duties and enforcing the order, but also its internal motivation based on the moral foundation.

Key words: Russian language history, business language of Peter the Great period, legislative act, Maritime Charter, text categories, genre-and-stylistic features.

Citation. Rusanova S.V. The Maritime Charter of 1720: Functional-and-Communicative Conditionality of Language Means. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 6, pp. 88-99. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.7>

УДК 811.161.1'04
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 11.01.2022
Дата принятия статьи: 20.06.2022

МОРСКОЙ УСТАВ 1720 г.: ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ

Светлана Владимировна Русанова

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию языка Морского устава 1720 г., одного из ключевых законодательных актов, в рамках которых вырабатывались и закреплялись новые приемы сочетания разнородных языковых средств, направленных на реализацию определенных коммуникативных задач. Установлена связь многообразия языковых средств и приемов с такими способами речевого воздействия, как убеждение, побуждение и внушение. Охарактеризованы специальная лексика и способы ее включения в языковое пространство устава: приемы толкования новых терминов варьируются от глосс и синонимических замен до дефиниций энциклопедического типа. Выявлена тенденция к функциональной дифференциации средств выражения императивности, в частности модальности долженствования. Показано, что широкий спектр модальных средств формировался под влиянием лучших образцов западноевропейского юридического права, при этом в тексте Морского устава такие средства использованы с учетом коммуникативно-прагматических потребностей офи-

циально-делового общения и семантико-стилистического потенциала конкурирующих лексических модификаторов модальности. В результате проведенного исследования обнаружена концептуально важная установка законодателей на языковую экспликацию не только внешней стороны исполнения обязанностей и соблюдения порядка, но и внутренней их мотивации, опирающейся на духовно-нравственные устои общества.

Ключевые слова: история русского языка, деловой язык Петровской эпохи, законодательный акт, Морской устав, текстовые категории, жанрово-стилистические особенности.

Цитирование. Русанова С. В. Морской устав 1720 г.: функционально-коммуникативная обусловленность языковых средств // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 6. – С. 88–99. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.7>

Введение

В исследованиях, посвященных деловому языку XVIII в., выделяются два «узловых уровня его функционирования» – официально-законодательный и обиходно-производственный [Косов, 2004, с. 49]; «образцовому» деловому языку документов высших правительственных учреждений противопоставляется деловой язык «обиходного» общения, на котором велось текущее делопроизводство на местах [Чердниченко, 1990, с. 87–88], норме языка центрального делопроизводства – региональный узус деловой письменности [Майоров, 2006, с. 25, 72]. Закономерно, что в центре внимания в первую очередь оказываются региональные документы как отражающие общие стилистические тенденции и разнообразие местных языковых черт. Сегодня к традиционным аспектам исследования местных источников прибавляются новые, выдвинутые временем, в частности составление лингвистических корпусов региональных деловых текстов, в связи с чем разрабатывается комплексная методика членения документов для их структурной разметки, базирующаяся на их жанровой параметризации и синтаксической сегментации [Горбань, Косова, Шептухина, 2021].

В последние десятилетия активизировался также процесс специального изучения языка законодательных актов (см.: [Копосов, 2014; Никитин, 2003; Руднев, Пушкарева, 2021; Русанова, 2016; 2019; Садова, Руднев, 2019; Садова, 2021]), позволяющий сосредоточить внимание лингвистов на несколько других задачах и аспектах исследования. Если при изучении региональной деловой письменности XVIII в. особый интерес представляют пути освоения нового делового стандарта, адаптация новых терминов и взаимодействие книж-

ных, приказных и местных языковых элементов, то среди аспектов исследования языка законодательных актов актуальными оказываются такие, как понимание механизмов создания деловых текстов нового типа, поиск способов актуализации языкового потенциала, накопленного письменной языковой традицией, причем не только приказной, но и книжной, выработка новых приемов сочетания разнородных языковых средств в пространстве одного текста, направленных на реализацию коммуникативно-прагматических установок в рамках того или иного документа.

Среди многообразия вопросов, связанных с исследованием языка законодательных актов XVIII в., особое место занимают два: 1) каковы степень их оригинальности и источники заимствования, ибо известно, что регламенты, уставы, артикулы, инструкции и наставления в большинстве своем опирались на лучшие образцы европейского законодательного творчества; 2) каков характер взаимодействия книжных и приказных элементов, церковнославянских и разговорных языковых средств, поскольку это взаимодействие определяло тенденции развития официально-делового языка эпохи. Сегодня становится ясным, что активно используемые в официально-деловых документах XVIII в. книжные, приказные, народно-разговорные средства «не были бессмысленным нагромождением генетически разнородных языковых элементов, но свидетельствовали о последовательном процессе поиска нормы деловой коммуникации, отвечающей прагматике конкретного жанра» [Садова, 2021, с. 10].

Материал и методы

Ярким образцом, демонстрирующим установку на синтез генетически разнородных

языковых средств, направленных на точность и логичность выражения мысли, являются ключевые законодательные документы Петровской эпохи, среди которых Морской устав 1720 г., один из долговечных документов, действовавший без изменений вплоть до 1797 г. и сохранивший силу до 1853 г., когда был издан новый устав.

Морской устав 1720 г. (далее – Книга УМ) определял организационные принципы регулярного флота, методы обучения и воспитания личного состава, способы ведения вооруженной борьбы силами флота на море и поэтому оказывался объектом исследования прежде всего историков [Акишин, 2020а; 2020б; Кротов, 2001; Сальман, 1955; Хуссен, 1999]. Прототипом устава, по мнению специалистов, послужил шведский документ, однако опирались российские законодатели на ряд лучших образцов европейского законодательства.

Сравнительное изучение нормативных предписаний Морского устава с военноморским законодательством стран Европы, использованным при его разработке, приводит исследователей к выводу, что законодатель, во-первых, творчески переработал зарубежный правовой материал¹; во-вторых, сохранил и закрепил в Морском уставе уже сложившуюся организацию российского военноморского флота и обозначающую ее терминосистему; в-третьих, «внес в Морской устав ряд нормативных предписаний, отвечавших специфике России. Структура и юридический язык Морского устава были построены в соответствии с правилами логики и отличались высоким для своего времени уровнем законодательной техники» [Акишин, 2020б, с. 28], который, безусловно, не мог быть достигнут без должного уровня языкового оформления.

В работе используются описательный метод, контекстуальный анализ и анализ словарных дефиниций, приемы количественных подсчетов и интерпретации.

Результаты и обсуждение

Новаторский характер языка устава, базовым для которого, как и для других законодательных актов Петровской эпохи, стал новый принцип отбора языковых средств, осо-

бенно ярко обнаруживается при анализе таких текстовых категорий, как аргументативность, императивность и суггестивность, отражающих основные способы речевого воздействия – убеждение, внушение, побуждение.

Опираясь на исследование Е.В. Шелестюк, уточним, что аргументативность предполагает использование логико-риторических приемов и средств, способствующих убеждению; императивность – присутствие в тексте языковых средств со значением побуждения (волеизъявления); суггестивность – наличие в языковой ткани текста специфически маркированных компонентов и структур, косвенно, через бессознательное, способствующих реализации целеустановки адресанта [Шелестюк, 2008, с. 171–174].

Ключевыми средствами организации языкового пространства устава, направленными на реализацию перечисленных категорий в тексте, являются единицы пересекающихся лексико-семантических и структурно-стилистических систем, связанных с разными языковыми традициями.

Лексическая информативность Морского устава как регламента специальной сферы деятельности

Аргументативность исследуемого текста связана прежде всего со сферой профессиональной компетенции и определяется информативностью, включающей в себя информационную насыщенность и новизну. М.О. Акишиным установлено, что ядро юридического языка устава образует военно-морская терминология, сформировавшаяся в годы Северной войны. Основу данной терминосистемы составили, с одной стороны, лексемы морского языка Древней Руси X–XII вв. (*корабль, палуба, парус, корма* и др.), с другой – обширные заимствования морских терминов из европейских языков [Акишин, 2020б, с. 25]. Как отмечает исследователь, в силу перспективного планирования военноморского законодательства, ко времени начала подготовки Морского устава 1720 г. использование военно-морской терминосистемы не представляло уже затруднений для русских моряков [Акишин, 2020б, с. 25]. Уточняются или формулируются дефиниции только отдельных терминов и поня-

тий. Большинство специальных лексем употребляется в уставе без каких-либо сопровождающих их объяснений. Например, уже в первом разделе первой части при характеристике флота встречаются *эшквадра*, *авангардъ*, *ариргардъ*, *дивизия*, *консилия*² (Книга УМ).

Термины могут включаться в текст в виде своеобразных словников, сформированных по принципу тематического единства и семантической близости. В качестве примера можно привести предваряющий первую главу список чинов офицеров и прочих морских служащих в соответствии с рангами военных кораблей, составленный в виде регламента и включающий в себя 43 номинативные единицы (Книга УМ, Регламентъ).

Введение концептуально значимых понятий и терминов может сопровождаться глоссами, синонимическими заменами, определяющими или уточняющими их значение:

- (1) какимъ образомъ **присягу** или обещание чинить³ (Книга УМ, Присяга);
- (2) доброго **кондуита** (сиречь всякия годности) котораго бы **квалитеты** (или качества) (Книга УМ, с. 2);
- (3) и былъ бы въ такои **дистанции** (разстоянии) отъ него, да бы во всемъ флоте его видеть мочно было (Книга УМ, с. 8);
- (4) Кто **пасквили**, или ругательные письма таино сочинить (Книга УМ, с. 148);
- (5) Чернильного набору или **специ**, изъ чего чернила делать (Книга УМ, с. 164).

Подобный прием введения новых понятий широко применялся в законодательной практике этого периода.

Иногда толкование может иметь характер энциклопедической словарной статьи. Ср.:

- (6) Флотъ слово есть французское. Симъ словомъ разумеется множество судовъ водныхъ вместе идущихъ или стоящихъ, какъ воинскихъ, так и купецкихъ. Флотъ военный, аще многое число кораблей разделяется в три главные или генеральные Эшквадры; Первая Кордебаталии; Вторая, Авангардъ; Третья Ариргардъ, и сии паки делятся, каждая на три партикулярные дивизии яко следуетъ (Книга УМ, О флоте).

Определением наименований лиц по воинскому званию и воинской должности служит

перечисление функций и обязанностей, которые должны выполнять те или иные офицеры или рядовые. Например, *констапель* принимает *все артиллерийския вещи на карабль, и репортуетъ секретаря. А по возвращении въ портъ, отдаетъ все остаточное въ магазейнъ, должен перемерять ядры... и расположить их на карабле по своим местамъ, осматривать порох при приеме, определять людей к пушкам* (Книга УМ, с. 69–72).

Кроме терминов, связанных непосредственно с военно-морской деятельностью, устав включает также лексико-семантические группы, отражающие области, важные для функционирования морского флота. Так, к формам табелей судовой отчетности в конце Морского устава приводятся списки наименований следующих необходимых на корабле припасов и инструментов, учет которых и отчетность по которым должны вестись по предлагаемым формам: *секретарские припасы* (Книга УМ, с. 164–166), *констапельские припасы* (Книга УМ, с. 169–172), *комиссарские припасы* (Книга УМ, с. 174–176), *лекарские припасы и инструменты* (Книга УМ, с. 182–186), *шихпорские припасы* (Книга УМ, с. 188–196), *штюрманские припасы* (Книга УМ, с. 198–200). В ряду обязательных перечисляются и *священнические припасы* (Книга УМ, с. 178–180).

Императивная тональность устава и средства ее актуализации

Императивная тональность устава как законодательного документа обеспечивается прежде всего церковнославянскими средствами, употребление которых в деловом языке Петровской эпохи, как известно, приобретает семиотический характер – они становятся знаками новой официально-деловой речевой культуры.

Важность предписаний актуализируется в первую очередь конструкциями с книжно-славянскими союзами, частицами, указательными местоимениями, среди которых особое место, в силу жанровой специфики, занимают подчинительные союзы: условный – *ежели*, причинные – *понеже*, *ибо*, целевой – *дабы*. Следует отметить широкое ис-

пользование слов с церковнославянскими фонетико-орфографическими чертами и слов, образованных по церковнославянским словообразовательным моделям:

(7) И понеже сие дело необходимо нужное есть Государству... того ради сеи воинской Морской уставъ учинили, да бы всякой зная свою должность, и неведениемъ никтобъ не отговаривался (Книга УМ, Прембула);

(8) И понеже корень всему злу есть сребролюбие, того для всякъ командующии аншефтъ должень блюсти себя отъ лихоимства. И не точию блюсти, но и другихъ отъ оногo жестоко унимать и доволствовацца определеннымъ (Книга УМ, с. 3);

(9) Аншефтъ командирующему надлежитъ по крайней возможности тщатися такъ взойти, да бы неприятель у него всегда подъ ветромъ былъ (Книга УМ, с. 9);

(10) А ежели во время своего караула, такой обрящется кроме вышеписанныхъ случаевъ, тотъ такожь живота лишень или на галеру вечно, или долговременно посланъ быть имеетъ, по важности вины (Книга УМ, с. 126).

Причем соотношение конструкций с книжными и аналогичными приказными средствами связи в главах, посвященных разным аспектам военно-морской службы, различается. Так, в первой главе первой книги «О Генерале Адмирале и всякомъ Аншефтъ командирующемъ» (Книга УМ, с. 1) на 23 конструкции с союзом *ежели* приходится 7 конструкций с союзом *есть ли* и 1 конструкция с союзом *буде* (Книга УМ, с. 1–11). В первой же главе пятой книги «О злоумышленныхъ противъ Его Царскаго Величества, и о противящихся командиромъ своимъ, или кто оныхъ поносить будетъ» (Книга УМ, с. 115–121) пропорция синтаксических средств, обслуживающих условные отношения, меняется: *ежели* встречается 7 раз, *есть ли* – 7, *буде* – 3. Активно для экспликации условно-следственных отношений используются конструкции с бессоюзным оформлением. Например:

(11) Кто противъ Его Величества особы, хулительными словами погрешить... оныи имеетъ быть живота лишень (Книга УМ, с. 115);

(12) Кто Адмирала и прочьхъ вышнихъ начальниковъ бранными словами поносить, и предъсудительные слова ихъ чести касающыяся говорить будетъ, тотъ имеетъ телеснымъ наказаниемъ наказанъ быть, или живота лишень по силе вины (Книга УМ, с. 116);

(13) А кто противъ того погрешить, живота будетъ лишень (Книга УМ, с. 117).

Особого внимания заслуживают способы и приемы актуализации в уставе модального значения долженствования.

Как известно, в приказной письменной традиции основным способом экспликации императивной модальности являются безличные инфинитивные конструкции [Ремнева, 2003, с. 266, 293]. Они встречаются в Морском уставе, но не претендуют на доминирующую роль. Наряду с приказной инфинитивной конструкцией используются конструкции с рядом лексических модификаторов: «*должен* + инфинитив», «*повинен* + инфинитив», «*имеет* + инфинитив», «*надлежит* + инфинитив», «*долженствует* + инфинитив», «*надобно* + инфинитив», «*да не дерзнет / дерзает* + инфинитив», «*следует* + инфинитив». Столь широкий спектр модальных средств свидетельствует о серьезной работе по формированию актуального для официально-делового дискурса модального поля долженствования. Закономерно предположить, что лексико-грамматические варианты, использующиеся при создании ключевых законодательных актов, изначально были обусловлены языковыми особенностями выражения модальности в лучших образцах западноевропейского юридического права, на которые ориентировались российские законодатели. Однако в языковом пространстве русских документов очень быстро обнаруживается тенденция к дифференцированному употреблению данных вариантов, учитывающему семантико-стилистический потенциал конкурирующих лексических модификаторов и коммуникативно-прагматические потребности официально-делового общения. Не углубляясь в процесс дифференциации перечисленных средств выражения модальности долженствования и необходимости, что, безусловно, требует самостоятельного исследования, в настоящей статье остановимся только на некоторых особенностях их функционирования.

В Воинском уставе 1716 г., по наблюдениям Т.С. Садовой, основными средствами выражения модальности необходимости / обязательности являются императивные формулы с модальными модификаторами *надле-*

жит и *должен*, которые встречаются соответственно в 141 и 87 контекстах [Садова, 2021, с. 8]. Частотными указанные лексические модификаторы оказываются и в Морском уставе, однако следует отметить, что количество словоупотреблений этих и других модальных экспликативов по главам варьируется, и это варьирование, с нашей точки зрения, обнаруживает определенную закономерность, свидетельствующую о тенденции к контекстуальной и функциональной мотивированности большинства используемых формул. В уже упомянутой ранее первой главе первой книги, посвященной обязанностям командующего флотом, конструкция «*должен* + инфинитив» встречается в 21 контексте, конструкция «*надлежит* + инфинитив» – в 18 контекстах, все остальные лексические модификаторы отмечены единичными случаями. В то же время в первой главе пятой книги о злоумышлениях конструкция «*должен* + инфинитив» используется всего лишь в 7 контекстах, «*надлежит* + инфинитив» – в 1 контексте. В 17 контекстах экспликативом модальности долженствования выступает императивная формула «*имеет* + инфинитив», в 13 – условно-будущая конструкция с предикативным страдательным кратким причастием, в 5 контек-

стах – императивная формула «*да не дерзнет / дерзает* + инфинитив».

Обращает на себя внимание еще одна особенность: внутри глав в рамках отдельных тематических блоков также обнаруживается смысловая зависимость лексического модификатора от контекста. В параграфах, посвященных командующему флотом, в тех случаях, когда речь идет об ответственности командующего за свои действия и поступки, которые он обязан выполнять по долгу службы, используется конструкция «*должен* + инфинитив». При описании же случаев, когда командующий, как руководящее лицо, несет ответственность за действия подчиненных (сюда же относятся и коллегиальные решения во время «консилиев», которыми он должен руководить), используется безличная модальная формула «*надлежит* + инфинитив».

Приведем для наглядности в таблице примеры, отражающие контекстуальные особенности функционирования в первой главе устава двух лексических модальных модификаторов *должен* и *надлежит*, эксплицирующих должностные обязанности командующего флотом.

Вопрос о средствах выражения необходимости и долженствования в законодательном языке первой четверти XVIII в., безус-

Примеры функционирования лексических модальных модификаторов *должен* и *надлежит*

The functioning of lexical modal modifiers *dolzhen* and *nadlezhit*: examples

<i>должен</i> + инфинитив	<i>надлежит</i> + инфинитив
Генераль Адмиралъ или Аншефтъ командующии... <i>долженъ репортовать</i> о всемъ своего Государя и воинскую Коллегию, и за все ответъ дать (Книга УМ, с. 2); Указы все не точию над какой надъ неприятелемъ экспедиции, но и въ своей команде, ежели что важное, <i>долженъ давать</i> на письме (Книга УМ, с. 2); И понеже корень всему злу есть сребролюбие, того для всякъ командующии аншефтъ, <i>долженъ блюсти</i> себя от лихоимства (Книга УМ, с. 3); Командующии аншефтъ, не <i>долженъ чинить</i> никакой отмены или льготы во очереди офицеровъ, во откомандировании кораблей для какой нибудь экспедиции. <...> И <i>долженъ блюсти</i> паче интересъ Государства, нежели рангъ офицеровъ (Книга УМ, с. 5); Когда случаи будутъ откомандировать сколько шлюпокъ или ботовъ, тогда аншефтъ командующии <i>долженъ</i> офицера <i>послать</i> для команды над оными (Книга УМ, с. 5); Аншефтъ командующии <i>долженъ давать</i> некоторые сигналы партикулярнымъ караблямъ всемъ (Книга УМ, с. 11).	Такожде <i>надлежитъ</i> частыя консилии <i>иметь</i> , сколько время и случаи допустить, объ управлении дела врученнаго ему и о порядке людямъ, подъ штрафомъ вычета полумсячнаго жалования (Книга УМ, с. 3); Такожь <i>надлежитъ смотреть</i> , дабы воинские суда право отправлялись... И когда какой неправой судъ учинитца, тогда оныхъ судей <i>судить надлежитъ</i> (Книга УМ, с. 3); Тако и въ войске командующии есть отцомъ оныхъ, которыхъ <i>надлежитъ любить, снабдевать</i> , за прегрешение <i>наказывать</i> (Книга УМ, с. 3); ...Самому съ своимъ кораблемъ нескоро поворачиватца, но <i>надлежитъ дать</i> доволное время протчимъ для исправления въ поворачивании (Книга УМ, с. 4); <i>Надлежитъ</i> каждому аншефтъ командующему <i>смотреть</i> , да бы во время бою съ неприятелемъ не иметь никакихъ ластовыхъ судовъ, да бы не было отъ того какой конфузии (Книга УМ, с. 4–5); Ежели флотъ приидеть на якорь, на которой редъ (sic!), тогда всемъ мелкимъ воинскимъ и ластовымъ и маркитанскимъ судамъ следующимъ за флотомъ становитца съ безопасной стороны от флота... Въ чемъ <i>надлежитъ</i> аншефтъ командующему накрепко <i>смотреть</i> , подъ жестокимъ ответомъ (Книга УМ, с. 4).

ловно, требует дальнейшего разностороннего изучения. Д.В. Руднев, Н.В. Пушкарева, исследующие средства выражения императивности в Петровских регламентах, акцентируют, например, внимание на активном употреблении интенсификаторов для усиления императивной тональности, прежде всего наречий и наречных сочетаний, объясняя это новизной регламентирующих текстов и опасением государя, что «такие тексты не будут в полной мере эффективны как средство управления» [Руднев, Пушкарева, 2021, с. 46]. Однако типичным для регламентов оказывается и стремление адресанта убедить адресата в необходимости исполнения предписываемых действий посредством разъяснения, в частности многочисленных толкований к артикулам, которые либо выделяются графически, либо включаются в текст [Руднев, Пушкарева, 2021, с. 45–46].

Оценочность и эмоциональность речи

Указанный аспект тесно связан с еще одной важной текстовой категорией Морского устава – суггестивностью, средства которой основаны прежде всего на эмоциональном и оценочном компонентах и способствуют достижению внушающего эффекта: они опираются на накопленный культурный опыт, на стереотипы народного сознания, традиции и обычаи, отраженные в пословицах, поговорках, устойчивых выражениях, книжных цитатах, формирующих прецедентный фонд языка. Торжественно-возвышенный пафос устава направлен на главное – и офицер, и простой служащий должны демонстрировать не только высокие профессиональные, но и высокие моральные качества, а также преданность интересам государя и государства.

В преамбуле Морского устава значение военного флота для государя толкуется по «присловице: что всякой потентантъ, которой едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а которой и флотъ имеет, обе руки имеет» (Книга УМ, Преамбула)⁴. Особая роль в боевой способности флота, создании здорового климата среди служащих, формировании их профессионализма и высоких нравственных качеств принадлежит командующему флотом – генерал-адмиралу, или аншеф ко-

манующему, который «есть репрезентация своего Государя» и поэтому должен обладать важнейшими человеческими и профессиональными качествами, приводить в порядок людей не только твердыми указами, «но паче образомъ своего жития, ежели благо поступить» (Книга УМ, с. 2). Далее описание качеств командующего идет с нарастанием экспрессии; восхищает поэтичность создаваемого образа, ритмико-синтаксическая организация текста, использование стилистических фигур и тропов, усиливающих экспрессивность высказывания. Ср.:

(14) Его храбрость сочиняетъ всехъ храбрыхъ, Его справедливость, страшитъ всемъ поплзновение, умножаетъ послушание. Его ревность сочиняетъ всехъ ревнительныхъ. Единымъ словомъ: вышнии командиръ какъ душа въ теле человека, безъ которой ни какои удь двигнутися не можетъ. Ему надлежитъ къ подчиненнымъ быть яко отцу, пешица о ихъ доволстве, жалобы ихъ слушать, и во оныхъ правои судъ иметь (Книга УМ, с. 2);

(15) Командующий «должень блости себя отъ лихоимства» и «похлебства», ибо в противном случае «таковыи храмину свою на песке созидаетъ безъ твердаго основания, и всегда готова къ падению, понеже ничто такъ люди ко злу не приводитъ, какъ слабая команда» (Книга УМ, с. 3)⁵.

Регламентация должностных обязанностей разных чинов сопрягается часто с уточнением характера и качества выполнения действий, меры и степени профессионализма как офицеров, так и других служащих. Столь же важной оказывается и оценка исполнения регламентируемых обязанностей, поощрение за «добрые» дела и наказание за «злые». С установкой на синтез профессиональных качеств и высокого морально-нравственного духа служащих морского флота связан, на наш взгляд, такой стилистический прием, как употребление синонимических пар с ярко выраженным коннотативным компонентом. Ср.:

(16) И долженъ везде, и во всякихъ случаяхъ Интересъ Его Величества и государства **престерегать и охранять** (Книга УМ, Присяга);

(17) И все протчее что къ пользе Его Величества, и его государства, чинить по доброй Христианской совести, безъ **обману и лукавства** (Книга УМ, Присяга);

(18) Какъ Адмираль, такъ и протчие вышние и нижние Офицеры, должны охранять со всякимъ

тщанием и ревностно Интересь своего Государя и Государства (Книга УМ, кн. 1, гл. 1, с. 1);

(19) А когда послабить, то темь по времени въ непослушание оныхъ приведетъ, изъ добрыхъ, злыхъ сочинить и **нерадетелныхъ и въ своемъ звании оплошныхъ** (Книга УМ, кн. 1, гл. 1, с. 3–4);

(20) чего ради вверяетца его **искусству и верности** повелевать своими Офицерами, и прочими того карабля служителями (Книга УМ, кн. 3, гл. 1, с. 31);

(21) И должень пещися, чтобъ на карабле, которой ему поручень будетъ въ команду, **праведно и порядочно** поступать по указомъ следующимъ (Книга УМ, кн. 3, гл. 1, с. 31).

Формально такие синонимические пары служат для эмоциональной экспрессивности речи, усиления значения необходимого действия или признака, определенного отношения к ним. Однако связь между элементами пар представляется нам более глубокой, концептуально мотивированной. Выбор синонимов подчинен четкому алгоритму: один из членов пары акцентирует внимание на внешнем проявлении действия, его результатов или признаков в соответствии с регламентируемыми должностными обязанностями (*тщание, без обману, (не)оплошный, искусство, порядочно*), а второй – на внутренней мотивации действия, его духовной, морально-нравственной обусловленности (*ревность, без лукавства, (не)радетельный, верность, праведно*). Дополнительная смысловая нагрузка используемых синонимов обусловлена их лексико-семантической спецификой, о чем свидетельствуют словарные дефиниции. Рассмотрим несколько примеров.

Так, лексемы *тщание* и *ревность*, встречающиеся в предложении *Какъ Адмиралъ, такъ и протчие вышние и нижние Офицеры, должны охранять со всякимъ тщаниемъ и ревностно Интересь своего Государя и Государства*, согласно «Словарю русского языка XI–XVII вв.», образуют синонимическую пару в одном из своих значений. Ср.: *тщание* во втором значении «усердие, старание, рвение» (СлРЯ XI–XVII, вып. 30, с. 239), *ревность* в первом значении «рвение, пылкое усердие; горячее стремление (к чему-либо великому)» (СлРЯ XI–XVII, вып. 22, с. 129). Показательными являются оттенки данных значений, а также соотносительность последних с другими значениями слов

и контексты употребления. У лексемы *тщание* в интересующем нас значении фиксируются оттенки «забота, попечение, радение (по отношению к кому-, чему-либо)», «о духовном подвиге (подвижничестве)»⁶, «тщательность»; первое же значение слова – «поспешность, торопливость» (СлРЯ XI–XVII, вып. 30, с. 239–240), то есть актуализируется внешнее проявление усердия и старания, реализующихся в конкретных действиях. Семантические же компоненты значения лексемы *ревность* «горячее стремление», «пылкое усердие» актуализируют внутренне обусловленную необходимость тех или иных действий, настойчивое желание сделать что-либо или добиться чего-либо, чувственное переживание потребности осуществить что-либо. Акцент на «стремлении, настойчивом желании» сохраняется и в отмеченном оттенке значения «стремление защитить, поддержать»; в качестве же второго значения слова фиксируется «стремление брать пример с кого-л., подражать, соревноваться» (СлРЯ XI–XVII, вып. 22, с. 129–130).

Еще более наглядно рассматриваемая оппозиция внешнего проявления действия и внутренней его мотивации представлена в паре (*без*) *обману* и *лукавства*. Лексема *обман* отличается широкой лексической и синтаксической сочетаемостью; в первом значении определяется как «сознательное введение кого-л. в заблуждение; ложь, неправда; лживые слова, поступки» (СлРЯ XVIII, вып. 16, с. 7). Слово производно от глагола *обмануть*, характеризующегося обязательной объектной валентностью (*обмануть кого*), актуальной для всех его значений: «умышленно ввести в заблуждение», «внушить ошибочное, ложное представление о чем-л.», «изменить, нарушить верность (мужу, жене, возлюбленному)», «обольстить, соблазнить, обесчестить» (СлРЯ XVIII, вып. 16, с. 8–9). Как видим, обман связан с вербальным или акциональным действием. *Лукавство* дается в словаре с пометой «слав.» («славянское, славянизм») и имеет два значения: 1) «коварство, хитрость, обман»; 2) «зло, несправедность; все дурное», выходящее из употребления (СлРЯ XVIII, вып. 11, с. 241). *Лукавство* вербализует не действие, а свойство по значению прилагательного *лукавый*. Показательным является

и отсутствие обязательной объектной валентности у однокоренного глагола *лукавить* «хитрить, обманывать; поступать коварно, несправедливо», который формально также может считаться производящим для лексемы *лукавство* (СлРЯ XVIII, вып. 11, с. 240). Яркой иллюстрацией к лексикографическому анализу двух синонимов, отражающей вектор отношений между *лукавством* как внутренним свойством и *обманом* как внешним его проявлением, может служить пословица *Где лукавство, тут и обманство* (СлРЯ XVIII, вып. 11, с. 241).

Выводы

Гетерогенное многообразие и функциональная обусловленность, комбинирование языковых средств в зависимости от замысла и установок законодателей – яркие черты языка Морского устава, свидетельствующие о серьезной работе над языком устава как юридического документа, над такими характеристиками текста, как аргументативность, императивность и суггестивность, определяющими его информационную насыщенность, императивную тональность и воздействующую силу. Поиск новых принципов отбора и использования языковых средств, соединение черт официально-правового документа и риторических приемов определяли магистральные процессы выработки новых норм языкового употребления.

О Морском уставе 1720 г. можно говорить как о своеобразном военно-морском тезаурусе с дифференцированным способом включения терминов, в большей части заимствованных, в языковое пространство текста.

Тенденция к функциональной дифференциации обнаруживается в использовании средств выражения модальности должностования, учитывающем семантико-стилистический потенциал конкурирующих лексических модификаторов и коммуникативно-прагматические потребности законодательства.

Немаловажной оказывается установка на языковую экспликацию двух взаимосвязанных аспектов, ключевых для картины мира служащих, – внешней стороны исполнения обязанностей и соблюдения порядка и их внутренней мотивации, опирающейся на духовно-нравственные устои.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В самом уставе об этом говорится так: *Которое выбрано из пяти морских регламентов, и кь тому довольную часть прибавляли что потребно* (Книга УМ, Преамбула).

² По данным «Словаря русского языка XVIII века», первое упоминание слов *авангард* (в форме *авангарда*), *арьергард* (в форме *ариргарда*), *дивизия* (*девизия*, *дивизиа*) относится к 1705 г. (СлРЯ XVIII, вып. 1, с. 12, 89; вып. 6, с. 126), *консилия* – к 1695 г. (СлРЯ XVIII, вып. 10, с. 140).

³ Выделение в цитируемых фрагментах Морского устава 1720 г. наше. Графика приводится в соответствии с современной кириллицей. Буквы *ѣ* и *ї* последовательно заменены буквами *е* и *и*. Пунктуация источника сохраняется.

⁴ *Потентант* здесь «державный государь», «властитель». В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» зафиксирован иной фонетико-орфографический вариант заимствования – *потентать* (СлРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 288).

⁵ Следует отметить, что аналогичные требования к профессиональным и моральным качествам командующего армией предъявляются также в Воинском уставе 1716 года.

⁶ Речь идет о деятельном аспекте: о подвижничестве в пещере, о молитвенном служении Богу день и ночь (СлРЯ XI–XVII, вып. 30, с. 240).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акишин М. О., 2020а. Юридический язык Морского устава 1720 г. // Ленинградский юридический журнал. № 3 (61). С. 6–23.
- Акишин М. О., 2020б. Морской устав 1720 г.: процедура разработки и законодательная техника // Ленинградский юридический журнал. № 4 (62). С. 8–30.
- Горбань О. А., Косова М. В., Шептухина Е. М., 2021. Структурная разметка деловых документов в диахроническом лингвистическом корпусе: проблемы и решения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 4. С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.1>
- Копосов Л. В., 2014. Заметки об одном официально-государственном документе второй половины XVIII в. // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. № 6. С. 14–18.
- Косов А. Г., 2004. Эволюция документных жанров XVIII века : На материале рукописных и печатных текстов Объединенного государственного архива Челябинской области : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск. 273 с.

- Кротов П. А., 2001. Об использовании датского образца права при подготовке русского Морского устава 1720 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы : материалы ежегод. науч. конф. (12–13 апр. 2000 г.). СПб. : РХГИ. С. 50–54.
- Майоров А. П., 2006. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М. : Азбуковник. 263 с.
- Никитин О. В., 2003. Язык указов Екатерины II 1762 г. и формирование официально-делового стиля в России XVIII в. // Филологические науки. № 6. С. 93–99.
- Ремнева М. Л., 2003. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М. : Изд-во Моск. ун-та. 336 с.
- Руднев Д. В., Пушкарева Н. В., 2021. Регламенты петровского времени в аспекте императивности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 4. С. 36–49. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.3>
- Русанова С. В., 2016. Термины *челобитная* и *прошение* в законодательных актах XVIII века // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб. : Наука. Т. 12, ч. 3. С. 705–716.
- Русанова С. В., 2019. Наименования просительных документов в законодательных актах и региональных документах XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. Т. 18, № 2. С. 16–26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.2>
- Садова Т. С., 2021. Слово «надлежит» в составе императивной формулы в тексте «Устава воинского» 1716 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Т. 43, № 3. С. 8–16. DOI: [10.15393/uchz.art.2021.595](https://doi.org/10.15393/uchz.art.2021.595)
- Садова Т. С., Руднев Д. В., 2019. Кристаллизация деловой речи в Петровскую эпоху // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 5 (182). С. 43–47. DOI: [10.15393/uchz.art.2019.350](https://doi.org/10.15393/uchz.art.2019.350)
- Сальман Я. Г., 1955. Морской устав 1720 г. – первый свод законов российского флота // Исторические записки. М. : Изд. АН СССР. Т. 53. С. 310–322.
- Хуссен А. Х., 1999. Устав морской царя Петра Великого (1720 г.) // Русский Север и Западная Европа : сб. науч. ст. СПб. : Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ. С. 326–340.
- Чередниченко А. П., 1990. Выражение временных отношений в деловом языке XVIII века (к проблеме стабилизации синтаксической нормы) // Становление норм русского национально-го языка : межвуз. сб. науч. тр. Челябинск : Челяб. гос. пед. ин-т. С. 85–102.
- Шелестюк Е. В., 2008. Текстовые категории аргументативности, суггестивности и императивности как отражение способов речевого воздействия // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. № 30 (131). С. 170–175.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Книга УМ* – Книга Уставъ Морской о всемъ что касается доброму управленію, въ бытности флота на морѣ. СПб. : С.-Петербург. тип., 1720. URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/kniga-ustav-morskoj-4>
- СлРЯ XI–XVII* – Словарь русского языка XI–XVII вв. М. : Наука, 1975– . Вып. 17. 1991. 296 с. ; Вып. 22. 1997. 298 с. ; Вып. 30. М. ; СПб. : Нестор-История, 2015. 320 с.
- СлРЯ XVIII* – Словарь русского языка XVIII века. Л. : Наука, 1984– . Вып. 1. 1984. 224 с. ; Вып. 6. 1991. 256 с. ; Вып. 10. СПб. : Наука, 1998. 256 с. ; Вып. 11. 2000. 256 с. ; Вып. 16. ; 2006. 278 с.

REFERENCES

- Akishin M.O., 2020a. Yuridicheskiy yazyk Morskogo ustava 1720 g. [Legal Language of the Maritime Charter of 1720]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal* [Leningrad Legal Journal], no. 3 (61), pp. 6–23.
- Akishin M.O., 2020b. Morskoy ustav 1720 g.: protsedura razrabotki i zakonodatel'naya tekhnika [Maritime Charter of 1720: Development Procedure and Legislative Equipment]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal* [Leningrad Legal Journal], no. 4 (62), pp. 8–30.
- Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., 2021. Strukturnaya razmetka delovykh dokumentov v diakhronicheskom lingvisticheskom korpuse: problemy i resheniya [Structural Markup of Official Documents in Diachronic Linguistic Corpus: Problems and Solutions]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 4, pp. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.1>
- Koposov L.V., 2014. Zametki ob odnom ofitsialnogosudarstvennom dokumente vtoroy poloviny XVIII v. [Notes on One Official State Document of the Second Half of the 18th Century]. *Vestnik MGOU. Seriya: Russkaya filologiya*

- [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], no. 6, pp. 14-18.
- Косов А. Г., 2004. *Evolyutsiya dokumentnykh zhanrov XVIII veka: Na materiale rukopisnykh i pechatnykh tekstov Obyedinennogo gosudarstvennogo arkhiva Chelyabinskoy oblasti: dis. ... kand. filol. nauk* [Evolution of Document Genres of the 18th Century. On the Material of Manuscript and Printed Texts from the United State Archive of the Chelyabinsk Region. Cand. philol. sci. diss.]. Chelyabinsk. 273 p.
- Krotov P.A., 2001. Ob ispolzovanii datskogo obraztsa prava pri podgotovke russkogo Morskogo ustava 1720 g. [On the Use of the Danish Model of Law in the Preparation of the Russian Maritime Charter of 1720]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoy Evropy : materialy ezhegod. nauch. konf. (12–13 apr. 2000 g.)* [Saint Petersburg and Nordic Countries. Proceedings of the Annual Scientific Conference (April 12–13, 2000)]. Saint Petersburg, RHGI, pp. 50-54.
- Mayorov A.P., 2006. *Ocherki leksiki regionalnoy delovoy pismennosti XVIII veka* [Essays on the Vocabulary of Regional Business Writing of the 18th Century]. Moscow, Azbukovnik Publ. 263 p.
- Nikitin O.V., 2003. Yazyk ukazov Ekateriny II 1762 g. i formirovanie ofitsialno-delovogo stilya v Rossii XVIII v. [The Language of Decrees of Catherine II in 1762 and the Formation of Official Business Style in Russia in the 18th Century]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], no. 6, pp. 93-99.
- Remneva M.L., 2003. *Puti razvitiya russkogo literaturnogo yazyka XI–XVII vv.* [Ways of Development of the Russian Literary Language in the 11th – 17th Centuries]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 336 p.
- Rudnev D.V., Pushkareva N.V., 2021. Reglamenti petrovskogo vremeni v aspekte imperativnosti [Regulations of Peter the Great in the Aspect of Imperativeness]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 4, pp. 36-49. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.3>
- Rusanova S.V., 2016. Terminy chelobitnaya i proshenie v zakonodatelnykh aktakh XVIII veka [The Terms Chelobitnaya ‘Humble Petition’ and Prosheniye ‘Plea, Application, Solicitation’ in Russian Legislative Acts of the 18th Century]. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN* [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies], vol. 12, part 3. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 705-716.
- Rusanova S.V., 2019. Naimenovaniya prositelnykh dokumentov v zakonodatelnykh aktakh i regionalnykh dokumentakh XVIII veka [Headings of the Pleading Documents in Russian Legislative Acts and Regional Business Writing of the 18th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 18, no. 2, pp. 16-26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.2>
- Sadova T.S., 2021. Slovo «nadlezhit» v sostave imperativnoy formuly v tekste «Ustava voinskago» 1716 goda [The Word “nadlezhit” as Part of the Imperative Formula in the Military Charter of 1716]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], vol. 43, no. 3, pp. 8-16. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.595
- Sadova T.S., Rudnev D.V., 2019. Kristallizatsiya delovoy rechi v Petrovskuyu epokhu [Crystallization of Formal Speech in the Petrine Era]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], no. 5 (182), pp. 43-47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350
- Salman Ya.G., 1955. Morskoy ustav 1720 g. – pervyysvod zakonov rossiyskogo flota [The Maritime Charter of 1720 is the First Set of Laws of the Russian Fleet]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes]. Moscow, Izd. AN SSSR, vol. 53, pp. 310-322.
- Hussen A.H., 1999. Ustav morskoy tsarya Petra Velikogo (1720 g.) [Maritime Charter of Peter the Great (1720)]. *Russkiy Sever i Zapadnaya Evropa: sb. nauch. st.* [Russian North and Western Europe. Collection of Scientific Articles]. Saint Petersburg, Rus.-Balt. inform. tsentr BLIC, pp. 326-340.
- Cherednichenko A.P., 1990. Vyrazhenie vremennykh otnosheniy v delovom yazyke XVIII veka (k probleme stabilizatsii sintaksicheskoy normy) [Expression of Temporal Relations in the Business Language of the 18th Century (To the Problem of Stabilizing the Syntactic Norm)]. *Stanovlenie norm russkogo natsionalnogo yazyka: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Formation of the Norms of the Russian National Language. Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Chelyabinsk, Chelyab. gos. ped. in-t, pp. 85-102.
- Shelestyuk E.V., 2008. Tekstovye kategorii argumentativnosti, suggestivnosti i imperativnosti kak otrazhenie sposobov rechevogo vozdeystviya [Textual Categories of Argumentativeness, Imperativeness and Impact as a Reflection of

Speech Influence]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art Studies], no. 30 (131), pp. 170-175

SOURCES AND DICTIONARIES

Kniga Ustav Morskoy o vsem chto kasaetsya dobromu upravleniyu, v bytnosti flota na more [Book Maritime Charter About Everything Related to Good Management When the Fleet Is at Sea]. Saint Petersburg, S.-Peterb. tip., 1720. URL:

<https://kp.rusneb.ru/item/reader/kniga-ustav-morskoi-4>

Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975–; Iss. 17. 1991. 296 p.; Iss. 22. 1997. 298 p.; Iss. 30. Moscow, Saint Petersburg, Nestr-Istoriya Publ. 2015. 320 p.

Slovar russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Leningrad, Nauka Publ., 1984–; Iss. 1. 1984. 224 p.; Iss. 6. 1991. 256 p.; Iss. 10. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1998. 256 p.; Iss. 11. 2000. 256 p.; Iss. 16. 2006. 278 p.

Information About the Author

Svetlana V. Rusanova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Philology, Novosibirsk State Technical University, Prosp. K. Marksa, 20, 630073 Novosibirsk, Russia, rusanowa_7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3451-6892>

Информация об авторе

Светлана Владимировна Русанова, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет, просп. К. Маркса, 20, 630073 г. Новосибирск, Россия, rusanowa_7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3451-6892>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.8>

UDC 81'373.2
LBC 81.053.16

Submitted: 30.03.2022
Accepted: 20.06.2022

REFLECTION OF THE PROCESSES OF GLOBALIZATION AND GLOCALIZATION IN THE HODONYMIC SPACE OF SMALL SETTLEMENTS ¹

Dmitriy Yu. Ilyin

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Elena G. Sidorova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article examines a set of toponyms that nominate the address-forming localities of the street and road network (street, alley, avenue, etc.) registered at the territory of the Oktyabrsky district of the Volgograd region. In the study, the corresponding geographical names of linear topographic localities placed within a settlement of any type (city, town, village, hamlet, etc.) are considered as godonyms. The research material analysis resulted in identification of the following linguistic codes, which are implemented in the godonyms of the region under study: memorative, locative, topographic, anthropogenic, symbolic, naturalistic, conditionally abstract, ethnic. The frequency of the identified linguistic codes in small settlements reflects the multidirectional processes of globalization and glocalization in the onomastic nomination. When designating the names of linear localities, topographic and anthropogenic linguistic codes prevail, since such nominations are closely related to the territory on which the settlement is located and the lifestyle of its inhabitants, as well as a conditionally abstract code, which reveals the linguistic and cultural unity of people. It has been established that in small settlements, unlike in urban ones, the process of globalization is reflected in relatively abstract names, the process of glocalization is reflected in locative names, while topographic and memorative onyms provide evidence of both of these processes.

Key words: toponym, godonym, godonymic space, linguistic code, locality of the street and road network.

Citation. Ilyin D. Yu., Sidorova E. G. Reflection of the Processes of Globalization and Glocalization in the Hodonymic Space of Small Settlements. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 6, pp. 100-109. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.8>

УДК 81'373.2
ББК 81.053.16

Дата поступления статьи: 30.03.2022
Дата принятия статьи: 20.06.2022

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ГЛОКАЛИЗАЦИИ В ГОДОНИМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ МАЛЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ ¹

Дмитрий Юрьевич Ильин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Елена Геннадьевна Сидорова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Объектом данной статьи избрана совокупность топонимов, которые номинируют адресо-образующие элементы улично-дорожной сети (улица, переулок, проспект и др.) на территории Октябрьского района Волгоградской области. Географические наименования линейных топографических объектов, расположенных внутри населенного пункта любого типа (город, поселок, село, хутор и т. п.), определены как годонимы и рассматриваются в аспекте отражения в них лингвистического кода. Выявлены следующие лингвистические коды, реализованные в годонимах исследуемого региона: меморативный, локативный, топо-

рафический, антропогенный, символический, натуралистический, условно-абстрактный, этнический. Частотность данных лингвистических кодов в малых населенных пунктах отражает разнонаправленные процессы глобализации и глокализации в ономастической номинации. При обозначении названий линейных объектов преобладают топографический и антропогенный лингвистические коды, поскольку такие номинации тесно связаны с территорией, на которой располагается поселение, жизненным укладом его жителей, и условно-абстрактный код, демонстрирующий лингвокультурную общность людей. Установлено, что в малых населенных пунктах в отличие от городских поселений процесс глобализации отражается в условно-абстрактных наименованиях, процесс глокализации – в локативных; топографические и меморативные онимы являются свидетельством обоих указанных процессов.

Ключевые слова: топоним, годоним, годонимическое пространство, лингвистический код, элемент улично-дорожной сети.

Цитирование. Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г. Отражение процессов глобализации и глокализации в годонимическом пространстве малых населенных пунктов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 6. – С. 100–109. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.8>

Введение

На современном этапе развития общества, в контексте политических, экономических, социокультурных изменений вопросы топонимической политики, касающиеся именования и переименования линейных объектов, приобретают острое социальное звучание. Как отмечает Л.Э. Старостова, «значимыми в городской идентичности становятся проявления уникальности города в сравнении с другими городами, приписываемые ему людьми, которые выступают в роли как создателей, так и реципиентов идентичности» [Старостова, с. 96]. Кроме того, при синхронизации фактов глобализации и глокализации в ономастической номинации у жителей отдельных регионов «формируется осознание того, что сохранение собственной региональной уникальности и дальнейшее развитие территории возможны лишь в том случае, если будет сохранена собственная региональная специфика в глобальном пространстве» [Голубь, Шведов, Агжитов, 2013, с. 3]. В связи с этим представляется актуальным выявление специфики лингвистического кодирования элементов улично-дорожной сети малых населенных пунктов.

Анализ научной литературы дает основания утверждать, что собственные имена географических объектов квалифицируются как языковой материал, который свидетельствует об исторической динамике социальной жизни и культуры населенного пункта (см., например: [Горбаневский, 2010; Демьянов, Рыженко, 2016; Мезенко, 2012]), раскрывает структурные модели и особенности сло-

вопроизводства проприативов (см., например: [Исаева, 1991; Китайгородская, Розанова, 2000; Кукушкина, 1996; Смолицкая, 2006; Суперанская, 1985]), является своеобразным маркером ландшафтного пространства территории (см., например: [Голомидова, 2020; Ильин, Сидорова, 2021; Климкова, 2018; Юдина, Кузнецова, 2018]).

Особое внимание при рассмотрении вопросов наименования пространственных объектов и употребления таких топонимов в официальной коммуникации уделяется годонимам, которые традиционно понимаются как «названия линейного объекта в городе, в том числе проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [Подольская, 1988, с. 52]. Между тем в проводимом исследовании указанный разряд проприативной лексики трактуется расширительно: «имена собственные, называющие адресообразующие элементы дорожно-уличной сети... внутри населенного пункта любого типа» [Сидорова, 2021, с. 216]. Значимость таких онимов обуславливается репрезентацией в них локальной идентичности, спецификой социокультурных ценностей и приоритетов, эстетических и идеологических пристрастий жителей, что находит отражение в различной степени востребованности тех или иных лингвистических кодов.

Материал и методы

До настоящего времени годонимическое пространство – «совокупность географических наименований, официально закрепленных за линейными топообъектами, расположенными в

пределах населенных пунктов» [Сидорова, 2021, с. 216] – преимущественно рассматривалось на примере городов. Однако в аспекте реализации топонимической политики интерес представляют и топонимы малых населенных пунктов, удаленных от больших городов.

Материалом для исследования послужили названия элементов улично-дорожной сети, находящихся в населенных пунктах Октябрьского района Волгоградской области, размещенные на Картографическом информационно-справочном сайте «Адресный реестр Волгограда и Волгоградской области» (далее – Реестр). Годонимическое пространство указанного административного образования рассматривается нами через призму лингвистического кода, отраженного в наименованиях географических объектов. Термин «лингвистический код» определяется нами как «способы и средства создания лексических единиц с целью номинации объекта внеязыковой действительности в соответствии с системой определенных правил, присущих языку» [Ильин, Сидорова, 2020, с. 71].

Исследование проводилось с использованием общенаучных методов индукции, обобщения, анализа, синтеза, описания и специализированных лингвистических методов структурно-семантического анализа.

Результаты и обсуждение

Освоение степей, расположенных на современной территории района, началось со второй половины XVIII в. преимущественно донскими казаками и переселенцами из центральных областей России и Украины. Развитие территории обусловлено началом строительства железной дороги Царицын – Тихорецкая в 1894 г., в ходе которого было возведено каменное здание железнодорожной станции *Жутово*, вокруг которого постепенно разрастался поселок *Новоалексеевский*, входящий в состав области войска Донского. В 1919 г. поселок получил новое имя – *Кругляков*, а в конце 1957 г. – современное название *Октябрьский*. На сегодня Октябрьский район Волгоградской области включает 31 населенный пункт (15 сел, 13 хуторов и 3 поселка), в которых проживают порядка 20 тыс. человек. Годонимическое пространство района пред-

ставлено примерно 360 линейными топообъектами, среди которых абсолютное большинство составляют улицы и переулки. Единственный проспект находится в районном центре – рабочем поселке Октябрьский.

Наименования элементов улично-дорожной сети, отражающие *меморативный лингвистический код*, призваны сохранить «память о человеке, событии, месте, реке организации» [Подольская, 1998, с. 119]. В Реестре представлены онимы, увековечивающие память о значимых в национальном масштабе личностях и событиях (проспект *Кирова*, улицы *Ленина*, *Калинина*, *Дзержинского*, *Куйбышева*, *Лермонтова*, *Пушкина*, *Горького*, *Шевченко*, *Шолохова*, *Ермака*, *Чапаева*, *Гагарина*); меморативов, посвященных иностранным деятелям, не зафиксировано. В целом этот лингвистический код мало востребован местными властями. Такие онимы, как правило, единичны, при этом фиксируются одинаковые названия в разных населенных пунктах района: по две улицы *Ленина* в рабочем поселке Октябрьский и хуторе Водянский, *Чапаева* в рабочем поселке Октябрьский и селе Абганерово и три улицы *Гагарина* в рабочем поселке Октябрьский, селах Абганерово и Шелестово. Между тем годонимическое пространство каждого населенного пункта интересно для исследователей тем, что оно содержит не только инвариантные, понятные для жителей любого региона страны, но и специфические, территориально обусловленные именованные адресообразующих элементов, сохраняющие память о людях, внесших значимый вклад в освоение, защиту или развитие конкретной местности. К специфическим меморативам можно отнести названия улиц, увековечивающие память:

– о местных уроженцах, получивших известность в национальном масштабе: улицы *Пугачева*, *Степана Разина* в рабочем поселке Октябрьский, *Пугачевская* в селе Жутово 2-е;

– участниках обороны Царицына во время Гражданской войны: улица *Круглякова* в рабочем поселке Октябрьский (Т.П. Кругляков был командиром Царицынского штаба обороны, в 1919 г. в его честь переименовали поселок);

– участниках Великой Отечественной войны, Сталинградской битвы: улица *им. Ге-*

нерала К.В. Свиридова (генерал-лейтенант танковых войск, командир 2-го Гвардейского механизированного корпуса, действовавшего на Сталинградском и Южном фронтах, Герой Советского Союза) в рабочем поселке Октябрьский; в том числе местных уроженцев: улицы *Сердюкова* (командир отделения 44-го гвардейского стрелкового полка 57-й армии Донского фронта, погиб в 1943 г., посмертно удостоен звания Герой Советского Союза) в рабочем поселке Октябрьский и селе Шелестово; *Каплунова* (наводчик противотанкового ружья 2-й Гвардейской армии Сталинградского фронта, погиб в 1942 г., посмертно присвоено звание Герой Советского Союза) в рабочем поселке Октябрьский; *Гордиенко* (старший лейтенант, Герой Советского Союза) в селе Абганерово; *им. А.Д. Фадеева* (полковник Советской армии, участник штурма Берлина, Герой Советского Союза) в селе Громославка; *им. И.Н. Великородного* (стрелок-радист 396-го отдельного авиационного полка особого назначения, Герой Советского Союза); *им. В.Г. Дуенко* (старший лейтенант, командир роты, погиб во время освобождения Румынии, посмертно присвоено звание Герой Советского Союза) в селе Самохино; *им. И.А. Кондаурова* (механик-водитель танка, Герой Советского Союза, ученый-историк) в хуторе Новоаксайский;

– местных уроженцев, погибших в мирное время при исполнении служебных обязанностей или в горячих точках при исполнении воинского долга: улица *им. Ю.Н. Небыкова* (старший лейтенант Октябрьского РОВД, погиб в 1986 г. при исполнении служебных обязанностей, посмертно награжден медалью «За отличную службу по охране общественного порядка») в рабочем поселке Октябрьский; улица *им. Георгия Проскурнова* (рядовой, стрелок-наводчик гранатомета, погиб в 1984 г. в Афганистане, посмертно награжден орденом Красной Звезды) в селе Аксай.

Наряду с личностными меморативными названиями в топонимическом пространстве района имеются единичные групповые меморативы, которые призваны увековечить память о воинских подразделениях, защищавших данную территорию (улицы *им. 2-й Гвардейской Армии, 51-й Армии* в рабочем поселке Октябрьский), а также событийные мемора-

тивы, закрепляющие в названиях элементов улично-дорожной сети значимые в национальном масштабе памятные даты и вехи истории (улицы *50 лет ВЛКСМ* и *60 лет СССР* в селе Абганерово). В целом доля меморативных наименований адресообразующих элементов в поселениях рассматриваемой территории составляет лишь 10 %, тогда как для городов этот показатель значительно выше. Например, в Котово – 29 %, а в Котельниково – 58 % (подробно см.: [Сидорова, 2022, с. 257–264]).

Оттопонимические наименования элементов улично-дорожной сети, реализующие *локативный лингвистический код*, также немногочисленны (их доля составляет около 5 % от всех наименований), причем мотивированы они региональными ойконимами и гидронимами. Обращает на себя внимание частотность топонима, соотносимого с названием районного центра и всего района: улица *Октябрьская* имеется в селе Аксай, хуторе Антонов и рабочем поселке Октябрьский. Наличие улицы с данным названием в одноименном районном центре, с одной стороны, отражает существующую практику наименований (например: улицы *Волгоградская* в Волгограде, *Камышинская* в Камышине, *Жирновская* в Жирновске, *Суровикинская* в Суровикино, переулок *Котельниковский* в Котельниково), с другой – представляется избыточным, поскольку адрес выглядит следующим образом: *Волгоградская область, Октябрьский район, рабочий поселок Октябрьский, улица Октябрьская, дом 1*. В ряде случаев улицы получают названия, обусловленные историей административно-территориального деления местности или прежде существовавшими на данной территории ойконимами. Так, улица *Калачевская* в селе Громославка получила свое название в связи с тем, что в период 1928–1934 гг. поселение входило в состав Калачевского района, а улицы *Ромашкинская* и *Шестаковская* в хуторе Антонов названы по имени хуторов Ромашкин и Шестаков, которые в 1981 г. на основании Решения исполкома Волгоградского областного Совета народных депутатов вошли в состав этого хутора.

Отгидронимические топонимы также отражают географическое положение района:

четыре улицы *Цимлянская* (в хуторах Заливский, Ильмень-Суворовский, Новоромашкин и рабочем поселке Октябрьский) обусловлены тем, что район с запада омывается Цимлянским водохранилищем; три улицы *Аксайская* (в хуторах Антонов, Заливский и в рабочем поселке Октябрьский) и улица *Есауловская* в хуторе Новоаксайский названы по реке Аксай Есауловский, впадающей в Цимлянское водохранилище; три улицы *Донская* (в хуторах Антонов, Новоаксайский и в рабочем поселке Октябрьский), а также переулочек *Донской* в хуторе Верхнекумский носят название по реке, протекающей в том числе по территории района.

Годонимы, образованные на основе *топографического кода*, отражающего связь названия элементов улично-дорожной сети с особенностями их географического расположения, ландшафта, размером и конфигурацией, распространены в поселениях Октябрьского района Волгоградской области, например: улицы *Дальняя*, *Узкая*, *Широкая* в хуторе Антонов, *Продольная* в хуторе Шебалино, *Проездная* в селе Ивановка, *Кольцевая*, *Просторная* в рабочем поселке Октябрьский, *Подгорная* в селе Жутово 1-е, *Запрудная* в поселке Советский. Наиболее значимыми для жителей оказываются ориентиры в пространстве и расположение адресообразующего элемента вблизи водоема. Следствием этого можно считать большое количество дублетных номинаций, закрепленных за улицами и переулками района. Так, годоним *Восточная (-ый)* представлен 8 раз (в селах Абганерово, Аксай, Громославка, Жутово 2-е, Водино, Самохино, хуторе Антонов и рабочем поселке Октябрьский), *Западная* – 2 раза (в хуторе Антонов и рабочем поселке Октябрьский), *Северная* – 3 раза (в селе Абганерово, поселке Советский, рабочем поселке Октябрьский), *Южная* – 3 раза (в хуторе Антонов, селе Каменка, рабочем поселке Октябрьский), *Центральная* – 20 раз. Полный набор адресообразующих элементов с точки зрения ориентации «центр – стороны света» представлен только в рабочем поселке Октябрьский. Идея близости к водоему получила реализацию в годонимах *Зареченская* и *Лиманная*, номинирующих по 2 объекта, *Речная (-ой)*, *Набережная*, номинирующих по 7 адресообразу-

ющих элементов, и *Заречная (-ый)*, зафиксированный 11 раз в годонимическом пространстве района.

Преимущественно равнинная степная местность района нашла отражение в соответствующих годонимах. Наименование *Луговая* носят 3 улицы, *Полевая (-ой)* закреплено за 7 элементами улично-дорожной сети, а самым частотным стал годоним *Степная (-ой)*: такое название имеют 20 улиц и 1 переулок. В целом доля годонимов, реализующих топографический лингвистический код, составляет 41 %, а в отдельных случаях может достигать до 100 %. Например, в селе Перегрузное имеется всего 4 улицы (*Полевая*, *Речная*, *Степная*, *Центральная*), каждая из которых мотивирована топографическим кодом.

Антропогенный лингвистический код, отражающий в номинации географического объекта что-либо созданное человеком в процессе обустройства его труда и быта, а также характеризующее людей по роду их деятельности, частотен в районном центре как самом большом населенном пункте (улицы *Агрехимическая*, *Водопроводная*, *Водостроевская*, *Дачная*, *Железнодорожная*, *Космонавтов*, *Мелиоративная*, *Механическая*, *Монтажников*, *Производственная*, *Садовая*, *Тракторная*, *Элеваторная*, *Энергетическая*, переулки *Нефтебазовский*, *Строительный*, *Специколовский*). В менее населенных пунктах он представлен единичными наименованиями (улицы *Исполкомовская*, *Мельничная*, *Садовая* и *Усадьба Колхоза* в селе Аксай; *Клубная*, *Парковая* в селе Васильевка; *Административная*, *Почтовая*, *Фермерская* в селе Громославка; *Школьная* в селе Каменка; переулки *Торговый* в селе Жутово 1-е и *Почтовый* в хуторе Водянский). Среди наиболее частотных «рукотворных ориентиров», послуживших базой для наименования линейного топообъекта, можно выделить два: школа (в пяти населенных пунктах района есть улица *Школьная*, а еще в двух – улица *Пришкольная* и переулок *Пришкольный*) и сад (улица *Садовая* зафиксирована в 11 поселениях). Как показал анализ годонимического пространства, доля таких номинаций составляет 14 %, при этом востребованность антропогенного кода при номинировании элементов улично-дорожной сети в Октябрьском

районе неравномерна. Так, в поселке Тихий существует всего одна улица, которая называется *Железнодорожная*, что предопределено исторически, поскольку сам поселок был основан при станции железнодорожной ветки Царицын – Тихорецкая в конце XIX в. и первоначально имел название *станция Гнилоаксайская*. В некоторых же поселениях (села Абганерово, Водино, Гончаровка, Перегрузное, хутора Верхнерубежный, Новоаксайский, Новоромашкин, Чиков) элементы улично-дорожной сети, номинированные на основе антропогенного кода, не представлены.

Годонимы, основанные на **символическом коде**, когда наименования отражали реалии, жизненный уклад, мировоззренческие ценности, праздники, культивировавшиеся в различные периоды развития страны, составляют только 4 % от всех наименований элементов улично-дорожной сети в Октябрьском районе Волгоградской области: четыре улицы *Советская* (в селах Аксай, Жутово 1-е, Шелестово и рабочем поселке Октябрьский); две улицы *Комсомольская* (в рабочем поселке Октябрьский и хуторе Антонов); две улицы *Рабочая* (в хуторе Молокановский, поселке Советский) и переулочек *Рабочий* в районном центре; улицы *Пролетарская*, *Коммунистическая*, *Краснознаменная* и переулочек *Пионерский* в рабочем поселке Октябрьский; улицы *Колхозная*, *Красная Горка* в селе Аксай и *Коммунарская* в хуторе Нижнекумский. В половине населенных пунктов района (села Абганерово, Васильевка, Водино, Гончаровка, Жутово 2-е, Ивановка, Каменка, Перегрузное, хутора Верхнекумский, Верхнерубежный, Заливский, Ильмень-Суворовский, Новоаксайский, Новоромашкин, Чиков, поселок Тихий) нет улиц, названия которых отражали бы данный лингвистический код.

Натуралистический код позволяет присваивать географическим объектам наименования, мотивирующей основой которых являются колоративы или лексемы, номинирующие природные объекты (флору и фауну, минералы и полезные ископаемые). Доля подобных онимов годонимического пространства Октябрьского района составляет 8 %. Так, в четырех поселениях зафиксированы годонимы *Зеленая (-ый)* (село Самохино, хутор Заливский, Шебалино, рабочий поселок Октябрьский) и

Цветочная (-ый) (село Ивановка, хутора Антонов, Заливский, рабочий поселок Октябрьский), в трех поселениях *Лазоревая* (хутора Антонов, Водянский, рабочий поселок Октябрьский) и *Сиреневая* (села Громославка, Ивановка, рабочий поселок Октябрьский), в двух поселениях *Абрикосовая* (село Ивановка, хутор Антонов) и *Кленовая* (хутор Заливский, рабочий поселок Октябрьский). Кроме того, имеются улицы *Березовая* в рабочем поселке Октябрьский, *Виноградная* в хуторе Верхнекумский, *Грушевая* в селе Водино, *Вербная* в селе Ивановка, *Красная* в селе Аксай, *Тополиная* в хуторе Антонов, *Терновое* в селе Ковалевка и переулочек *Яблоневый* в рабочем поселке Октябрьский. Самыми распространенными годонимами подобного рода являются улицы *Вишневая*, зафиксированные в селах Ивановка, Жутово 2-е, хуторах Антонов, Заливский, рабочем поселке Октябрьский, и *Песчаная*, также представленная в пяти населенных пунктах (села Громославка, Капкин-ка, Шелестово, хутор Антонов и рабочий поселок Октябрьский).

Условно-абстрактный код, в соответствии с которым адресообразующим элементам улично-дорожной сети присваиваются условные названия, непосредственно не связанные с характеристикой или свойствами самого топографического объекта, достаточно востребован, их доля в годонимическом пространстве различных населенных пунктов составляет 16 %, что проявляется в том числе и в значительном количестве совпадающих наименований: улица *Молодежная* зафиксирована в 15 поселениях района, годоним *Веселая (-ый)* – в 6; *Мира*, *Солнечная (-ый)*, *Тихая (-ий)* – в 5, *Дружбы*, *Новая (-ый)* – в 4, *Юбилейная*, *Майская (-ий)* – в 2. Кроме того, в хуторе Шебалино зафиксирована улица с нетипичным названием *Хитрая*. Вследствие лингвокультурной общности населения подобные наименования фиксируются во многих городах страны. Например, улицы *Веселая*, *Дружбы*, *Мира*, *Молодежная*, *Солнечная* имеются в Барнауле, Волгограде, Воронеже, Иркутске, Орле, Саратове и других населенных пунктах.

Отмечены среди годонимов Октябрьского района единичные случаи (около 2 %) использования **этнического лингвистичес-**

кого кода, отражающего национальный и этнический состав населения, – это улицы *Казачья* в рабочем поселке Октябрьский и хуторе Новоромашкин и переулочек *Казачий* в хуторе Чиков.

Нумеративный код в качестве отдельного способа означивания топонимов в Октябрьском районе не использован. Соответствующие онимы, как правило, фиксируются в крупных городах (улица *Двенадцатая* в Волгограде, переулок *Второй* в Волжском), для небольших населенных пунктов этот лингвистический код не характерен. В качестве вспомогательного элемента цифровой компонент включен в состав двух топонимов села Аксай (*Набережная 1-я* и *Набережная 2-я*) и одного – в районном центре (*Гвардейская* и *Гвардейская 2-я*), поскольку именно он выполняет идентифицирующую функцию, позволяя различать данные линейные топообъекты.

Заключение

Результаты анализа топонимического пространства Октябрьского района Волгоградской области показали, что для жителей небольших поселений, удаленных от крупных городов, наиболее востребованы топографические и антропогенные номинации, непосредственно связанные с территорией поселения и деятельностью живущих там людей. Частотность условно-абстрактных номинаций адресообразующих элементов, по нашему мнению, детерминирована лингвокультурной общностью соотечественников, что косвенно подтверждается фиксацией идентичных наименований в разных частях страны. Невелика доля меморативных наименований, причем событийных только два, а среди личностных меморативов нет ни одного, посвященного иностранному деятелю. В целом большим разнообразием характеризуется топонимическое пространство трех населенных пунктов: хутор Антонов, насчитывающий 33 линейных топографических объекта, село Аксай, являвшееся до середины XX в. районным центром, и рабочий поселок Октябрьский, нынешний административный центр района и самый крупный его населенный пункт.

Результатом глобализации при именовании адресообразующих элементов Октяб-

ского района Волгоградской области можно считать онимы, увековечивающие память о значимых в национальном масштабе личностях и событиях, и условно-абстрактные проприативы, фиксируемые в различных регионах страны. Результаты процесса глокализации отражены в меморативных названиях элементов улично-дорожной сети, посвященных местным уроженцам и людям, принимавшим активное участие в защите территории ввремя войны, а также в локативных наименованиях, непосредственно связанных с конкретным регионом. Топографический лингвистический код позволяет, с одной стороны, отразить процесс глобализации (прежде всего с точки зрения ориентации «центр – стороны света»), а с другой – глокализации, проявляющейся в непосредственной привязке топонима к местным реалиям.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00217 «Лингвистические коды объектов искусственной номинации в топонимической политике региона: проблемы, противоречия и векторы развития».

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 20-012-00217 «Linguistic codes of objects of artificial nomination in the toponymic policy of the region: problems, contradictions and vectors of development»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голомидова М. В., 2020. Топонимическое имиджирование городских пространственных объектов // Вопросы ономастики. Т. 17, № 3. С. 263–278.
- Голубь А. Б., Шведов В. Г., Агжитов А. А., 2013. К вопросу о значении процессов глобализации и глокализации в социально-экономическом развитии регионов // Власть и управление на Востоке России. № 2. С. 3–9.
- Горбаневский М. В., 2010. Названия улиц в малых исторических городах России как компонент их историко-культурного ландшафта: судьбы, проблемы, решения // Ономастика и общество: язык и культура : материалы I Всерос. науч. конф. / отв. ред. А. С. Щербак. Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина. С. 11–20.
- Демьянов К. В., Рыженко В. Г., 2016. Омская топонимия в контексте изучения культурного про-

- странства российского города // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. № 4 (12). С. 73–80.
- Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г., 2020. Лингвистические коды волгоградских топонимов как отражение региональной топонимической политики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 6. С. 69–80. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.6>
- Ильин Д. Ю., Сидорова Е. Г., 2021. Особенности лингвистического кодирования элементов топонимического пространства // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 5. С. 20–31. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.2>
- Исаева Т. А., 1991. Урбанонимия Нижнего Новгорода // Ономастика Поволжья. В 2 ч. Ч. 2 : материалы VI конф. по ономастике Поволжья / отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. И. Супрун, Т. П. Федянович. М. : Ин-т этнологии и антропологии АН СССР. С. 5–12.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н., 2000. Приметы времени в современной городской топонимике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е. А. Земская. М. : Яз. рус. культуры. С. 345–347.
- Климкова Л. А., 2018. Российская топонимика и ее объект в аспекте динамики // Ученые записки УО «ВГУ им. П. Н. Машерова». Т. 25. С. 108–115.
- Кукушкина В. В., 1996. Топонимика Санкт-Петербурга первой половины XIX века по планам города. СПб. : РНБ. 443 с.
- Мезенко А. М., 2012. Современный провинциальный урбанонимикон как реализатор кодов культуры // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. В 2 ч. Ч. 1 : материалы II Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 8–10 сент. 2012 г.) / отв. ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. С. 118–120.
- Подольская Н. В., 1988. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука. 192 с.
- Сидорова Е. Г., 2021. Топонимическое пространство: содержание и объем понятия // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации : сб. материалов I Всерос. науч.-практ. онлайн-конф. (25 марта 2021 г.) / под ред. О. Ю. Ивановой. Орел : ОГУ им. И.С. Тургенева. С. 212–217.
- Сидорова Е. Г., 2022. Инвариантное и вариативное в топонимическом пространстве малых городов Волгоградской области // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики в контексте межкультурной коммуникации : сб. материалов II Всерос. науч.-практ. онлайн-конф. (31 марта 2022 г.) / под ред. О. Ю. Ивановой. Орел : ОГУ им. И.С. Тургенева. С. 257–264.
- Смолицкая Г. П., 2006. Названия московских улиц. М. : Флинта : Наука. 224 с.
- Старостова Л. Э., 2015. Прагматический подход к моделированию территориальной идентичности: социокультурный аспект // Известия Уральского федерального университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры. № 3 (141). С. 95–105.
- Суперанская А. В., 1985. Типология именования внутригородских объектов Москвы // Географические названия в Москве / отв. ред. Е. М. Пospelов. М. : Мысль. С. 160–170.
- Юдина Н. В., Кузнецова Е. А., 2018. Топонимический портрет Владимирского края. Владимир : Транзит-ИКС. 160 с.

REFERENCES

- Golomidova M.V., 2020. Toponimicheskoe imidzhirovanie gorodskikh prostranstvennykh obyektov [Toponymic Imaging of Urban Spatial Objects]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], vol.17, no. 3, pp. 263-278.
- Golub A.B., Shvedov V.G., Agzhitov A.A., 2013. K voprosu o znachenii protsessov globalizatsii i globalizatsii v sotsialno-ekonomicheskom razvitii regionov [On the Issue of the Significance of the Processes of Globalization and Glocalization in the Socio-Economic Development of Regions]. *Vlast i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 2, pp. 3-9.
- Gorbanevskiy M.V., 2010. Nazvaniya ulits v malykh istoricheskikh gorodakh Rossii kak komponent ikh istoriko-kulturnogo landshafta: sudby, problemy, resheniya [Street Names in Small Historical Cities of Russia as a Component of Their Historical and Cultural Landscape: Fate, Problems, and Solutions]. Shcherbak A.S., ed. *Onomastika i obshchestvo: yazyk i kultura: materialy I Vseros. nauch. konf.* [Onomastics and Society: Language and Culture. Proceedings of the 1st All-Russian Scientific Conference]. Tambov, Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina, pp. 11-20.
- Demianov K.V., Ryzhenko V.G., 2016. Omskaya toponimiya v kontekste izucheniya kulturnogo prostranstva rossiyskogo goroda [Omsk Toponymy in the Context of Studying the Cultural Space of a Russian City]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki* [Herald of Omsk University, Series "Historical Studies"], no. 4 (12), pp. 73-80.

- Ilyin D.Yu., Sidorova E.G., 2020. Lingvisticheskie kody volgogradskikh godonimov kak otrazhenie regionalnoy toponimicheskoy politiki [Linguistic Codes of Volgograd Godonyms as a Reflection of Regional Toponymic Policy]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no.6, pp. 69-80. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.6.6>
- Ilyin D.Yu., Sidorova E.G., 2021. Osobennosti lingvisticheskogo kodirovaniya elementov godonimicheskogo prostranstva [Specific Features of Linguistic Coding of Elements of Godonym Space]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 5, pp. 20-31. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.5.2>
- Isaeva T.A., 1991. Urbanonimiya Nizhnego Novgoroda [Urbanonymy of Nizhny Novgorod]. Dzharylgasinova R.Sh., Suprun V.I., Fedyanovich T.P., eds. *Onomastika Povolzhya. V 2 ch. Ch. 2: materialy VI konf. po onomastike Povolzhya* [Onomastics of the Volga Region. In 2 Parts. Part 2. Proceedings of the 6th Conference on Onomastics of the Volga Region]. Moscow, In-t etnologii i antropologii AN SSSR, pp. 5-12.
- Kitaygorodskaya M.V., Rozanova N.N., 2000. Primety vremeni v sovremennoy gorodskoy toponimike [Signs of Time in Modern Urban Toponymy]. Zemskaya E.A., ed. *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian Language of the Late 20th Century (1985–1995)]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ., pp. 345-347.
- Klimkova L.A., 2018. Rossiyskaya toponimika i ee obyekt v aspekte dinamiki [Russian Toponymy and Its Object in Terms of Dynamics]. *Uchenye zapiski UO «VGU im. P. N. Masherova»* [Scientific Notes of the Educational Institution “VSU Named After P. N. Masherov”], vol. 25, pp. 108-115.
- Kukushkina V.V., 1996. *Toponimika Sankt-Peterburga pervoy poloviny XIX veka po planam goroda* [Toponymy of St. Petersburg in the First Half of the 19th Century According to the Plans of the City]. Saint Petersburg, RNB. 443 p.
- Mezenko A.M., 2012. Sovremennyy provintsialnyy urbanonimikon kak realizator kodov kultury [Modern Provincial Urbanonymicon as an Implementer of Culture Codes]. Berezovich E.L., ed. *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiy. V 2 ch. Ch. 1: materialy II Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 8–10 sent. 2012 g.)* [Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology. In 2 Parts. Part 1. Proceedings of the 2nd International Scientific Conference. (Yekaterinburg, September 8–10, 2012)]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, pp. 118-120.
- Podolskaya N.V., 1988. *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, Nauka Publ. 192 p.
- Sidorova E.G., 2021. Godonimicheskoe prostranstvo: sodержanie i obyem ponyatiya [Hodonymic Space: Content and Scope of the Concept]. Ivanova O.Yu., ed. *Aktualnye voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki v kontekste mezhkulturnoy kommunikatsii: sb. materialov I Vseros. nauch.-prakt. onlayn-konf. (25 marta 2021 g.)* [Topical Issues of Linguistics and Linguodidactics in the Context of Intercultural Communication. Collection of Proceedings of the 1st All-Russian Scientific and Practical Online Conference (Orel, March 25, 2021)]. Orel, OGU im. I.S. Turgeneva, pp. 212-217.
- Sidorova E.G., 2022. Invariantnoe i variativnoe v godonimicheskom prostranstve malyykh gorodov Volgogradskoy oblasti [Invariant and Variable Aspects in the Godonymy of Small Towns of the Volgograd Region]. Ivanova O.Yu., ed. *Aktualnye voprosy lingvistiki i lingvodidaktiki v kontekste mezhkulturnoy kommunikatsii: sb. materialov II Vseros. nauch.-prakt. onlayn-konf. (31 marta 2022 g.)* [Topical Issues of Linguistics and Linguodidactics in the Context of Intercultural Communication. Collection of Proceedings of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Online Conference (Orel, March 31, 2022)]. Orel, OGU im. I.S. Turgeneva, pp. 257-264.
- Smolitskaya G.P., 2006. *Nazvaniya moskovskikh ulits* [Names of Moscow Streets]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 224 p.
- Starostova L.E., 2015. Pragmaticheskyy podkhod k modelirovaniyu territorialnoy identichnosti: sotsiokulturnyy aspekt [Pragmatic Approach to Modeling Territorial Identity: Sociocultural Aspect]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kultury* [Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture], no. 3 (141), pp. 95-105.
- Superanskaya A.V., 1985. Tipologiya imenovaniya vnutrigorodskikh obyektov Moskvy [Typology of Naming Intracity Objects in Moscow]. Pospelov E. M., ed. *Geograficheskie nazvaniya v Moskve* [Geographical Names in Moscow]. Moscow, Mysl Publ., pp. 160-170.
- Yudina N.V., Kuznetsova E.A., 2018. *Toponimicheskyy portret Vladimirskego kraya* [Toponymic Portrait of the Vladimir Region]. Vladimir, Tranzit-IKS Publ. 160 p.

Information About the Authors

Dmitriy Yu. Ilyin, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Vice Rector for Academic Affairs, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, dilyin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6387-757X>

Elena G. Sidorova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, eg_sidorova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7705-1311>

Информация об авторах

Дмитрий Юрьевич Ильин, доктор филологических наук, доцент, проректор по учебной работе, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, dilyin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6387-757X>

Елена Геннадьевна Сидорова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, eg_sidorova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7705-1311>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.9>

UDC 81'42
LBC 81.055.1

Submitted: 13.04.2022
Accepted: 20.06.2022

THE ART OF STORYTELLING IN THE DIGITAL AGE: A MULTIMODAL PERSPECTIVE

Zinaida M. Chemodurova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Abstract. Using Dan Brown's *Wild Symphony*, Craig Silvey's *The Amber Amulet*, and Jon McGregor's *In Winter the Sky* as its case studies, this article attempts to explore a number of mechanisms and strategies contributing to the multimodal fiction construction and posing challenges for modern readers of all ages. The article proposes to examine multimodal resonance as a cognitive mechanism enhancing the emotional impact of multimodal stories on recipients and triggering the receptive mechanism of narrative empathy. Various semiotic resources, both free resources, such as photos, maps, and illustrations, and bound ones, including font types and typographical experiments, are analyzed from the standpoint of their role in fictional world creation. The article makes an original contribution to the Multimodal Stylistics Studies by hypothesizing the relevance of identifying two distinctive mechanisms of foregrounding: visual foregrounding as a range of formal ways to construct a multimodal text that focuses the reader's attention with the help of free semiotic resources, and graphic foregrounding, which has bound semiotic resources at its heart. The findings of the research prove that it is the combination of elements of stylistic, cognitive and linguo-semiotic analyses that might provide a new and effective methodology for interpreting a multimodal literary text. The overall outcome testifies to the importance of further research into varied mechanisms of foregrounding as a complex phenomenon essential for our better understanding of the embodied character of reading.

Key words: multimodal fiction, multimodal resonance, semiotic resources, foregrounding, narrative empathy, ludic modality.

Citation. Chemodurova Z.M. The Art of Storytelling in the Digital Age: A Multimodal Perspective. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 6, pp. 110-120. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.9>

УДК 81'42
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 13.04.2022
Дата принятия статьи: 20.06.2022

ИСКУССТВО ПОВЕСТВОВАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Зинаида Марковна Чемодурова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению механизмов и стратегий, значимых для процессов создания мультимодальных художественных текстов и представляющих собой несомненные трудности для читателей разных возрастов. В качестве когнитивного механизма, благодаря которому усиливается эмоциональное воздействие таких текстов на читателей и запускается рецептивный механизм нарративной эмпатии, определен мультимодальный резонанс. Источниками типичных случаев создания мультимодального повествования послужили «Звериная симфония» Дэна Брауна, «Янтарный амулет» Крейга Сильви и «Небо зимой» Джона Макгрегора. Охарактеризованы разнообразные семиотические ресурсы, как свободные (фотографии, карты, иллюстрации), так и связанные (виды шрифтов и типографические эксперименты), в аспекте их функций в создании фикционального текста. Доказана авторская гипотеза об актуальности выделения двух самостоятельных механизмов выдвижения: визуального выдвижения как совокупности способов формальной организации мультимодального текста, внимание читателей в котором привлекается с помощью свободных семиотических ресурсов, и графического выдвижения, в основе которого лежат связанные семиотические ресурсы. Полученные выводы подтверждают эффективность методологии, предполагающей использование элементов стилистического, когнитивного и лингвосомиотического анализа при интерпретации мультимодального художественного текста. Результаты исследования свидетельствуют о важности дальнейшего изучения разнообразных механизмов выдвижения как сложного феномена, играющего существенную роль в понимании лингвистами воплощенного характера процесса чтения.

Ключевые слова: мультимодальная литература, мультимодальный резонанс, семиотический ресурс, выдвижение, нарративная эмпатия, игровая модальность.

Цитирование. Чемодурова З. М. Искусство повествования в цифровую эпоху: мультимодальный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 6. – С. 110–120. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.9>

Introduction

Since the end of the 20th century the scholars in various fields of linguistics have claimed practically unanimously that the “multimodal turn” [Jewitt (ed.), 2009] in stylistics, cognitive linguistics, social semiotics has entailed an increased relevance of elaborating a new methodology of reading contemporary fiction. The emergence of the so-called multimodal fiction, defined by A. Gibbons as “a body of literary texts that feature a multitude of semiotic modes in the communication and progression of their narratives” [Gibbons, 2012, p. 420], poses new challenges for both students of philology interested in text interpretation and stylistic analysis and readers of modern fiction, while they are trying to come to terms with the writers’ use of unusual page designs, experimental typography and innovative strategies of constructing multimodal narratives.

M.-L. Ryan, developing the concept of “transmedial narratology”, argues in favour of the interdisciplinary approach to narrative stating that “the diversity of games that narrative can play with the resources of its medium is one of the many reasons, that make the intersection of narratology and media studies, an area still largely unexplored, into a productive field of investigation” [Ryan, 2004, p. 13].

Multimodal Studies, focusing, among various problems, on the analysis of multimodal storytelling, might be viewed as a very productive field of investigation, indeed, for several reasons. First, a remarkable advance in digital technologies led to a sharp spike in the publication of diverse subgenres of multimodal literary texts, encompassing books for very young readers, teenage novels and multimodal fiction. The statistical survey of the hybrid texts (i.e. novels combining images and texts) published from 1922 to 2012, carried out by J. Luke as part of his PhD research, testifies to the fact that there has been “a considerable increase in hybrid texts over time, particularly since the year 2000” [Luke, 2013, p. 20], with more than half of such works published in the new millennium, with the onset of the Digital Age when the publication of print-based multimodal books became more affordable financially.

Second, our intuitive exposure, as readers, to multimodal texts, which are in no way a recent invention, if we think about the seminal novel by Lawrence Sterne “The Life and Opinions of Tristram Shandy, Gentleman” with its remarkable “marble page” and unique typography and consider the concrete prose created by postmodernists in the 60–80s of the 20th century, cannot at the moment be supported by a systematic

theoretical analysis of the intricate mechanisms of transmodal meaning-making (see: [Hallet, 2018]). One of the many challenges related to the problem of semiotic modes integration within the multimodal narrative reflects a need to look upon an act of reading a multimodal text as a multiliterate act, when readers of all ages are expected to “engage in acts of signification across semiotic modes and in the construction of transmodal meaning of a single text as opposed to ‘simple’ acts of alphabetical decoding and signifying” [Hallet, 2018, p. 27].

This multimodal literacy can be developed as an essential component of High School and University curricula with students being made aware of a range of strategies modern authors employ to effectively help their readers immerse in the stories told in the Digital Era.

This article aims at probing deeper into the analysis of a number of cognitive mechanisms and pragmatic strategies used by contemporary writers to construct their multimodal stories where various semiotic resources, both bound and free (see: [Hallet, 2018]), are creatively integrated to express a holistic meaning of the literary text.

Material and methods

The article uses Dan Brown’s book for kids “Wild Symphony” (2020) as its case study to explore the innovative mechanisms that our youngest readers might encounter in the multimodal texts nowadays. The main focus in the second section of this paper, therefore, is made on the further study of the multimodal resonance treated here as a cognitive mechanism ensuring an increased impact of semiotic modes on addressees. The third section of the paper explores the combination of various types of foregrounding enhancing the expressivity of multimodal literature. The novella by Craig Silvey “The Amber Amulet” (2012) has been chosen for this section as a sample of multimodal youth fiction in which a gifted Australian author practices a wide range of multimodal devices that might help to engage young adult readers in his fictional storyworld. Finally, in Section 4 of the article, the short story by Jon McGregor “In Winter the Sky” (2012) will be examined, its details will clearly demonstrate how the experimental narrative

strategies making an ample use of diverse modalities testify to the embodied character of reading. The elements of stylistic, cognitive and linguo-semiotic analyses will be incorporated in the discussion of these three multimodal texts as one of the potential contributions of this research is related to the challenge of paving the way for the development of a new methodology which will help to produce a coherent multimodal text analysis.

Results and discussions

Multimodal resonance as a cognitive mechanism in “Wild Symphony”

Dan Brown published the picture book for children titled “Wild Symphony” in 2020 giving all his fans quite an unexpected chance to appreciate his debut multimodal story for little ones. Apart from his poems for kids describing all sorts of animals, and simple morals of a didactic nature meant both for children and their caregivers alike, this wonderfully illustrated book includes a free app and music, composed by the author himself (see Fig. 1). In the afterword Dan Brown explains to his readers that “music is a kind of storytelling, and the orchestral movements in Wild Symphony – combined with their accompanying poems and illustrations – all work together (like a code, of sorts) to tell a story and reveal a funny or interesting side of an animal’s personality. If you listen carefully, you might be able to find each animal hiding in the music” (Brown, 2020):

“Busy Beetles
Busy beetles, busy beetles,
Digging with their little feetles.
Working slowly as a turtle,
Building homes in garden dirtle.
But the beetles, bit by bittle,
Keep on going, never quittle.
When at last their work is done,
Then it’s time to have some fun!” (Brown, 2020).

“There’s time for work,
And there’s time for play.
There’s time for both every day!” (Brown, 2020).

Children’s picture books that have already been the object of interdisciplinary investigation

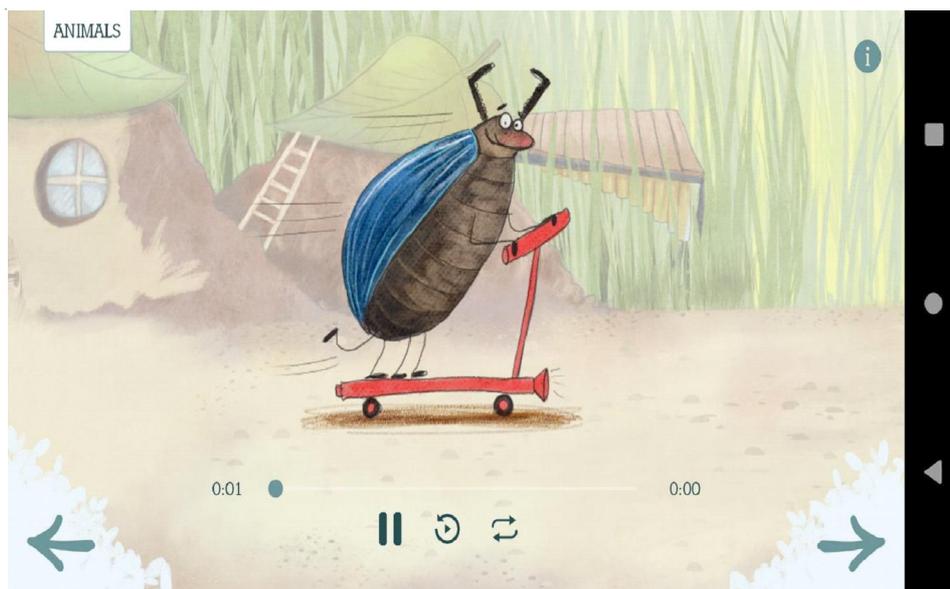

Fig. 1. A multimodal page of “Wild Symphony”

for several decades typically represent a clear-cut case of bimodality with verbal and visual semiotic resources, that “range from the wordless or near-wordless picture book to ‘illustrated stories’” [Fryer, 2014, p. 313]. The picture book as a complex genre accounts for a growing body of research encompassing diverse approaches of linguists, educationists, ethnologists focusing either on text analysis, or the studies of “children’s, adults’, and children and adults’ reading practices, how readers engage with, respond to, and make meaning of such texts, and the ‘talk around text’ typical of adult-and-child joint-reading” [Fryer, 2014, p. 313]. Multimodal stylistics is one of the potential areas of research examining the image/text interaction and scrutinizing implications of the groundbreaking research in social semiotics by G. Kress and T. van Leeuwen [2006] for the analysis of such texts (see: [Painter, Martin, Unsworth, 2013]). One of the controversial points in multimodal stylistics concerns the definition of a truly multimodal text as opposed to a visually conventional one [Norgaard, 2014]. W. Hallet, for example, insists on the creative use of free, or unbound semiotic resources, i.e. photographs, maps, illustrations, handwritten letters, as inherent components of a fictional world “that are produced, circulated or displayed in the fictional world” [Hallet, 2018, p. 26].

Within this perspective not all illustrated books are likely to be qualified as multimodal texts, for a frequent use of illustrated materials has

always been associated with visually conventional literature both for adult and young readers. The book written by Dan Brown, nevertheless, creates a fully immersive experience of storytelling combining verbal, visual and auditory semiotic modes, the experience the author himself describes as “an immersive feast for eyes, ears, and mind” (Brown, 2020). Young children and their parents are able to listen to the original music compositions accompanying adventures of each animal of the book whilst augmented reality helps readers to simultaneously read the story and enjoy music pieces created by the author.

This innovative multimodal approach, used by Dan Brown, instantiates quite convincingly the opinions of many modern educationists pointing out the need “to recognize the diversity of children’s experience of finely shaped imaginative worlds, and the ways in which new technologies and possibilities for meaning-making are creating new textual forms” [Beavis, 2013, p. 245]. Such new forms of storytelling, related to the emergence of “participatory culture” [Beavis, 2013, p. 245], raise challenges for cognitive linguistics, psycholinguistics, neurolinguistics. Thus, nowadays we witness an increased interest in the affordances of diverse sensory modalities which are involved creatively in the process of storyworld construction and perception.

The imaginative capacity of readers (visual, aural, tactile, etc.), young and adult alike, has

recently become the focus of interdisciplinary investigation aiming at exploring cognitive mechanisms underpinning the multimodal meaning-making. According to A. Gibbons, “not only do humans experience the world in multisensory terms, the media-saturated environment and highly visual culture that has developed into the twenty-first century complements the impression of multimodality as contemporary reality” [Gibbons, 2009, p. 100]. Studying the latest book by D. Brown, who implicitly acknowledges a paradigmatic shift from a monomodal page of a story to a multimodal construct, might yield an insight into the interplay of sensory modalities.

The hypothesis proposed in this article underlines the significance of *multimodal resonance* as a cognitive mechanism responsible for an increased concordance among verbal, visual and aural modalities. In the light of the latest findings in neuroscientific works which have proved that the combination of senses “result in enhanced neurological response” [Gibbons, 2009, p. 101], it transpires that the mechanism of multimodal resonance (see: [Iriskhanova, 2018]) appears to activate for recipients of “Wild Symphony” a game of make-believe involving the literary text (poems), art (illustrations) and music (classical orchestra pieces) as imaginative props (cf.: [Walton, 1990]). Our imagination is supposed “to be a multimodal dynamic system exhibiting features that are referred to as self-organization or emergence, implying simulation, emotional reward and in general the activation of embodied multiple neural circuits involved in superior associative cognitive functions” [Abramo, Gambino, Pulvirenti, 2017, p. 55]. Thus, such visual and aural props converge, activating multiple neural circuits, and enhance the emotional impact on children, emotive function being one of the metafunctions in such books for kids (see: [Painter, Martin, Unsworth, 2013]). The effect of multimodal resonance is characterized by a complex network of associative links, which, on the one hand, exist between verbal and visual semiotic resources, and, according to the seminal study by Van Leeuwen, semantically “extend” each other [Van Leeuwen, 2004, p. 230]. On the other hand, multimodal resonance is enhanced through readers’ further immersion in the “musical narration” [Kramer, 1990] and its own intricate

“extracompositional relations” [Wolf, 2009] with the verbal mode.

Another important function of this multimodal text is ludic, helping to engage young readers in exciting puzzle-solving activities generated by Dan Brown, famous for offering his readers various intellectual conundrums in his novels. The poems in his picture book are full of verbal games, alliterations, nonce-words, and puns, captivating in their humour (see example above) and paired with thought-provoking short morals. There are jumbled letters hidden on each page of the book inviting kids to identify a musical instrument associated with each character in the narrative. For example, the page with Busy Beetles contains a key to marimba, Eager Elephant is trombone, Happy Hippos is bass, etc. There is even a secret message encrypted in the book, which says “music is a universal language”, and, indeed, this interplay of semiotic codes seems to be entertaining, moving and educational at the same time setting an example of multimodal storytelling for young children many writers might find inspiring to emulate.

***Foregrounding mechanisms
in “The Amber Amulet”
in the light of multimodal stylistics***

The question how textual strategies can trigger specific readerly responses, i.e. what kind of “interpretational programme”, devised by an author, can be elicited by addressees of a literary text, is evidently a pivotal problem in many fields of philological studies.

One of such interdisciplinary theories combining efforts of linguists, neuroscientists, psychologists and literary critics is Foregrounding theory. According to W. Van Peer and Frank Hakemulder, the notion of foregrounding, if approached from this wider interdisciplinary perspective, “has come to mean several things at once. First of all, it is used to indicate the (psycholinguistic) process by which – during the reading act – something may be given special prominence. Second, it may refer to specific devices (as produced by the author) located in the text itself. It is also employed to indicate the specific poetic effect on the reader. Furthermore, it may be used as an analytic category in order to evaluate literary texts, or to situate them

historically, or to explain their importance and cultural significance” [Van Peer, Hakemulder, 2006, p. 547]. From the neurohermeneutic standpoint, foregrounding “surface” features of a literary text are believed to be “generated by the mindbrain of the author as possibly triggering specific reader responses in terms of immersion, empathy, emotional arousal, aesthetic appreciations, pleasure” [Abramo, Gambino, Pulvirenti, 2017, p. 52] and are treated as “‘traces’ of the author’s brain processes, i.e. as specific highly formalized elements of the ‘poetic language’ (Lotman), expressing the thought processes of the creative mindbrain of the author” [Abramo, Gambino, Pulvirenti, 2017, p. 52].

Foregrounding, therefore, is often interpreted both as a cognitive mechanism providing readers with important clues as to an interpretational programme of a literary text, and as a wide range of linguistic devices triggering deautomatization of the reading process and the ensuing intensification of reader cognitive activities.

This article hypothesizes the relevance of identifying two separate mechanisms of foregrounding – graphic and visual – generated by modern authors of multimodal texts to give special salience to the two wide groups of semiotic resources, described by W. Hallet as bound and free resources [Hallet, 2018]. In his classification “bound” semiotic modes, such as colours, fonts, creative typography, are always “directly tied to distinct semiotic units of representation or communication” [Hallet, 2018, p. 26], whereas “free, or unbound” semiotic modes – maps, photos, pictures – are used independently of verbal resources and contribute significantly to the multimodal meaning-making. Thus, the graphic foregrounding, which has always been associated with literary text construction and drawing readers’ attention to the elements, most prominent in this text from the point of view of its creator, uses a creative potential of the bound semiotic resources. Visual foregrounding [Chemodurova, 2021] can, on the other hand, be defined as a formal feature of modern multimodal texts focusing readers’ attention on various unbound semiotic resources contributing to the transmodal meaning-making process and performing a range of functions in the narrative.

This section of the paper, therefore, proposes a further analysis of the dynamic combination of these two types of foregrounding and their

functions in the meaning-making process of the multimodal novella called “The Amber Amulet”, used as a case study in this article.

“The Amber Amulet” is a story about a twelve-year old boy who seems to be a quiet enough teen during the daytime and turns into a heroic persona of “the Masked Avenger” fighting against injustices and trying to right wrongs in his neighbourhood during the nighttime. The story is a third person narration with this Superhero of a boy as its reflector so the opening paragraph of the novella might easily be taken for a revised pulp fiction story for teens:

“The Masked Avenger can make things happen. Though at twelve he is considered young for a Justice Fighter, he has already proved himself highly effective in the pursuit of peace. His developing powers are so potent, so vast, that not even *he* can fully comprehend their extent. He has a number of astonishing abilities. For example, on certain occasions he can summon a wall of cloud and make the sky roar” (Silvey, 2012, p. 1).

This kind of the beginning helps Craig Silvey to focus our attention on the imaginary world of Liam McKenzie, who patrols his suburban neighbourhood and sincerely believes in mysterious powers of energy which is “imbued with the properties of Good and Evil” (Silvey, 2012, p. 2). The combination of visual and graphic foregrounding, used extensively to construct the narrative, helps to characterize this boy as a naive and open-hearted dreamer, sharing his most secret thoughts and ideas with his devoted sidekick, Richie the Powerbeagle, and keeping a sort of scrap-book, both hilarious and touching in its simplicity and old-fashioned charm.

The scrap-book as a feature of many contemporary books with adolescent protagonists (cf. a well-known example can be found in J.S. Foer’s “Extremely Loud and Incredibly Close”) is a powerful multimodal mechanism contributing to the creation of a multi-layered narrative and enhancing its expressivity. One of the most important concepts of the story is the energy “hidden from common citizens” but available to The Masked Avenger is foregrounded graphically (the boy’s captions for his pictures and illustrations, his handwritten notes and formulas) and visually (through a number of pictures, photos, maps) with the converged effect of immersing readers in a superhero’s world of astonishing

abilities and their sources, setting a humorous and playful tone of the story and triggering narrative empathy for a lonely boy longing for warmth and safety (see Fig. 2). The technique of depicting cognitive abilities and emotional states of characters with the help of visual props in the fictional game of imagination and graphic devices effectively converging on the page is supposed to contribute to “empathetic experiences, opening readers’ minds to others, changing attitudes, and even predisposing readers to altruism” [Keen, 2006, p. 213].

Empathy, though a loaded term, might be broadly defined as “an affective response stemming from the understanding of another’s emotional state or condition similar to what the other person is feeling or would be expected to feel in the given situation” [Decety, Meyer, 2008, p. 1054]. According to the findings in developmental psychology, narratology and cognitive psychology, empathy might be triggered by “the deliberate acts of imagination” and is believed to be particularly “sensitive to perspective-taking” [Decety, Meyer, 2008, p. 1070]. Fiction for young adults such as “The Amber Amulet” relies quite actively on the combined use of different types of semiotic

foregrounding (visual and graphic) which has been reported to significantly increase the general emotional response and empathic distress” [Koopman, 2016, p. 90].

The story about Liam, which starts as a light-hearted adventure tale, is quickly transformed into the coming-of-age narrative, developing a philosophical subtext and showing life in all its complexity and unpredictability. The author’s narrative strategy skillfully steers his readers away from a purely entertaining impact of his multimodal textual elements when Craig Silvey introduces one more element of graphic foregrounding, viewed as a bound semiotic resource (see Fig. 3). The theme of handwritten notes that Liam initiates by leaving a short letter to his beautiful neighbor, who seems to be troubled and unhappy in her family life, gives a game of make-believe we have been engaged in so far a more profound aspect inviting both young adults and more mature readers to change perspective and think about the issues of identity, courage and happiness. The culmination of this truly moving story foregrounds the materiality of the little book [Gibbons, 2012] we are reading intensifying the game of our

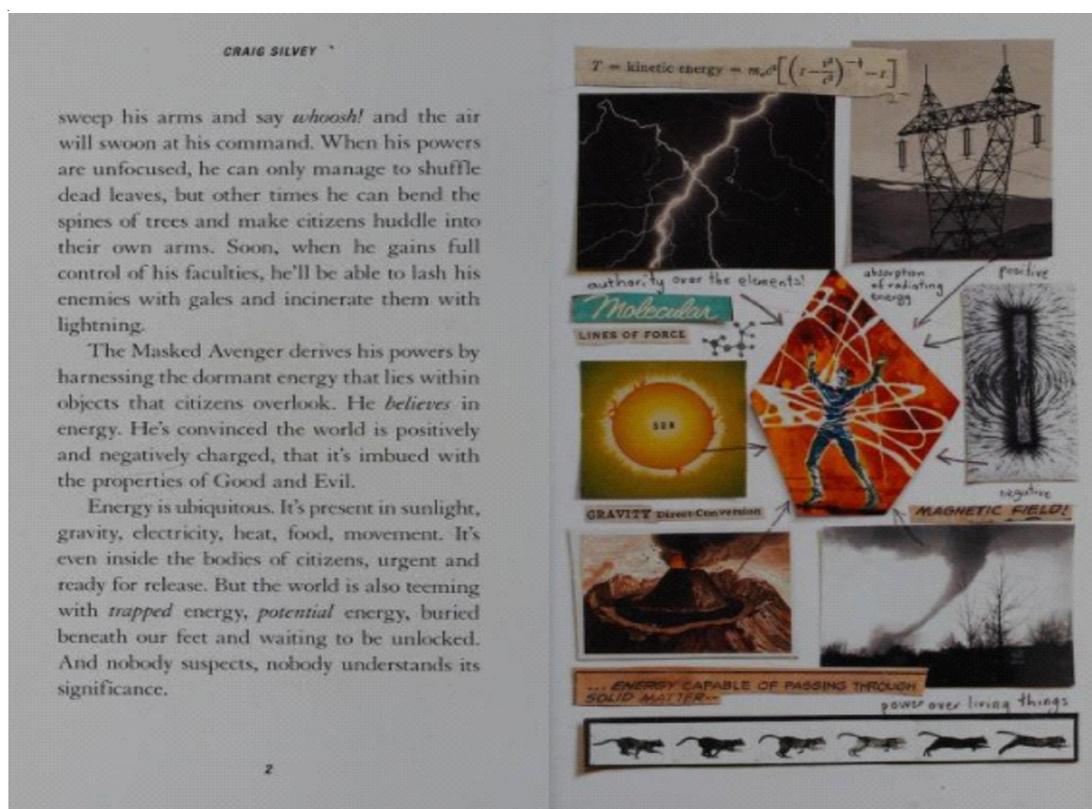

Fig. 2. The multimodal scrap-book in “The Amber Amulet” (pp. 2-3)

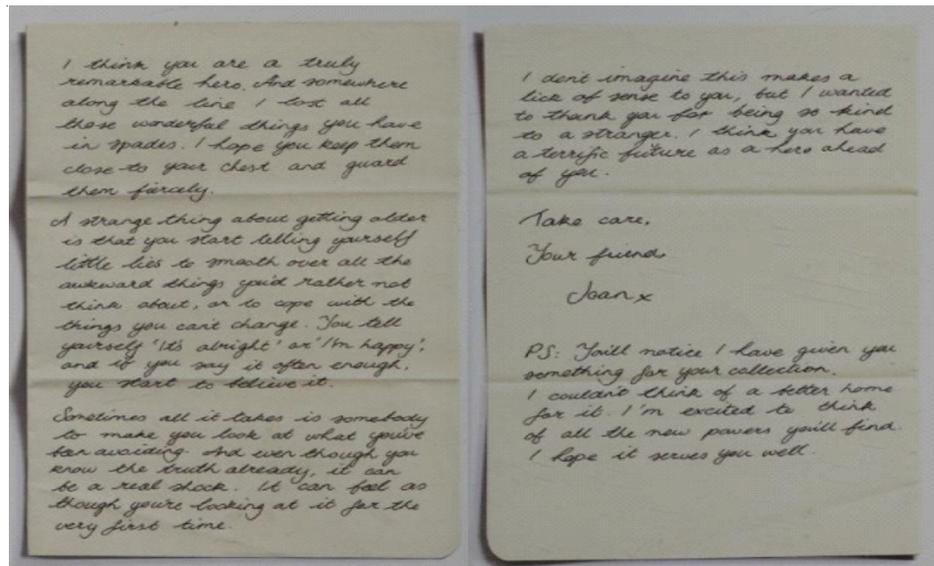

Fig. 3. Joan's farewell letter as an example of the creative use of the bound semiotic resources (pp. 84-85)

imagination even more and thus causing even a stronger emotional response.

Thus, the convergence of graphic foregrounding (bound semiotic resources) and visual salience (free semiotic resources) might be viewed as a powerful attention phenomenon that impacts readers on various levels of the text and contributes to the transmodal meaning-making.

Narrative experimentation from the multimodal perspective

M.-L. Ryan, analyzing the phenomenon of narrative and its transformations in the digital era, stresses the cultural significance of this concept pointing out that “it is because knowledge was encoded as tales that it was effectively transmitted and remembered in oral societies; it is because of its narrative power that the novel emerged as the dominant literary genre of the nineteenth and twentieth centuries; and it is because it gave new narrative dimensions to the novel and to the theater that cinema became “the art of the twentieth century” [Ryan, 2002, p. 582].

Playing with typography, creatively approaching the page layout, using various font types and experimenting with their colours can be considered a typical feature of much postmodernist fiction of the 60s – 80s of the 20th century prompting Brian McHale to describe such literature as “concrete prose” [McHale, 1987]. Many 21st century writers have developed

this postmodernist tendency of foregrounding the intricate relations between fiction and reality, resorting to what some critics tend to define rather disparagingly as “narrative gimmicks” and drawing their reader's attention to the ludic modality of such fictional texts [Chemodurova, 2019].

The short story by Jon McGregor “In Winter the Sky”, included in his collection of short stories “This isn't the Sort of Thing That Happens to Someone Like You” [2013], is characterized by such a distinctively unconventional use of various semiotic resources that it immediately signals to those readers who are not so well-versed in multimodal literary practices yet that reading this story poses a challenge and might even cause a cognitive dissonance [Chemodurova, 2019]. The design of the page and the graphic foregrounding of the explicitly polyphonic narration leave a lasting impression of an original and immensely disturbing story told by the husband haunted by the memory of one life-changing event in his past and the wife desperately trying to grope her way to happiness in their marriage. The heteroglossia is created with the help of the page layout, with the left page telling us a story of their teenage romance, a tragic incident changing the course of both their lives and their marriage, and the right page offering us lyrical experiments very loosely connected to the left-page narrative. The third person narration of the left part of the story is regularly interrupted by the sad ruminative lines composed by the wife (see Fig. 4).

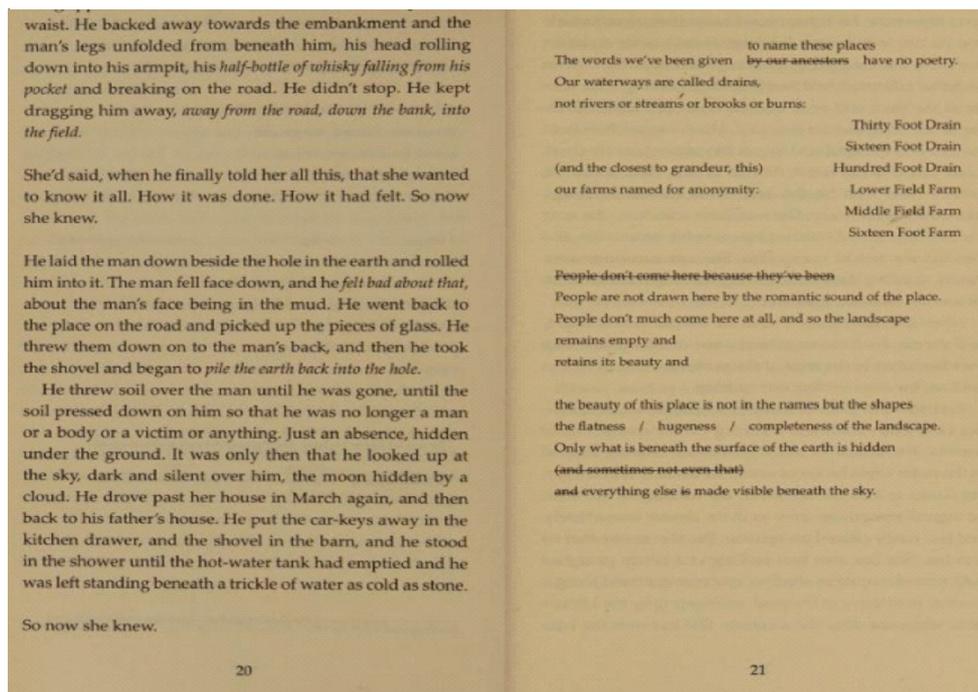

Fig. 4. The page layout foregrounding a polyphonic nature of McGregor's short story (pp. 20-21)

The two parts of the story seem to require a certain readjustment on the part of its readers involved in a hypertextual fictional game and expected to choose a reading strategy: they can either carry on in a traditional linear manner facing a deliberate narrative disruption when moving from a left page of the story to its right page; or they can select a different tack reading only the left-side part of the story and then turning to its poetic counterpart. The ludic modality of the text is also sustained through the typographical signs of the performative nature of art: crossed out lines of the poems in prose, left on the right-side pages by the author, foreground a painful process of creativity strangely resonating with the darkest moments of our life and causing cognitive dissonance in the minds of unsophisticated readers trying to piece together parts of the narrative puzzle. The typographical difference in type size, crossed out words and phrases, disjointed textual elements signal a change of discourse accentuating multisensory perception of the story (cf.: [Gibbons, 2009]).

The choice of the reading strategy we face when looking at the pages of this story and taking in its visual peculiarities makes us acutely aware of the materiality of the book and the physicality of the reading process which inevitably leads us to the fuller understanding of the embodied character of reading.

Conclusion

The emergence of the extended body of the multimodal fiction in the 21st century has raised quite a number of challenging problems for various areas of the philological research. Multimodal stylistics is interested, among many aspects of multimodal text construction and interpretation, in identifying cognitive mechanisms responsible for the multimodal meaning-making and describing diverse strategies providing an increased pragmatic impact on the readers. The cognitive mechanism of multimodal resonance, hypothesized in this article, is believed to play a significant role in the meaning-making process, contributing to ensuring immersion, triggering empathy and increasing text expressivity.

Visual and graphic foregrounding, viewed in this paper as distinct though by no means independent ways of focusing reader's attention on numerous semiotic modes in this fast developing genre of literature, can account for the enhanced emotivity of such texts and their explicit ludic modality.

The further study of creative ways that many contemporary authors use to share exciting stories with their readers, whether it is a hypertext narration or an original combination of free and bound semiotic resources, will yield new insights into the complex and captivating art of storytelling.

REFERENCES

- Abramo F.C., Gambino R., Pulvirenti, G., 2017. Cognitive Literary Anthropology and Neurohermeneutics. A Theoretical Proposal. *Enthymema*, no. XVIII, pp. 44-62.
- Beavis C., 2013. Literary English and the Challenge of Multimodality. *Changing English: Studies in Culture and Education*, vol. 20, no. 3, pp. 241-252. DOI: 10.1080/1358684X.2013.816527
- Chemodurova Z., 2019. The Mechanisms and Types of Foregrounding in Postmodernist Fiction. Haase Ch., Orlova N., eds. *English Language Teaching: Through the Lens of Experience*. Newcastle, Cambridge Scholars Publishing, pp. 277-295.
- Chemodurova Z.M., 2021. Visual Foregrounding in Contemporary Fiction. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, no. 2, pp. 5-15. DOI: 10.20916/1812-3228-2021-2-5-15
- Decety J., Meyer M., 2008. From Emotion Resonance to Empathic Understanding: A Social Developmental Neuroscience Account. *Development and Psychopathology*, no. 20, pp. 1053-1080.
- Fryer D.L., 2014. Reading Visual Narratives: Image Analysis of Children's Picture Books. *Linguistics and the Human Sciences*, vol. 10.3, pp. 312-321. DOI: 10.1558/lhs.v10.3.19618
- Gibbons A., 2009. "I contain Multitudes": Narrative Multimodality and the Book That Bleeds. Page R., ed. *New Perspectives on Narrative and Multimodality*. London, Routledge, pp. 99-114.
- Gibbons A., 2012. Multimodal Literature and Experimentation. Bray J., Gibbons A., McHale B., eds. *Routledge Companion to Experimental Literature*. London, New York, Routledge, pp. 420-434.
- Hallet W., 2018. Reading Multimodal Fiction: A Methodological Approach. *Anglistik: International Journal of English Studies*, vol. 29, iss. 1, pp. 25-40.
- Iriskhanova O.K., 2018. Fedya, dich! Ili o rezonanse v rechi i zhestakh [Fedya, dich'! On Resonance in Speech and Gestures]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [The Cognitive Studies of the Language], iss. 33, pp. 598-604.
- Jewitt C., ed., 2009. *Handbook of Multimodal Analysis*. London, Routledge. 340 p.
- Keen S., 2006. A Theory of Narrative Empathy. *Narrative*, vol. 14, no. 3, pp. 207-236.
- Koopman E.M., 2016. Effects of "Literariness" on Emotions and on Empathy and Reflection After Reading. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, vol. 10, iss. 1, pp. 82-98. DOI: <https://doi.org/10.1037/aca0000041>
- Kramer L., 1991. "Musical Narratology: A Theoretical Outline". *Indiana Theory Review*, vol. 12, pp. 141-162.
- Kress G., Van Leeuwen T., 2006. *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. London, Routledge. 310 p.
- Luke J., 2013. Writing the Visible Page: A Multimodal Approach to Graphic Devices in Literary Fiction. PhD by Creative Works. *QUT ePrints*. URL: <https://eprints.qut.edu.au/63020/>
- McHale B., 1987. *Postmodernist Fiction*. London, New York, Routledge. 278 p.
- Norgaard N., 2014. Multimodality and Stylistics. Burke M., ed. *The Routledge Handbook of Stylistics*. London, New York, Routledge, pp. 471-485.
- Painter C., Martin J.R., Unsworth L., 2013. *Reading Visual Narratives: Image Analysis of Children's Picture Books*. Sheffield, Equinox. 181 p.
- Ryan M.-L., 2002. Beyond Myth and Metaphor: Narrative in Digital Media. *Poetics Today*, vol. 23, iss. 4, pp. 581-609.
- Ryan M.-L., 2004. Introduction. Ryan M.-L., ed. *Narrative Across Media: The Languages of Storytelling*. Lincoln, U of Nebraska, pp. 1-40.
- Van Leeuwen T., 2004. *Introducing Social Semiotics*. London, New York, Routledge. 320 p.
- Van Peer W., Hakemulder F., 2006. Foregrounding. Brown K., ed. *Encyclopedia of Language & Linguistics*. Vol. 4. Oxford, Elsevier, pp. 546-550.
- Walton R., 1990. *Mimesis as Make-Believe*. London, Harvard Un. Press. 450 p.
- Wolf W., 2009. Relations Between Literature and Music in the Context of a General Typology of Intermediality. *Comparative Literature: Sharing Knowledges for Preserving Cultural Diversity*. Vol. 1. URL: <https://www.eolss.net/sample-chapters/c04/E6-87-02-02.pdf>

SOURCES

- Brown D. *Wild Symphony*. 2020. URL: www.wildsymphony.com
- McGregor J. *This isn't the Sort of Thing That Happens to Someone Like You*. London, New Delhi, New York, Sydney, Bloomsbury, 2013. 262 p.
- Silvey C. *The Amber Amulet*. Sydney, Allen and Unwin, 2012. 104 p.

Information About the Author

Zinaida M. Chemodurova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of English and Cultural Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, Reki Moyki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, zchemodurova@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9638-2503>

Информация об авторе

Зинаида Марковна Чемодурова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка и лингвострановедения, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, zchemodurova@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9638-2503>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.10>

UDC 81'1:323.111
LBC 81.006.35

Submitted: 27.06.2022
Accepted: 19.09.2022

CROSS-NATIONAL RIVALRY: NATIONAL IDENTITY IN SPORTS (A CASE STUDY OF ENGLISH AND RUSSIAN)

Irina S. Morozova

National Research University Higher School of Economics, Perm, Russia

Tatiana M. Permyakova

National Research University Higher School of Economics, Perm, Russia

Beverly Ross

California University of Pennsylvania, California, Pennsylvania, USA

Elena A. Smolianina

National Research University Higher School of Economics, Perm, Russia

Abstract. Nationalism and sport are often interwoven and, subsequently, the competitive nature of sport competition can also mirror the contentious nature between international athletes. Evidence of such inter-group conflict may manifest itself through ethno-linguistics and is reinforced through social identity theory. Data analysis for the English and Russian languages was evaluated in four categories. Data includes Word Association Network entries for the four opposites of the sport event schema in Russian and English: 1) strong – weak; 2) success – failure; 3) ahead – behind; 4) winner – loser. Semantic analysis established asymmetries of the lexical oppositions relative to sport competition, which reinforce the manifestation of social identity in ways that elevate the status of one group while degrading the perception of the other. The authors believe that this study exposes that the congruence between semantics and ethno-linguistics which is rooted in social identity. The four authors have equally contributed to this study. The contribution included a literature review on the subject of the study and showing how rivalry in sport is influenced by social identity and ethno-linguistics, which helped to identify the dearth of research into cultural implications underlying sports. The authors also collected dictionary definitions of the items of the sports event schema and performed analysis of the data in the English and Russian languages.

Key words: sport, competition, social identity, English, Russian, semantics, ethno-linguistics.

Citation. Morozova I.S., Permyakova T.M., Ross B., Smolianina E.A. Cross-National Rivalry: National Identity in Sports (A Case Study of English and Russian). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 6, pp. 121-131. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.10>

УДК 81'1:323.111
ББК 81.006.35

Дата поступления статьи: 27.06.2022
Дата принятия статьи: 19.09.2022

СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ: ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ирина Сергеевна Морозова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Пермь, Россия

Татьяна Михайловна Пермякова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Пермь, Россия

Бeverли Росс

Калифорнийский университет Пенсильвании, г. Калифорния, штат Пенсильвания, США

Елена Анатольевна Смольянина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Пермь, Россия

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что национализм и спорт зачастую оказываются тесно связанными, вследствие чего природа спортивного соревнования отражает противостояние между спортсменами из разных стран, которое облекается в разные формы, в том числе речевые. Межгрупповой конфликт в конкретном языке изучается авторами статьи в русле этнолингвистики и теории социальной идентичности. Охарактеризованы ключевые лексические оппозиции, вербализующие концепт спортивного состязания в русском и английском языках: 1) сильный – слабый; 2) успех – провал; 3) впереди – позади; 4) победитель – проигравший. В результате семантического анализа установлена асимметрия лексических оппозиций, представляющих способы реализации социальной идентичности. Показано, что благодаря такой асимметрии в языковой картине мира носителей данного языка статус одной группы повышается, а другой – понижается. Материалом для анализа послужили словарные статьи электронного словаря Word Association Network. Авторы внесли равный вклад в исследование: И.С. Морозовой подготовлен структурированный обзор литературы по теме исследования; Б. Росс исследуемая в статье проблема освещена в аспекте теории социальной идентичности и этнолингвистики; Е.А. Смольяниной выполнен сбор лексикографических данных и проведен их дефиниционный и семантический анализ; Т.М. Пермяковой проанализирован английский и русский языковой материал в сравнительно-сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: спорт, соревнование, социальная идентичность, английский язык, русский язык, семантика, этнолингвистика.

Цитирование. Морозова И. С., Пермякова Т. М., Росс Б., Смольянина Е. А. Спортивное состязание: отражение национальной идентичности в английском и русском языках // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 6. – С. 121–131. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.10>

Introduction

Serving as “a vessel through which nations and people assert political independence”, “express a distinctive identity” and “argument their position on the world stage”, sport “creates spill-over effects that go beyond sporting results” [Cha, 2016, p. 139]. It plays an important role in nation-building and influences socio-economic, political and cultural processes of any modern society as well as education, medicine, science, art and fashion. Sport is believed to create friendships and unity, however, at the peak of athletic competition, when sport becomes an exclusive force for national unity and pride, the universal human value of sport can be easily deflated. Serious sport can be seen as a source of conflict and fierce rivalry of opposites [Weisel, Böhm, 2015].

The concept of rivalry is likely to be as old as a competitive sport, but it has become popular for scholarly research only over the last decades. Sports rivalry is given various definitions depending on the study context and theoretical lens applied.

Social identity theory is often referenced in team sports rivalry, including cross-national sports competitions, as the competition gives participants a boost in their self-esteem and reinforces their own self-image through utilizing group-based comparisons of themselves (the in-group) and others (the out-group). Hence, rival groups, i.e. competing teams are perceived as distinct and posing an acute threat to the in-group’s members and their identity [Tyler, Cobbs, 2015].

The rivalry of opposites in social identity theory is reinforced through cognitive linguistics. The subjective nature of group linguistics favors one group while discriminating against the other [Tajfel, Turner, 2004]. By way of example, the term ‘ethno-political division’ is used to describe the deep-rooted conflict between Catholic and Protestant football clubs in Northern Ireland [Mitchell, Somerville, Hargie, 2016, p. 981]. These deeply divided groups are often considered pro-British or pro-Irish. This is one example of an event schema representing the cognitive framework that ties the perception to the group (either positive or negative). In linguistics, an event schema is a

sequence of states or processes identified due to key semantic components of lexical units describing the event [Meichun, 2015]. Thus, the event schema shows the way that people perceive, and then describe an event using their national language.

In this paper, we address the issue of cultural implications of sport via a frames approach in linguistics, particularly, in semantic analysis and its relation to the social identity theory. The research question is which semantic features encode stereotypes about winners and losers in Russian and in English. We analyze the representation of Russian and English lexical oppositions included in the 'sports competition' event schema [Strugova, 2011] through dictionary entries. Our contention is that international communication is further illuminated through understanding how specific cultures use lexicon that categorises athletes into the groups of winners or losers.

The literature review has shown that studies of the kind are not known either in Russian or other languages. Sports management and public relations may have a better understanding of issues of concern such as stereotyping, conflicts or discrimination, arising in international sports competitions. This work could be the basis for future similar comparison of other cultures. The paper is structured as follows: 1) the literature review on the sports discourse and how it is influenced by social identity; 2) a more empirically oriented description of the research data and methods; 3) the results section, which reveals the semantic features qualifying winners and losers in sports competition in Russian and in English; 4) the discussion section, which summarizes the findings, outlines the limitations of the study and puts forward suggestions for further research.

Literature review

The literature review briefly describes theoretical and empirical studies on sports discourse through the prism of social identity theory, semantics, cognitive linguistics, behavior patterns and language originality of modern sports community.

Sport and socio-cultural studies

Recent years have seen the growing body of literature focusing on the socio-political and cultural implications of sport. In general, socio-

cultural research on sports discourse focused on stereotypes and bias in sports context such as gender identity and gender inequality [Billings, Angelini, Duke, 2010; Cashman, Raymond, 2014; Feasey, 2008; Ponterotto, 2012; Thorpe, Olive, 2016], or racial bias [Schmidt, Coe, 2014]. A more subtle display of prejudice and threat posed by rivals was surveyed by Cobbs, Sparks, Tyler [2017], who compared animosity toward rivals across five major professional sports leagues based on four variables: schadenfreude, disidentification, prejudice, and relationship discrimination against rivals. Aggression and deviance in the sports world were investigated by Lewis [2007], Marasescu [2013], Sakamoto [2017] and Young [2015].

Another line of research is the culture of sport, "the panoply of innovations, articles, qualities, peculiarities, and other characteristics that we have developed around sport and the effects sport has had on us" [Cashmore, 2002, p. ix]. Authors studied sports morals, products, and behaviors in different countries [Kaplan, Akkaya, 2014; Kutintara, Min, 2016; Yamada, 2015]. Cultural issues in sports were also addressed by sports psychology, shedding light on constructing sports stereotypes and distributing identities in society [Clark, 2018; Merkel, 2014]. There has been an ever growing interest in cross-cultural research on sport, i.e. understanding the nature of the sports event from the standpoint of the culture people identify themselves with [Aldridge, Islam, 2012; Burger, Lynn, 2005; Kim, Gill, 1997; Kriska, 2000; Muneer, 2014; Okayasu et al., 2016; Park, 2005; Si, Rethorst, Willimczik, 1995]. Nevertheless, scant research was done on sports in Russia making it under-investigated [Alfermannet, Stambulova, Zemaityte, 2004]. Western literature and news on Russian sports tend to restrict to doping scandals about Russian athletes [Noland, 2016; Russia is..., 2017] or focus on negative issues surrounding the 2014 Winter Olympic Games in Sochi [Taras, 2017; Petersson, Vamling, Yatsyk, 2017]. All this emphasizes the necessity and importance of original research on Russian sports language.

Sport and language studies

In many ways, it is the communication and its subjective meaning that reinforce the social

identity theory. Thus, sports discourse has been increasingly studied within the frame of linguistics. Researchers tended to focus on the peculiarities and functions of various linguistic units in different languages [Almeida, Sousa, 2015; Balteiro, 2011; Berisha et al., 2017; Nurweni, 2013; Rafaelli, Katunar, 2016; Stramljič Breznik, Voršič, 2011; Tuguz, 2014; Vásquez et al., 2015]. The research of sports discourse was mostly done on media texts: sports advertisements [Beasley, Danesi, 2010], sports sections of newspapers [Szemberska, 2013; Khabirov, 2015], or sports broadcasts [Chovanec, 2016; Lee, Kahle, 2016].

The linguistic makeup of Russian sport was studied by Abrosimov, Bogdanova [2015], Bobyreva [2016], Gavryushina [2016] and Sharykina [2014]. The research addressed the employment of phraseology, jargon, eponyms, and special language units. One of the most comprehensive studies on Russian sports discourse was carried out by Malysheva [2017]. Based on an array of Russian sports newspapers and magazines texts, sports television documentaries, programmes, broadcasts, and Internet sources, the study investigates linguistic, cognitive, and cultural perspectives of contemporary sports discourse in Russia. Strugova [2011] analyzed sports discourse through building the event schema – a sequence of states or processes identified on the basis of the key semantic components of lexical units describing the event [Meichun et al., 2015]. The event schema defines the way people perceive and describe an event using a national language.

The event schema of the sports competition, in which athletes compete with each other to find out who is the best, comprises participants, processes and athletes' states. Built on the words of the national language, it reflects how the nation perceives and structures relationships in the sports sphere. Thus, comparison of the event schemas in the two languages will allow to see distinctiveness of one nation's identity from the other.

Sport, social identity and semantics

Sport is one of the key spheres of social identity which manifests the way we understand and associate ourselves in terms of similarity and difference to others [Weeks, 1990]. Modern social identity theory [Hall, 2012] asserts that identity is

expressed through language. It is an active linguistic and semiotic negotiation of the individual's relationship to society and its constructs. National language determines identity construction as it is an effective 'othering' tool; that is a tool with which we can convert others into the sociological 'not us' (the other). So, the use of a particular language helps demarcate a group and its culture from other groups [Barbour, Carmichael, 2000] and serves as a marker of difference and in-group membership. But being a powerful semiotic means, language not only plays an important role in identity formation and negotiation, but is part of an identity as it expresses human understanding and meaning. And very often this meaning is differently or even uniquely expressed in different languages [Fishman, 1991].

Sportsdom is a particular form of social identity, where athletes from one country see themselves as 'us' opposing athletes from other countries as 'them'. When people's sense of who they are is defined in terms of social identity (as 'we' and 'us') they strive to see 'us' as different from, and preferably as better than, 'them' [Burns, 2014; Cikara, Botvinick, Fiske, 2011; Gwinner, Swanson, 2003; Sanderson, 2013]. Members of one group typically engage in competition with a view to defining themselves as superior. All this is evident in sporting rivalries and competitions in which athletes and teams vie for superiority knowing that a higher-status position is possible. This makes the position of the winner stand out among others.

Sport is rarely, if ever, a purely personal pursuit. Rather, it draws upon and enriches the human capacity for collective endeavor. It is for this reason that the social identity approach to sports discourse is so much sorely needed. At heart, our study centers on linguistic stereotypes around a sports competition in English and in Russian as they help perceive the values and behaviour of athletes who define themselves in terms of a particular social identity. Social Identity Theory has clear relevance for understanding athletes' behaviour and identification. It is nevertheless true that, until relatively recently, the potential usefulness of the social identity approach has been largely neglected in sports research, which makes this study both novel and fresh.

To summarize the above, being globalized by the media, sport has become one of the most

powerful agents of social cohesion and platform of cultural life. Sport not only reflects individuals' thoughts, feelings, and behaviors, but "extends from individual values like discipline, asceticism, and self-control to collective values like sportsmanship and fairness" [Beck, Bosshart, 2003, p. 3]. Analysis of cultural norms and values of sport can show the main trends in the social context of its existence. This study analyzes the semantics of winning and losing in the Russian and English languages using contributing features of social identity and ethno-linguistic theories. We based on the premise that *winner* and *loser* in sport form lexical opposites, which might be asymmetrical not only between different languages, but also within one language due to the absence of a binary pole or linguistic structural patterns. The etymological opposites also affirm fundamental features of social identity affirmation.

Research data and methods

According to S. Strugova, the frame of sports competition includes two polar slots – the *winner* and the *loser* – as well as relationships between them [Strugova, 2011]. In axiological terms, the winner is a positive actor in the frame, and the loser is negative. The modification of the opposites during a sports event produces opposite lexical items. The schema describes changes for the actors during the event along three data items: qualities of the participants, performance, and location, the post-condition of which qualifies the outcome of a competition.

In pre-condition, 'equal' participants are involved in physical exertion against each other with the purpose to surpass. In reaching this goal, one of them reveals the qualities of being stronger than the other who reveals weaker qualities. The result of this activity is success in surpassing the other (and consequently, the other's failure). Finally, in the process of surpassing, one of the participants is ranked ahead of the other, whereas the other is ranked lower or behind. And the post-condition of the change is qualifying the participants as winners or losers.

The content analysis of the definitions of lexical items in English and in Russian is based on Gabrilovich and Markovitch's claim that basic units of meaning are verbally represented in semantic relatedness at various levels of organized

domains [Gabrilovich, Markovitch, 2007]. For the analysis, we transcribed English and Russian lexemes representing the sports event schema. The content of each definition was classified into units of meaning. The meanings were then ranged from related to common language or specific spheres and grouped according to common or different themes on the ground of the sphere of the word usage. Comparative analysis of the Russian and English categories and meanings allowed to draw inferences about patterns of interactions in the sports competition.

For our analysis we used 6 on-line dictionaries, selected from the <https://wordassociations.net> website due to their highly reputable lexicographic reliability and sustainability: 1) English: Dictionary Definition, Wiktionary; 2) Russian: Dal' Concise Dictionary of Great Alive Russian Language, Ushakov Concise Dictionary, WikiDictionary, Contemporary Concise Dictionary. 4 sets of English and Russian opposite words: 1A *Strong/Sil'nyi* – 1B *Weak/Slabyi*; 2A *Success/Uspeh* – 2B *Failure/Proval*; 3A *Ahead/Vpered* – 3B *Behind/Pozadi*; 4A *Winner/Pobeditel'* – 4B *Loser/Proigravshiy* – were analyzed.

Results

The analysis revealed considerable variation in the semantic structure of the lexical units under consideration. The English word *Strong* and the Russian word *Sil'nyi* describe physical characteristics of a person/object. Both of them refer to the domain of mathematics. Unlike the English word *Strong*, *Sil'nyi* is not used as a linguistic, chemical, military or medical term. The words *Weak* and *Slabyi* commonly denote psychological and physical characteristics of a person. In Russian, the word *Slabyi* is used to describe health and abilities, however, in English, it describes corporal or mental characteristics of a person. Besides, in English, the word functions as a term in linguistic, chemical, and political domains.

The common meaning of the English word *Success* and the Russian *Uspeh* is that of 'result'. In Russian, the word possesses specific meanings of 'gaining success and being lucky, especially in personal relationships', while in English, the lexeme bears the meanings of 'a person who gets results' and 'a state of prosperity'. The semantic analysis of the words *Failure* and *Proval* revealed

that they both refer to the process that fails or terminates. The Russian word also denotes an action and is used in geology and law, while the English word denotes ‘the failure of an event/happening or a person/mechanism’ and is used in banking. When employed in the domain of medicine, *Failure* is used to describe ‘a state of inability of an organ in the human body to perform a normal function’, while the meaning of *Proval* is restricted only to the memory function and denotes memory loss.

The words *Ahead/Vpered* share the semantic components ‘the future’, ‘an object’s location’ and ‘direction’. In Russian, lexeme *Vpered* also comprises the semantic components of ‘distance’ and ‘action’, while in English, the word *Ahead* possesses the semantic components of ‘time’, ‘development’, and ‘ranking’. Both the English *Behind* and the Russian *Pozadi* mean ‘location in space’. However, this semantic component is specified in different ways in the languages under study. In Russian, *Pozadi* denotes failing to reach someone who is ahead, while in English, *Behind* means staying in one place.

The analysis of the definitions of *Winner* and *Pobeditel’* revealed that they share a common

meaning: ‘a person who has succeeded or has scored off in the contest’. The English lexeme possesses specific meanings of ‘a gambler’ and ‘an object in sport’. The common meanings of *Loser* and *Proigravshiy* are ‘a person who acts and a person who loses something, especially in sports or gambling’. At the same time, in English, the lexeme has the meaning of ‘a person with certain characteristics (unfashionable, unsuccessful, etc.)’, while the Russian lexeme denotes ‘someone losing a battle or a war’.

Discussion and conclusions

The results of the semantic analysis are presented in Table 1 and Table 2.

Table 1 shows asymmetries between the items of the sports event schema in the Russian and English languages. In Russian, *Uspeh* is taken as ‘a process’ and *Proval* is defined as ‘an action’. *Sil’nyi* implies an object, while *Slabyi* refers to poor health, meaning that a strong person is like an object, and a weak person is thought to be ill. *Vpered* is opposed to *Pozadi* as the result and the process, respectively. In other words, when a person is ahead, he or she has taken an action to

Table 1. Different meanings of 4 lexical oppositions in sports event schema

Positive change items		Negative change items	
English	Russian	English	Russian
1A Strong: a physical characteristic of a person	1A Sil’nyi: a physical characteristic of an object	1B Weak: a mental characteristic	1B Slabyi: a state of health
2A Success: a state of prosperity	2A Uspeh: a process	2B Failure: an ability of a mechanism	2B Proval: ---
3A Ahead: time; development	3A Vpered: action	3B Behind: remain in a classroom for punishment	3B Pozadi: a process
4A Winner: a person who has done something or has something	4A Pobeditel’: a person who has scored off (in sport)	4B Loser: an object; an action	4B Proigravshiy: ---

Table 2. Domains of specific meanings of Russian and English oppositions

Positive change	Negative change
English	
1A Strong: Mathematics, Linguistics, Chemistry , Military Science, Medicine	1B Weak: Linguistics, Chemistry , Physics, Speech Studies, Economy, Politics, Photography
2A Success: Business	2B Failure: Medicine, Banking
3A Ahead: Sport	3B Behind: Pedagogy
4A Winner: Sport, Gambling	4B Loser: Sport, Gambling
Russian	
1A Sil’nyi: Mathematics, Physics, Technology , Sport	1B Slabyi: Technology , Medicine
2A Uspeh: ---	2B Proval: Medicine, Law, Geology
3A Vpered: ---	3B Pozadi: ---
4A Pobeditel’: Sport, War	4B Proigravshiy: Sport, War , Gambling

be in advance, while being behind presupposes a situation when someone is failing to catch up with the others. In English, the opposition of *Ahead* and *Behind* implies that to be ahead of the others, a person needs to spend time on a particular activity or his/her development, while being behind is generally taken as punishment. Also, English *Success* is taken as a particular state, and *Failure* is thought as an attribute of mechanism. Interestingly, there is a complete symmetry between the poles of the competition post-condition: in both languages, the lexemes *Winner/Pobeditel'* and *Looser/Proigravshiy* denote a person.

So, we can conclude that in both languages, the lexemes that define the negative change in sports are associated with more domains as compared to those that define positive change.

Overall, our findings revealed an asymmetry in the semantics of the items in the sports event schema in the English and Russian languages. These allowed us to conclude that the English tend to focus on a person, while Russians seem generally percept sports competition as a process. These findings support the validity of the theoretical framework of studies on the importance of psychology and personal motivation in sport in the Western world. Moreover, the English words have more special meanings than their Russian equivalents, so the English perception of sport can be more specified than Russian. Through the prism of the English language, athletes are seen as strong in a military and medical sense, and weak because of economic, political, or speech status. Sports success is attributed to business models, sports failure tends to be explained by insufficient medicine and banking activity. Being ranked higher in sports is only due to the sports behavior, while falling behind is the lack of pedagogy.

Unlike the English, for Russians, the same terms are associated with technical proficiency. Associations with mathematics or physics produce the features of strength, while relation to medicine is linked with weakness. Russians do not seem to associate success in sport with specific domains; at the same time, the language has developed three domains – medicine, law, and geology – to explain failures. So, the Russian language appears rather pessimistic as it does not specify success but does specify failure.

Finally, the widest gap between English and Russian can be identified in the specific domains of lexical meanings of winners vs losers, that is gambling vs war.

Different categorizations of competition in the two languages may have practical implications for Russian- and English-speaking people in the field of athletics. The two groups will be aware of the difference in reasoning when speaking about disputable or conflicting matters. Improved perception of “Other” can help to reduce stereotyping and prevent conflict escalation. Most importantly, since the sport sector is largely globalized today, the knowledge of different conceptualizations can be beneficial for coaches, sports psychologists, transfer managers, PR and media spokesmen, government policy-makers in sport, healthcare and recreation. We also believe that the knowledge of concepts and stereotypes about winning and losing in sports, embedded in the semantics of language units, can help open a dialogue between athletes from different social groups, avoiding bias and eliminating threats posed by rivals, and generate social consensus in international sport.

This research has a number of limitations. The sample is limited to dictionary entries' semantics of the four lexical oppositions. This limitation can be addressed by an expansion of data for analysis using other linguistic items to deliver new evidence in sport perception. The second point is linked to sourcing from six on-line dictionaries only, which means a limited corpus of definitions and usages. Though this is justified for the purposes of this study, we realize that the enlarged scope of sources would have resulted in more pronounced differences.

Despite unavoidable limitations, the research provides new aspects of sport through the prism of linguistic social identity. The outcomes indicate that word semantics implies cultural and ideological values, which may be conservative, though. A more balanced and comprehensive view on sports competition might be provided by investigating a broader scope of perception of sports competition, for instance, by particular social or age groups. The shifts in perception of sports competition by sports professionals (referees, coaches, etc.) and non-professionals (fans, journalists, etc.) at different stages of the life/career-cycle might become another issue to

address in further research. The level of sports competition (national or international) can be another factor, affecting perception of competition, to research.

REFERENCES

- Abrosimova L.S., Bogdanova M.A., 2015. Zhargon v sportivnom diskurse: formirovanie i funkcionirovanie [Jargon in Sport Discourse: Formation and Functioning]. *Nauchnyy rezultat. Seria: Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics], vol. 1, no. 4 (6), pp. 12-17. DOI: 10.18413/2313-8912-2015-1-4-12-17
- Aldridge L.J., Islam M.R., 2012. Cultural Differences in Athlete Attributions for Success and Failure: The Sports Pages Revisited. *International Journal of Psychology*, no. 47 (1), pp. 67-75. DOI: 10.1080/00207594.2011.585160
- Alfermann D., Stambulova N., Zemaityte A., 2004. Reactions to Sport Career Termination: A Cross-national Comparison of German, Lithuanian, and Russian Athletes. *Psychology of Sport and Exercise*, no. 5 (1), pp. 61-75. DOI: 10.1016/S14690292(02)00050-X
- Almeida M.C., Sousa B., 2015. From Monomodal to Multimodal Metaphors in the Sports Newspaper A Bola. *Revista Brasileira de Linguística Aplicada. Special Issue "Metaphor and Metonymy in Social Practice"*, vol. 15, iss. 2, pp. 403-420. DOI: 10.1590/1984-639820156058
- Balteiro I., 2011. A Reassessment of Traditional Lexicographical Tools in the Light of New Corpora: Sports Anglicisms in Spanish. *International Journal of English Studies*, no. 11 (2), pp. 23-52. DOI: 10.6018/ijes.11.2.149631
- Barbour S., Carmichael C., 2000. *Language and Nationalism in Europe*. Oxford, Oxford University Press. 319 p.
- Beasley R., Danesi M., 2010. *Persuasive Signs: The Semiotics of Advertising*. Berlin, New York, Walter de Gruyter Publ. 204 p. DOI: 10.1515/9783110888003
- Beck D., Bosshart L., 2003. Sports and Media. *Communication Research Trends*, no. 22 (4), pp. 3-27.
- Berisha V., Wang S., LaCross A., Liss J., Garcia-Filion P., 2017. Longitudinal Changes in Linguistic Complexity Among Professional Football Players. *Brain and Language*, no. 169, pp. 57-63. DOI: 10.1016/j.bandl.2017.02.003
- Billings A.C., Angelini J.R., Duke A.H., 2010. Gendered Profiles of Olympic History: Sportscaster Dialogue in the 2008 Beijing Olympics. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, no. 54 (1), pp. 9-23.
- Bobyreva N., 2016. Spetsialnye eponymy v pismennykh zhanrakh sportivnogo diskursa [Special Eponyms in Written Genres of Sports Discourse]. *Filologia i kultura* [Philology and Culture], no. 1 (43), pp. 24-29.
- Burger J.M., Lynn A.L., 2005. Superstitious Behavior among American and Japanese Professional Baseball Players. *Basic and Applied Social Psychology*, no. 27 (1), pp. 71-76. DOI: 10.1207/s15324834baspp2701_7
- Burns E.B., 2014. When the Saints Went Marching In: Social Identity in the World Champion New Orleans Saints Football Team and Its Impact on Their Host City. *Journal of Sport and Social Issues*, no. 38 (2), pp. 148-163.
- Cashman H.R., Raymond C.W., 2014. Making Gender Relevant in Spanish-language Sports Broadcast Discourse. *Gender and Language*, no. 8 (3), pp. 311-340. DOI: 10.1558/genl.v8i3.311.
- Cashmore E., 2002. *Sports Culture: An A-Z guide*. New York, Routledge. 496 p.
- Cha V., 2016. Role of Sport in International Relations: National Rebirth and Renewal. *Asian Economic Policy Review*, no. 11 (1), pp. 139-155. DOI: 10.1111/aep.12127
- Cikara M., Botvinick M.M., Fiske S.T., 2011. Us Versus Them: Social Identity Shapes Neural Responses to Intergroup Competition and Harm. *Psychological Science*, no. 22 (3), pp. 306-313. DOI: 10.1177/0956797610397667
- Chovanec J., 2016. Eavesdropping on Media Talk: Microphone Gaffes and Unintended Humour in Sports Broadcasts. *Journal of Pragmatics*, no. 95, pp. 93-106. DOI: 10.1016/j.pragma.2016.01.011
- Clark S.L., 2018. Fitness, Fatness and Healthism Discourse: Girls Constructing 'Healthy' Identities in School. *Gender and Education*, vol. 30, iss. 4, pp. 477-493.
- Feasey R., 2008. *Masculinity and Popular Television*. Edinburgh, Edinburgh University Press. 192 p.
- Fishman J.A., 1991. *Reversing Language Shift*. Clevedon, Multilingual Matters Publ. 413 p.
- Gabrilovich E., Markovitch S., 2007. Computing Semantic Relatedness Using Wikipedia-Based Explicit Semantic Analysis. *Proceedings of the 20th International Joint Conference on Artificial Intelligence (Hyderabad, India, January 6-12, 2007)*. San Francisco, Morgan Kaufmann Publishers Inc., pp. 1606-1611.
- Gavryushina E.A., 2016. Mezhyazykovoe sopostavlenie sportivnogo diskursa (na materiale sportivnoy analiticheskoy statyi [Interlanguage Comparison of Sport Discourse (On the Material of Sport Analytic Article)].

- Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philological Sciences], no. 2, pp. 175-184. DOI: 10.18522/1995-0640-2016-2-175-184
- Gwinner K., Swanson S.R., 2003. A Model of Fan Identification: Antecedents and Sponsorship Outcomes. *Journal of Services Marketing*, no. 17 (3), pp. 27-94. DOI: 10.1108/08876040310474828
- Hall J.K., 2012. *Teaching and Researching: Language and Culture*. S.I., Longman. 264 p. DOI: 10.1111/ijal.12056
- Kaplan Y., Akkaya C., 2014. Sports Culture and Sports in Turkey. *International Journal of Science Culture and Sport*, no. 2 (2), pp. 114-119.
- Khabiroy R.R., 2015. Lingvovitoricheskie figury v sportivnykh tekstakh SMI respubliki Bashkortostan [Linguistic Rhetorical Figures in Sports Texts of the Media of the Republic of Bashkortostan]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], no. 20 (2), pp. 556-561.
- Kim B.J., Gill D.L., 1997. A Cross-Cultural Extension of Goal Perspective Theory to Korean Youth Sport. *Journal of Sport and Exercise Psychology*, no. 19, pp. 142-155.
- Kriska A., 2000. Ethnic and Cultural Issues in Assessing Physical Activity. *Research Quarterly for Exercise & Sport*, no. 7 (12), pp. 47-53.
- Kutintara I., Min S., 2016. Sport Participation and U.S. Sport Culture Influences among College-Age International Students. *Journal of Multidisciplinary Research*, no. 8 (2), pp. 49-61.
- Lee C., Kahle, L., 2016. The Linguistics of Social Media: Communication of Emotions and Values in Sport. *Sport Marketing Quarterly*, no. 25 (4), pp. 201-211.
- Lewis J.M., 2007. *Sports Fan Violence in North America*. Lanham, Rowman & Littlefield Publishers. 187 p.
- Malysheva Ye.G., 2017. *Russkiy sportivnyy diskurs: lingvokognitivnoe issledovanie* [Russian Sports Discourse: The Linguo-Cognitive Perspective]. Moscow, Flinta Publ. 742 p.
- Marasescu M.R., 2013. Athletes' Involvement in Violence and Aggression within the Context of Sports Competition. *Contemporary Readings in Law and Social Justice*, no. 5 (2), pp. 183-188.
- Meichun L., Hsin-shan T., Chia-yin H., Shu-ping Ch., 2015. The Proto-Motion Event Schema: Integrating Lexical Semantics and Morphological Sequencing. *Journal of Chinese Linguistics*, no. 43 (2), pp. 503-547. DOI: 10.1353/jcl.2015.0015
- Merkel U., 2014. The Politics of Sport and Identity in North Korea. *International Journal of the History of Sport*, no. 31 (3), pp. 376-390. DOI: 10.1080/09523367.2013.861419
- Mitchell, D., Somerville, I., & Hargie, O. 2016. Sport for Peace in Northern Ireland? Civil Society, Change and Constraint After the 1998 Good Friday Agreement. *The British Journal of Politics and International Relations*, no. 18 (4), pp. 981-996. DOI: 10.1177/1369148116656987
- Muneer A., 2014. *Intercultural Communication and the Community of Practice in a South African Sport Team. Master's diss.* S.I., s.n. 83 p. DOI: 10019.1/96110
- Noland M., 2016. Russian Doping in Sports. *Peterson Institute for International Economics Working Paper*, no. 16-4. DOI: <http://doi.org/10.2139/ssrn.2727302>
- Nurweni A., 2013. Meanings of English Loanwords in Indonesian Articles of Sport. *Humaniora*, no. 2 (2), pp. 184-195.
- Okayasu I., Nogawa H., Casper J.M., Morais D.B., 2016. Recreational Sports Event Participants' Attitudes and Satisfaction: Cross-Cultural Comparisons Between Runners in Japan and the USA. *Managing Sport & Leisure*, no. 21 (3), pp. 164-180. DOI: 10.1080/23750472.2016.1220812
- Park S.R., 2005. A Cross-Cultural Study of the Motivational Factors Affecting Individuals' Decisions About Participating in Action Sports Between Korean College Students and Their American Counterparts. *International Journal of Eastern Sports and Physical Education*, no. 3 (1), pp. 13-27.
- Petersson B., Vamling K., Yatsyk A., 2017. When the Party is Over: Developments in Sochi and Russia After the Olympics 2014. *Sport in Society: Cultures, Commerce, Media, Politics*, no. 20 (4), pp. 455-460. DOI: 10.1080/17430437.2015.1100888
- Ponterotto D., 2012. Gender Bias in Sports Reporting: Female Athletes in the British Press. *Studia de Stiintasi Cultura*, no. 3 (30), pp. 15-28.
- Raffaelli I., Katunar D., 2016. A Discourse Approach to Conceptual Metaphors: A Corpus-Based Analysis of Sports Discourse in Croatian. *Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis*, no. 133 (2), pp. 125-147. DOI: 10.4467/20834624SL.16.010.5156
- Russia is Banned from the Winter Olympics, 2017. *Economist*, Dec. 9. DOI: <https://doi.org/10.18533/journal.v5i4.914>
- Sakamoto T., 2017. Desire and Violence in Modern Sport. *International Journal of Sport and Health Science*, no. 15, pp. 81-86.
- Sanderson J., 2013. From Loving the Hero to Despising the Villain: Sports Fans, Facebook, and Social Identity Threats. *Mass Communication &*

- Society*, no. 16 (4), pp. 487-509. DOI: 10.1080/15205436.2012.730650
- Schmidt A., Coe K., 2014. Old and New Forms of Racial Bias in Mediated Sports Commentary: The Case of the National Football League Draft. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, no. 58 (4), pp. 655-670. DOI: 10.1080/08838151.2014.966364
- Sharykina O.A., 2014. Kak futbolisty pletut kruzheva: osobennosti upotrebleniya idiomy v sportivnom diskurse [How Football Players Pletut Kruzheva: The Functioning of the Idiom Plesti Kruzheva in Sport Discourse]. *Trudy Instituta Russkogo Yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute], no. 2 (1), pp. 396-400. URL: <https://trudy.ruslang.ru/ru/archive/2014-2/396-400>
- Si G., Rethorst S., Willimczik K., 1995. Causal Attribution Perception in Sports Achievement. A Cross-Cultural Study on Attributional Concepts in Germany and China. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, no. 26 (5), pp. 537-553. DOI: 10.1177/0022022195265006
- Stramljič Breznik I., Voršič I., 2011. Word-Formational Productivity of the Slovene Language in the Case of Sports Neologisms. *Linguistica*, no. 51 (1), pp. 23-38.
- Strugova S.V., 2011. *Dinamika leksicheskoj oppositivnosti v sportivnom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk* [Dynamics of Lexical Oppositions in Sports Discourse. Cand. philol. sci. diss.]. Perm, s.n. 190 p.
- Szemberska A., 2013. Noun-Noun Compounds in Italian Sports Column as a Proof of Tendencies in Modern Italian. *Studia Romanica Posnaniensia*, no. 40 (3), pp. 95-103.
- Tajfel H., Turner J.C., 2004. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior. *Key Readings in Social Psychology. Political psychology: Key Readings*. New York, Psychology Press, pp. 276-293.
- Taras R., 2017. Putin's Sochi Hubris: Righting the Ship of Sport, Wronging the Ship of State? *Sport in Society*, no. 20 (4), pp. 489-504.
- Thorpe H., Olive R., 2016. *Women in Action Sport Cultures: Identity, Politics and Experience*. 109 p. DOI: 10.1057/978-1-137-45797-4_1
- Tuguz E.A., 2014. Nominatsii boleshchikov v sportivnom diskurse (na materiale angliyskikh sportivnykh neologizmov) [Nominations of Fans in Sports Discourse (Based on English Sport Neologisms)]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of Kemerovo State University], no. 1 (57), pp. 152-155.
- Tyler B.D., Cobbs J.B., 2015. Rival Conceptions of Rivalry: Why Some Competitions Mean More Than Others. *European Sport Management Quarterly*, no. 15 (2), pp. 227-248. DOI: 10.1080/16184742.2015.1010558
- Vázquez M., Lario C., López P., 2015. Anglicisms in the 50's Sport Press. *Estudios Filológicos*, no. 55, pp. 157-176.
- Weeks J., 1990. The Value of Difference. *Identity: Community, Culture, Difference*. London, Lawrence & Wishart, pp. 88-100.
- Weisel O., Böhm R., 2015. "Ingroup Love" and "Outgroup Hate" in Intergroup Conflict Between Natural Groups. *Journal of Experimental Social Psychology*, no. 60, pp. 110-120. DOI: 10.1016/j.jesp.2015.04.008
- Yamada R., 2015. Significance of Traditional Sports Culture in Regional Development in Japan: Revival of the Game of Dakuyugi in Kuwana, Mie, and Its Cultural Value. *Japan Journal of Physical Education, Health and Sport Sciences*, no. 60 (2), pp. 15-428.
- Young K., 2015. Assessing the Sociology of Sport: On Sports Violence and Ways of Seeing. *International Review for the Sociology of Sport*, no. 50 (4-5), pp. 640-644. DOI: 10.1177/1012690214547373

Information About the Authors

Irina S. Morozova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Studencheskaya St, 38, 614070 Perm, Russia, imorozova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2318-3407>

Tatiana M. Permyakova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Studencheskaya St, 38, 614070 Perm, Russia, tpermyakova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4960-5038>

Beverly Ross, PhD, Associate Professor, Department of Criminal Justice and Psychology, Director of the Linda and Harry Serene Leadership Institute, Chair of the University Grievance Committee, California University of Pennsylvania, University Ave, 250, PA 15419 California, Pennsylvania, USA, ross@calu.edu

Elena A. Smolianina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Studencheskaya St, 38, 614070 Perm, Russia, easmolianina@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8256-1076>

Информация об авторах

Ирина Сергеевна Морозова, кандидат филологических наук, доцент департамента иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Студенческая, 38, 614070 г. Пермь, Россия, imorozova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2318-3407>

Татьяна Михайловна Пермякова, доктор филологических наук, профессор департамента иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Студенческая, 38, 614070 г. Пермь, Россия, tpermyakova@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4960-5038>

Бeverли Росс, PhD, доцент департамента уголовного права и психологии, директор института лидерства Л. и Г. Серен, председатель университетского комитета по рассмотрению жалоб, Калифорнийский университет Пенсильвании, просп. Университета, 250, PA 15419 г. Калифорния, штат Пенсильвания, США, ross@calu.edu

Елена Анатольевна Смольянина, кандидат филологических наук, доцент департамента иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Студенческая, 38, 614070 г. Пермь, Россия, easmolianina@hse, <https://orcid.org/0000-0002-8256-1076>

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.11>

UDC 811.161.1'37
LBC 81.411.2-31

Submitted: 11.04.2022
Accepted: 19.09.2022

VERB-AND-NOMINAL PHRASES WITH SEMANTICS OF VISUAL PERCEPTION: SYNCHRONIC AND DIACHRONIC APPROACH

Irina A. Safonova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article deals with the issue of perception representation potential by Russian verbs. The study is focused on stylistically marked verb-and-nominal phrases with the meaning of visual perception (*vperit' glaza / vzgljad / vzor; lupit' glaza; pjalit' glaza; taraschit' glaza*). The analysis was based on various materials from lexicographic sources that reflect the state of the Russian language in various periods of its evaluation and the data from the National Russian Language Corpus on functioning of verb-and-nominal phrases. The complex approach made it possible to identify collocation potential of the language units under analysis in modern Russian language and to define limitations on their usage in fiction and media styles. Semantic changes in the meaning of verbal constituents define patterns aimed at constructing semantics of perception in a pair with the nouns of perception that represent intense visual ability to perceive. It is concluded that semantic changes are based on correlation between the process of visual perception and another process that is not directly associated with the instance of perceiving, but may be apprehended with the sight conceptualization (during movement in space or physical impact at an object). The results might become the basis for further studies in the field of sensory linguistics.

Key words: perception, verbs of visual perception, semantics, meaning of perception, semantic changes, functioning, modern Russian language, history of the Russian language.

Citation. Safonova I.A. Verb-and-Nominal Phrases with Semantics of Visual Perception: Synchronic and Diachronic Approach. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 6, pp. 132-145. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.11>

УДК 811.161.1'37
ББК 81.411.2-31

Дата поступления статьи: 11.04.2022
Дата принятия статьи: 19.09.2022

ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ СОЧЕТАНИЯ С СЕМАНТИКОЙ ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ: СИНХРОННО-ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ирина Александровна Сафонова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме выявления потенциала русских глаголов для выражения перцепции. Объектом изучения избраны стилистически маркированные глагольно-именные сочетания со значением зрительного восприятия (*вперить глаза / взгляд / взор; лупить глаза; пялить глаза; тарасчить глаза*). Материалом для анализа послужили данные лексикографических источников, отражающих состояние языковой системы в разные периоды ее развития, а также факты функционирования глагольно-именных

сочетаний, представленные в Национальном корпусе русского языка. С применением комплексного подхода охарактеризованы сочетаемостные возможности этих единиц в современном русском языке и показана ограниченность в их употреблении рамками художественного и публицистического стилей. В качестве механизма формирования семантики восприятия определены семантические изменения в значениях глагольных компонентов, сделавшие возможным использование их в сочетании с существительными перцептивной сферы для выражения напряженного зрительного восприятия. Показано, что в основе семантических изменений описанных сочетаний лежит сходство процесса зрительного восприятия и того процесса, который изначально с ним не связан, но может быть воспринят с помощью органов зрения (перемещения в пространстве или физического воздействия на объект). Полученные результаты могут послужить основой для дальнейших научных разысканий в рамках сенсорной лингвистики.

Ключевые слова: перцепция, глаголы зрительного восприятия, лексическая семантика, перцептивное значение, семантические изменения, функционирование, современный русский язык, история русского языка.

Цитирование. Сафонова И. А. Глагольно-именные сочетания с семантикой зрительного восприятия: синхронно-диахронический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 6. – С. 132–145. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.11>

Введение

Восприятие, представляя собой один из важнейших процессов, определяющих жизнь и деятельность человека в социуме, было и продолжает оставаться объектом изучения в рамках разных наук. Поскольку восприятие – это прежде всего «сложный психофизиологический процесс формирования перцептивного образа... система действий, направленных на ознакомление с предметом, воздействующим на органы чувств, т. е. чувственно-исследовательская деятельность наблюдения» [Зинченко, 2009, с. 98–99], то особенности этого процесса охарактеризованы в первую очередь учеными-психологами: Б.Г. Ананьевым, В.П. Зинченко, А.В. Запорожцем, А.Н. Леонтьевым, Б.Ф. Ломовым и др.

Восприятие рассматривалось и в трудах философов. Так, М. Мерло-Понти в работе 1945 г. «Феноменология восприятия» писал, что первичное восприятие формирует базу для различных смыслов и значений [Мерло-Понти, 1999, с. 587]. По мнению ученого, восприятие останавливается на тех или иных объектах, оказывающихся основанием всего опыта, которым обладает или мог бы обладать человек [Мерло-Понти, 1999, с. 101].

Феноменом, структурирующим перцептивный опыт, выступает язык. Как отмечал А.Н. Леонтьев, для того, чтобы построить картину мира, в которой человек мог бы дать себе отчет, необходимо сделать «чувственные образы» означенными. Таковыми они становятся, когда получают отражение в языковых значениях. Именно значения, эксплицирующие

преобразованную и свернутую в материи языка идеальную форму существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрываемых совокупной общественной практикой, являются второй (после чувственной ткани) важнейшей составляющей сознания человека [Леонтьев, 2001, с. 100].

Язык представляет собой «инструмент», позволяющий выразить ощущения и впечатления, формирующиеся на основе информации, получаемой человеком с помощью органов чувств, и одновременно детально охарактеризовать сам процесс восприятия. Более того, языковая единица – слово – может вновь и вновь вовлекать человека в пережитый им когда-то перцептивный опыт и создавать вокруг субъекта «определенную смысловую ауру» (подробнее о влиянии перцептивного опыта на жизнь человека см.: [Мерло-Понти, 1999, с. 302]).

В разработку теории восприятия большой вклад внесли и ученые-языковеды. В центре их внимания находились и продолжают оставаться вопросы, связанные с отражением в языке перцепции и ее результатов. Выводы, к которым пришли исследователи в ходе анализа фактов современного русского языка, позволили заключить, что восприятие является одной из важнейших систем человека, описать модель восприятия (см. об этом: [Апресян, 1995; Урысон, 1998; Человек..., 2011; Яковлева, 1994]), определить особенности выражения семантики восприятия различными языковыми единицами (см., например: [Лутфуллина, 2020; Падучева, 2001; 2003]); изучение диалектного материала способствовало воссозданию

перцептивной картины мира диалектной языковой личности [Земичева, 2016; Кузнецова, 2015]; исследование русского фольклорного материала с привлечением данных разных славянских языков, – реконструкции представлений о восприятии в традиционной культуре славян (см., в частности: [Доброва, Матыцына, 2020; Ясинская, 2014]); обращение к фактам языков разных групп – обнаружению общего и различного в репрезентации представлений о восприятии в рассматриваемых языках (см., например: [Колесов, 2008; и др.]).

В ряде работ, посвященных перцептивному «компоненту» в языке, в центре внимания находится категория перцептивности. В трудах А.В. Бондарко она рассматривается как «скрытая категория», связанная с функционально-семантическими категориями темпоральности, аспектуальности, локативности, субъектности, объектности [Бондарко, 2002, с. 275]. Как семантическая категория, эксплицируемая средствами лексики и грамматики, перцептивность понимается в работах Е.П. Вишняковой [2013] и Н.Ю. Муравьевой [2014].

Продолжением научных изысканий, связанных с возможностью применения термина «категория» для изучения экспликации перцепции в языке, стала концепция О.Ю. Авдвениной. Исследователем обосновано выделение категории восприятия, которая, не будучи тождественной категории перцептивности, понимается как совокупность перцептивных (репрезентирующих восприятие) значений, получающих выражение с помощью разноуровневых языковых средств [Авдвенина, 2013].

Необходимо, кроме того, отметить работы, в которых объектом изучения становятся не только языковые единицы и категории, эксплицирующие результаты восприятия в языке, но и перцепция как процесс. Например, научный интерес вызывает восприятие вербальных и поликодовых структур. Такие исследования имеют междисциплинарный характер, в частности объединяют достижения лингвистики и биологии (см., например: [Горбачева и др., 2021; Горбачева, Берлин Хенис, Осадчий, 2022; Пучкова, Лебедева, Лапошина, 2022]).

Большое количество трудов теоретического и прикладного характера в той или иной

научной сфере часто приводит к формированию отдельного направления. В 2012 г. вышла монография В.К. Харченко, в которой определена целесообразность выделения «лингвосенсорики», или «сенсорной лингвистики» [Харченко, 2012]. Представленный в монографии подход получил развитие в работах других языковедов (см., например: [Нагорная, 2017]). Несмотря на имеющиеся достижения в изучении перцепции в рамках лингвосенсорики, многие вопросы требуют дальнейшей разработки в силу сложности рассматриваемых объектов.

Так, большинство исследователей сходятся во мнении, что именно глаголы являются важнейшим средством выражения перцепции в языке. Они формируют отдельную общность, статус которой определяется по-разному: лексико-семантическая группа [Бабенко, 1999, с. 14], семантический класс [Васильев, 2000], тематический класс [Падучева, 2003]. К ядерным средствам выражения восприятия в языке относятся предикаты, особенность которых состоит, по мнению Г.И. Кустовой, в крайней бедности их значений (например, глаголы восприятия типа *видеть* и *слышать*), в связи с чем они приближаются к семантическим примитивам или считаются таковыми (см. об этом: [Кустова, 2005, с. 71]).

Однако вопрос о возможностях глаголов выражать семантику восприятия в русском языке остается открытым. По мнению Е.С. Кубряковой, глагол представляет собой языковую форму, передающую то или иное ментальное содержание и имеющую во внутреннем лексиконе человека свое собственное вербальное и невербальное представление. По мнению ученого, важно установить, к наречению каких сущностей приспособлен глагол, какие структуры знания стоят за ним [Кубрякова, 2003, с. 439]. Эта задача успешно решается лингвистами с разных позиций, в том числе синхронно-диахронических.

Помимо глаголов, в семантике которых получил отражение процесс восприятия, в русском языке есть пласт глагольно-именных сочетаний, формируемых предикатами перцептивной семантики и компонентами, называемыми органами восприятия или объектами, связанные с ними, и использующихся для выражения восприятия (*вперить глаза / взгляд /*

взор; впитаться глазами; встречать взгляд / взор; косить глазом; ласкать взглядом; лупить глаза; метать взоры / взгляды; пялить глаза; смерить взглядом; таращить глаза и мн. др.). Эти сочетания неоднородны: они обозначают действия, которые осуществляет субъект восприятия или наблюдатель (о фигуре наблюдателя см.: [Кустова, 2005; Падучева, 2001; 2019]). С учетом грамматического критерия они могут быть разделены на две группы: с именным компонентом в форме Вин. п. без предлога (*бросать (бросить) взгляд / взор; метать взоры / взгляды; устремлять (устремить) глаза / взгляд / взор* и др.) и с именным компонентом в форме Твор. п. без предлога (*блуждать глазами; играть глазами; охватить взглядом; сверлить глазами / взглядом; шарить глазами / взглядом* и др.). Данные единицы мало изучены в синхронно-диахроническом аспекте, хотя такое исследование позволит раскрыть потенциал лексической системы в выражении перцепции.

Объектом лингвистического анализа в статье избраны стилистически маркированные в современном русском языке глагольно-именные сочетания, которые репрезентируют действие, осуществляемое субъектом перцепции, и включают именные компоненты в форме Вин. п. без предлога и глагольные компоненты, возможность использования которых для выражения зрительного восприятия восстанавливается при обращении к их этимологии и истории. К таким сочетаниям относятся *вперить глаза / взгляд / взор; лупить глаза; пялить глаза; таращить глаза*.

Цель статьи состоит в выявлении закономерностей употребления таких глагольно-именных сочетаний в современном русском языке и механизмов формирования этих единиц как средств выражения перцептивной семантики.

Материал и методы исследования

Материалом для изучения сочетаний *вперить глаза / взгляд / взор; лупить глаза; пялить глаза; таращить глаза* послужили данные, представленные в различных словарях современного русского языка, исторических словарях, отражающих состояние языка в разные периоды его развития (см. список

источников), а также факты функционирования рассматриваемых единиц, зафиксированные в Национальном корпусе русского языка.

Исследование проведенное в русле синхронно-диахронического подхода, поскольку он дает возможность описать единицы с привлечением одновременно данных современного русского языка и предыдущих этапов его развития (подробнее о подходе см.: [Улуханов, 1992; Дмитриева, 2005; Семантика древнерусского глагола..., 2015]).

Теоретической основой исследования стали также положения комплексного подхода, обоснованного С.П. Лопушанской. Этот подход предполагает обращение к разноуровневой семантике языковых единиц с учетом их функционирования, изучение ее через призму мыслительных процессов (подробнее о подходе см.: [Лопушанская, 1988; 1990; 1996; Семантика древнерусского глагола..., 2015]) и реализуется посредством описательного метода, предполагающего сбор, интерпретацию, систематизацию языковых фактов, и контекстуального анализа, ориентированного на выявление особенностей реализации значений в тексте. Последнее в свою очередь обуславливает применение элементов стилистического анализа с целью установления ограниченности / неограниченности единиц в употреблении, определения сфер их использования.

Результаты и обсуждение

В рассматриваемых сочетаниях существительное *глаз* обозначает орган зрительного восприятия. Существительные *взор* и *взгляд* выражают «направленность, устремленность глаз, зрения на кого-, что-л.» (МАС, т. 1, с. 165, 169). Как представляется, их использование в изучаемых сочетаниях – это следствие метонимического переноса, характерного для экспериенциальной сферы, особенностью которой является ненаблюдаемость процесса, выраженного предикатом (подробнее о специфике экспериенциальной сферы см.: [Кустова, 2005, с. 72]). Перенос по смежности делает ситуацию восприятия наблюдаемой: «внутренний предикат человека распространяется на внешние ситуации на основании связи между этими ситуациями» [Кустова, 2005, с. 72]. Существительные *взор*

и *взгляд* обозначают то, что видно другому человеку, со стороны. Не называя органа восприятия, эти единицы употребляются в анализируемых сочетаниях наряду с существительным *глаз*.

Глагол *вперить* в сочетании с существительными *глаза / взгляд / взор* зафиксирован в словарях современного русского языка в значении «устремить взгляд» с пометами «устаревшее» (ТСРЯ, с. 115) и «разговорное» (БТСРЯ, с. 154). Данное сочетание активно используется в текстах:

(1) Приподымаясь на локте, он **вперил глаза** в темноту: ему почудилось, что спящий шевельнулся (В.Ф. Кормер. Наследство);

(2) Она перевернулась на спину, закинула руки за голову и **вперила взгляд** в пространство (В. Белоусова. По субботам не стреляю);

(3) Потом я захлопнул форточку и снова **вперил взор** в мотающуюся беспомощно ручку в руках акушерки (М.А. Булгаков. Пропавший глаз);

(4) И тотчас же взволнованно **вперила глаза** на двери, в которых появилась Дуня с громадным блюдом (К.М. Станюкович. Женильба Пинегина);

(5) Приблизившись к митрополиту почти вплотную, только лишь не взойдя на церковный амвон, государь, уже заслуживший прозвище Грозный, остановился и **вперил взгляд** в Филиппа, ожидая благословения (Благословляют добрых на доброе // Аргументы и факты. 2003. № 12).

В приведенных контекстах объект, на который направлено действие, выраженное глагольно-именным сочетанием, обозначен существительным в форме Вин. п. с предлогом *в* или *на*, может быть как одушевленным (*Филипп*), так и неодушевленным (*темнота, пространство, ручка, дверь*).

В контексте могут уточняться особенности обозначаемого процесса, связанные с осмыслением происходящего:

(6) Он **вперил глаза внимательней**, чтобы рассмотреть, заснувшие ли это были, или умершие, и в это время наткнулся на что-то, лежавшее у ног его (Н.В. Гоголь. Тарас Бульба);

(7) – Иванов **строго вперил глаза** в желтое лицо черта – а оно переливалось улыбками, как расплавленная медь (М. Горький. И еще о черте);

(8) Он наконец спустил ногу с приступка, надел сапоги, полушубок, сел, положил руки на колени и **бессмысленно вперил глаза** в пространство, переводя их по временам на Федосью (Н.Е. Каро-

нин-Петропавловский. Рассказы о парашкинцах / Фантастические замыслы Миная);

(9) Николка **вопросительно вперил взор** в полковника Най-Турса, желая узнать, как нужно понимать эти дальние шеренги и штукатурку (М.А. Булгаков. Белая гвардия).

Как свидетельствуют данные этимологических и исторических словарей русского языка, глагол *вперить* связан с глаголами *переть* «лететь, двигаться» (Фасмер, т. 3, с. 240) и *перитися* «получать крылья, воспарять» (СДРЯ XI–XIV, т. 6, с. 465; СлРЯ XI–XVII, вып. 14, с. 307).

Уже в древнерусский период *вперити* использовался в сочетании с конкретным существительным *очи*, а также существительными абстрактной семантики *ум, мысль, молитва* и реализовал значение «устремить; вознести» (СДРЯ XI–XIV, т. 2, с. 204): *възлюбѣ ба всею душею... не помрачи оума своѣго пустошною славою прелестнаго свѣта сего но весь оум(м) свои вперѣ тамо* (ЛЛ 1377, 151 об.)¹; *кдинамо очи въперѣ женеть* (СБХл XIV, 108–108 об.); «устремить, обратить к кому-л., на что-л.» (ум, желания и т. п.) (СлРЯ XI–XVII, вып. 3, с. 82): *Такожде бы православные християне, во время святаго пѣнѣня, въ церкви божии... другъ съ другомъ бесѣды неподобныхъ не творили бы, а вперѣли бы сердце свое и умъ и моление къ вышнему богу на небо* (ААЭ III, 403).

Как представляется, в семантике глагола *вперити* произошли изменения по сходству двух процессов: ненаблюдаемый процесс (восприятия или мышления) получил признаки перемещения вверх (полета), осуществляемого с помощью крыльев.

В русском языке XVIII и XIX вв. глагол *вперити* сохраняет два значения: 1) «устремить, обратить, сосредоточить (взгляд, мысль, слух и т. п.)»; 2) «внушить кому-л., вложить (в сердце, ум), привить» (СлРЯ XVIII; СЦСиРЯ, т. 1, с. 168). Постепенно произошло сужение семантики глагола: осталось одно значение, отражающее восприятие с помощью органов зрения (*вперить глаза / взгляд / взор*).

Возможность обозначать зрительное восприятие вследствие изменений в семантике глагольного компонента получило и сочетание *лупить глаза*.

Глагол *лупить* по-разному представлен в лексикографических источниках. Так, в «Словаре русского языка» и «Большом толковом словаре русского языка» он зафиксирован как полисемант: «очищать от коры, кожуры, скорлупы»; «брать, назначать непомерно дорогую цену, плату за что-л.»; «сильно бить, колотить, сечь кого-л.», а также употребляется вместо того или иного глагола для обозначения действия, выполняемого с особой силой, страстностью, азартностью и т. п. (с сохранением управления этого глагола) (МАС, т. 2, с. 204; БТСРЯ, с. 507). Тогда как в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» приведены омонимы, каждый из которых имеет два значения:

*лупить*¹ – 1. обдирать, снимать наружный слой с чего-н. (обл.); 2. драть (в 3 знач.), обирать (прост., неодобр.);

*лупить*² – 1. сильно бить, хлестать, лупцевать; 2. употр. для обозначения быстрых, энергичных действий (с сохранением связей соответствующего глагола), дуть (в 5 знач.), жарить (в 4 знач.) (ТСРЯ, с. 419).

При этом не во всех указанных словарях отмечена связь словосочетания *лупить глаза* с ЛСВ, который реализуется, когда глагол *лупить* обозначает различные действия, выполняемые с особой силой («пристально смотреть на кого-, что-л., широко открыв глаза от удивления, восхищения и т. п.») (БТСРЯ, с. 507).

Рассматриваемое словосочетание мало представлено в текстах. Приведем примеры его употребления:

(10) Что ж ты **лупишь глаза** и молчишь, как засватанный? (К.Г. Паустовский. Повесть о жизни. Начало неведомого века);

(11) Отроковице, по Василию Великому, «не дерзкой быть на смех», а она у вас только и дела, что гогочет, стыдением украшаться» надобно, а она язык мне высунула, долу зрение имети подобает, а она, ровно коза, **лупит глаза** во все стороны... (П.И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая);

(12) «Сержант Гарсиа», несмотря на все его уверения, еще до полуночи крепко закемарил, сидя на стуле, а я **лупил глаза** на спящего зека, дабы пресечь, если надо, все его поползновения к побегу (Н. Варсегов, Н. Грачева. «В колонии строгого режима» Дмитрия Пентегова // Комсомольская правда. 13.02.2013).

Сочетание *лупить глаза* может использоваться с контекстуальными уточнителями, указывающими на эмоциональное состояние субъекта действия:

(13) ...И потом **невинно лупил глаза** на следователя: «Неужели меня расстреляют? (В. Астафьев. Печальный детектив);

(14) Братан **жалостно лупит глаза**, молит не искушать (В. Астафьев. Последний поклон);

(15) – Не верите? – Шкалик **жалко, по-ребячьи лупил глаза**. Да и был он еще парнишкой – прибавил себе два года, чтобы поступить в ремесленное училище и получать бесплатное питание... (В. Астафьев. Пастух и пастушка. Современная пастораль).

Данные этимологических и исторических словарей свидетельствуют о древности анализируемого глагола, реализовавшего значения «грабить», «сдирать, снимать кору, кожуру, скорлупу и т. п.», «колотить, бить кого-л.» (Фасмер, т. 2, с. 534; Черных, т. 1, с. 495): *и тогда оубо своа требующимъ раздавахоу нына же оубогыа лоупище* (ПНЧ XIV, л. 946); *увы избиша. а другиа поимаша. а ныа лупахоуть и конѣ ѡ(т)имахоуть* (ЛИ ок. 1425, л. 296) (СДРЯ XI–XIV, т. 4, с. 435; Срезн., т. 2, стб. 55; см. также: Черных, т. 1, с. 496).

Значение, связанное со зрительным восприятием, фиксируется у глагола *лупить* с XVIII в.: «пристально смотреть на кого» с пометами «низкое» (САР₂, ч. 3, стб. 623), «просторечное» (СлРЯ XVIII). В современном русском языке оно сохраняет ограниченность в употреблении и продолжает определяться как «просторечное» (МАС, т. 2, с. 204).

Приведенные словарные данные позволяют предположить, что образование анализируемого сочетания стало возможным в результате изменений в семантике глагола *лупить* на основании сходства процессов: ненаблюдаемый процесс (зрительное восприятие) получил признак интенсивности, отличающий наблюдаемые процессы ограбления, очищения от верхнего слоя (коры, кожи, скорлупы), нанесения ударов.

Глагольно-именное сочетание *пялить глаза* неоднозначно охарактеризовано в лексикографических источниках. В «Толковом словаре русского языка с включением сведе-

ний о происхождении слов» под ред. Н.Ю. Шведовой глагол *пялить* представлен только в сочетании с существительным *глаза*, имеет значение «смотреть напряженно, не отрываясь, тарашиться», зафиксирован с пометами «просторечное», «неодобрительное» (ТСРЯ, с. 783). В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова значение «тарашить (глаза), глядя в упор, не отрываясь» с пометой «разговорно-сниженное» дается первым, как основное, а «надевать с усилием; напяливать» – вторым (БТСРЯ, с. 1052). В «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой значения глагола *пялить* представлены в обратной последовательности: 1) «натягивая на что-л., расширять, растягивать» («разговорное» и «специальное») и 2) «тарашить (глаза), смотря упорно, не отрываясь» («просторечное») (МАС, т. 3, с. 571).

Невзирая на разночтения в фиксации лексико-семантических вариантов глагола *пялить*, сочетание его с существительным *глаза* однозначно понимается носителями современного русского языка и активно используется в текстах:

(16) Я всегда хотел жить в этом городе – просто ходить по улицам и **пялить глаза** (С.Н. Есин. Дневник);

(17) Незачем им, к примеру, **пялить глаза** в компьютер, портить зрение – пусть лучше катаются на всяких специальных горках-рамках-трамплинах (В. Труба. Общественная приемная (2003) // «Встреча» (Дубна). 04.06.2003);

(18) Горькому, очевидно, это надоело, и он обратился к обступившим их с маленькой речью, в которой высказал, что он не «Венера Медицинская», не «балерина» и не «утопленник», чтобы на него **пялить глаза** и не давать проходу (Г.В. Аммосов. Дневник);

(19) Может быть, на вас будут **пялить глаза**, но это все равно произойдет, поэтому не комплексуйте и одевайтесь так, как вам нравится (Китай. Маленькая прогулка в большой стране // Аргументы и факты. 01.09.2000).

Если в контекстах представлены уточнители, то они обозначают особенности протекания зрительного восприятия, связанные с осмыслением ситуации. Например:

(20) В боярской шубе он прел в риднице на лавке и **тупо пялил глаза** на князя Юрия, а сам ду-

мал устроит ли князь Михаил в честь московского гостя пир, чтобы до утра домой не явиться? (А. Иванов. Сердце Пармы);

(21) – Куда пора? – Директор **пьяно пялил глаза** на Чепцова (В. Ардаматский. Ленинградская зима);

(22) Солдат вытянулся в струнку и **глупо пялил глаза** (Е.А. Салиас. Аракчеевский сынок).

Согласно данным историко-этимологического словаря, глагол *пялить* начинает употребляться в XVIII в., хотя слова, с которыми он деривационно связан (например, *пяльца*), фиксируются в более ранних текстах (Черных, т. 2, с. 90). Рассматриваемый глагол представлен в «Словаре Академии Российской» в значении «расширять, распространять, растягивать», а также в сочетании с существительным *глаза* – «пристально и долго смотреть на кого» (САР₁, ч. 4, стб. 1259).

С этими же значениями глагол *пялить* представлен в «Словаре церковно-славянского и русского языка» XIX в. (СЦСиРЯ, т. 3, с. 587). Этот глагол получил возможность обозначать зрительное восприятие в результате изменений в семантике: переносное значение сформировалось по аналогии между процессом физического воздействия на объект (растягивания) и движением век глаз во время восприятия с особым напряжением.

Глагольно-именное сочетание *тарашить глаза* представлено в словарях современного русского языка в значении «смотреть широко раскрытыми глазами (в удивлении, испуге)» (МАС, т. 4, с. 340; ТСРЯ, с. 971). При этом *тарашить глаза* является стилистически маркированным: зафиксировано с пометами «просторечное», «неодобрительное» (ТСРЯ, с. 971), «разговорное» (БТСРЯ, с. 1036; МАС, т. 4, с. 340).

Данное сочетание активно употребляется в текстах. Объект действия, обозначаемого этим сочетанием, не всегда репрезентирован, но легко восстанавливается из контекста:

(23) Корсаков, смотря на сие затейливое препровождение времени, **тарашил глаза** и кусал себе губы (А.С. Пушкин. Арап Петра Великого);

(24) Раза два-три мы видели с ним Уланову, и Наташа шепотом просила меня не **тарашить глаза** (В. Катаян. Прикосновение к идолам).

В случае экспликации объект восприятия, как и при рассмотренных выше сочетаниях, выражен существительным в форме Вин. п. с предлогом *на*; может быть как одушевленным, так и неодушевленным:

(25) Лиза прислушивалась к пению на непонятном ей славянском языке, **таращила глаза на вдову и дочь**, стоявших подле гроба, одетых в дешевый траур, с длинными креповыми вуалями, на свечи в их руках... (П.Н. Краснов. Ложь);

(26) Распределяемые в новеньких лейтенантских мундирах строились напротив президиума, выпячивали грудь и **таращили глаза на начальство** (В. Васильев. Шуруп);

(27) Андрей Николаевич никак не мог прийти в себя, **таращил глаза на бессмысленные формулы** (А. Азольский. Лопушок // «Новый Мир». 1998).

Процесс, который номинируется словосочетанием *таращить глаза*, осуществляет субъект, находящийся в определенном эмоциональном состоянии, в частности удивления. Например:

(28) И он почти забыт, лет через 10–15 юноша будет **удивленно таращить глаза**, в недоумении переспрашивая: “Есенин?” (В. Чивилихин. «Моя мечта – стать писателем», из дневников 1941–1974 гг. // «Наш современник». 15.06.2002);

(29) Продавцы **удивленно таращили глаза** на людей в папах и штанах с лампасами и улыбались, думая, что в городе проходит какой-то костюмированный флешмоб (Торговцы у Белорусского вокзала не поняли, какую «Любу» звали казаки // Vesti.ru. 27.11.2012);

(30) Их домашний химик в двух словах объяснила им суть своего плана. Пораженные подруги **таращили глаза в изумлении** (Е. Романова, Н. Романов. Дамы-козыри).

Субъект перцептивного действия может находиться в состоянии страха, степень которого варьируется от испуга до ужаса:

(31) Петя, остроносенький белобрысый паренек в черной фуфайке, как скворец, сидел сгорбтившись, крепко вцепившись в баранку, положив подбородок на руки, и **пугливо таращил глаза** (Б. Можаяев. Лесная дорога);

(32) Разбойники **с ужасом таращили глаза** надвигающийся все ниже и ниже каменный потолок (В. Постников. Карандаш и Самоделкин в стране фараонов).

При этом рассматриваемое сочетание может быть использовано для обозначения зрительного восприятия, осуществляемого субъектом и в других эмоциональных состояниях (зависти, сердитости):

(33) Даже сова Минервы **завистливо таращила глаза** на ученые воротники (А.А. Бестужев-Марлинский. Фрегат «Надежда»);

(34) ... Героиня, одетая в серебристую модернизированную пачку, **сурово таращила глаза** в зал и резко возражала против чего-то... (Dance Open получил «Приказ короля» // Коммерсант. 17.12.2020);

(35) – Петр Саввич все еще **сердито таращил глаза** (Б.С. Житков. Виктор Вавич. Книга третья).

Отмечены также случаи использования сочетания *таращить глаза* с контекстуальными уточнителями, указывающими на нахождение субъекта в состоянии недоумения или непонимания происходящего вокруг:

(36) Федор **непонимающе таращил глаза** и требовал разъяснения (Е. Маркова. Мяч);

(37) Жена на мои вопросы только отшучивалась или **недоуменно таращила глаза** (Не обливайте любимых грязью! // Аргументы и факты, 13.03.2000);

(38) Парни настигали их, хватали, тащили в свой барак. Коля **очумело таращил глаза**, постепенно трезвел (Рид Грачев. Жулики).

Глагольный компонент рассматриваемого сочетания – *таращить* – до сих пор не получил однозначной характеристики с точки зрения этимологии (о существующих гипотезах см.: (Фасмер, т. 4, с. 23)).

Этот глагол фиксируется с XIX в. в значении «о глазах: пялить, выпучивать» (СЦСиРЯ, т. 4, с. 271). Вероятнее всего, он связан по происхождению с многозначным диалектным глаголом *таращиться*, часть лексико-семантических вариантов которого выражает процесс зрительного восприятия: «виднеться, показываться». *Что-то там таращится* (Тамб., 1852); «тянуться куда-л., стараясь достать, увидеть что-л. Даль. *Ну, чего ты таращишься, ведь не долезешь!* (Уральск., 1976) (СРНГ, вып. 43, с. 284).

Предполагаем, что основой для формирования современного значения глагола *таращить* могло послужить первое значение диалектного глагола *таращиться* – «расширяться, топыриться, топорщиться» (Енис.,

1865) (СРНГ, вып. 43, с. 284). Изменения в семантике *таращить* в сочетании с существительным *глаза* схожи с изменениями в семантике глагола *пялить*.

Заключение

Результаты анализа, проведенного с опорой на данные лексикографических источников и Национального корпуса русского языка, позволили сделать вывод о том, что словосочетания *вперить глаза / взгляд / взор*; *лупить глаза*; *пялить глаза*; *таращить глаза* формировались как периферийное и ограниченное в употреблении средство (кроме *вперить глаза / взгляд / взор*), о чем свидетельствуют пометы в исторических словарях. Эти характеристики в целом сохранились в современном русском языке: в лексикографических источниках рассматриваемые сочетания продолжают фиксироваться с пометами «разговорное» (в том числе «разговорно-сниженное»), «просторечное», «неодобрительное». Ограниченность в употреблении в свою очередь обуславливает преимущественное использование этих сочетаний в текстах определенной стилистической отнесенности – художественных и публицистических.

Данные единицы дополнили состав немногочисленных экспрессивных средств выражения перцепции, необходимость в которых возникает при описании напряженного восприятия. Кроме того, они могут взаимодействовать с элементами контекста, указывающими на разные внутренние состояния субъекта, в том числе эмоциональные.

Охарактеризованные сочетания обнаруживают общность в механизмах формирования значений глагольных компонентов. В основе изменений в семантике глаголов лежит сходство между перемещением или физическим воздействием на объект и движением глаз при перцепции, иначе говоря, перенос признаков видимого (наблюдаемого) процесса на невидимый (ненаблюдаемый).

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Здесь и далее используются сокращения названий памятников письменности, принятые в словарях, данные из которых приводятся в статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдеевнина О. Ю., 2013. Перцептивная семантика: закономерности формирования и потенциал художественной реализации. Саратов : Изд-во Саратов. гос. ун-та. 340 с.
- Апресян Ю. Д., 1995. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. № 1. С. 37–67.
- Бабенко Л. Г., 1999. Толковый идеографический словарь русских глаголов (с английскими эквивалентами): концепция, структура и основные лексикографические параметры // Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС. С. 12–22.
- Бондарко А. А., 2002. Варианты перцептивности // Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М. : Яз. слав. культуры. С. 273–285.
- Васильев Л. М., 2000. Системный семантический словарь русского языка : Предикаты свойства, поведения и звучания. Уфа : Башк. ун-т. 146 с.
- Вишнякова Е. П., 2013. Семантическая категория перцептивности как основа языкового моделирования мира в новелле Г. Уэллса «The Country of the Blind» // European Social Studies Journal. Т. 2, № 10 (37). С. 147–153.
- Горбачева А. В., Берлин Хенис А. А., Осадчий М. А., 2022. Зрительное внимание у судебных экспертов и неэкспертов при восприятии и понимании поликодовых текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 21, № 3. С. 158–175. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.13>
- Горбачева А. В., Берлин Хенис А. А., Пучкова А. Н., Осадчий М. А., 2021. Сложность восприятия демотиваторов и мемов: экспериментальное исследование // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 20, № 2. С. 74–86. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.7>
- Дмитриева О. И., 2005. Динамическая модель русской внутриглагольной префиксации / под ред. О. Ю. Крючковой. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 222 с.
- Доброва С. И., Матыцына А. А., 2020. Типология и репрезентация функций глаз и взгляда в текстах быличек и бывальщин // Известия Воронежского государственного педагогического университета. № 3 (288). С. 146–151.
- Земичева С. С., 2016. Перцептивная картина мира диалектной языковой личности. Томск : Изд-во Том. ун-та. 207 с.

- Зинченко В. П., 2009. Восприятие // Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. 4-е изд., расш. М. : АСТ ; СПб. : Прайм-Еврознак. С. 98–100. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/bolshoy-psihologicheskii-slovar.html>
- Колесов И. Ю., 2008. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия (на материале английского и русского языков) : монография. Барнаул : БГПУ. 354 с.
- Кубрякова Е. С., 2003. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995 / редкол.: Н. Д. Арутюнова, Н. Ф. Спиридонова. М. : Индрик. С. 439–446.
- Кузнецова С. С., 2015. Вербализация чувственного восприятия как отражение перцептивной картины мира диалектной языковой личности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск. 27 с.
- Кустова Г. И., 2005. О семантическом потенциале слов энергетической и экспериенциальной сферы // Вопросы языкознания. № 3. С. 53–79.
- Леонтьев А. Н., 2001. Лекции по общей психологии. М. : Смысл. 511 с.
- Лопушанская С. П., 1988. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции // Русский глагол (в сопоставительном освещении) : межвуз. сб. науч. тр. Волгоград : Изд-во ВПИ. С. 5–19.
- Лопушанская С. П., 1990. Развитие и функционирование древнерусского глагола. Волгоград : Изд-во ВПИ. 114 с.
- Лопушанская С. П., 1996. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Филология. Вып. 1. С. 6–13.
- Лутфуллина Г. Ф., 2020. Сложноподчиненные предложения, выражающие ситуацию восприятия в русском языке // Сибирский филологический журнал. № 2. С. 247–253. DOI: 10.17223/18137083/71/20
- Мерло-Понти М., 1999. Феноменология восприятия / пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб. : Ювента : Наука. 607 с.
- Муравьева Н. Ю., 2014. Семантическая категория перцептивности и средства ее выражения в русской грамматике // Русский язык: система и функционирование. В 2 ч. Ч. 2 : (к 75-летию филологического факультета) : сб. материалов VI Междунар. науч. конф. (Минск, 28–29 окт. 2014 г.) / 2 / редкол.: И. С. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. Минск : Изд. центр БГУ. С. 57–62. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/110294/1/Muravyeva%20N.%20Y.pdf>
- Нагорная А. В., 2017. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований : аналит. обзор / отв. ред. Э. Б. Яковлева. М. : ИНИОН. 86 с.
- Падучева Е. В., 2001. К структуре семантического поля «восприятие» (на материале глаголов восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. № 4. С. 23–44.
- Падучева Е. В., 2003. Глаголы восприятия: опыт выявления структуры тематического класса // Проблемы функциональной грамматики: семантическая инвариантность / вариативность / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб. : Наука, 2003. С. 75–100.
- Падучева Е. В., 2019. Эгоцентрические единицы языка. 2-е изд. М. : ЯСК. 440 с. (Studia philologica).
- Пучкова А. Н., Лебедева М. Ю., Лапошина А. Н., 2022. «Цифровое поколение» осваивает чтение: влияние лингвистических параметров текста на глазодвигательные характеристики учеников 1–3-го классов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 21, № 3. С. 116–131. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.10>
- Семантика древнерусского глагола: синхронно-диахронический аспект : коллектив. моногр., 2015 / О. А. Горбань, Е. Г. Дмитриева, М. В. Косова, И. А. Сафонова, Е. В. Терентьева ; отв. ред. Е. М. Шептухина. 2-е изд., доп. М. : Флинта : Наука. 352 с.
- Улуханов И. С., 1992. Мотивация и производность (о возможностях синхронно-диахронического описания языка) // Вопросы языкознания. № 2. С. 5–20.
- Урысон Е. В., 1998. Языковая картина мира vs. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. № 2. С. 3–21.
- Харченко В. К., 2012. Лингвосенсорика: фундаментальные и прикладные аспекты. М. : URSS : Либроком. 216 с.
- Человек как субъект и объект восприятия: фрагменты языкового образа человека, 2011 : монография / под ред. Н. Д. Федяевой. М. : ФЛИНТА. 136 с.
- Яковлева Е. С., 1994. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М. : Гнозис. 344 с.
- Ясинская М. В., 2014. Глаза и зрение в языке и традиционной народной культуре славян // Славяноведение. № 6. С. 47–57.

СЛОВАРИ

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.

- МАС* – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Рус. яз., 1985–1988.
- САР₁* – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный : в 6 ч. СПб. : При Императ. Акад. наук, 1789–1794.
- САР₂* – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный : в 6 ч. СПб. : При Императ. Акад. наук, 1806–1822.
- СДРЯ XI–XIV* – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М. : Рус. яз. ; Азбуковник, 1988– . Т. 1–12.
- СлРЯ XI–XVII* – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М. : Наука, 1975–2011 ; Вып. 30. М. ; СПб. : Нестор-История, 2015 ; Вып. 31. М. : ЛЕКСПУС, 2019.
- СлРЯ XVIII* – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991; Вып. 7–19. СПб. : Наука. С.-Петерб. отд-ние, 1992–2011. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm>
- Срезн.* – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. М. : Знак, 2003.
- СРНГ* – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. / СПб. : Наука, 1965– . Вып. 1–52.
- СЦСиРЯ* – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук : в 4 т. СПб. : В тип. Императ. Акад. наук, 1847.
- ТСРЯ* – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2008. 1175 с.
- Фасмер* – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1964–1973.
- Черных* – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка : в 2 т. М. : Рус. яз., 1999.
- Babenco L.G., 1999. *Tolkovyy ideograficheskiy slovar russkikh glagolov (s angliyskimi ekvivalentami): kontseptsiya, struktura i osnovnye leksikograficheskie parametry* [The Explanatory Ideographical Dictionary of Russian Verbs (Provided with English Equivalents): Conception, General Structure, and Basic Lexicographical Parameters]. Babenco L.G., ed. *Tolkovyy slovar russkikh glagolov: ideograficheskoe opisaniye. Angliyskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy* [Explanatory Dictionary of Russian Verbs: Idiographic Description. English Equivalents. Synonyms. Antonyms]. Moscow, AST-PRESS Publ., pp. 12–22.
- Bondarko A.A., 2002. *Varianty pertseptivnosti [Variability of Perception]. Teoriya znacheniya v sisteme funktsionalnoy grammatiki: na materiale russkogo yazyka* [The Theory of Meaning in the System of Functional Grammar: on the Material of the Russian Language]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., pp. 273–285.
- Vasilyev L.M., 2000. *Sistemnyy semanticheskiy slovar russkogo yazyka: Predikaty svoystva, povedeniya i zvuchaniya* [Semantic System Dictionary of the Russian Language: Predicates of Property, Behavior and Sound]. Ufa, Bashk. un-t. 146 p.
- Vishnyakova E.P., 2013. *Semanticheskaya kategoriya pertseptivnosti kak osnova yazykovogo modelirovaniya mira v novelle G. Uellsa «The Country of the Blind»* [The Semantic Category of Perceptivity as the Basis for the Linguistic Model of the World in the Story by H. Wells “The Country of the Blind”]. *European Social Science Journal*, vol. 2, no. 10 (37), pp. 147–153.
- Gorbacheva A.V., Berlin Khenis A.A., Osadchiy M.A., 2022. *Zritelnoye vnimaniye u sudebnykh ekspertov i neekspertov pri vospriyatii i ponimani polikodovykh tekstov* [On Attention of Forensic Experts and Non-Experts in the Perception and Comprehension of Multimodal Text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 3, pp. 158–175. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.13>
- Gorbacheva A.V., Berlin Khenis A.A., Puchkova A.N., Osadchiy M.A., 2021. *Slozhnost vospriyatiya demotivatorov i memov: eksperimentalnoye issledovaniye* [Experimental Study of Demotivators and Memes Perception Complexity]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 20, no. 2,

REFERENCES

- Avdevnina O.Yu., 2013. *Pertseptivnaya semantika: zakonomernosti formirovaniya i potentsial khudozhestvennoy realizatsii* [Semantics of Perception: Conformity of Development and Potential of Artistic Implementation]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo gos. un-ta. 340 p.
- Apresyan Yu.D., 1995. *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya* [The Image of Man: An Experiment in Systemic Description Based on Linguistic Data]. *Voprosy yazykoznananiya* [Topics in the Study of Language], no. 1, pp. 37–67.

- pp. 74-86. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.7>
- Dmitrieva O.I., 2005. Dinamicheskaya model russkoy vnutriglagolnoy prefiksatsii [Dynamic Model of Intraverbal Prefixation in Russian]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta. 222 p.
- Dobrova S.I., Matytsyna A.A., 2020. Tipologiya i reprezentatsiya funktsiy glaz i vzglyada v tekstakh bylichek i byvalshchin [Typology and Representation of Eye and Look Functions in the Texts of Bylichka and Byvalshina]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia. Voronezh State Pedagogical University], no. 3 (288), pp. 146-151.
- Zemicheva S.S., 2016. *Pertseptivnaya kartina mira dialektnoy yazykovoy lichnosti* [Perception World Map of Dialect Language Personality]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta. 207 p.
- Zinchenko V.P., 2009. Vospriyatiye [Perception]. Meshcheryakova B.G., Zinchenko V.P., eds. *Bolshoy psikhologicheskii slovar* [Large Dictionary of Psychology]. Moscow, AST Publ., Saint Petersburg, Praym-Yevroznak Publ., pp. 98-100. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/bolshoy-psihologicheskii-slovar.html>
- Kolesov I.Yu., 2008. *Problemy kontseptualizatsii i yazykovoy reprezentatsii zritel'nogo vospriyatiya (na materiale angliyskogo i russkogo yazykov): monografiya* [Issues on Conceptualization and Language Representation of Visual Perception (On the Basis of English and Russian). Monograph]. Barnaul, BGPU. 354 p.
- Kubryakova E.S., 2003. Glagoly deystviya cherez ikh kognitivnye kharakteristiki [Action Verbs, Cognitive Characteristics]. Arutyunova N.D., Spiridonova N.F., eds. *Logicheskii analiz yazyka. Izbrannoye. 1988–1995* [Language Logical Analysis. Selected Works]. Moscow, Indrik Publ., pp. 439-446.
- Kuznetsova S.S., 2015. *Verbalizatsiya chuvstvennogo vospriyatiya kak otrazheniye pertseptivnoy kartiny mira dialektnoy yazykovoy lichnosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Verbalization of Sensual Perception as Reflection of World Map of the Dialect Language Personality. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Tomsk. 27 p.
- Kustova G.I., 2005. O semanticheskom potentsiale slov energeticheskoy i eksperiyentsialnoy sfery [On the Semantic Potential of Words Belonging to Energetic and Experiential Sphere]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], no. 3, pp. 53-79.
- Leontyev A.N., 2001. *Lektsii po obshchey psikhologii* [Lectures on General Psychology]. Moscow, Smysl Publ. 511 p.
- Lopushanskaya S.P., 1988. Izmenenie semanticheskoy struktury russkikh bespristavochnykh glagolov dvizheniya v protsesse modulyatsii [Changing the Semantic Structure of Russian Prefixless Verbs Denoting Motion in the Process of Modulation]. *Russkiy glagol (v sopostavitel'nom osveshchenii): mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Russian Verb (Comparative Analysis). Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Volgograd, Izd-vo VPI, pp. 5-19.
- Lopushanskaya S.P., 1990. *Razvitiye i funktsionirovaniye drevnerusskogo glagola* [Evolution and Functioning of Old Russian Verb]. Volgograd, Izd-vo VPI. 114 p.
- Lopushanskaya S.P., 1996. Semanticheskaya modulyatsiya kak rechemyslitel'nyy protsess [Semantic Modulation as a Verbal and Cogitative Process]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya* [Science Journal of Volgograd State University. Philology], iss. 1, pp. 6-13.
- Lutfullina G.F., 2020. Slozhnopodchinennyye predlozheniya, vyrazhayushchiye situatsiyu vospriyatiya v russkom yazyke [Complex Sentences Expressing the Situation of Perception in Russian]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], no. 2, pp. 247-253. DOI: 10.17223/18137083/71/20
- Merlo-Ponti M., 1999. *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. Saint Petersburg, Yuventa Publ, Nauka Publ. 607 p.
- Muravyeva N.Yu., 2014. Semanticheskaya kategoriya pertseptivnosti i sredstva yeye vyrazheniya v russkoy grammatike [Semantic Category of Perception and Means of its Representation in Russian Grammar]. Rovdo I.S., ed. *Russkiy yazyk: sistema i funktsionirovaniye. V 2 ch. Ch. 2: (k 75-letiyu filologicheskogo fakulteta): sb. materialov VI Mezhdunar. nauch. konf. (Minsk, 28–29 okt. 2014 g.)* [Russian Language: System and Functioning. In 2 Parts. Part 2 (75th Years of the Faculty of Philology). Collection of Works, the 6th International Science Conference (Minsk, October, 28–29, 2014)]. Minsk, Izd. tsentr BGU, pp. 57-62. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/110294/1/Muravyeva%20N.%20Y.pdf>
- Nagornaya A.V., 2017. *Lingvosensorika kak perspektivnoye napravleniye sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy: analit. obzor* [Linguistic Sensory Perception as a Promising Area of Current Linguistic Research. Analytical Review]. Moscow, INION Publ. 86 p.
- Paducheva E.V., 2001. K strukture semanticheskogo polya «vospriyatiye» (na materiale glagolov vospriyatiya v russkom yazyke) [On the

- Structure of Semantic Field of “Perception” (Founded on the Study of Non-Verbal Acts)]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 4, pp. 23-44.
- Paducheva E.V., 2003. Glagoly vospriyatiya: opyt vyyavleniya struktury tematicheskogo klassa [Verbs of Perception: Thematic Class Structure Identification]. Bondarko A.V., ed. *Problemy funktsionalnoy grammatiki: semanticheskaya invariantnost / variativnost* [Functional Grammar Issues: Semantic Variability and Invariability]. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 75-100.
- Paducheva E.V., 2019. *Egotsentricheskiye yedinitzyazyka* [Egocentric Language Units]. Moscow, YaSK Publ. 440 p. (Studia philologica)
- Puchkova A.N., Lebedeva M.Yu., Laposhina A.N., 2022. “Tsifrovoye pokoleniye” osvayvayet chteniye: vliyaniye lingvisticheskikh parametrov teksta na glazodvigatelnyye kharakteristiki uchenikov 1–3-go klassov [The “Digital Generation” is Learning to Read: Linguistic Factors of Eye Movement Parameters of Russian Schoolchildren of the 1st – 3rd Grades]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 3, pp. 116-131. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.3.10>
- Gorban O.A., Dmitrieva E.G., Kosova M.V., Safonova I.A., Terentyeva E.V.; Sheptukhina E.M., ed., 2015. *Semantika drevnerusskogo glagola: sinkhronno-diakhronicheskiy aspekt* [Semantics of Old Russian Verb: Synchronic and Diachronic Aspect]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 352 p.
- Ulukhanov I.S., 1992. Motivatsiya i proizvodnost (o vozmozhnostyakh sinkhronno-diakhronicheskogo opisaniya yazyka) [Motivation and Production (On Possibility of Synchronic and Diachronic Language Studies)]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 2, pp. 5-20.
- Uryson E.V., 1998. Yazykovaya kartina mira vs. obikhodnyye predstavleniya (model vospriyatiya v russkom yazyke) [Linguistic Image of the World vs. Common-Sense Ideas]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 2, pp. 3-21.
- Kharchenko V.K., 2011. *Lingvosensorika: fundamentalnye i prikladnye aspekty* [Linguistic Sensory Perception: Fundamental and Applied Aspects]. Moscow, URSS Publ., Librokom Publ. 216 p.
- Fedyayeva N.D., ed., 2011. *Chelovek kak subyekt i obyekt vospriyatiya: fragmenty yazykovogo obraza cheloveka: monografiya* [Man as a Subject and Object of Perception: Fragments of Language Profile of the Man. Monograph]. Moscow, FLINTA Publ. 136 p.
- Yakovleva E.S., 1994. *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian Language World Map (Models of Space, Time and Perception)]. Moscow, Gnozis Publ. 344 p.
- Yasinskaya M.V., 2014. Glaza i zreniye v yazyke i traditsionnoy narodnoy kulture slavyan [Eyes and Vision in the Traditional Folk Culture of Slavs]. *Slavyanovedeniye*, no. 6, pp. 47-57.

DICTIONARIES

- Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.
- Evgenyeva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985–1988.
- Slovar Akademii Rossiyskoy, po azbuchnomu poryadku raspolozhenny: v 6 ch.* [Russian Academic Dictionary, Listed in Alphabetic Order. In 6 Parts]. Saint Petersburg, Pri Imperar. Akad. nauk, 1789–1794.
- Slovar Akademii Rossiyskoy, po azbuchnomu poryadku raspolozhenny: v 6 ch.* [Russian Academic Dictionary, Listed in Alphabetic Order. In 6 Parts]. Saint Petersburg, Pri Imperat. Akad. nauk, 1806–1822.
- Slovar drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv.* [Dictionary of the Old Russian Language. The 11th – 14th Centuries]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., Azbukovnik Publ., 1988–. Vols. 1–12.
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–16th Centuries]. Iss. 1–29. Moscow, Nauka Publ., 1975–2011; Iss. 30. Moscow, Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2015; Iss. 31. Moscow, LEKSRUS, 2019.
- Slovar russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Century]. Iss. 1–6. Leningrad, Nauka. Leningr. otd-niye Publ., 1984-1991; Iss. 7–19. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992–2011. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm>
- Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pismennym pamyatnikam: v 3 t.* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language in Written Manuscripts. In 3 Vols.]. Moscow, Znak Publ., 2003.
- Filin F.P., Sorokoletov F.P., Myznikov S.A., eds. *Slovar russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of

Russian Folk Dialects]. Moscow, Leningrad / Saint Petersburg, Nauka Publ., 1965–. Iss. 1–52, *Slovar tserkovno-slavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym otdeleniem Imperatorskoy Akademii nauk: v 4 t.* [Dictionary of the Church Slavonic and Russian Language Compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences. In 4 Vols.]. Saint Petersburg, V tip. Imperat. Akad. nauk, 1847.

Shvedova N. Yu., ed. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka s vkluyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii*

slov [Explanatory Dictionary of the Russian Language with the Inclusion of Information About the Origin of Words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008. 1175 p.

Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of Russian. In 4 Vols.]. Moscow, Progress Publ., 1964–1973.

Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskiy slovar sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and Etymological Dictionary of Modern Russian. In 2 Vols.]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1999.

Information About the Author

Irina A. Safonova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russia, ia_safonova@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1103-7434>

Информация об авторе

Ирина Александровна Сафонова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, ia_safonova@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1103-7434>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.12>

UDC 81'367
LBC 81.053.6

Submitted: 02.03.2022
Accepted: 20.06.2022

SEMANTIC FEATURES OF IDIOMS, WHICH CONTAIN LEXEME *CROW* AS THE MAIN COMPONENT

Jerome Baghana

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia;
University of Ss. Cyril and Methodius, Trnava, Slovakia

Elena S. Iakovleva

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Yana A. Glebova

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Abstract. The purpose of the article is to study the national-and-cultural specificity and semantic features of Chinese, English, French and Russian idioms, which contain the lexeme *wū / crow / ворона / corneille* as a component. The comprehensive analysis of such idioms in different languages carried out in conformity with the anthropocentric paradigm, resulted in identification of significant signs of a crow, which served as the basis for metaphorization in these idioms. The universal metaphors are based on the phenotypic or behavioral characteristics of the bird (black color, flying straight ahead, flying in a flock and an unpleasant hoarse croaking). The metaphor “crow – an unpleasant cry” is noted to be the most productive in Russian and English, while in the Chinese language it is “crows – a flock”. Nationally conditioned metaphors and their sources are differentiated: in Chinese and English such metaphors prevail over the universal ones, idioms, which contain the *corneille* component, arose only in the French language. The connotative potential of the units with ornithonyms that denote a crow is revealed. The asymmetry of evaluation implementation is established: French idioms express only negative connotation; in Russian, most idioms contain a negative connotation, while their minor share has a neutral one. Chinese and English demonstrate various evaluative potential, yet the negative connotation dominates in the idioms; the neutral and positive connotations are explicated in much fewer idioms.

Key words: idiom, national-and-cultural specificity, ornithonym, cultural codes, connotation, semantics, metaphor.

Citation. Baghana J., Iakovleva E.S., Glebova Ya.A. Semantic Features of Idioms, Which Contain Lexeme *Crow* as the Main Component. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 6, pp. 146-159. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.12>

УДК 81'367
ББК 81.053.6

Дата поступления статьи: 02.03.2022
Дата принятия статьи: 20.06.2022

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ *ВОРОНА* (НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕТЫРЕХ ЯЗЫКОВ)

Жером Багана

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия;
Университет Св. Кирилла и Мефодия, г. Трнава, Словакия

Елена Сергеевна Яковлева

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Яна Андреевна Глебова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Аннотация. Исследование посвящено выявлению национально-культурной специфики китайских, английских, русских и французских фразеологических единиц, содержащих лексемы *wū / crow / ворона / corneille*. В русле антропоцентрической парадигмы в результате комплексного анализа таких фразеологизмов в разных языках выделены значимые признаки вороны, послужившие базой для метафоризации во фразеологических единицах. Охарактеризованы универсальные метафоры, в основу которых положены фенотипические или поведенческие характеристики птицы (черный цвет, полет по прямой, полеты стаей и неприятное хриплое карканье); наиболее продуктивна в русском и английском языках метафора «ворона – неприятный крик», в китайском – «вороны – стая». Описаны национально обусловленные метафоры и их источники. Показано, что в китайском и английском языках такие метафоры представлены в большем количестве, чем универсальные, а во французском языке только на их базе возникли фразеологические единицы, содержащие компонент *corneille*. Раскрыт коннотативный потенциал фразеологизмов с орнитонимами, обозначающими ворону, и установлена асимметрия реализации оценочности: во французском языке фразеологические единицы выражают только негативную коннотацию; в русском языке большинство фразеологизмов имеют негативную коннотацию, незначительная часть – нейтральную; в китайском и английском языках отмечены фразеологические единицы с различной оценочностью, при этом преобладают фразеологизмы с негативной коннотацией, нейтральная и положительная коннотации эксплицируются значительно меньшим количеством идиом. *Вклад авторов:* Ж. Багана разработана концепция исследования, установлены национально-культурные особенности фразеологических единиц и определены положенные в их основу метафоры; Е.С. Яковлевой проведен сбор и анализ фразеологических единиц китайского и русского языков; Я.А. Глебовой проведен сбор и анализ фразеологических единиц французского и английского языков.

Ключевые слова: фразеологическая единица, национально-культурная специфика, орнитоним, код культуры, коннотация, семантика, метафора.

Цитирование. Багана Ж., Яковлева Е. С., Глебова Я. А. Национально-культурные особенности фразеологических единиц с компонентом *ворона* (на материале четырех языков) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 6. – С. 146–159. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.12>

Введение

Благодаря наблюдению за птицами, осмыслению и переносу некоторых их фенотипических и поведенческих особенностей на человека через метафоры фразеологических единиц (далее – ФЕ), сформировался пласт ФЕ с компонентом-орнитонимом, отражающих важнейшие аспекты национальной культуры: особенности быта, исторические события и т. д. В современной фразеологии вопрос выявления национально-культурной специфики ФЕ рассматривается с акцентом на лингвокультурологические знания. Как отмечает И.В. Зыкова, «становление лингвокультурологического направления было обусловлено обращением к проблеме взаимоотношения культуры и фразеологии, рассматриваемой в рамках целого ряда более частных вопросов, среди которых вопрос о способах проявления культурно-национальной специфики» [Зыкова, 2015, с. 182]. В лингвистике большое внимание уделяется фактору

языкового и культурного сотрудничества и развитию процесса межстранового взаимодействия [Baghana et al., 2020, p. 191].

Птицы семейства, именуемого на латинском языке *Corvidae* (черная и серая вороны), «широко распространены на территории всего мира», включая Россию, Китай, Великобританию и Францию, поэтому представления об этих животных попадают в фокус образования фразеологических единиц в китайском, английском, русском и французском языках [Krol, Hernik, 2020, p. 3]. Однако эти ФЕ мало изучены в лингвокультурологии в сопоставительном аспекте.

Благодаря накоплению корпусов текстов на разных языках, развитию компьютерной лингвистики становится возможен поиск национально-культурной специфики фразеологических единиц на основе сопоставления большого количества языковых фактов.

Настоящее исследование посвящено ФЕ с компонентами-орнитонимами *ᠮᠣᠰᠤ / crow / во-*

rona / corneille: выявлению метафорической базы ФЕ, включающей как универсальные, тождественные метафоры, которые основаны на переосмыслении особенностей внешнего вида и поведения ворон, так и уникальные метафоры, обусловленные культурой того или иного народа.

Материал и методы

Материалом для изучения послужили фразеологические единицы с орнитонимами 乌鸦 / *crow* / *ворона* / *corneille*. Под термином «орнитоним» нами понимается существительное, обозначающее видовое наименование птицы, имеющее, помимо основного, переносное значение, реализующееся в контексте. В китайском языке для исследования отбирались те ФЕ, которые, согласно классификации Ма Гофаня, относятся к разряду чэньюй [Ма, 1978]. Чэньюй – «устойчивое фразеологическое словосочетание (чаще четырехсловное), построенное по нормам древнекитайского языка, семантически монолитное, с обобщенно переносным значением, носящее экспрессивный характер, функционально являющееся членом предложения» [Войцехович, 2007, с. 18]. Чэньюй формируют важную группу ФЕ китайского языка [Мо, 2000, р. 4]. Чэньюй – это артефакты китайской культуры, метафорически описывающие окружающую действительность, и их значение в целом невыводимо из значений отдельных лексических компонентов, что характерно для фразеологических срощений (по классификации В.В. Виноградова [1977, с. 150]).

Фразеологическая единица представляет реальность посредством метафоры, в которой абстрактное понятие представлено через конкретное. Отношения предмета речи и просто предмета в языке отражают процесс познания; предмет речи обнаруживает соотношенность с просто предметом в зависимости от системы классификации, которую ему предоставил используемый язык (подробно см.: [Багана, 2016, с. 51]). Во ФЕ может отражаться и оцениваться «как ситуация в целом, так и компонент референтной ситуации (человек, его поведение)» [Абакумова, 2021, с. 10]. Как утверждают Дж. Лакофф и М. Джонсон, «метафоры по сути своей являются феноме-

нами, обеспечивающими понимание» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 208]. Процесс метафоризации задействован при создании фразеологической единицы. Например, орнитоним переосмысливается, появляются метафоры, которые обусловлены как фенотипом птицы, ее поведенческими характеристиками, так и культурными традициями того или иного народа. При характеристике ФЕ нами учитываются коннотативные компоненты ее значения. Как отмечает В.Н. Телия, культурная коннотация представляет собой «интерпретацию денотативного или образно мотивированного квазиденотативного аспектов значения фразеологизма в категориях культуры» [Телия, 1996, с. 214].

В связи с этим возникают сложности при описании культурной семантики, поскольку ФЕ «в процессе общения понимается, “считывается” одновременно двумя разными способами – кодом языка и кодом культуры» [Ковшова, 2016, с. 97]. Дж. Лакофф отмечает, что «наиболее фундаментальные культурные ценности согласуются с метафорической структурой основных концептов этой культуры» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 49]. Приведем пример. В русском, французском и английском языках нет такого большого количества фразеологических единиц, содержащих зоонимы *тигр* / *tigre* / *tiger*, как в китайском языке. В дикой природе тигры не встречаются в Британии, Франции и европейской части России, благополучие народов, населяющих эти территории, не зависело от близости хищника, следовательно, эти зоонимы не входят в число концептуальных культурных ценностей и метафор. «Выявление уникальности плана выражения фразеологизмов есть прямой путь к очерчиванию их национально-культурной специфики» [Василенко, 2021, с. 25].

Анализируя языковой материал из разных языков, мы учитываем также, что некоторые ФЕ по своей структуре являются сравнениями, например англ. *as the crow flies* (обр. ‘по прямой, кратчайшее расстояние’), кит. 乌合之众 (*wū hé zhī zhòng*) (букв. ‘люди слетелись как вороны’, обр. ‘сброд’), однако в основе этих фразеологических единиц лежит метафора. Она выступает не только в качестве «очеловечивания» явлений природы и животных, но и придания абстрактным явлениям качеств и свойств конкретных предме-

тов [Алефиренко, Семененко, 2009, с. 252]. Сигнификативное значение исследуемых ФЕ обусловлено особенностями поведения вороны, но фокус метафоризации разный: поведение одной особи и стаи. М.Л. Ковшова отмечает, что связь сигнификата и денотата выбирается произвольно, поскольку «могли быть выбраны, и выбраны, иные ориентиры из наблюдаемого и познанного в деятельности мира» [Ковшова, 2016, с. 91–92].

Материал для исследования (всего 62 ФЕ) отобран с применением методов сплошной выборки и фразеологической идентификации из фразеологических словарей китайского, английского, русского и французского языков (см. список словарей). Источником примеров послужили национальные корпуса китайского, английского, русского и французского языков, а также примеры, взятые из текстов художественной литературы и средств массовой информации. В работе не рассматриваются фразеологические единицы с орнитонимом *wóron*, так как данная лексема соотносится с другой птицей, которая отличается от вороны как внешним видом, так и сложившимся в культуре образом, что влияет на коннотацию и национально-культурную специфику ФЕ.

Исследование проводилось с помощью комплекса методов. Описательный метод использован для установления взаимосвязей компонентов фразеологической единицы и компонентов-орнитонимов, а также для характеристики примеров типичного употребления фразеологических единиц с исследуемым компонентом. С помощью метода тематической классификации и систематизации собранные фразеологические единицы были распределены по группам в соответствии с предложенной авторской классификацией метафорических признаков и классификацией ФЕ по их коннотативным значениям. Метод компонентного анализа был использован для определения метафорических признаков, релевантных для экспликации смыслового содержания фразеологических единиц с исследуемым компонентом в каждом из рассматриваемых языков. Квантитативный метод применен для обобщения полученных данных посредством определения частотности выделенных метафор и коннотативных признаков. Дистрибутивный метод использован для определения валент-

ности лексем. Применение указанных методов в совокупности нацелено на комплексное описание исследуемых фразеологических единиц с компонентами-орнитонимами 乌 / *crow* / *worona* / *corneille* с учетом их коннотаций и национально-культурной специфики.

Результаты и обсуждение

Для описания национально-культурной специфики фразеологических единиц с компонентами 乌 / *crow* / *worona* / *corneille* необходимо прежде всего охарактеризовать дефиниции этих лексем, представленные в толковых словарях, что позволит определить релевантные признаки, послужившие базой для метафоризации во фразеологических единицах.

Приведем значение орнитонима 乌 (ворона), предложенное в толковом словаре китайского языка: “新华词典”: 鸟纲, 鸦科。全身或大部分羽毛为 乌黑色, 故名。多在树上营巢。常成群结队且飞且鸣, 声音嘶哑。杂食谷类、昆虫等, 功大于过, 属于益鸟。(新华词典)。 – Птица семейства врановых. Все или большая часть перьев черные, отсюда и название. Вьют гнезда на деревьях. Они часто летают стаями и каркают, их голоса хриплые. Всеядные, употребляют в пищу злаки, насекомых и т. д. Приносят больше пользы, чем вреда, относятся к полезным птицам (здесь и далее перевод с китайского выполнен Е.С. Яковлевой). В современном китайском языке для наименования вороны используют двусложное слово 乌鸦 (*wūyā*), в то же время 乌 может переводиться как «темный, черный», например 乌马 – вороная лошадь, 乌云 – темные (черные) тучи. В толковании дано описание внешнего вида птицы, указано ее место в биологической классификации, однако нет сведений о повадках или конкретном месте обитания.

В английском языке для наименования вороны используется лексема *crow* – «a large bird, completely or mostly black, with a rough unpleasant call» (OALD) – большая птица, полностью или большей частью черная, с неприятным резким голосом (здесь и далее перевод с английского выполнен Я.А. Глебовой). В толковании описан внешний облик птицы, ее голос, но нет сведений о повадках или месте обитания.

Сопоставим приведенные дефиниции со словарным толкованием русского слова *ворона*: «птица с черным или серовато-черным оперением, родственная ворону, но живущая обычно около жилища человека» (БТС). В данном определении указывается на внешний вид птицы, но не отмечаются особенности поведения птицы, однако подчеркивается место ее обитания – рядом с человеком.

Во французском языке для наименования вороны используется существительное *corneille* (f), произошедшее от латинского *cornicilla* (молодая ворона). В словаре «Larousse» приведено следующее значение этого слова: *corneille* (f): «passereau voisin du corbeau, mais plus petit et plus commun, omnivore et sédentaire» (Larousse) – птица, похожая на ворона, но более мелкая и распространенная, всеядная и малоподвижная (здесь и далее перевод с французского выполнен Ж. Багана). Различают черную ворону (*corneille noire*, f) и серую ворону (*corneille mantelée*, f), которая не обитает постоянно на территории Франции. В словаре французского языка «Dictionnaire de la langue française» также подчеркивается сходство вороны и ворона: «Oiseau passereau de couleur noire (ou partiellement noire), de la famille des corvidés, voisin du corbeau mais de plus petite taille» (Dictionnaire de la langue française). – Птица, черная или частично черная, семейства врановых, похожая на ворона, но меньшего размера.

Лексема *corneille* (f) входит в состав словосочетания *corneille emmantelée* (f) («галка»), используемого для обозначения представителей семейства врановых, у которых одна часть тела черная, а другая – сероватая.

Наименования *corneille chauve* (f), *corneille d'église* (f), *corneille des clochers* (f), *choucas des tours* (m), *corbeau choucas* (m) являются синонимичными и переводятся как «галка»:

(1) Qu'il soit appelé **choucas des tours**, **corbeau choucas** ou **corneille des clochers**, il s'agit du même oiseau, dont le nom scientifique est *Corvus monedula*. Comme son cousin le corbeau freux ou sa cousine la corneille noire, cet oiseau appartient à la famille des Corvidés (Carré). – Как бы ни называли галку, это одна и та же птица, научное название которой *Corvus monedula*. Как и ее двоюродный брат ворон

или ее кузина ворона, эта птица принадлежит к семейству врановых.

Итак, наиболее полное описание вороны представлено в словаре китайского языка, а релевантной универсальной чертой является черный цвет, упоминаемый во всех словарях. Кроме того, в толковых словарях китайского и английского языков упоминается хриплый резкий крик, эту отличительную характеристику вороны тоже можно считать универсальной.

Рассмотрим выделенные черты в аспекте формирования универсальных тождественных метафор в исследуемых языках.

Черный цвет как одна из основных отличительных черт вороны является продуктивной для метафоризации ФЕ. Условно метафору можно обозначить как «ворона – черная». Приведем пример из китайского языка: 天下乌鸦一般黑 (*tiān xià wū yā yī bān hēi*) (БКРС) – букв. 'в небе все вороны одинаково черные', обр. 'все плохие люди одинаково плохие, одним миром мазаные'. Источником происхождения чэньюй является знаменитый китайский классический роман Цао Сюэциня «Сон в красном тереме». Чэньюй характеризуется отрицательной коннотацией. Приведем пример из современной прозы:

(2) 天下不是一个坏人, 天下乌鸦一般黑, 而为了一般黑去抓乌鸦, 或者为了这帮乌鸦去抓另一帮乌鸦, 老邢怀疑自己工作的意义。(РКПП, 刘震云. 我叫刘跃进, 2007). – Не все люди плохие, одним миром мазаные, тем не менее, вылавливая преступников или же ловя одних в угоду другим, Лао Син сомневался в ценности своей работы.

Метафора ФЕ фокусируется на том, что важно для носителей языка: в основе китайского чэньюй лежит уподобление тождественных явлений разных сфер жизни.

Черный цвет вороны в китайской и русской лингвокультурах противопоставляется белому. Например, в китайском языке чэньюй 乌白马角 (букв. 'ворона побелела, а у лошади выросли рога') образно описывает неосуществимое, нереальное дело, (ср. в русском языке: *когда рак на горе свистнет*). Вариант ФЕ – 乌白头, 马生角. Источником ФЕ является древнекитайская историческая хроника времен династии Сун, в которой рас-

сказывается об освобождении заложника. Повелитель использовал чэньюй 乌白马角, чтобы ответить на вопрос об условии, при котором человек будет отпущен на свободу. Волшебным образом это условие исполнилось и заложник вернулся домой (新华词典).

В русском языке *белая ворона* – человек, чем-то выделяющийся, другой, причем в негативном смысле. Приведем примеры употребления ФЕ в контексте:

(3) Я был и есть в театре **белая ворона**. Может быть, поэтому так единогласно и проголосовали за меня (НКРЯ, РГ, 2005);

(4) В высших кругах, в элите Сперанский – **белая ворона**, исключение из правил (НКРЯ, Сперанский, 2012).

Коннотация ФЕ негативная.

Отметим, что приведенные ФЕ различаются и в сигнификативном, и в денотативном значениях. Белый цвет для вороны несет неприятности, она слишком заметна и выделяется из стаи. Несмотря на сходство в метафорической интерпретации цвета («ворона – не белая, а черная»), китайская ФЕ обозначает то, чего не может произойти, что является нереальным. Русская ФЕ дает негативную характеристику человеку.

Во французском и английском языках метафора цвета во фразеологизмах с исследуемыми орнитонимами не обнаружена.

Отличительным признаком ворон, согласно словарным толкованиям, был отмечен хриплый резкий крик. Этот признак может быть выражен метафорой «ворона – неприятный крик». Следует отметить, что в китайском языке метафора строится на отсутствии крика. В китайской культуре она нашла отражение в чэньюй 鸦默雀静 (*yā mò què jìng*) (Готлиб, Хуаин, 2019, с. 486) – букв. ‘молчат вороны и воробьи утихли’, обр. ‘в полном молчании, в абсолютной тишине’. Источником происхождения чэньюй является вышеупомянутый роман «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня:

(5) 我因为到了老祖宗那里; 鸦默雀静的... (新华词典). – Я добрался до места, где были предки, стояла мертвая тишина...

В основе китайской фразеологической единицы лежит уподобление явлений из разных сфер жизни. В английском языке сопос-

тавление проводится по внешнему признаку: (*as*) *hoarse as a crow* (Ayto, 2020) – букв. ‘хриплый, как ворона’, обр. ‘очень хриплый голос’. Коннотация ФЕ негативная. Приведем пример:

(6) Since I'm **hoarse as a crow** today, I'm not going to speak for much longer (FD). – Поскольку я ужасно хриплю сегодня, больше не буду говорить.

В китайской и английской лингвокультурах релевантным является неприятный звук, издаваемый воронами.

В русской ФЕ *с воронами по-вороньи и каркать* (Даль) воронье карканье маркирует принадлежность к определенному виду птиц (ср.: *с волками жить, по-волчьи выть*). ФЕ связана с представлениями о том, что придется приспособливаться к условиям определенного сообщества. Отметим, что ФЕ является малоупотребительной.

Следующая метафора может быть условно названа «вороны – стая». Как известно, вороны летают стаями, в ней объединяется от 15 особей, птицы в стае часто кружат в небе и каркают, ведут себя достаточно шумно.

В китайском языке находим чэньюй, который может быть отнесен к группе ФЕ с метафорой «вороны – стая»: 乌合之众 (*wū hé zhī zhòng*) (杨, 2004) – букв. ‘как вороны, собрались люди’, обр. ‘неорганизованная толпа, сборище, сброд’ (БКРС). Происхождение чэньюй связывают с именем китайского политического деятеля Гуань Чжуна, который жил в VII в. до н. э. Словарь «Синьхуа» приводит пример речи политика:

(7) 乌合之众, 初虽有欢, 后必相吐。(新华词典). – Сборище. Сначала они радуются, потом их тошнит друг от друга.

Приведем пример из современной прозы:

(8) 本地狗是没有头脑的乌合之众... (РКПП, 莫言, 生死疲劳, 2006). – Местные дворяне – безмозглый сброд.

Коннотация ФЕ негативная.

Метафора «вороны – стая» также представлена ФЕ русского языка, имеющей негативную коннотацию:

(9) Была б падаль, а воронье налетать (будет) (Даль).

ФЕ обусловлена не только рассматриваемой метафорой (воронье = стая ворон), но и тем фактом, что вороны являются падальщиками.

В трех языках (китайском, английском и русском) выделена метафора «ворона – полет», не актуализированная в словарных толкованиях. Метафора «полета» основана на представлении о том, что вороны всегда летят по прямой, на базе этой метафоры были образованы некоторые ФЕ английского языка. Так, ФЕ *as the crow flies* (букв. ‘как летит ворона’, обр. ‘кратчайшее расстояние по прямой’) используется для описания наиболее короткого расстояния между двумя точками, по прямой. Например:

(10) Geolise lets you measure distance by time rather than **as the crow flies** (Gardian). – Geolise позволяет вам измерять расстояние по времени, а не по прямой (как летит ворона).

Коннотация ФЕ нейтральная:

(11) One explanation involves the great circle – the shortest **as-the-crow-flies** distance between two points (Gardian). – Одно из объяснений связано с большой окружностью – кратчайшим расстоянием между двумя точками.

В русском языке не подчеркивается особенность полета по прямой, как в английском, однако есть ФЕ, метафора которых также фокусируется на полете: *Куда ворона летит, туда и глядит. Ворона за море летала, да вороной и вернулась* (Даль).

В процессе анализа собранной картотеки фразеологических единиц были выделены национально-специфические метафоры, которые не связаны с фенотипическими или поведенческими характеристиками, зафиксированными в дефинициях орнитонимов 乌鸦 / *crow* / *ворона* / *corneille*, предложенных в толковых словарях исследуемых языков.

В китайской лигвокультуре известны чэньюй, описывающие сложность обучения каллиграфии, необходимость длительного обучения письму, внимательного отношения к переписываемым текстам. В чэньюй 乌焉成马 (*wū yān chéng mǎ*) (成语大全) – букв. ‘из-за описки ворона стала лошадью’, обр. ‘описки по сходству иероглифов; неграмотно писать’ – иероглифы лошадь (马) и ворона (乌) похожи,

человеку малограмотному или невнимательному легко ошибиться. Образ ФЕ оценивается с точки зрения китайской культуры и практического опыта, однако, по данным корпуса китайского языка (荀恩东..., 2016), этот чэньюй не является широко распространенным.

В английском языке ФЕ *to eat crow* (букв. ‘съесть ворону’, обр. ‘признать ошибку’) имеет несколько версий происхождения. По одной из них, в начале XIX в. американский солдат по ошибке застрелил ворону, когда отправился за едой, его поймал британский солдат и заставил его съесть воронье мясо. Однако американцу удалось освободиться, и уже британец отведать кусочек вороны. По другой версии, источником ФЕ является книга Р. Киплинга «The Strange Ride of Morrowbie Jukes», изданная в 1885 году. Главный герой, чтобы выжить, вынужден есть воронье мясо, то есть делать то, что он раньше бы ни за что не сделал. Следует отметить, что воронье мясо, согласно Библии, входит в список запрещенных к употреблению продуктов (Книга Левит 11:13-19). Коннотация ФЕ отрицательная. Приведем пример:

(12) I’m willing **to eat crow** over my earlier pronouncement that McCain’s campaign was a “train wreck”... (Gardian, 2007). – Я готов признать свою ошибку в предыдущем заявлении о том, что кампания Маккейна была «крушением поезда» ...

В русской культуре образ вороны связан с негативными оценочными характеристиками. В словаре В.И. Даля находим следующие значения слова *ворона* и примеры его употребления: «нерасторопный, вялый человек, разиня, рохля, зевака. Пуганая ворона и куста боится. Сердце соколье, а смелость (смелство) воронье. Эта ворона нам не оборона» (Даль). Рассматриваемые ФЕ репрезентируют метафору «ворона – слабая птица» и имеют негативную коннотацию:

(13) Все эти предосторожности – ваша, как вы говорите, «специфика»!.. **Пуганая ворона куста боится!** Вы этим живете и этим кормитесь! (НКРЯ, Богомолов, 1973).

Проведенные наблюдения позволяют говорить о национально обусловленном выборе фокуса метафоризации внутри исследуемых фразеологических единиц: представления

о сложности иероглифической письменности в китайской культуре, религиозный запрет на некоторые виды мяса в английской культуре, представления о том, что ворона – слабая птица, в русской культуре.

Во французском языке во внутренней форме ФЕ не было выявлено метафор, обусловленных интерпретацией фенотипических или же поведенческих особенностей вороны. Однако во французском и русском языках есть ФЕ, появившиеся благодаря общему литературному наследию, а именно басне Эзопа.

Фразеологические единицы *c'est la corneille d'Ésope* (букв. 'Эзопова ворона') или *c'est la corneille de la fable* (букв. 'ворона из басни') являются синонимами. Они представляют собой аллюзию на сюжет басни Эзопа о вороне, которая нарядилась в павлиньи перья. Этот сюжет стал основой для басни И.А. Крылова «Ворона» (1825). Значение французских устойчивых словосочетаний эквивалентно русской ФЕ *ворона в павлиньих перьях*, называющей «человека, который пытается играть чужую роль, каким-либо образом приукрасить себя и тем самым только подчеркивает свои недостатки, делаясь смешным в глазах окружающих» (Серов, с. 103).

Коннотация ФЕ во французском и русском языках негативная. Приведем примеры:

(14) Выяснилось, что всякий человек, пытающийся привлечь к себе внимание, есть человек самовлюбленный и нехороший, способный на что угодно и воображающий о себе невесть что, в то время как на самом деле он просто-напросто пустышка. **Ворона в павлиньих перьях**. Или что-то в этом роде (НКРЯ, Петросян, 2009);

(15) **La corneille d'Ésope**, ou **la corneille de la fable**, se dit d'une personne se parant avec ce qui ne lui appartient pas (Littré). – Ворона в павлиньих перьях – так говорят о человеке, который украшает себя тем, что ему не принадлежит.

Наиболее распространенной ФЕ с лексемой *corneille* во французском языке является *bayer aux corneilles* (букв. 'глупо смотреть вверх на ворон с открытым ртом'). В XVI в. существительное *corneille* (ворона) обладало расширенным значением и применялось для описания незначительных, неважных предметов или событий. Глагол *bayer*, используе-

мый в данном фразеологизме, буквально переводится как «удивляться, терять дар речи». Таким образом, устойчивое словосочетание *bayer aux corneilles* дословно можно толковать следующим образом: «стоять с открытым ртом, глядя вверх, созерцая или желая ничего не значащих вещей». На русский язык ФЕ переводится как «глазеть по сторонам» или «ворон считать»:

(16) *Allons, vous, vous rêvez et bayer aux corneilles ; Jour de Dieu ! je saurai vous froter les oreilles* (Molière, p. 390). – Тебя считать ворон я не принимала, что ли? Скажи, пожалуйста, какой набралась воли! Я покажу тебе!;

(17) *La plupart des gens de province ne se rendent évidemment pas un compte exact des procédés que les gens illustres emploient pour mettre leur cravate, marcher sur le boulevard, bayer aux corneilles ou manger une côtelette* (Balzac, p. 167). – Большинство жителей провинции, конечно, не имеют точного представления о процедурах, которые используют известные люди, чтобы надеть галстук, пройти по бульвару, поглазеть по сторонам или съесть отбивную.

В современном французском языке ФЕ *bayer aux corneilles* чаще используется с негативной коннотацией, чтобы упрекнуть человека в том, что он ничего не делает, когда ему следовало бы помогать другим или у него есть определенные обязанности:

(18) *Tiens, on était en train d'aider un ami à déménager et il y a Jean qui bayait aux corneilles pendant que nous on travaillait* (FA). – Мы помогли другу переезжать, а Джон считал ворон (бездельничал), пока мы работали;

(19) *Je m'inquiète pour elle parce qu'elle ne prend pas ses études au sérieux. Elle a bayé aux corneilles toute l'année* (FA). – Я беспокоюсь о ней, потому что она несерьезно относится к учебе. Она считала ворон весь год.

Метафора ФЕ *считать ворон* в русском языке, вероятно, связана с тем, что весной пейзаж в средней полосе России черно-белый и прилет птиц обозначал начало весны, возрождения природы. Весна – время тяжелых полевых работ, и отвлекаться, ничего не делать было непозволительной роскошью (Телия, Зыкова, Ковшова, 2021). ФЕ *считать ворон* обладает негативной коннотацией. Приведем примеры:

(20) А ты тут пока, чем так стоять и **считать ворон**, принес бы на чем сесть, да подмети (НКРЯ, Чехов, 1885);

(21) До того, как он **считал ворон**, портфель - был легонький, а сейчас – тяжелющий (НКРЯ, Кургузов, 1991).

Во французском языке ФЕ с компонентом *corneille* (ворона) реализуют еще одну национально-специфическую метафору. Наблюдение за пищевыми повадками вороны обусловило возникновение ФЕ с компонентами *corneille* (ворона) и *noix* (орех). Вороны употребляют в пищу грецкие орехи, так как их скорлупа менее твердая, чем у других орехов; чтобы сорвать грецкий орех, птицы могут зацепиться клювом и когтями за ветку и трясти ее, чтобы он упал. Это выглядит довольно неуклюже и не всегда приводит к желаемому результату.

В «Dictionnaire de l'Académie française» дается следующее значение ФЕ *у aller comme une corneille qui abat des noix* (букв. 'заниматься своим делом, как ворона, которая сбивает орехи'): «s'employer avec ardeur et sans précaution pour faire réussir quelque chose» (DAF) – упорно и небрежно работать, чтобы что-то получилось, то есть работать над чем-то с усердием, без сомнения, но неуклюже и бездумно.

Возможен также следующий вариант перевода ФЕ *у aller comme une corneille qui abat des noix*: «пустить в ход все средства, из кожи вон лезть» (DFRLI). Например:

(22) Ce n'est pas tout ça, dit-elle en commençant sa toilette, qui n'était jamais bien longue; quand on rêve, la peur vous prend, et il n'y a pas de mal; mais dès qu'on est éveillé, défense de trembler: Il s'agit... de ne pas **aller comme une corneille qui abat les noix!** (Féval). – Это еще не все, – сказала она, приступая

к своему туалету, который никогда не был слишком долгим, – когда ты спишь, страх овладевает тобой, и в этом нет ничего плохого. Но как только ты проснулся, тебе нельзя бояться... **нужно пустить в ход все средства!**

Рассмотрим распределение общего количества собранных фразеологические единиц с компонентами-орнитонимами $\text{ crow / ворона / corneille }$ на группы по выделенным релевантным признакам и метафорам (см. таблицу).

Как следует из данных, представленных в таблице, наиболее продуктивными метафорами для фразеологических единиц с компонентами $\text{ crow / ворона / corneille }$ являются национально-специфические, обусловленные культурными стереотипами, впервые употребленные в литературных произведениях и т. д. Из общих актуализированных в словарях фенотипических и поведенческих признаков птицы наибольшее количество примеров в русском и английском языках составляют ФЕ, основанные на метафоре «ворона – неприятный крик», в китайском – на метафоре «вороны – стая». В английском языке отсутствуют метафоры «ворона – черная», «вороны – стая».

К продуктивным метафорам относится метафора полета (всего 10 примеров в 3 из 4 исследуемых языков), которая не включена в дефиниции толковых словарей.

Во французском языке ФЕ с компонентом-орнитонимом *corneille* представлены незначительно – 4 единицы. На наш взгляд, они не находят широкого применения в современном языке в связи с наличием синонимов. Исключением является лишь широко употребительная ФЕ *bayer aux corneilles*.

Количественное соотношение метафор во ФЕ с компонентами $\text{ crow / ворона / corneille }$

The quantitative ratio of the use of metaphors in idioms with components $\text{ crow / ворона / corneille }$

Язык	Признак, выделенный в словаре				
	Черный цвет	Хрипкое карканье	Полет группами	Признаки, не актуализированные в словарных дефинициях	
	Метафора				
	«Ворона черная»	«Ворона – неприятный крик»	«Вороны – стая»	«Ворона – полет»	Национально-специфические
Китайский язык	2	1	5	2	15
Русский язык	2	8	1	7	5
Английский язык	–	3	–	1	6
Французский язык	–	–	–	–	4

В русском, английском и китайском языках ФЕ с компонентом-орнитонимом *ворона* / 乌鸦 / *crow* имеют разные коннотации: положительную, отрицательную и нейтральную. Рассмотрим график распределения коннотаций в обсуждаемых языках (см. рисунок).

Как видно на графике, во всех рассматриваемых языках среди ФЕ с компонентами-орнитонимами 乌鸦 / *crow* / *ворона* / *corneille* преобладают единицы с негативной коннотацией. Во французском языке все собранные ФЕ характеризуются негативной коннотацией, в русском языке большинство ФЕ (95 %) эксплицируют негативные характеристики и всего 5 % являются нейтральными.

В китайском и английском языках ФЕ с компонентом-орнитонимом 乌鸦 / *crow* обладают положительной, отрицательной и нейтральной коннотациями.

В китайском языке фразеологические единицы с отрицательной коннотацией преобладают (43 %), менее представлены единицы с нейтральной и положительной коннотацией (30 % и 27 % соответственно). В английском языке наблюдается сходная картина, однако другое процентное соотношение: с отрицательной коннотацией отмечено 67 % ФЕ, с нейтральной – 22 % и положительной – 11 %. Такое распределение коннотаций обусловлено, по нашему мнению, как национально-

культурной интерпретацией образа вороны, так и взаимным влиянием компонентов ФЕ. Кроме того, ворона не наносит ущерба сельскому хозяйству, не является опасной птицей, что тоже в целом повлияло на образ вороны и нашло отражение в семантике ФЕ.

Заключение

Фразеологические единицы с компонентами-орнитонимами 乌鸦 / *crow* / *ворона* / *corneille* являются важным элементом китайской, английской, русской и французской лингвокультур. Во фразеологических единицах анализируемой группы отражены как универсальные, так и уникальные черты, свойственные объекту метафоры, положенной в основу ФЕ.

Установлена асимметрия реализации оценочности во ФЕ сравниваемых языков. Во французском языке ФЕ с компонентом-орнитонимом *corneille* выражают только негативную коннотацию. В русском языке большинство ФЕ с компонентом-орнитонимом *ворона* имеют негативную коннотацию и лишь незначительная часть – нейтральную. В китайском и английском языках представлены ФЕ с различной оценочностью, при этом преобладают ФЕ с негативной коннотацией, нейтральная и положительная кон-

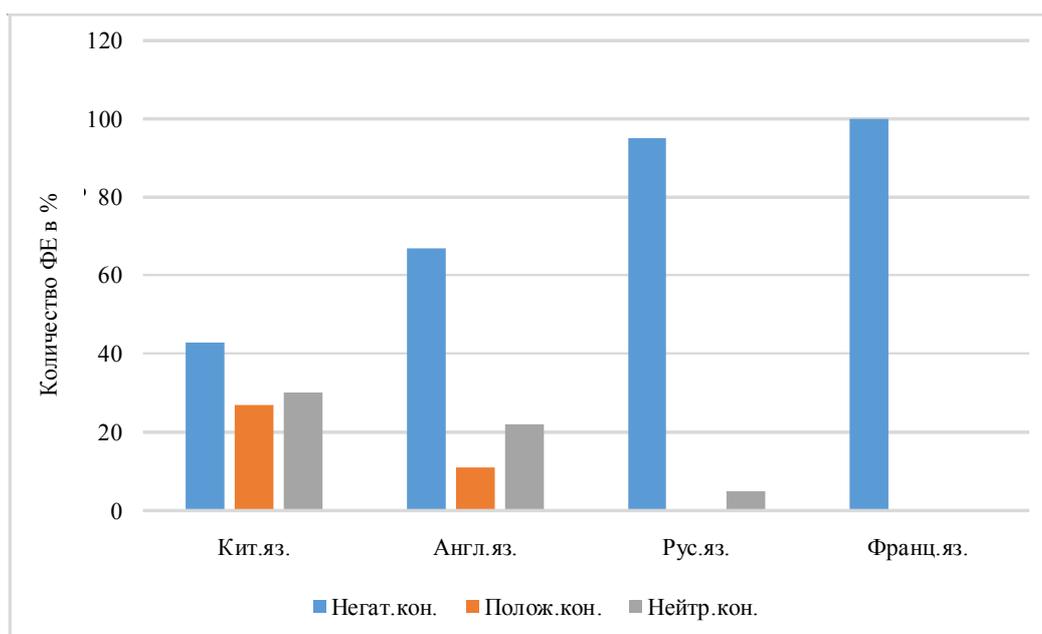

График распределения коннотаций
Chart of distribution of connotations

нотации эксплицируются значительно меньшим количеством ФЕ.

Фразеологические единицы с компонентами-орнитонимами 乌鸦 / *crow* / *ворона* / *corneille* представляют универсальные метафоры, репрезентирующие фенотипические признаки вороны, а именно черный цвет, полет по прямой, полеты стай и неприятное хриплое карканье. Национально обусловленные метафоры, основанные на национальных стереотипах, мифах, произведениях литературы и т. д., преобладают в китайском и английском языках, а во французском языке являются единственной основой для ФЕ. В русском языке национально-специфические метафоры входят в число продуктивных. Полученные результаты расширяют научные знания об отражении в языке представлений о мире, сложившихся у носителей разных языков, демонстрируют возможности расширения границ исследований в русле антропоцентрической парадигмы по таким направлениям современного языкознания, как фразеология, семантика, теория языка. Актуальным и перспективным представляется дальнейшее изучение фразеологических единиц, которые содержат компоненты-орнитонимы, обозначающие ворону, с привлечением материала из языков других языковых семей, например тюркской и др. Это позволит уточнить выводы о тождественных и уникальных путях метафоризации таких орнитонимов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абакумова О. Б., 2021. Концептуальная метафора, эмоции и оценки, эталоны и стереотипы в русских и английских пословицах о правде и лжи // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. № 2 (15). С. 7–50. DOI: 10.37892/2218-1393-2021-15-2-7-50
- Алефиренко Н. Ф., Семенов Н. Н., 2009. Фразеология и паремология. М. : Флинта : Наука. 344 с.
- Багана Ж., 2016. К вопросу о синонимии и вариативности фразеологического африканизма // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. № 7. С. 51–54.
- Василенко А. П., 2021. Антропоморфный критерий в образе фразеологизма // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. № 1. С. 24–29.
- Виноградов В. В., 1977. Лексикология и лексикография : избр. тр. М. : Наука. 310 с.

- Войцехович И. В., 2007. Практическая фразеология современного китайского языка. М. : АСТ : Восток-Запад. 509 с.
- Зыкова И. В., 2015. Теория и методы лингвокультурологического изучения фразеологии // Przegląd Wschodnioeuropejski. Т. 6, № 1. Р. 181–195.
- Ковшова М. Л., 2016. Культурно-национальная спецификация фразеологизмов и вопросы экспликации их культурных смыслов // Вопросы психолингвистики. № 4 (30). С. 91–102.
- Кондрашов А. П., 2016. Кто есть кто в мифологии Древней Греции и Рима. 1738 героев и мифов. М. : Рипол-Классик. 704 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М. 2004. Метафоры, которыми мы живем. М. : Едиториал УРСС. 256 с.
- Телия В. Н., 1996. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Шк. «Яз. рус. культура». 288 с.
- Baghana J., Voloshina T. G., Glebova Ya. A., Bocharova E. A., Radovoch M., 2020. Globalization Influence on Linguistic and Cultural State Due to the Language Contacts' Interaction // Laplage Em Revista. Vol. 6, № Extra-A. P. 190–197. DOI: <https://doi.org/10.24115/S2446-622020206Extra-A579p.190-197>
- Krol K., Hernik J., 2020. Crows and Ravens as Indicators of Socioeconomic and Cultural Changes in Urban Areas // Sustainability. Vol. 12, iss. 24. DOI: <https://doi.org/10.3390/su122410231>
- Ma Guofan., 1978. Idioms. Inner Mongolia : Inner Mongolia People's Publishing House. 618 p.
- Mo Pengling, 2000. Chinese Idioms and Chinese Culture. Nanjing : Jiangsu Educational Publishing House, 314 p.

ИСТОЧНИКИ

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>
- РКПП – Русско-китайский параллельный подкорпус НКРЯ. URL: https://linghub.ru/rnc_parallel_chinese/search
- Au Blason des Armoiries. URL: <http://www.blason-armoires.org/heraldique/c/corneille.htm>
- Balzac H. de. Etudes de moeurs. Livre 1, Scènes de la vie privée. P. : Furne, 1845. 557 p.
- Carré M.-A. Quand les oiseaux protégés deviennent nuisibles aux cultures. URL: <https://www.reussir.fr/quand-les-oiseaux-proteges-deviennent-nuisibles-aux-cultures>
- FA – Bayer aux corneilles // Français Authentique. URL: <https://www.francaisauthentique.com/bayer-aux-corneilles/>
- Féval P. Maman Léo. Les Habits Noirs Tome V. France : Tredition classics, 2012. 296 p.

Gardian – The Guardian : British daily newspaper.
URL: <https://www.theguardian.com/>
Molière J.-B. Oeuvres Completes de Moliere. T. 2.
France : Hachette Livre BnF., 2013. 816 p.
荀恩东, 饶高琦, 肖晓悦, 臧海桥. 大数据背景下BCC
语料的研制[J]. 语料库语言学, 2016. URL: [http://bcc.
blcu.edu.cn/](http://bcc.blcu.edu.cn/)

СЛОВАРИ

БКРС – Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info>
БТС – Большой толковый словарь русского языка. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=ворона&all=x>
Готлиб О. М., Хуаин М. Китайско-русский фразеологический словарь. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. 596 с.
Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=3681>
Серов – Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М. : Локид-Пресс, 2003. 831 с.
Телия В. Н., Зыкова И. В., Ковшова М. В. Большой фразеологический словарь русского языка. М. : АСТ-Пресс, 2021. 784 с.
Ayto J. The Oxford Dictionary of Idioms. 2020. URL: <https://www.oxfordreference.com>
DAF – Dictionnaire de l'Académie française. URL: <https://dictionnaire-academie.fr/article/A6C2831?history=0>
DFRLI – Dictionnaire français-russe des idioms. URL: https://idioms_fr_ru.academic.ru/1831/aller_de_cul_et_de_tkte
Dictionnaire de la langue française. URL: <https://www.lalanguefrancaise.com/dictionnaire>
FD – Free dictionary URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/crow>
Larousse – Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/corneille/19337>
Littre – Dictionnaire de la langue française. URL: <https://www.littre.org/definition/corneille>
OALD – Oxford Advanced Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
杨 – 杨忠. 中华词典宝库. 北京 : 人民日报出版社, 2004. 1213页.
新华词典 – 新华词典. URL: <http://xh.5156edu.com>
成语大全 – 成语大全. URL: <http://www.hydc.com/zidian/hz/15316.htm>

REFERENCES

Abakumova O.B., 2021. Kontseptualnaya metafora, emotsii i otsenki, etalony i stereotypy v russkikh

i angliyskikh poslovitsakh o pravde i lzhi [Conceptual Metaphors, Emotions and Evaluations, Standards and Stereotypes in Russian and English Proverbs of Truth]. *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Linguistics and Language Teaching], no. 2 (15), pp. 7-50. DOI: 10.37892/2218-1393-2021-15-2-7-50

- Alefirenko N.F., Semenenko N.N., 2009. *Frazeologiya i paremiologiya* [Phraseology and Paremiology]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 344 p.
- Bagana Zh., 2016. K voprosu o sinonimii i variativnosti frazeologicheskogo afrikanizma [Discussing Question About Synonyms and Variations of African Idioms]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Philology. Journalism. Pedagogy. Psychology], no. 7, pp. 51-54.
- Vasilenko A.P., 2021. Antropomorfnyy kriteriy v obraze frazeologizma [Anthropomorphism in the Image of an Idiom]. *Aktualnye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki* [Actual Problems of Germanistics, Romanistics and Russian Studies], no. 1, pp. 24-29.
- Vinogradov V.V., 1977. *Leksikologiya i leksikografiya: izbr. tr.* [Lexicology and Lexicography. Selected Works]. Moscow, Nauka Publ. 310 p.
- Vojcexovich I.V., 2007. *Prakticheskaya frazeologiya sovremennogo kitayskogo yazyka* [Applied Phraseology of the Modern Mandarin Chinese]. Moscow, AST Publ., Vostok-Zapad Publ. 509 p.
- Zykova I.V., 2015. Teoriya i metody lingvokulturologicheskogo izucheniya frazeologii [Theory and Methods of the Linguoculturological Study of Phraseology]. *Przeglad Wschodnioeuropejski*, vol. 6, no. 1, pp. 181-195.
- Kovshova M.L., 2016. Kulturno-natsionalnaya spetsifikatsiya frazeologizmov i voprosy eksplikatsii ikh kulturnykh smyslov [Cultural and National Specificity of Phraseological Units and Explication of Their Cultural Meanings]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 4 (30), pp. 91-102.
- Kondrashov A.P., 2016. *Kto est kto v mifologii Drevney Gretsii i Rima. 1738 geroev i mifov* [Who Is Who in the Mythology of Ancient Greece and Rome. 1738 Heroes and Myths]. Moscow, RipolKlassik Publ. 704 p.
- Lakoff G., Johnson M., 2004. *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live By]. Moscow, Editorial URSS. 256 p.
- Teliya V.N., 1996. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic, Linguistic and

- Culture]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoy kultury». 288 p.
- Baghana J., Voloshina T.G., Glebova Ya. A., Bocharova E.A., Radovoch M., 2020. Globalization Influence on Linguistic and Cultural State Due to the Language Contacts' Interaction. *Laplage Em Revista*, vol. 6, no. Extra-A, pp. 190-197. DOI: <https://doi.org/10.24115/S2446-622020206Extra-A579p.190-197>
- Krol K., Hernik J., 2020. Crows and Ravens as Indicators of Socioeconomic and Cultural Changes in Urban Areas. *Sustainability*. Vol. 12, iss. 24. DOI: <https://doi.org/10.3390/su122410231>
- Ma Guofan, 1978. *Idioms*. Inner Mongolia, Inner Mongolia People's Publishing House. 618 p.
- Mo Pengling, 2000. *Chinese Idioms and Chinese Culture*. Nanjing, Jiangsu Educational Publishing House. 314 p.

SOURCES

- Nacionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <https://ruscorpora.ru/>
- Rusko-kitayskiy paralelny podkorpus NKRYa* [Chinese-Russian Parallel Subcorpus of RNC]. URL: https://linghub.ru/rnc_parallel_chinese/search
- Au Blason des Armoiries*. URL: <http://www.blason-armoires.org/heraldique/c/corneille.htm>
- Balzac H. de. *Etudes de moeurs. Livre 1, Scènes de la vie privée*. Paris, Furne, 1845. 557 p.
- Carré M.-A. *Quand les oiseaux protégés deviennent nuisibles aux cultures*. URL: <https://www.reussir.fr/quand-les-oiseaux-proteges-deviennent-nuisibles-aux-cultures>
- Bayer aux corneilles. *Français Authentique*. URL: <https://www.francaisauthentique.com/bayer-aux-corneilles/>
- Féval P. *Maman Léo. Les Habits Noirs Tome V*. France, Tredition classics, 2012. 296 p.
- The Guardian: British Daily Newspaper*. URL: <https://www.theguardian.com/>
- Molière J.-B. *Oeuvres Complètes de Molière. Tome 2*. France, Hachette Livre Bnfp, 2013. 816 p.
- Xun Endong, Rao Gaoqi, Xiao Xiaoyue, Zang Jiaojiao. *Da shuju Beijing xia BCC yuliaoku de yanzhi, yuliaoku yuyan xue* [The Development of BCC Corpus under the Background of Big Data, Corpus Linguistics], 2016. URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/>

DICTIONARIES

- Bolshoy kitaysko-russkiy slovar* [Big Russian Chinese Dictionary]. URL: <https://bkrs.info>
- Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian Language]. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=ворона&all=x>
- Gotlib O.M., Huain M. *Kitaysko-russkiy frazeologicheskiy slovar* [Chinese Russian Dictionary of Idioms]. Irkutsk, Izd-vo IGU, 2019. 596 p.
- Dal V.I. *Tolkovyj slovar zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. URL: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=3681>
- Serov V.V. *Entsiklopedicheskiy slovar krylatykh slov i vyrazheniy* [Encyclopedic Dictionary of Winged Words and Expressions]. Moscow, Lokid-Press Publ., 2003. 831 p.
- Teliya V.N., Zykova I.V., Kovshova M.V. *Bolshoy frazeologicheskiy slovar russkogo yazyka* [Big Dictionary of Russian Idioms]. Moscow, AST-Press Publ., 2021. 784 p.
- Ayto J. *The Oxford Dictionary of Idioms*. 2020. URL: <https://www.oxfordreference.com>
- Dictionnaire de l'Académie française*. URL: <https://dictionnaire-academie.fr/article/A6C2831?history=0>
- Dictionnaire français-russe des idioms*. URL: https://idioms_fr_ru.academic.ru/1831/aller_de_cul_et_de_tkte
- Dictionnaire de la langue française*. URL: <https://www.lalanguefrancaise.com/dictionnaire>
- Larousse*. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/corneille/19337>
- Dictionnaire de la langue française*. URL: <https://www.littre.org/definition/corneille>
- Free Dictionary*. URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/crow>
- Oxford Advanced Learner's Dictionary*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
- Yang Zhong. *Zhonghua cidian baoku* [Treasure House of Chinese Dictionary]. Beijing, People's Daily Publishing House, 2004. 1213 p.
- Zaixian Xinhua Cidian* [Online Xinhua Dictionary]. URL: <http://xh.5156edu.com>
- Chengyu daquan* [Encyclopedia of Idioms]. URL: <http://www.hydc.com/zidian/hz/15316.htm>

Information About the Authors

Jerome Baghana, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Romance and Germanic Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod National Research University, Studencheskaya St, 14, 308007 Belgorod, Russia; Professor, Department of Pedagogy, University of Ss. Cyril and Methodius, Nam. Herdu, 2, 91701 Trnava, Slovakia, baghana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6061-3288>

Elena S. Iakovleva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of the Second Foreign Language, Belgorod National Research University, Studencheskaya St, 14, 308007 Belgorod, Russia, elena.iakovleva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1339-3224>

Yana A. Glebova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of the Second Foreign Language, Belgorod National Research University, Studencheskaya St, 14, 308007 Belgorod, Russia, glebova_ya@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3604-8191>

Информация об авторах

Жером Багана, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Студенческая, 14, 308007 г. Белгород, Россия; профессор кафедры педагогики, Университет Св. Кирилла и Мефодия, пл. Херду, 2, 91701 г. Трнава, Словакия, baghana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6061-3288>

Елена Сергеевна Яковлева, кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Студенческая, 14, 308007 г. Белгород, Россия, elena.iakovleva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1339-3224>

Яна Андреевна Глебова, кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Студенческая, 14, 308007 г. Белгород, Россия, glebova_ya@bsu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3604-8191>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.13>

UDC 81'272(470+571)
LBC 81.21(2Poc)

Submitted: 30.04.2022
Accepted: 19.09.2022

INDIGENOUS LANGUAGES OF THE NORTH, SIBERIA AND THE FAR EAST: CURRENT STATUS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Valentina A. Kozhemyakina

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Tatiana I. Retinskaya

Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel, Russia

Svetlana V. Kirilenko

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The study was carried out with the focus on the current issues of sociolinguistics related to the search for ways to preserve the languages of small peoples. The article systematizes data on the state of the languages of the indigenous peoples of the Russian Federation living in the North, Siberia and the Far East, presented in modern publications of historians and linguists, and the documents that reflect the results of the 2010 population census of the Russian Federation, considers the influence of sociolinguistic factors on the language situation in these territories. Having analyzed the world experience of legal language legislation on preserving the cultures and languages of small peoples, the authors attempted to apply some global criteria to the Russian legislation and socio-economic practice and identified socially significant criteria for establishing the language situation in relation to the languages of the indigenous peoples of the Russian Federation living in the North, Siberia and the Far East: the total number of speakers of the language, the use of the language in the education system, the availability of educational and methodological materials for teaching, the factor of inter-generational transmission of a language, the attitudes to the functional benefits from practicing the language among its native speakers. By compiling a methodology for categorizing the language survival type five prototypes of the language state were identified on the basis of statistical data: safe; relatively safe; endangered; critically endangered; close to extinction or dead languages. The authors offered a set of extralinguistic criteria for obtaining objective data on the state of the language and made a supposition that despite the evidence that the languages of the indigenous small-numbered northern peoples of the Russian Federation, with rare exceptions, are on the verge of extinction, significant efforts are being made by the government of the country and the indigenous northern peoples themselves to preserve these languages.

Key words: language situation, language legislation, sociolinguistic analysis, small indigenous peoples of the Russian Federation, state of language, communication sphere.

Citation. Kozhemyakina V.A., Retinskaya T.I., Kirilenko S.V. Indigenous Languages of the North, Siberia and the Far East: Current Status and Development Prospects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 6, pp. 160-172. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.13>

УДК 81'272(470+571)
ББК 81.21(2Poc)

Дата поступления статьи: 30.04.2022
Дата принятия статьи: 19.09.2022

ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Валентина Алексеевна Кожемякина

Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Татьяна Ивановна Ретинская

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, г. Орел, Россия

Светлана Владимировна Кириленко

Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. Исследование выполнено в русле актуальных проблем социолингвистики, связанных с поиском путей сохранения языков малых народов. В статье систематизированы данные о функционировании языков коренных малочисленных народов Российской Федерации, проживающих на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке, представленные в современных публикациях историков, лингвистов и документах, отражающих результаты переписи населения Российской Федерации 2010 года. Охарактеризованы социолингвистические факторы, влияющие на языковую ситуацию, сложившуюся на этих территориях. С учетом мирового опыта юридического регулирования вопроса о сохранении культур и языков малых народов рассмотрены возможности применения в российском законодательстве и социально-экономической практике некоторых общемировых достижений. Предложены социально значимые критерии для установления характера языковой ситуации на территории распространения исследуемых языков: общее количество говорящих на языке, использование языка в системе образования, наличие учебно-методических материалов для обучения, фактор передачи языка молодым поколениям, отношение к функциональной пользе использования языка его носителями. С опорой на статистические данные авторами выделено 5 категориальных типов языков: живой; относительно живой; с неявными признаками исчезновения; с явными признаками исчезновения; на грани исчезновения или исчезнувший. Выявлены экстралингвистические критерии получения объективных данных о состоянии языка. Показано, что, хотя языки коренных малочисленных северных народов Российской Федерации, за редким исключением, находятся на грани исчезновения, правительством страны и самими коренными северными народами предпринимаются значимые усилия по сохранению этих языков. *Вклад авторов:* В.А. Кожемякина осуществила сбор материала по второй и четвертой группам языков, разработала методику категоризации типов языков; Т.И. Ретинская осуществила сбор материала по первой и третьей группам языков и подготовила обзор международной политики по спасению языков коренных малочисленных народов; С.В. Кириленко анализировала языки пятой группы и представила обзор законодательных источников по теме.

Ключевые слова: языковая ситуация, языковое законодательство, социолингвистический анализ, малочисленные коренные народы Российской Федерации, функционирование языка, сфера коммуникации.

Цитирование. Кожемякина В. А., Ретинская Т. И., Кириленко С. В. Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: современное состояние и перспективы развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 6. – С. 160–172. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.13>

Introduction

In most multinational countries concerns have been raised over the vitality of the languages of small peoples. Language planning organizations and agencies have called for the measures that can promote these language varieties, contribute to their preservation. The threat of disappearance of minority languages is associated not only with ultimately unfavorable conditions of language existence or the policy of assimilation pursued by the government, but it is also connected with the influence of the trend of globalization. As a rule, minority languages perform drastically few social functions. Such languages are hardly ever heard in the institutional spheres of public interaction

(public administration, international activity, science, higher education, etc.).

In modern societies there has been a definite trend for following a uniform standard. Consequently, the speakers of these minority languages tend to partially or completely avoid speaking their ethnic languages. Moreover, mass media and a unified education system contribute to those globalization processes. Television, radio, print media actively use the languages of interethnic communication. Compulsory school education is normally performed in the state language of the country. That normally displaces native languages from the sphere of family communication.

At present, it might be stated that the disappearance of languages has the extent close

to a cultural disaster. Thousands of languages are in danger of possible extinction. Scientists predict that 90% of languages will vanish in the 21st century, most of which are indigenous languages [Chudinov, 2005].

In modern international documents it is noted that the indigenous peoples of the world, who make up less than 5% of the world's population, have managed to save 20% of the most natural land areas for humanity thanks to their methods of using natural resources. Indigenous peoples are understood as "ethnic groups, originally living in the territory of traditional settlement" (Konventsiya o korennykh narodakh...). The territories where indigenous peoples settle have a special natural and historical and cultural value. As a matter of fact, the population of these territories historically retains the established long-term ecologically-balanced methods of environmental development [Klokov, 1997].

The purpose of this study is to determine and describe the current language status and the language situation of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation (hereinafter – the small peoples of the North). The objective here is to specify the particularities of the language situation of their native languages.

Since almost all minor languages are currently close to or in the process of extinction, they are the object of detailed study by linguists nowadays. Many scientists have been studying the state of these languages on the basis of the data from field studies. In our country, these materials can be found in the works of Aleksander E. Kibrik, Andrey A. Kibrik, Valeriy A. Tishkov, Nikolai B. Vakhtin, Evgeniy V. Golovko, Olga A. Kazakevich and many other scientists. Nonetheless, valuable are the descriptions of these languages, made by their native speakers.

Our proposed overview of the current language status and functioning of the languages of the small peoples of the North allows us to gain insights into all the ins and outs of the present-day language situation. The language situation is understood as the combination of varieties of one language or a set of languages in their regional and social relationship and functional interaction within the boundaries of certain geographical regions or administrative-political units.

Material and methods

Before considering in detail the sociolinguistic situation of the small peoples of the North, it is necessary to specify some terms and notions employed in the paper. Indigenous peoples of the Russian Federation are peoples numbering less than 50 000 people living in the territories of traditional settlement of their ancestors, the ones who managed to preserve their traditional way of life, farming, crafts and are aware of themselves as independent ethnic communities (Mikhailchenko (ed.), 2006, p. 98). We see that this term includes several aspects: ethnic, demographic, geographical, cultural and social. The concept of 'indigenous small people' differs from the concept of 'national (ethnic) minority', which is a group of people of one or another ethnic (national) attribute, significantly inferior in number to the surrounding non-ethnic population in the area of its main settlement and different from the rest part of the population in ethno-cultural terms (Mikhailchenko (ed.), 2006, p. 142).

By far, the number of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East who live in the Russian Federation is calculated as approximately forty peoples. The total number of speakers among the small peoples of the North estimates around 250 thousand people, i.e., only 0.2% of the population of the territories in which they live. At the same time, the territory of their habitat is large in size (about 7 million sq.km): these peoples dispersedly live in compact groups in the territories of their ancestors' historical settlement, which make up at least 50% of the entire territory of the Russian Federation. The indigenous peoples of the North of Russia are traditionally nomadic, semi-nomadic and rural dwellers (about 75% of the population lives in rural areas) [Klokov, Khrushchev, 2004; Korennyye malochislennye narody Severa..., 2003].

In fact, to analyze the linguistic situation of the small peoples of the North, we relied on the data of the All-Russian Population Census of 2010, data from documentary sources: descriptions of individual languages, facts from the history of these peoples. Besides, we studied several reports on functioning the languages of the small peoples of the North in the works of scientists. The classification of languages proposed by us according to their viability was calculated

according to several criteria: the number of speakers, the functioning of the native language in education, the availability of educational materials, the inter-generational transmission of a language, and the attitudes towards the native language within the language community. The languages were then classified into five categories: 1) safe, 2) relatively safe, 3) endangered, 4) critically endangered, 5) close to extinction or death languages. Descriptive and comparative methods were applied. The performed analysis of the linguistic situation of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation made it possible to reveal a general picture of the state of the languages of these peoples.

Results and discussion

The long history of the peoples of the North as part of the Russian Empire is subject to separate research. In this paper, we have to confine ourselves to the events in the life of these peoples that took place in the 20th and 21st centuries. It should be noted that most of the northern aboriginal peoples of Russia at the beginning of the last century retained their traditional nomadic and semi-nomadic way of life [Korennyye malochislennyye narody Rossii..., 2000; Kurikov, 1996].

Notably, the concept of non-capitalist development was placed at the basis of the policy of the Soviet state, which was enforced over the peoples of the North. A special administrative body, with the name the Committee of the North was established at those times. Apart from economic aid and significant social benefits, strong actions were taken to improve medicine in these regions, to combat hunger, epidemics. At the same time special government bodies started work on improving language status of the languages spoken there. Linguists worked on building a system of writing symbols, which was later implemented in educational process with the most languages [Alpatov, 2000]. Spelling books and supplementary instruction materials provided the opportunity for teaching the native languages of the peoples. Furthermore, there appeared newspapers and books in native indigenous languages, national theaters started their work. However, throughout these years, serious mistakes were made, which resulted in the mass transfer of the nomadic population to a settled way of life. A radical break

in the economic and domestic way of life was registered. The traditional system of child rearing was violated. Individual farms and collective farms were transferred into state farms. Indigenous peoples were made to relocate to larger settlements. At those times any manifestation of national self-consciousness was considered a manifestation of nationalism. The whole way of their traditional life was totally revamped, and since they were few in numbers, the peoples of the North, Siberia and the Far East could not resist these changes. Because of that total restructuring, national-cultural, social, environmental problems started to arise quite rapidly (see: (Assotsiatsiya korennykh...); [Murashko, 2013]).

The transition of the country to market economy led to great deterioration, a deep crisis in reindeer husbandry and traditional crafts like hunting and fishing was noted. Consequently, there was a catastrophic decline in the standard of living, an increase in unemployment, and a several-fold decrease in the real incomes of national households. As a result, the migration processes began [Averin, 2005; Malyye yazyki i traditsii..., 2005].

At the present moment, the state of the natural environment in the areas of settlement of the peoples of the North can be characterized as critical. The development of the oil, gas, mining, logging industry leads to shrinking the territories used by the northern indigenous peoples. As a result, all that causes the reduction in the traditional economic activities of the indigenous peoples. The hereditary lifestyle patterns that used to provide the pivotal basis for the economy, the patterns that constituted the basis of the livelihood of the indigenous population, have been seriously destroyed. The demographic indicators of recent years show a steady downward trend in the growth of the population number of indigenous Siberian peoples (Assotsiatsiya korennykh...).

At the end of the 20th century and the beginning of the 21st century, three federal laws were adopted in Russia: “On Guarantees of the Rights of Indigenous Peoples of the Russian Federation” (Yazyki narodov Rossii..., 2002, pp. 361-371), “On General Principles for Organizing Communities of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation” (Yazyki narodov Rossii..., 2002, pp. 349-360) and “On Territories of

Traditional Nature Use” (Federalnyy zakon «O territoriyakh...»). The adoption of these laws enabled the trust in improvement in the life of the small peoples of the North of Russia. Several programs of economic development were adopted, but they were basically declarative and practically did not contain any feasible improvements for real reconstruction of the economic base of traditional crafts. If to consider the safeguarding measures that might possibly protect the indigenous peoples, it should be noted, that it depends on the possibility to be engaged in traditional economic activities, for the small peoples of the North it remains the traditional crafts: reindeer herding, hunting and fishing.

Abrupt alterations in the social and economic state are mirrored in the state of ethnic languages, in particular, it is an issue of preserving languages of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East. By far, the cultural and linguistic diversity of the northern peoples is truly unique. Two hundred and fifty thousand people managed to maintain and safeguard the ethnic and local heritage of about 200 varieties. It is important to point out that each of the 40 languages of the peoples of the North has several local dialects and vernaculars. A good illustration here will be the language of the Chukchi. Residing closely and densely, these peoples preserve five varieties of their language. Another example can be found in the language of the Evenki, who live dispersedly in 11 entities of the Russian Federation and their language had three varieties (or variety groups) with 14 dialects, which constitute altogether about 50 local dialects [Pismennyye yazyki..., 2003; Vakhtin, 2001].

Up until the 20th, virtually all the languages of the indigenous small peoples of the North were unwritten in Russia. However, about thirty languages developed their own writing systems in the 20th century. Most of them are either youngly-written languages or newly-written languages, which gained their written symbols in early 20th century or in the 1990s, correspondingly. Only ten languages remain in the status of unwritten up to now.

The analysis of the language situation showed that the degree of vitality of a language does not fully depend on the number of speakers of this language. The demographic power of a variety, while being not the only

indicator of the vitality of a language, is nonetheless an important factor in determining its maintenance status. A more important indicator is the functional power of the idiom, which is determined by the number of communicative spheres served by this idiom in relation to the total number of such spheres (Mikhhalchenko (ed.), 2006, p. 236).

The ability of a language to preserve and further develop (the vitality of a language) depends on a number of social factors: 1) the number of native speakers; 2) the method of resettlement of native speakers; 3) presence of writing system; 4) the traditions of using the language in different areas of communication; 5) the degree of development of national-linguistic self-awareness among native speakers; 6) the presence of a social need for the use of the native language, the use of other languages in various areas of communication (bilingualism or multilingualism) [Solntsev, Mikhhalchenko, 1994, p. 11].

Let us consider the population figures of the small peoples of the North, as well as the number of those who speak their own ethnic language (see Table).

According to the state of vitality, all these languages can be classified into five groups.

The first group includes only two languages. Only these two have a clear chance of survival and further development. These languages are: 1) the *Nenets language* (44,035 peoples of this nation); total Nenets people who speak their native language are 49.8% of the total number of people; 2) the *Chukchi language* with 15,331 Chukchi, of which 33.2% of people speak Chukchi language. Traditionally, the division of the Nenets language into tundra and forest varieties is accepted, however, the tundra variety is mostly used in written form and has many more speakers. The language situation in the first group is the least alarming. So, for example, the Nenets language is quite viable in many respects, as the Nenets people have remained committed to traditional reindeer herding up until today. Therefore, many of them almost constantly live in camps or regularly go to pastures and spend a significant part of the year there. As for the permanent residents of the settlements, they completely opt for speaking in Russian language at an alarming pace.

Population of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation who speak their native languages according to the 2010 All-Russian population census

Language	Number of people	Ethnic language speakers	Language	Number of people	Ethnic language speakers
Aleutsky	401	45	Soyot	3579	–
Alyutorsky	–	25	Tazsky	253	–
Vepsian	5486	3613	Telengit	3648	–
Dolgansky	7716	1054	Teleut	2520	975
Itelmensky	3007	82	Tofalar	678	93
Kamchadalsky	1831	–	Tubalarsky	1851	229
Kereksky	4	10	Tuvan-Todzhans	1856	–
Ket	1098	213	Udege	1413	103
Koryaksky	7809	1665	Ulchi	2621	154
Kumandy	2688	738	Khanty	30181	9584
Mansiysk	11873	938	Chelkansky	1113	310
Nanai	11540	1347	Chuvansky	854	–
Nganasan	807	125	Chukotsky	15331	5095
Negidal	480	74	Chulymsky	349	44
Nenets	44035	21926	Shorsky	12188	2802
Nivkh	4439	198	Evenki	37116	4802
Oroksky	259	47	Even	22098	5656
Orochsky	441	8	Enets	221	43
Sami	1599	353	Eskimo	1543	508
Selkup	3527	1023	Yukagir	1550	370

Note. Source: [Vserossiyskaya perepis...].

The languages of the second group currently may be unlikely referred to the category of being in danger of extinction (according to different scientific estimates). These are the varieties of large developed languages. Although in modern conditions and under the influence of unified school education, dialect differences are leveled, nevertheless, as world experience shows, the use of dialect forms of the language is preserved in family communication and in single-national production communities engaged in traditional ways of life.

Languages: *Telengit* (3648 people), *Teleut* (2520 people), *Chelkan* (1113 people), *Tubalar* (1891 people) are varieties of the Altai language. The *Tuvan-Todzhans* (1856 people) is a variety of the Tuvan language. The *Kamchadal* language (1831 people) is a variety of the Northern Russian dialect, which has experienced a long-term influence of the languages the indigenous population (Itelmens and Koryaks), and the *Taz* language (253 people) is one of the dialects of the northern variety of Chinese language. The language situation among the Tuvans-Todzhans can be assessed as one of the most promising

among other small ethnic groups in the Siberian region. Despite the fact that the Todzha variety, like other varieties, is under active pressure from the literary language, the norms of which penetrate through the school, the media, and fiction, the stability of traditional forms of economic management in the region contributes to the preservation of dialect features in the Todzhinsky district of the Republic of Tyva. Communication in the language is present in a familiar business environment, i.e., the breeding of deer and livestock, hunting for fur-bearing animals, fishing. It is important that young people also actively participate in such labor activities.

The languages of the third group are highly likely endangered. These languages are: *Evenki* (37,116 people, of which only 12.9% speak their native language), *Khanty* (30,181 people, of which 31.7% speak their native language), *Even* (22,098 people, Even speaking – 25.5%), *Shor* (a language with a renewed written tradition) (12,188 people, of which 23.3% speak their native language), *Nanai* (11,540 people, 11.6% speak the language), *Mansi* (11,873 people, 11.3% speak their native language), *Veps* (a language with a renewed

written tradition) (5,486 people, 3,613 people (65.8%) speak their native language), *Nganasan* (newly-written) (807 people, 15.5% of them speak their native language), *Dolgan* (newly-written) (7,716 people, 13.6% speak their native language). As follows from the data, the number of people who use them is gradually getting smaller; this may be accounted to the sociolinguistic situation. Traditional crafts (reindeer herding, hunting and fishing) remain the most natural environment for the use of these languages, but the volume of their use in the family and household sphere, which is most important for the functioning of the language, has greatly decreased. Only older people use their native languages in everyday communication. Young people who are passive speakers of their native languages, do not want to learn and speak their native language. These languages, albeit very limitedly, function in state-regulated communicative areas, such as school education (no instruction provided in these languages, they are studied only as a subject). Simultaneously, the field of mass communication has sporadic language activity (periodicals, radio broadcasting, television broadcasting), the field of fiction, the field of educational and educational literature. Nevertheless, the prospects for the development and preservation of these languages do not give much ground for optimism, as adverse changes are observed, i.e., a decrease in the use of these languages in oral and written forms, a decrease in the level of command of these languages among speakers of their peoples and their loss of interest in oral communication and writing in their native language.

The most numerous *group of languages – the fourth* – are the languages that are on the verge of extinction. It includes eleven languages - *Koryak* (youngly-written) (8709 people, 21.3% speak their native language), *Nivkh* (youngly-written) (4439 people, 4.5% know their native language), *Selkup* (youngly-written) (3527 people, 29% speak their native language), *Itelmen* (a language with a renewed written tradition) (3007 people, 2.7% speak their native language), *Ulch* (newly-written) (2621 people, 5.8% speak their native language), *Sami* (language with a renewed written tradition) (1599 people, 22% speak their native language), *the language of Asian Eskimos* (newly-written) (1543 people, 32.9% speak their native language), *Yukagir*

(newly-written) (1550 people, 23.8% speak their native language), *Ket* (newly-written) 1098 people, 19.4% speak their native language), *Tofalar* (newly-written) (678 people, 13.7% speak their native language), *Enets* (newly-written) (221 people), 19.4% speak their native language, but this is only 43 people out of 221 of the people). Half of these languages are newly-written, that is, their graphic registration has been done recently, and therefore they have an insufficient level of standardization and functional development. These languages are used in interpersonal communication, mainly in the family and household sphere (as a rule, among the older generation). They are losing ground in most important sphere for the existence of the language, because the natural intergenerational transmission of the language to children within the family ceases. Certain efforts are being made at the state level to organize the teaching of these languages at school, to publish educational and educational-methodical literature, folklore works, but they turn out to be ineffective, because most children come to school without knowing the ethnic language, most young people speak only Russian. The language situation in this group can be called catastrophic.

Undoubtedly, the survival of a language depends not only on state support and funding, but also to a large extent on the interest of the speakers of the ethnic group in preserving their native language, which, unfortunately, is not the case among the native speakers of these languages. These languages are endangered and there is little hope that they will still be spoken in a few decades. In such an unfortunate situation, it is vital to perform the most complete fixation of the still preserved linguistic and folklore material.

The fifth group of languages contains practically dead languages. They are all unwritten, except for *Udege language* (1413 people, 7.3% speak their native language), *Oroksky* (259 people, 18% speak their native language), *Orochsky* (441 people, 1.8% speak their native language), *Chulym* (349 people, 12.6% speak their native language), *Kerek* (4 people, and 10 speak the language), *Alyutor* (25 people speak it), *Soyot* (3579 people). Although until recently *Soyot* was considered extinct, in 2001, a script based on the Cyrillic alphabet was developed for the Soyot language. All these languages have reached the final stage of their existence. The speakers of

these languages are mainly elderly people. The middle generation understands their mother tongue but does not speak it. Children do not know the language of their nationality at all. It should be admitted that the current state of these languages makes it possible to classify them as the dead language type.

The analysis of the data available based on several sociolinguistic criteria proved to be an objective measure in defining the survival status of an indigenous language.

Having revealed the general shape of linguistic state of the indigenous peoples' languages under study, we will pass to consideration of measures on protecting linguistic diversity that are offered by international authorities and compare them to the language policy pursued in Russia to preserve the languages of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation.

To estimate properly the world experience in language legislation on the global level, it is necessary to consider several fundamental documents that were offered for the first steps in regulating chances for indigenous languages' survival. Since the plight of indigenous peoples around the world has attracted worldwide attention, the year of 1993 has been proclaimed by the United Nations as the International Year of the World's Indigenous Peoples. In 1995, the UN declared that the next decade (1995–2004) is the International Decade of the World's Indigenous Peoples. At the end of the 20th century a number of important international documents on indigenous issues have been adopted. Among them, first of all, the Convention on Indigenous and Tribal Peoples should be noted. It was adopted by the International Labor Organization in the year of 1989 No. 169.

The adoption of this Convention is of great importance for the preservation of the culture and languages of indigenous peoples, since the assimilation approach to indigenous peoples is typical not only for our country, but for the entire world community. The preamble of the Convention notes with regret that "the changes that have taken place in international law since 1957, as well as the changes in the situation of indigenous and tribal peoples in all regions of the globe, necessitate the adoption of new international standards on this issue in

order to eliminate the orientation towards assimilation contained in the previously existing norms" (Konventsiya o korennykh narodakh...). In addition to political, economic and social rights, the Convention recognized the right of indigenous peoples to follow their traditions, the right to preserve their native language and to study in it (Konventsiya o korennykh narodakh...).

The world community consideration of the issue about the danger of minority peoples' languages extinction led in 1992 to the adoption of the European Charter on Regional or Minority Languages by the Council of Europe (Yazyki narodov Rossii..., 2002, pp. 302-348). The Charter obliges the member states of the Council of Europe, as well as the states wishing to join the Council of Europe, to observe the language rights of national minorities proclaimed in the Charter. The Russian Federation ratified this Charter, in connection with which a large scientific and organizational work was continued and intensified to support the functioning of the languages of small peoples.

On September 13, 2007, the UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples was adopted by the General Assembly. The UN Declaration was adopted by a majority vote: 143 states voted "for", 4 – "against" (Australia, Canada, New Zealand and the USA) and 11 countries, including the Russian Federation, abstained (United Nations Declaration...).

The Declaration "establishes a universal framework of minimum standards for the survival, dignity, well-being and rights of indigenous peoples around the world" (UNESCO). The Declaration addresses "both individual and collective rights; cultural rights and identity; the right to education, health, employment, language. It prohibits discrimination against indigenous peoples and encourages their full and effective participation in all matters affecting them" (UNESCO). It also "enshrines their right to be different and to determine their own economic, social and cultural priorities" (UNESCO).

According to UNESCO, the world's indigenous languages are in danger of extinction. As many scholars and writers rightly believe, "if a language dies, its people die too" (Mackey, 1992, p. XVIII). In 2016 drawing the attention of the world community to the topic of

maintaining and preserving the world's indigenous languages, the United Nations General Assembly proclaimed the year of 2019 as the International Year of Indigenous Languages. The coming decade was declared as the decade of indigenous languages (2022–2032) when attention will be focused on the rights of speakers of indigenous languages (UNESCO).

Language legislation for saving the languages of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation is domestically implemented in Russia. Thus, “the right to use one’s native language, to freely choose the language of communication, upbringing, education and creativity” (Konstitutsiya RF..., art. 26) is enshrined in the Constitution of the Russian Federation, that was adopted in 1993 and later amended.

In 1998, amendments and additions to the Federal Law “On the languages of the peoples of the RSFSR of 1991” were adopted (Zakon RF «O yazykakh narodov...»). According to this law, the languages of the peoples are a national treasure, historical and cultural heritage and are under state protection (Federalnyy zakon «O territoriakh...») (Introductory part). Article 8 (Chapter III), dedicated to the state protection of national (native) languages, enshrines the right of citizens of the Russian Federation to preserve, develop the national (native) language, freedom of choice and use of the language of communication, education and training as well as the right to receive a basic general education in the national (native) language and the choice of the language of education within the framework of the opportunities provided by the education system in accordance with the legislation of the Russian Federation and the legislation of the constituent entities of the Russian Federation (Federalnyy zakon «O territoriakh...»). A number of articles of the Law guarantee state support to languages of small peoples, assistance in organizing various forms of education and training in their native language, regardless of their number and in accordance with their needs (Federalnyy zakon «O territoriakh...») (Article 9, paragraph 5), and establish conditions for preserving and the development of their languages (Federalnyy zakon «O territoriakh...») (V. 6). Article 10 (Chapter II) affirms the right of every people of the Russian Federation, who do not have

their own written language, to assemble it within the native language (Federalnyy zakon «O territoriakh...»). The state provides the conditions required (Federalnyy zakon «O territoriakh...»). According to this law, the citizens of the Russian Federation who consider themselves to be members of certain ethnic communities have the right to speak and give evidence in their native languages during court proceedings and in law enforcement agencies (Chapter IV, Article 18) (Federalnyy zakon «O territoriakh...»). Having been concerned about the low birth rate and high premature mortality of the small indigenous peoples of the North, the Russian state recently has confirmed its will to correct the errors of the previous assimilation policy towards these peoples and follow international principles and norms.

The 1990s saw a setting of a number of public organizations of the indigenous peoples of the North: the Association of the Indigenous Peoples of the North (1990), the Deputy Assembly of the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East (1991), the International League of Indigenous Peoples and Ethnic Groups (1991). During this period, declarations were adopted on the need to ratify Convention No. 169, the Decree of the Supreme Council and the Decree of the President of Russia on the organization of territories of traditional nature management and the priority use of their traditional natural resources by the indigenous peoples of the North (1992). Draft laws were created and discussed that provide a mechanism for the implementation of Convention No. 169 in our country.

In 1999, the federal law “On Guarantees of the Rights of the Indigenous Peoples of the Russian Federation” was adopted, which states that people belonging to minorities have the right to: preserve and develop their native languages; receive and disseminate information in native languages, create mass media, etc. (Article 10) (Federalnyy zakon «O garantiyakh prav...»).

In 2000, a unified list of indigenous peoples of the Russian Federation was approved, which currently includes 40 indigenous peoples living in Siberia, the North and the Far East (Yazyki narodov Rossii..., 2002, p. 372).

From the 1950s and to the present, in connection with the policy of Russification of indigenous peoples and the resettlement of

people of other nationalities who came to develop deposits of natural resources in rural areas, the number of indigenous peoples speaking their native language has decreased. As a result, the number of schools, where children were taught their native language, lessens, due to the lack of language prestige in the current situation. Language prestige of minority languages dropped significantly as the sociopsychological evaluation of a language could not correlate either formally or informally with the high status of the domineering language [Larchenko, 2012].

The functions of newly created written languages have been reduced to a minimum. Lately, leading representatives of the indigenous peoples of the North of Russia have initiated a number of projects and the formation of various kinds of regional organizations that contribute to the study and development of the languages of the indigenous peoples. Gradually, for some languages, the number of local schools teaching children their native language is increasing. Young people of the indigenous population have privileges for admission to higher educational institutions in their regions, as well as to the Institute of the Peoples of the North of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen in St. Petersburg.

However, as it was already noted, the threat of extinction of the languages of small peoples is associated not only with unfavorable conditions or the policy of assimilation pursued by the state, but also with the process of globalization, which leads speakers of these languages to partial or complete rejection of their ethnic languages.

The analysis of the language situation of the small peoples of the North suggests that the preservation and development of languages will depend on a systematically pursued language policy based on such basic principles as:

- 1) the maintenance and facilitation of the use of the language in family circles;
- 2) conducting measures to enhance the institutional application of a language of any considered community;
- 3) providing education in native languages in local schools;
- 4) expanding the domains of languages use by expanding into new areas of public interaction;
- 5) safeguarding the viability of languages with the help of legislative acts and the Constitution.

Conclusions

The results of the sociolinguistic analysis of the situation of the languages of the indigenous peoples of the North and the Far East of the Russian Federation made it possible to formulate several conclusions.

The procedures of testing the status of an indigenous peoples' language offered in the article turned to be productive in the way of distinguishing a set of socio-linguistic factors that could tell about the linguistic situation in a certain indigenous peoples' community. The analysis of the material available on the languages of the indigenous peoples of the North and the Far East in Russia resulted in developing a language type classification according to the degree of its vitality. Five prototypes of the language status were identified as being safe, relatively-safe, endangered, critically-endangered, close to extinction or death. The first two groups of languages (safe or relatively safe) are the languages that are still practiced in certain areas of communication, thus opening the opportunities for their inter-generational transmission. The third group of languages functions in some limited areas, though they are still stable in family communications. The fourth group is particularly vulnerable. Speakers show stable generational differences in the language use, most young people speak only Russian. Regarding the fifth group, it has to be admitted that they are mostly close to extinction or death.

The analysis of the data of the last census of the population of the Russian Federation showed that the number of speakers of the languages of the northern indigenous peoples is drastically low, especially with some languages out of an average of 40, namely Udege, Chulyum, Alyutor, Soyot, Oroksky, Orochsky, and the Kerek language.

The Russian state is taking legislative measures to preserve the cultural heritage of the indigenous small-numbered northern peoples, but their effect depends on the efforts made by the indigenous peoples themselves, who have recently started to actively participate in the process of preserving and reviving their native languages. It is known that cultural heritage preservation can be achieved only through the joint efforts. In search of a way to revitalize their cultural heritage, they turn to the experience of their

ancestors. In the environment of impoverishment and abandonment, in some villages of the peoples of the North and their communities, elements of the traditional life support system are being spontaneously restored. National, tribal or neighboring fishing associations are settled for procuring provisions of products. Old forms of organizing joint activities, traditional modes of transport are being brought back. Traditional medicine is gaining great importance. Consequently, the sphere of the native language usage is expanding among some peoples. The family and group system of teaching children to traditional types of economic activities, the transfer of traditional knowledge is being re-established, and it can lead to a certain revival of the native languages of indigenous peoples as a means of ethnic-related communication. The task of linguists is to continue documentation of the practice in native languages.

REFERENCES

- Averin A.N., 2005. *Sotsialnyye problemy razvitiya severnykh regionov* [Social Problems of the Development of Northern Regions]. Moscow, RAGS. 172 p.
- Alpatov V.M., 2000. *150 yazykov i politika. 1917–2000. Sotsiolingvisticheskiye problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva* [150 Languages and Politics 1917–2000. Sociolinguistic Problems of the USSR and the Post-Soviet Space]. Moscow, Kraft Publ., IV RAN. 224 p.
- Babakov V.G., 1993. *Krizisnyye etnosy* [Crisis Ethnic Groups]. Moscow, IFRAN Publ. 182 p.
- Chudinov A.I., 2005. *Razvitiye i sokhraneniye kultury i samobytnosti korennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka* [Development and Preservation of the Culture and Identity of the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East]. *Prava korennykh narodov Severa: realizatsiya mezhdunarodno-pravovykh standartov v Rossiyskoy Federatsii* [Rights of the Indigenous Peoples of the North: Implementation of International Legal Standards in the Russian Federation]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU, pp 206–208.
- Korennyye malochislennyye narody Rossii na poroge XXI veka: problemy, perspektivy, priorityty [Indigenous Peoples of Russia on the Threshold of the 21st Century: Problems, Prospects, Priorities], 2000. *Materialy Vserossiyskogo kongressa* [Proceedings of the All-Russian Congress]. Saint Petersburg, Prosveshcheniye Publ. 318 p.
- Klokov K.B., 1997. *Traditsionnoye prirodopolzovaniye narodov Severa: kontseptsiya sokhraneniya i razvitiya v sovremennykh usloviyakh* [Traditional Nature Management of the Peoples of the North: The Concept of Conservation and Development in Modern Conditions]. *Etnograficheskiye i etnoekologicheskiye issledovaniya* [Ethnographic and Ethnoecological Studies], Saint Petersburg, Izd-vo SPGU. Iss. 5. 44 p.
- Klokov K.B., Khrushchev S.A., 2004. *Olenevodcheskoye khozyaystvo korennykh narodov Severa Rossii: informatsionno-analiticheskiy obzor. T. 1* [Reindeer Herding Economy of the Indigenous Peoples of the North of Russia: Information and Analytical Review. Vol. 1]. Saint Petersburg, Izd-vo VVS. 182 p.
- Korennyye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka Rossiyskoy Federatsii: obzor sovremennogo polozheniya* [Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation: A Review of the Current Situation], 2003. Moscow, Assistance Center for Indigenous Minorities. 142 p.
- Kurikov V.M., 1996. *Rossiyskiy Sever: problemy, voprosy, resheniya. Kratkiy sotsialno-ekonomicheskii ocherk* [Russian North: Problems, Questions, Solutions. Brief Socio-Economic Essay]. Saint Petersburg, Alfavit Publ. 104 p.
- Larchenko L.V., 2012. *Sotsialno-ekonomicheskiye problemy sokhraneniya traditsionnoy kultury severnykh etnosov v regionakh razrabotki neftegazovykh resursov* [Socio-Economic Problems of Preserving the Traditional Culture of Northern Ethnic Groups in the Regions of Oil and Gas Resources Development]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], no. 16 (247), pp. 2–9.
- Mackey W.F., 1992. Préface. Les langues autochtones du Québec. *Sous la direction de Jacques Maurais*. Québec, Conseil de la langue française, pp. XIII–XVIII.
- Malye yazyki i traditsii: sushchestvovaniye na grani*, 2005. *Malye yazyki i traditsii: sushchestvovaniye na grani. Vyp. 1. Lingvisticheskiye problemy sokhraneniya i dokumentatsii malykh yazykov* [Small Languages and Traditions: An Existence on the Edge. Iss. 1. Linguistic Problems of Preservation and Documentation of Small Languages]. Moscow, Novoye izd-vo. 250 p.
- Murashko O.A., 2013. *Uchet kulturnykh, ekologicheskikh i sotsialnykh posledstviy*

promyshlennogo razvitiya v mestakh traditsionnoy khozyaystvennoy deyatelnosti korennykh malochislennykh narodov Severa [Taking into Account the Cultural, Environmental and Social Consequences of Industrial Development in the Places of Traditional Economic Activity of the Indigenous Peoples of the North]. *Sovremennoye sostoyaniye i puti razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka Rossiyskoy Federatsii* [The Current State and Ways of Development of the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation]. Moscow, Izd. Soveta Federatsii, pp. 158-168.

Pismennyye yazyki mira. Yazyki Rossiyskoy Federatsii. Kn. 2 [Written Languages of the World. Languages of the Russian Federation. Book 2], 2003. Moscow, Academia Publ. 848 p.

Solntsev V.M., Mikhailchenko V.Yu., 1994. Yazykovaya situatsiya i yazykovaya politika v Rossiyskoy Federatsii. Sostoyaniye i perspektivy [Language Situation and Language Policy in the Russian Federation. State and Prospects]. *Problemy yazykovoy zhizni Rossiyskoy Federatsii i zarubezhnykh stran* [Problems of the Language Life of the Russian Federation and Foreign Countries]. Moscow, In-t yazykoznaniya RAN, pp. 8-19.

Vakhtin N.B., 2001. *Yazyki narodov Severa v XX veke: ocherki yazykovogo sdviga* [Languages of the Peoples of the North in the 20th Century: Essays on the Language Shift]. Saint Petersburg, Izd-vo Yevrop. un-ta. 338 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

Assotsiatsiya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka Rossiyskoy Federatsii [Association of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation]. URL: https://raipon.info/Vserossiyskaya_perepis_naseleniya_2010 [All-Russian Population Census 2010]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Mikhailchenko V.Yu., ed. *Slovar sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Moscow, In-t yazykoznaniya RAN, 2006. 312 p.

Yazyki narodov Rossii. Krasnaya kniga: entsikl. slov.-sprav. [Languages of the Peoples of Russia. Red Book. Encyclopedic Dictionary-Reference Book]. Moscow, Academia Publ., 2002. 382 p.

United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples. URL: <https://www.un.org/>

development/desa/indigenouspeoples/declaration-on-the-rights-of-indigenous-peoples.html

LEGISLATIVE ACTS

Konventsia o korennykh narodakh i narodakh, vedushchikh plemennoy obraz zhizni v nezavisimyykh stranakh (Konventsia № 169 MOT) [Convention Concerning Indigenous and Tribal Peoples in Independent Countries (ILO Convention No. 169)]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901737850>

Federalnyy zakon «O territoriyakh traditsionnogo prirodopolzovaniya korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka Rossiyskoy Federatsii»: prinyat Gos. Dumoy 04.04.2001 [The Federal Law “On the Territories of Traditional Nature Management of the Indigenous Minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation”: was adopted by the State Duma on April 4, 2001]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102365726&backlink=1&nd=102070941>

Konstitutsiya RF (prinyata 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020) [The Constitution of the Russian Federation (Adopted on 12/12/1993 with Amendments Approved During the All-Russian Vote on 07/01/2020)]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

Federalnyy zakon «O garantiyakh prav korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law “On Guarantees of the Rights of Indigenous Peoples of the Russian Federation”]. *Yazyki narodov Rossii. Krasnaya kniga: entsikl. slov.-sprav.* [Languages of the Peoples of Russia. Red Book. Encyclopedic Dictionary-Reference Book]. Moscow, Academia Publ., 2002, pp. 361-371.

UNESCO. Multilingualism and Linguistic Diversity. URL: <https://www.unesco.org/ru/communication-information/multilingualism-linguistic-diversity>

Zakon RF «O yazykakh narodov Rossiyskoy Federatsii» ot 25.10.1991 № 1807-I (s izm. i dop. ot 24.07.1998, 11.12.2002, 02.07.2013, 12.03.2014, 31.07.2020, 11.06.2021) [Law of the Russian Federation “On the Languages of the Peoples of the Russian Federation” of October 25, 1991 N 1807-I (as Amended and Supplemented on July 24, 1998, December 11, 2002, July 2, 2013, March 12, 2014, 31 July 2020, June 11, 2021)]. URL: <https://base.garant.ru/10148970/>

Information About the Authors

Valentina A. Kozhemyakina, Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher, Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Bolshoy Kislovsky Lane, 1/1, 125009 Moscow, Russia, kojemiakina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0588-985X>

Tatiana I. Retinskaya, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Romanic Philology, Orel State University named after I.S. Turgenev, Komsomolskaya St, 95, 302026 Orel, Russia, tatret@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1369-1475>

Svetlana V. Kirilenko, Candidate of Sciences (Philology), Researcher, Research Center on Ethnic and Language Relations, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Bolshoy Kislovsky Lane, 1/1, 125009 Moscow, Russia, svetlanavk@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7902-6032>

Информация об авторах

Валентина Алексеевна Кожемякина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, пер. Большой Кисловский, 1/1, 125009 г. Москва, Россия, kojemiakina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0588-985X>

Татьяна Ивановна Ретинская, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романской филологии, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, ул. Комсомольская, 95, 302026 г. Орел, Россия, tatret@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1369-1475>

Светлана Владимировна Кириленко, кандидат филологических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языкознания РАН, пер. Большой Кисловский, 1/1, 125009 г. Москва, Россия, svetlanavk@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7902-6032>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.14>

UDC 81'271:81'37
LBC 81.006.3

Submitted: 25.04.2022
Accepted: 19.09.2022

SYMBOLARY OF REGIONAL IDENTITY: RESEARCH ISSUES¹

Grigory V. Tokarev

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

Abstract. The article deals with the issues explored by a new branch of the science of language and culture interaction – territorial linguaculturology; the prospects of regional identification study with the focus on verbal means are noted. The identification process is proved to be associated with the branding of knowledge and symbolic means expressing it. The article considers the concepts of regional identity and regional subculture symbolary. The article identifies the range of verbal means of regional identity and their obligatory characteristics: each of these means should have a precedent nature, have a pronounced presentational function and a high text-forming potential. The chronological and axiological aspects have been found to be relevant in describing the means of cultural identification. The ideographic structure is exemplified by the symbolary of the Tula regional culture. The article identifies the cultural and cognitive dominants of this symbolary: defence of the Motherland, industry, culture, spiritual life, socially useful activities. The paper establishes the linguistic and cultural functions of the verbal means of regional identification: integrating one's own and contrasting them with others, branding of regional culture, cumulating knowledge of one's own identity. While analyzing the components of the sememe of the verbal means for regional identification, the specificity of this process is determined. It consists in correlating knowledge with a particular category, in determining the key feature of the phenomenon, in its evaluation based on conventional cultural norms, and in emotional experiencing.

Key words: regional subculture, linguaculturology, semantics, pragmatics, symbolary, linguacultural unit, branding, territorial mythology.

Citation. Tokarev G.V. Symbolary of Regional Identity: Research Issues. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 6, pp. 173-182. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.14>

УДК 81'271:81'37
ББК 81.006.3

Дата поступления статьи: 25.04.2022
Дата принятия статьи: 19.09.2022

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СИМБОЛАРИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Григорий Валериевич Токарев

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы, стоящие перед новым направлением науки об интеракции языка и культуры – территориальной лингвокультурологией, показаны возможности изучения региональной идентификации с опорой на вербальные средства. Установлено, что процесс идентификации связан с брендингом знаний и выражающих их знаковых средств. Охарактеризованы понятийные категории «региональная идентичность» и «символярный региональной субкультуры». Определен круг вербальных средств региональной идентичности и их обязательные признаки: прецедентный характер, презентативная функция,

высокий текстообразующий потенциал. Показано, что для описания средств культурной идентификации релевантны хронологический и аксиологический аспекты. На примере симболярия тульской региональной культуры проиллюстрирована его идеографическая структура; к его культурно-когнитивным доминантам относятся защита Отечества, промышленность, культура, духовная жизнь, общественно полезная деятельность. Выявлены лингвокультурные функции вербальных средств региональной идентификации: интеграция своих и противопоставление их чужим, брендинг региональной культуры, кумуляция знаний о самобытности региона. В результате анализа компонентов семемы вербального средства региональной идентификации установлено, что специфика данного процесса заключается в соотношении знания с той или иной категорией, определении ключевого признака объекта, его оценивании с опорой на принятые культурные нормы, эмоциональном переживании.

Ключевые слова: региональная субкультура, лингвокультурология, семантика, прагматика, симболярий, лингвокультурная единица, брендинг, территориальная мифология.

Цитирование. Токарев Г. В. Вопросы изучения симболярия региональной идентичности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 6. – С. 173–182. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.14>

Введение

Развитие современной гуманитарной науки осуществляется по пути интеграции различных областей знаний. Новые синкретичные направления в свою очередь также взаимодействуют, вводя в фокус необычные объекты. Так, лингвокультурология – наука, созданная на платформе лингвистики и теории культуры [Телия, 1996], использующая данные этнолингвистики, семиотики, когнитологии, психолингвистики и др., – стала развиваться по пути интеграции с социальными и экономическими отраслями знания: копирайтингом, маркетингом, брендингом, регионоведением и др. [Музыкант, Скнарев, 2019]. Территориальный сегмент в языкознании XX в. был представлен изысканиями в области диалектологии и этнолингвистики. Одним из новых направлений лингвокультурологических исследований выступает изучение вербализации знаний носителей языка о тех или иных территориях. Таким образом, новый объект исследования позволяет говорить об особом направлении науки об интеракции языка и культуры – лингвокультурологии территориальной субкультуры.

Целью данной статьи является рассмотрение круга вопросов, связанных с формированием симболярия региональной субкультуры и его участием в процессе культурной идентификации.

Материал и методы

Основными методами и приемами исследования избраны дефинирование базовых

понятий нового научного направления, лингвокультурологическая интерпретация вербальных элементов региональной субкультуры, интроспекция. Исследование проведено на основе единиц, включенных в тульский симболярий.

Результаты и обсуждение

Базовыми понятийными категориями нового направления науки становятся *региональная идентичность* и *симболярий региональной субкультуры*. Под региональной идентичностью мы понимаем комплекс репрезентированных различными знаковыми средствами представлений лингвокультурного сообщества о собственной самобытности, уникальности в рамках противопоставления одной локации другой. Как следует из приведенной дефиниции, для определения такой идентичности релевантным является культурный таксон «свой vs чужой». Знаковые средства, служащие выражению региональной идентичности, формируют, по В.Н. Телия, симболярий региональной субкультуры [Телия, 1999].

Включенные в симболярий региональной субкультуры единицы имеют как невербальную, так и вербальную природу. Семиотический подход допускает рассмотрение в одном аспекте неоднородных по знаковой природе объектов, в том числе и креолизованных. Невербальные знаки, в силу своей материальной природы, легче квалифицируются как средства выражения региональной идентичности. В числе примеров таких единиц можно

назвать символику региона: герб, флаг, а также уникальные, культурно значимые арт-объекты. Так, герб Тульской области представляет собой изображение красного щита с крестообразно расположенными клинками мечей, увенчанных золотыми молоточками и императорской короной. Герб украшен лентой ордена Ленина. Данный знак «прочитывается» подавляющим большинством туляков как средство региональной идентификации. Менее очевидны вербальные единицы, которые отражают особенности мировоззрения региональной субкультурной общности: Арсенал (спортивный центр, футбольный клуб Тульской области), Ясная Поляна (духовный центр Тульской области, родина Л.Н. Толстого) и др. Для лингвокультурологии представляют интерес вербальные единицы символика региональной субкультуры.

К лингвокультурным средствам выражения региональной идентичности можно отнести следующие:

1. Наиболее значимые названия географических объектов, выступающие не только обозначениями отдельных локаций, но и выражающие представления о повседневности: *Петелино, Маслово, Торхово* (локации, в которых расположены психиатрические больницы в Тульской области. Данные номинации выступают в качестве оценочных обозначений человека или ситуаций) и др.

2. Прецедентные имена, осознаваемые в качестве визитной карточки (бренда) региона: *Пётр Белоусов, Василий Поленов, Фёдор Токарев, Левша* и др.

3. Названия артефактов и ментофактов, связанные с данным регионом. Сюда могут быть отнесены номинации промыслов и их продукции: *тульский пряник, белёвская пастила, одоевское кружево* и др.

4. Номинации социальных феноменов, возникших в данном регионе: *казюки, яснополянская школа, рабочий полк* и др.

5. Региональный фольклор, воплощающий региональное мировоззрение: *хороший малый, но туляк; в Тулу со своим самоваром не ездят* и др.

Каждое из перечисленных средств должно отвечать следующим критериям:

– иметь прецедентный характер в рамках изучаемой локации;

– выполнять ярко выраженную презентативную функцию, быть своего рода визитной карточкой, брендом данного региона;

– обладать высоким текстообразующим потенциалом: за каждой такой единицей должна стоять лингвокультурная история. По мнению М.В. Левашева, это свойство вербальных средств региональной идентификации позволяет соотнести их с текстом [Левашов, 2012].

Средства региональной идентичности, как показано нами ранее, являются разновидностями лингвокультурных единиц, то есть вербальных единиц, наделенных функциями знаков культуры [Токарев, 2021, с. 12–19]. Рассматриваемым средствам присущи функции объективации ценностей, идентификации, эталонизации, параметризации, моделирования поведения.

Д.В. Визгалов связывает региональную идентичность в ее городском варианте с понятием бренда: «...бренд города – это городская идентичность, системно выраженная в ярких и привлекательных идеях, символах, ценностях, образах и нашедшая максимально полное и адекватное отражение в имидже города» [Визгалов, 2011, с. 41]. Региональный бренд рассматривается в когнитивно-лингвокультурологическом ключе [Фролова, 2011] и понимается учеными как «кодовая информация о ценностях региона» [Митягина, Сидорова, 2018]. М.Н. Гайдук трактует бренд как «...символ, образ, идею, набор ассоциаций, используемых для подчеркивания уникальных особенностей региона на фоне аналогов» [Гайдук, 2010, с. 109]. Характеризуя бренды, исследователи определяют особый дискурс, цель которого заключается в «формировании и продвижении образа бренда, а также придаче ему смысла на конкурентном рынке лингвистическими средствами» [Шефер, 2017, с. 200]. А.А. Медведева придерживается мнения, что наделение вербальной единицы брендинговой функцией обусловлено мутацией ее значения: «Феномен брендинга основывается на том, что определенные слова, символы и образы имеют связанное культурологическое значение, базирующееся на разного рода ассоциативных связях, обладающих собственным индивидуальным прагматическим потенциалом» [Медведева, 2021, с. 92]. Так, брендинговая номи-

нация *тульская засека* выражает смысл 'неприступность города'. Субъект современной тульской субкультуры не обладает специальными познаниями в области естественных оборонительных сооружений Средневековья, однако прочитывает данную номинацию как некий оберег города и столицы. А.А. Медведева отмечает: «Для раскрытия пресуппозиций, заложенных в сущность бренда, необходимо быть в состоянии “понять” целевую аудиторию и распознать человека как представителя данной целевой аудитории с его интересами и потребностями, так как пресуппозиции формируются человеком, стоящим в центре коммуникации. Понимание сущности бренда и декодирование заложенных в него пресуппозиций невозможно без правильного восприятия прагматических аспектов всей лингвосомиотической ситуации, в рамках которой имеет место функционирование бренда как лингвокультурного феномена» [Медведева, 2021, с. 95]. Ассоциативные связи актуализируют разнообразные пласты знаний, в которых Тула продемонстрировала свой доблестный воинский дух: битва на Куликовом поле, оборона Тулы в годы Великой Отечественной войны в 1941 г., оружейные заводы. Все эти знания формируют, как указывает А.Д. Полуосьмак, легенду бренда [Полуосьмак, 2017]. Брендная номинация выражает чувства гордости, патриотизма.

Номинация, выступающая в брендинговой функции, имеет специфический сигнификат, детерминированный концептом бренда. У.А. Адаменко, говоря о концепте культурно маркированной единицы, соотносимой со значением, отмечает, что «...концепт развитого бренда включает в себя ассоциации в отношении идейной сущности бренда и его социокультурной миссии, ценностей бренда, обеспечивающих удовлетворение эмоциональных, социальных и даже духовных потребностей индивидов, а также ассоциации с определенным стилем жизни, проповедуемым брендом, и образом его идеального потребителя» [Адаменко, 2012, с. 5]. Таким образом, сигнификат брендовой номинации составляют семы, связанные с обозначаемыми ценностями, моделью жизнеустройства.

Знаковые средства, выражающие субкультурную идентичность, отражают в своей

семантике процессы самоопределения и самопонимания. Проследим за его проявлением на примере значения слова *казюк*. В словаре В.И. Даля фиксируется следующее значение данной единицы: 'оружейник, прикрепленный к казенному оружейному заводу' (Даль, т. 2, с. 75). Данное значение сопровождается стилистической пометой 'в бранном смысле'. Рассматриваемое слово образовалось от прилагательного *казённый* с помощью модификационного суффикса *-юк*, имеющего уничижительную оценочность. Ср.: *злюка*.

В структурном языкознании описана компонентная модель значения, каждый элемент которой объективирует определенный вид информации и может воплощать результаты процесса идентификации [Алефиренко, 1999; Ковшова, 1999; Никитин, 1996; и др.].

Денотативный компонент семемы отражает главные результаты идентификации: соотношение данного типа знаний с той или иной категорией, классом явлений. Региональная идентификация воплощается в этом компоненте в координатах «свой vs чужой». Так, тульское слово *казюк* указывает на разные уровни идентификации: свой / чужой, туляк / не туляк; казенный / неказенный; рабочий / нерабочий и т. д. Отметим, что на современном культурном срезе актуальным становится таксон «туляк vs не туляк» (*казюк* – тульский социальный феномен). Воплощение региональной идентификации в сигнификативном компоненте можно представить в виде координаты «знаю vs не знаю». Содержание сигнификативного компонента уточняет информацию, заключенную в денотативном компоненте. В сигнификат включены существенные признаки, дифференцирующие смежные явления. Свой узнает известные признаки того или иного явления (знаю, что...), чужой воспринимает их как новые, неизвестные (не знаю, не понимаю, что...). Например, коренной туляк мог рассуждать так: знаю, что *казюк* – это рабочий казенного тульского оружейного завода и т. д.

Важным средством идентификации является внутренняя форма номинации. А.А. Потехина пишет: «Слово с самого своего рождения есть для говорящего средство понимать себя, апперцепировать свои восприятия. Внутренняя форма, кроме фактического единства

образа, дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление» [Потебня, 1999, с. 125]. Образ отражает понимание явления. Выбор образного основания осуществляется языковой личностью. Давая название явлению действительности, человек включает его в свою картину мира, систему знаний о нем. Выбор того или иного ономастического признака объекта отражает характер его понимания и, как следствие, объективирует ментальную сферу языковой личности. Называя что-либо, человек воплощает себя в нем. Свой прочитывает образ, он воспринимается им как понятный и узнаваемый. Так, свой без труда прочитывает внутреннюю форму слова *казюк*, в основе которой лежит признак «государственное содержание»: на казенном содержании.

Оценочность также является воплощением региональной идентификации личности и отражается в компонентах данного аспекта значения: объекте оценки, ее основании. Выбор того или иного явления для оценивания объективирует интересы личности, значимость для нее оцениваемого явления. Для жителей Тулы был значим аспект социального содержания работающего человека. В роли культурного основания выступили культурные установки, стереотипы, которыми руководствуется человек. Оперировав данными культурными таксонами, личность следует выбранным культурным нормам. Так, в значении слова *казюк* представлена отрицательная оценочность: уровень достатка был важен для человека. Хороший доход, работа непосредственно на государство, независимость от хозяина, вероятно, вызывали зависть. Отрицательная интерпретация данного положения дел была результатом действия культурных установок: человек должен сам заботиться о хлебе насущном, содержать себя.

Эмоциональное переживание явления, связанное с процессом идентификации, воплощается в эмотивном компоненте значения: одобряю vs не одобряю. Одобрение связано с принятием того или иного явления, неодобрение – с отрицанием. Так, слово *казюк* воплощает неодобрение, отражающее осмысление себя причастным к тульскому социуму, уважающему тех ремесленников, которые сами себя обеспечивали.

Представления о своем месте в мире объективированы в коннотативном компоненте значения, кумулирующем результаты национального опыта, рефлексии на окружающий мир.

Таким образом, лексическое значение отражает результаты процесса идентификации языковой личности. Анализ содержания компонентов значения указывает на сущность процесса идентификации: 1) соотнесение с категорией; 2) выделение дифференциальных признаков; 3) определение ключевого признака, составляющего сущность явления; 4) оценивание с опорой на принятые культурные нормы; 5) эмоциональное переживание.

Идентификация перманентна для человека: он соотносит себя с разными группами, определяя тем самым модель поведения, образ мышления, систему ценностей. На вербально-семантическом уровне результаты данного процесса, как мы смогли убедиться, воплощаются в лексическом значении слова.

Средства культурной идентификации могут быть рассмотрены в хронологическом аспекте. Каждая парадигма в развитии региональной культуры характеризуется специфическим символизмом. При этом следует отметить стабильность его ядра, благодаря которому можно говорить о преемственности поколений в аспекте идентификации.

Средства культурной идентификации могут быть охарактеризованы в аспекте социального рейтинга, указывающего на степень значимости явления для регионального сообщества. Особенно ярко прослеживается данная тенденция в сфере прецедентных имен. Так, на современном срезе в тульской региональной субкультуре социальный рейтинг имен Лев Толстой, Федор Токарев, Сергей Мосин выше в сравнении с именами Евгений Хрунов, Глеб Успенский и др., что объясняется неактуальностью для региона тех смыслов, которые стоят за данными именами: космонавтика, быт туляка XIX века.

Для систематизации единиц символика региональной субкультуры может быть применен полевой принцип, при котором выделяется центр и периферия. Центр оформляют единицы, наиболее актуальные в диалоге региональных субкультур: *тульский самовар*, *суворовские конфеты*, *филимоновская иг-*

рушка и др. Периферию образуют единицы, актуальные для внутреннего диалога региональной субкультуры: *Петелино* 'умственная неполноценность, отступление от норм разумного поведения', *Мыльная Гора* 'тот свет' и др. Для межкультурного диалога они неактуальны, поскольку их использование будет создавать культурные помехи.

Элементы лингвистического символярия тульской культуры могут быть представлены следующими идеографическими полями: «Прецедентные имена», «Исторические события», «Региональные артефакты», «Региональные социальные структуры», «Значимые региональные локации», «Значимые региональные природные объекты», «Арт-объекты». В качестве примера приведем состав поля «Прецедентные имена»: *Агеев Григорий Антонович*, организатор тульского ополчения; *Бардин Иван Павлович*, металлург, академик; *Баташев Андрей Родионович*, владелец чугунного завода; *Белобородов Николай Иванович*, гармонист; *Болотников Иван Исаевич*, знаковая фигура Смутного времени; *Болотов Андрей Тимофеевич*, писатель, мемуарист, просветитель; *Ваныкин Дмитрий Яковлевич*, меценат; *Веденин Вячеслав Петрович*, олимпиец, лыжник; *Вересаев Викентий Викентьевич*, писатель, переводчик, литературовед; *Грязев Василий Петрович*, конструктор; *Гумилевская Вера Сергеевна*, врач-акушер; *Даргомыжский Александр Сергеевич*, композитор; *Демидов Никита*, промышленник; *Дмитрий Донской*, полководец; *Ефросинья Колюпановская*, святая; *Жуковский Василий Андреевич*, поэт; *Крылов Порфирий Никитич*, художник; *Левша*; *Матрона Московская*, святая; *Мосин Сергей Иванович*, конструктор; *Пётр Первый*, российский император; *Пётр Петрович Белосов*, санитарный врач, основатель городского парка; *Поленов Василий*, художник; *Руднев Всеволод Фёдорович*, командир крейсера «Варяг»; *Смидович Викентий Игнатьевич*, врач; *Тальков Игорь*, певец; *Токарев Фёдор Васильевич*, конструктор; *Толстой Лев* писатель; *Успенский Глеб Иванович*, писатель; *Хрунов Евгений Васильевич*, космонавт; *Чекалин Саша*, партизан-разведчик; *Чулков Леонтий Алексеевич*, изобретатель гармоник.

В символярий прецедентных имен не включены персоналии, которые не вошли в когнитивную базу носителей субкультуры. Так, Зинаида Гиппиус рождена в Туле, однако тульская культура не идентифицирует себя с данным именем. Петр Первый родился и жил не в Туле, однако его имя вошло в когнитивную культурную базу [Гудков, Ковшова, 2007, с. 27] в связи с открытием оружейного завода.

К группе прецедентных имен собственных примыкают нарицательные существительные: *оружейник*, *гармонщик*, *самоварщик*, *пряничник* и др., в значении которых сформировалась коннотация, указывающая на отношение к тульскому региону, что подтверждается устойчивыми перифразами: *оружейная*, *пряничная*, *самоварная столица*. Культурное сознание избирает данные имена по признаку осуществления значимой для региона деятельности.

По сфере, в которой названные персоналии реализовали себя, можно реконструировать особенности региональной самопрезентации. Здесь можно выделить культурно-когнитивные доминанты: защита Отечества, промышленность, культура, духовная жизнь, общественно полезная деятельность. Три первых смысла находят наибольшую представленность в символярии и формируют платформу региональной идентичности: оплот Отечества; мастерство и культура. Актуальность данных культурных смыслов подтверждается другими группами символярия. Так, культурный смысл, связанный с защитой Отечества, объективирован артефактами (оружие, монумент «Три штыка»), номинациями социальных структур (тульский рабочий полк, футбольный клуб «Арсенал»), номинациями значимых локаций (тульские засеки, завитай, Чекалин) и природных объектов (Непрядва) и др.

Как было сказано ранее, единицы региональной самоидентификации выполняют также и репрезентативную функцию, то есть выступают в роли брендов субкультуры. Изучение данной функции связано с решением ряда культурно-дискурсивных задач по образованию бренда (бренд-билдинг), его управлению (бренд-менеджмент), функционированию и др. Бренды субкультуры становятся транслято-

рами мифологии субкультуры. Н.В. Бекетов отмечает: «...бренд является мифологической системой...» [Бекетов, 2008, с. 41]. Как было выяснено, тульская субкультура формируется на основе трех культурно-когнитивных доминант: оплот государства, ремесла и производства, культура. Каждая доминанта генерирует свою мифологию, включающую мифологемы (персоналии), артефакты (предметы, которые выполняют брендовую функцию) и ментофакты (профанские истории). Так, в основе ремесленно-производственной мифологии лежат представления об оружейном производстве как градообразующем факторе и связанных с ним индустриях: металлургической, гармонной, самоварной, пряничной. Для развития оружейного дела требовался металл. Оружейники не отказывались от дополнительных заработков, проявляли изобретательность, искали возможности реализации своих умений, что воплотилось в гармонном и самоварном производствах. Одной из главных мифологем стал литературный герой Левша, репрезентирующий представления о тульском мастеровом. Данная мифологема достраивается именами, ставшими прецедентными для тульской субкультуры: *Пётр Первый, Демидов, Баташев, Мосолов, Мосин, Токарев, Грязев, Шипунов, Белобородов, Чулков* и др. Каждое прецедентное имя раскрывает свой лингвокультурный сюжет (профанскую историю). Так, Петр Первый открыл оружейный завод, самовар стал символом чаепития, которое не обходилось без пряников, пастилы, конфет. Винтовки Бердана (берданка), Мосина (трехлинейка), Токарева, пистолет ТТ (тульский Токарев), пулемет Максима, тульский чугун, тульский самовар (банка, рюмка, шар, яйцо, ваза), тульский пряник, тульская пастила, тульские конфеты (суворовские и «Ясная Поляна»), хроматическая гармонь – все эти артефакты включены в рассматриваемую мифологическую историю и уже выполняют культурные функции: идентифицирующую, брендинговую.

Итак, средства культурной идентификации выполняют следующие культурные функции: интегрируют своих, противопоставляют их чужим; выступают как презентанты той или иной региональной культуры; кумулируют знания о собственной самобытности.

Выводы

Таким образом, одним из перспективных направлений лингвокультурологии становится изучение региональной идентификации, которая включает соотнесение объекта с категорией, выявление в нем дифференциальных признаков, определение ключевого признака, оценивание, эмоциональное переживание. Эти процессы находят объективацию в символических средствах, которые используются лингвокультурным сообществом для самопрезентации и осознания самобытности. Вербальные знаки, включенные в символический: значимые названия географических объектов, прецедентные имена, названия артефактов и ментофактов, номинации социальных феноменов, региональный фольклор, – являются разновидностями лингвокультурных единиц, которые выполняют разнообразные культурные функции. Важнейшей из них является брендинговая. Культурные функции приводят к мутации значений единиц, выражающих региональную идентичность.

Результатом изучения символической становится моделирование тезауруса территориальной субкультуры, воплощающего базовые для региона ценности. В тезаурусе тульской субкультуры были выделены следующие когнитивные доминанты: защита Отечества, промышленность, культура. Тезаурус субкультуры кумулирует ее мифологию. Элементы региональной идентификации можно представить в виде идеографических полей. Анализ символической культуры позволил реконструировать следующие поля: «Прецедентные имена», «Исторические события», «Региональные артефакты», «Региональные социальные структуры», «Значимые региональные локации», «Значимые региональные природные объекты», «Арт-объекты». Полученные знания о специфике значения единиц региональной идентификации, когнитивном своеобразии, функциональных особенностях могут быть учтены при их лексикографическом описании.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование «Символической региональной идентичности» выполнено за счет средств гранта

Российского научного фонда № 22-28-20342 и Правительства Тульской области (соглашение № 6 от 19 апреля 2022 г.).

The study “Symbolary of Regional Identity” was funded by the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-20342 and the Government of the Tula Region (agreement No. 6 dated April 19, 2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адаменко У. А., 2012. Бренд как тип рекламного текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». № 5. С. 5–9.
- Алефиренко Н. Ф., 1999. Спорные проблемы семантики. Волгоград : Перемена. 274 с.
- Бекетов Н. В., 2008. Брендинг: социокультурный анализ понятия // Дайджест-финансы. № 2 (158). С. 39–42.
- Визгалов Д. В., 2011. Брендинг города. М. : Фонд «Ин-т экономики города». 160 с.
- Гайдук М. Н., 2010. Принципы регионального брендинга // Актуальные вопросы экономических наук. № 14. С. 109–113.
- Гудков Д. Б., Ковшова М. Л., 2007. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М. : Гнозис. 288 с.
- Горовенко В. А., Самоненко Н. Ю., 2021. Современные тенденции брендинга: особенности развития территориального брендинга // Инновационные перспективы Донбасса : материалы 7-й Междунар. науч.-практ. конф. Донецк : ДНТУ. С. 78–83.
- Ковшова М. Л., 1999. Как с писаной торбой носиться: принципы когнитивно-культурологического исследования идиом // Фразеология в контексте культуры. М. : Яз. рус. культуры. С. 164–173.
- Левашов М. В., 2012. Бренд и текст // Сибирский филологический журнал. № 3. С. 214–221.
- Медведева А. А., 2021. Актуализации брендинга как лингвокультурного феномена: прагмасемантический аспект // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. Т. 25, № 4. С. 89–96.
- Митягина В. А., Сидорова И. Г., 2018. Лингвистической фокус брендинга территорий // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. № 2. С. 42–51.
- Музыкант В. Л., Скнарев Д. С., 2019. Эффективный копирайтинг в системе бренд-коммуникаций (онлайн и офлайн среда). М. ; Берлин : Директ-медиа. 274 с.
- Никитин М. В., 1996. Курс лингвистической семантики. СПб. : Науч. центр проблем диалога. 757 с.
- Полуосьмак А. Д., 2017. Лингвокогнитивные характеристики коммуникативной стратегии «легенды бренда» // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 10 (783). С. 37–49.
- Потебня А. А., 1999. Мысль и язык. М. : Лабиринт. 300 с.
- Телия В. Н., 1996. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Шк. «Яз. рус. культуры». 284 с.
- Телия В. Н., 1999. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М. : Яз. рус. культуры. С. 13–24.
- Токарев Г. В., 2021. Лингвокультурный симболяр: квазисимволы. Тула : ТППО. 113 с.
- Фролова Н. Н., 2011. Лингвокультурологическая обусловленность бренда // Вестник университета Российской академии образования. № 1. С. 77–80.
- Шефер О. В., 2017. Дискурсивная ковергенция бренд-дискурса // Один пояс – один путь. Лингвистика взаимодействия : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 16–21 окт. 2017 г.). Екатеринбург : [б. и.]. С. 198–201.

ИСТОЧНИК

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : ТЕРРА, 1995.

REFERENCES

- Adamenko U.A., 2012. Brend kak tip reklamnogo teksta [Brand as a Type of Advertising Text]. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], no. 5, pp. 5-9.
- Alefirenko N.F., 1999. *Spornye problemy semantiki* [Controversial Problems of Semantics]. Volgograd, Peremena Publ. 274 p.
- Beketov N.V., 2008. Branding: sotsiokulturnyy analiz ponyatiya [Branding: Sociocultural Analysis of the Concept]. *Dayzhest-finansy* [Digest Finance], no. 2 (158), pp. 39-42.
- Vizgalov D.V., 2011. *Branding goroda* [City Branding]. Moscow, Fond «Institut ekonomiki goroda». 160 p.
- Gayduk M.N., 2010. Printsipy regionalnogo brendinga [Principles of Regional Branding]. *Aktualnye voprosy ekonomicheskikh nauk* [Topical Issues of Economics], no. 14, pp. 109-113.
- Gudkov D.B., Kovshova M.L., 2007. *Telesnyy kod russkoy kultury: materialy k slovaryu*

- [The Body Code of Russian Culture. Materials for the Dictionary]. Moscow, Gnozis Publ. 288 p.
- Gorovenko V.A., Samonenko N.Yu., 2021. Sovremennyye tendentsii brendinga: osobennosti razvitiya territorialnogo brendinga [Modern Branding Trends: Features of the Development of Territorial Branding]. *Innovatsionnye perspektivy Donbassa: materialy 7-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Innovative Prospects of Donbass Region. Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference]. Donetsk, DNTU, pp. 78-83.
- Kovshova M.L., 1999. Kak s pisanoy torboy nositsya: printsipy kognitivno-kulturologicheskogo issledovaniya idiom ["Kak s pisanoy torboy nositsya": Principles of Cognitive and Culturological Research of Idioms]. *Frazeologiya v kontekste kultury* [Phraseology in the Context of Culture]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., pp. 164-173.
- Levashov M.V., 2012. Brend i tekst [Brand and Text]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], no. 3, pp. 214-221.
- Medvedeva A.A., 2021. Aktualizatsii brendirovaniya kak lingvokulturnogo fenomena: pragmasemanticheskii aspekt [Branding Actualization as a Linguocultural Phenomenon: A Pragmatic and Semantic Aspect]. *Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], vol. 25, no. 4, pp. 89-96.
- Mityagina V.A., Sidorova I.G., 2018. Lingvisticheskiy fokus brendinga territoriy [Linguistic Focus of Territory Branding]. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [IKBFUs Vestnik. Philology, Pedagogy, and Psychology], no. 2, pp. 42-51.
- Muzykant V.L., Sknarev D.S., 2019. *Effektivnyy kopirayting v sisteme brend-kommunikatsii (onlajn i oflajn sreda)* [Effective Copywriting in the Brand Communications System (Online and Offline Environment)]. Moscow, Berlin, Direkt-media Publ. 274 p.
- Nikitin M.V., 1996. *Kurs lingvisticheskoy semantiki* [Course of Linguistic Semantics]. Saint Petersburg, Nauchnyy tsentr problem dialoga. 757 p.
- Poluosmak A.D., 2017. Lingvokognitivnye kharakteristiki kommunikativnoy strategii «legendy brenda» [Linguistic and Cognitive Characteristics of the “Brand Legend” Communication Strategy]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], iss. 10 (783), pp. 37-49.
- Potebnya A.A., 1999. *Mysl i yazyk* [Thought and Language]. Moscow, Labirint Publ. 300 p.
- Teliya V.N., 1996. *Russkaya frazeologiya: semantiko-pragmaticheskii i lingvokulturologicheskii aspekt* [Russian Phraseology: Semantic-Pragmatic and Linguistic and Cultural Aspects]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoy kultury» Publ. 284 p.
- Teliya V.N., 1999. Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kultury [Primary Tasks and Methodological Problems of the Study of the Phraseological Composition of the Language in the Context of Culture]. *Frazeologiya v kontekste kultury* [Phraseology in the Context of Culture]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., pp. 13-24.
- Tokarev G.V., 2021. *Lingvokulturnyy simbolariy: kvazisimvoly* [Linguistic and Cultural Symbolism: Quasi-Symbols]. Tula, TPPO. 113 p.
- Frolova N.N., 2011. Lingvokulturologicheskaya obuslovlennost brenda [Linguistic and Cultural Conditionality of the Brand]. *Vestnik universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya* [Herald of the University of the Russian Academy of Education], no. 1, pp. 77-80.
- Shefer O.V., 2017. Diskursivnaya kovergentsiya brenddiskursa [Discursive Convergence of Brand Discourse]. *Odin po yas – odin put. Lingvistika vzaimodeystviya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Ekaterinburg, 16–21 okt. 2017 g.)* [One Belt, One Road. Interaction Linguistics. Proceedings of the International Scientific Conference (Yekaterinburg, Oct. 16–21, 2017)]. Yekaterinburg, s.n., pp. 198-201.

SOURCE

- Dal V.I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, TERRA Publ., 1995.

Information About the Author

Grigory V. Tokarev, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Document Science and Russian Language Stylistics, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Prosp. Lenina, 125, 300026 Tula, Russia, grig72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

Информация об авторе

Григорий Валериевич Токарев, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения и стилистики русского языка, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, просп. Ленина, 125, 300026 г. Тула, Россия, grig72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2362-0902>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.15>

UDC 81'1:81-25
LBC 81.006

Submitted: 10.06.2022
Accepted: 19.09.2022

SPEECH PERCEPTION IN DIGITAL CONTENT: NETWORK CONFLICTS IN CITY PROJECTS

Maria A. Pilgun

Russian State Social University, Moscow, Russia

Irina V. Erofeeva

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The article presents the results of the analysis on perception by network actors implementation of urban projects that affect the environment. An algorithm for adapting linguistic, psycholinguistic and sociolinguistic methods for interpreting Big Data in real time is proposed. The study has enabled identifying several conflict situation markers and rating social tension compilation. The transdisciplinary approach has been applied with the use of neural network technologies, text analysis, analysis of word associations, content analysis, sentiment analysis. The material for the study was the data of social networks, microblogs, blogs, instant messengers, video hosting, video materials, forums and reviews on the construction of metro stations in Moscow. Analysis of the data showed the ambivalent attitude of Muscovites to the construction of new metro facilities. A positive reaction, due to the need to develop the transport structure of the city, improve the transport situation, is confronted with the protest of residents who put forward a number of claims. Verbal data examination has made it possible to reveal the rating of social tension around new metro facilities. The selection and analysis of the semantic and associative network with the use of neural network technologies contributed to clarifying and expanding the linguistic paradigm in speech perception of digital content. The results of the study can be used in both text and network analysis.

Keywords: neural network technologies, digital environment, media communication, verbal content, semantic network.

Citation. Pilgun M.A., Erofeeva I.V. Speech Perception in Digital Content: Network Conflicts in City Projects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 6, pp. 183-203. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.15>

УДК 81'1:81-25
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 10.06.2022
Дата принятия статьи: 19.09.2022

ВОСПРИЯТИЕ РЕЧИ В ЦИФРОВОМ КОНТЕНТЕ: СЕТЕВЫЕ КОНФЛИКТЫ В ГОРОДСКИХ ПРОЕКТАХ

Мария Александровна Пильгун

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия

Ирина Валерьевна Ерофеева

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты анализа восприятия сетевыми акторами реализации городских проектов, влияющих на окружающую среду, предложен алгоритм адаптации лингвистических, психолингвистических и социолингвистических методик для интерпретации больших данных (Big Data) в режиме реального времени. Исследование позволило определить маркеры конфликтных ситуаций и составить рейтинг социальной напряженности. В работе применялся трансдисциплинарный подход с использованием нейросетевых технологий, текстового анализа, анализа лексических ассоциаций, контент-анализа, сентимент-анализа. Материалом для изучения послужили данные социальных сетей, микроблогов, блогов, мессенджеров, видеохостингов, видеоматериалов, форумов и обзоров, посвященных строительству станций метропо-

литена в г. Москве. Анализ данных показал двойственное отношение москвичей к строительству новых объектов метрополитена. Положительная реакция, обусловленная необходимостью развития транспортной структуры города, улучшения транспортной ситуации, сталкивается с протестом жителей, которые выдвигают целый ряд претензий. Вербальные данные позволили определить рейтинг социальной напряженности вокруг новых объектов метрополитена. Сделан вывод о том, что выделение и анализ семантической и ассоциативной сети с использованием нейросетевых технологий позволяет уточнить и расширить лингвистическую парадигму. Результаты исследования могут применяться как в текстовом, так и в сетевом анализе.

Ключевые слова: нейросетевые технологии, цифровая среда, медиакommunikация, вербальный контент, семантическая сеть.

Цитирование. Пильгун М. А., Ерофеева И. В. Восприятие речи в цифровом контенте: сетевые конфликты в городских проектах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 6. – С. 183–203. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.15>

Введение

Многоуровневая система анализа восприятия речи давно привлекает внимание ученых и отражается в многочисленных публикациях (см., например: [Campbell, 1958; Pickering, Garrod, 2004; Marsh, Richardson, Schmidt, 2009; Ransom et al., 2019]). Так, результаты кросс-лингвистического исследования восприятия цвета и памяти подтвердили гипотезу лингвистической относительности и показали, что язык влияет на цветовую память больше, чем на восприятие цвета [Lowy, Judith, 2019]. Изучение взаимовлияния восприятия речи и ее порождения, показателей речевых и когнитивных способностей детей позволили выявить индивидуальные особенности и дифференциальные признаки их развития [Cristia et al., 2014; Demuth, 2018]. Были проведены исследования специфики понимания билингвами различных коммуникативных особенностей речи [Kreyßig, Krautz, 2019], в том числе своеобразия ее сенсорного восприятия слепыми билингвами и монолингвами [Phani Krishna et al., 2020].

Новые технологические решения, осуществляемые с использованием нейронных систем, позволили расширить парадигму исследований восприятия и производства речи, в том числе изучить разнородные, но частично пересекающиеся системы, участвующие в восприятии и производстве речи [Nickok, 2001; Nickok, Poeppel, 2000].

В современных публикациях представлен процессно-ориентированный подход к оценке качества речи для выявления ее влияния на обработку информации человеком (см., например: [Uhrig, 2022]).

В период пандемии на первый план вышли проблемы трансформации восприятия в виртуальной среде [Essam, Abdo, 2020], перцепции стрессовых контрастов в семантическом и не-семантическом контекстах и др. Особенности коммуникации в виртуальном пространстве освещаются в научной литературе в разных аспектах уже довольно давно (см.: [Негрышев, 2020; Ускова, Ле Тхи Фьонг Линь, 2020; и др.]), как и возможности применения психосемантических методов к изучению языковых данных [Ерофеева, Соловьев, Байрашева, 2020].

Между тем восприятие речи в цифровом контенте еще не получило всестороннего освещения. Цель данного исследования – характеристика восприятия акторами сетевых коммуникаций объектов строительства метрополитена в Москве, выявление и интерпретация показателей конфликтных ситуаций, рейтинг социальной напряженности вокруг реализованных проектов.

Материал и методы

В исследовании применялся трансдисциплинарный подход с использованием нейросетевых технологий, текстового анализа, изучения лексических ассоциаций, контент-анализ, сентимент-анализ (подробнее см.: [Neuroinformatics..., 2020]). При анализе данных предпочтение отдавалось нейросетевому подходу. В многочисленных работах уже представлены примеры использования потенциала искусственных нейронных сетей в лингвистических исследованиях: в них отмечается важность нейронных и статистических подходов в лингвистике [Pater, 2019]; анализируется обучение редупликации с помощью нейронной сети без переменных [Brandon,

Traylor, Pater, 2019]; исследуется использование искусственных нейронных сетей для одновременного изучения нескольких синтаксических преобразований [Mulligan, Frank, Linzen, 2021]; описывается кросс-лингвистическая оценка синтаксиса нейронных моделей [Mueller et al., 2020]; изучаются универсальные лингвистические индуктивные предубеждения с помощью нейронных сетей [McCoy et al., 2020] и др.

Сбор данных для нашего исследования производился с помощью алгоритмов Brand Analytics и технологии для сбора Sketch Engine; при анализе вербального контента использовалась нейросетевая технология TextAnalyst 2.3; для визуальной аналитики применялись инструменты платформы Tableau; сентимент-анализ проводился с помощью модуля определения тональности Eureka Engine. Сбор и фильтрация контента включали выделение и отсеивание ботов, выделение постов, комментариев, репостов (с дополнениями и без). Были выделены и проанализированы цифровые следы (лайки, просмотры, дубли), кластеризация контента проводилась по тональности, наличию и степени агрессии.

Материалом для исследования послужили данные социальных сетей, микроблогов, блогов, мессенджеров, видеохостингов, видеоматериалов, форумов и обзоров, посвященных строительству станций метрополитена в Москве (Бирюлевская, Люблинско-Дмитровская, Рублево-Архангельская линия метро, станции БКЛ, Реализация проекта строительства БКЛ (Большой кольцевой линии метро), строительство и продление станций московского метрополитена (Внуково, Нижегородская, Стахановская, Окская, Юго-Восточная, Косино, Улица Дмитриевского, Лухмановская, Некрасовка, Филатов Луг, Прокшино, Ольховская, Коммунарка, Лианозово, Улица 800-летия Москвы и др.). В приведенных примерах орфография и пунктуация автора сохранены.

Дата сбора: 01.01.2019 – 30.09.2020.

Количественные характеристики данных:

Количество активных авторов:	51 726
Активность (постов на автора):	6,1
Максимум сообщений в сутки:	9 057
Количество источников:	909
Количество токенов:	5 134 097
Количество знаков:	34 847 594

Результаты и обсуждение

1. Общая характеристика контента

Результаты анализа контента (публикации и комментарии) показали, что большая его часть генерирована акторами – новыми медиа. Рейтинг авторов релевантного контента представлен на рисунке 1.

Активность пользователей имеет несколько пиков: 10.10.2019 (значение 5000), 11.11.2019 (значение 4295), 18.11.2019 (значение 6234) (см. рис. 2).

Пики активности 10.10.2019 (значение 5000) и 11.11.2019 (значение 4295) связаны с сообщениями о том, что Елена Батурина получит от мэрии компенсацию более чем в полмиллиарда рублей за землю, отчужденную под станцию метро:

(1) Мэрия заплатит жене Лужкова полмиллиарда за землю для станции метро. Арбитражный суд Москвы постановил принудительно передать городу участок в Хорошево-Мневниках для строительства новой станции метро Мневники БКЛ. Участком владеет австрийская компания, подконтрольная Елене Батуриной – жене бывшего мэра столицы Юрия Лужкова. Мэрия заплатит за участок более 529 млн рублей компенсации (ВКонтакте).

Пики активности 10.10.2019 (значение 5000) и 18.11.2019 (значение 6234) определяются голосованием в проекте «Активный гражданин» («Как назвать новую станцию метро на Большой кольцевой линии?»; «Нужна ли городу Коммунарская линия метро?»).

Динамика сводной базы сообщений, представленная на рисунках 3, 4, закономерно повторяет динамику активности пользователей (см. выше).

Динамика просмотров свидетельствует о стабильной и достаточно высокой степени интереса пользователей к строительству объектов метрополитена (см. рис. 5).

Результаты анализа данных с цифровых платформ, на которых размещался релевантный контент, позволили составить рейтинг 10 наиболее популярных у авторов ресурсов. Рейтинг возглавляют «ВКонтакте», «Твиттер» и «Фейсбук»^{*1} (см. рис. 6).

^{*1} Социальная сеть, принадлежащая компании Meta Platforms Inc. – террористической и экстремистской организации, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

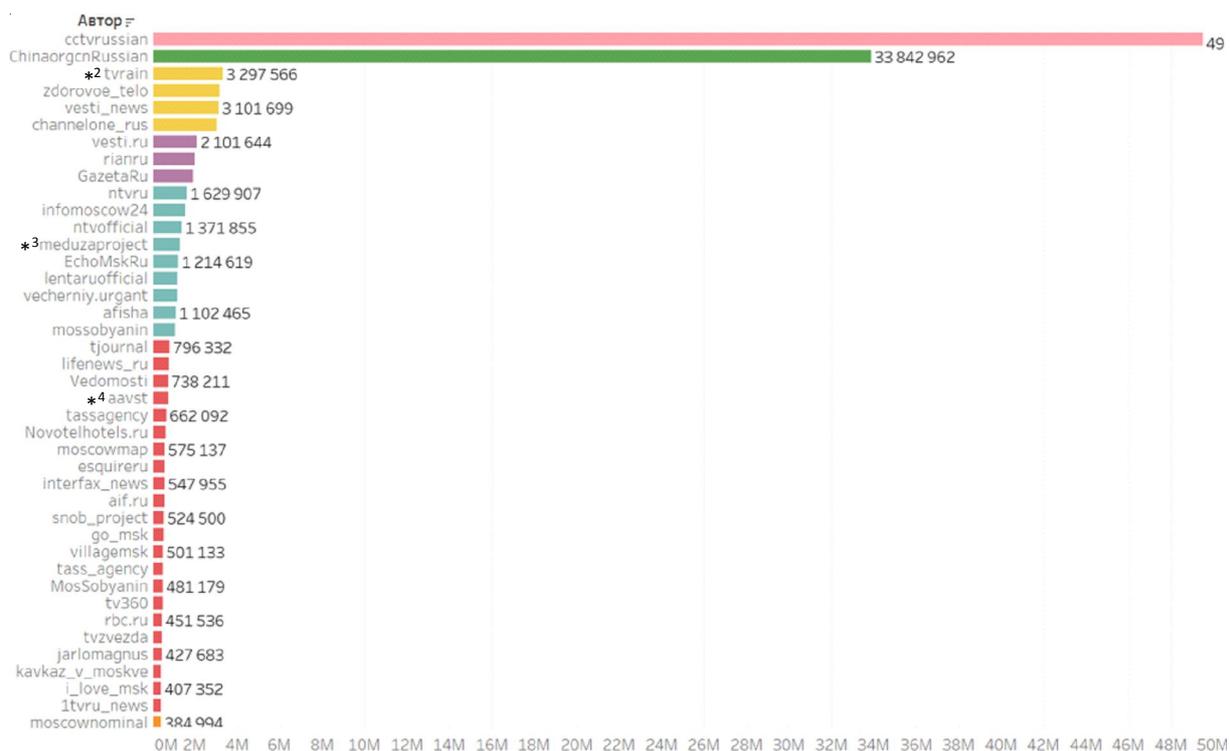

Рис. 1. Рейтинг авторов
 Fig. 1. Rating of authors

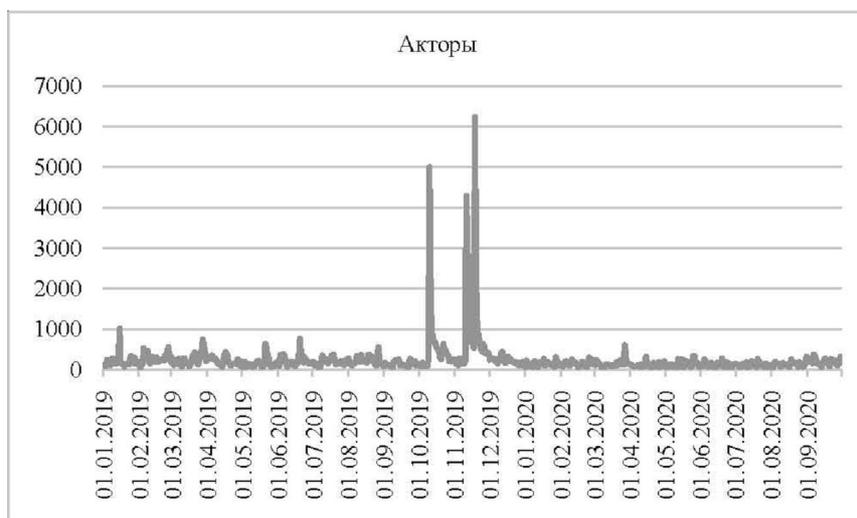

Рис. 2. Динамика активности акторов
 Fig. 2. Dynamics of actors' activity

*2 Данное СМИ включено в единый реестр физических лиц и организаций, признанных иностранными агентами в Российской Федерации.

*3 Данное СМИ включено в единый реестр физических лиц и организаций, признанных иностранными агентами в Российской Федерации.

*4 Данный телеграм-канал принадлежит Алексею Алексеевичу Венедиктову, включенному в единый реестр физических лиц и организаций, признанных иностранными агентами в Российской Федерации.

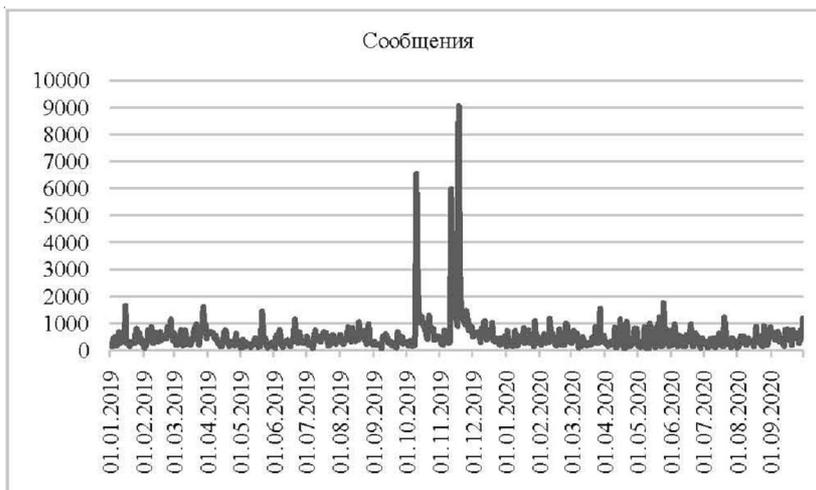

Рис. 3. Динамика сообщений
Fig. 3. Dynamics of messages

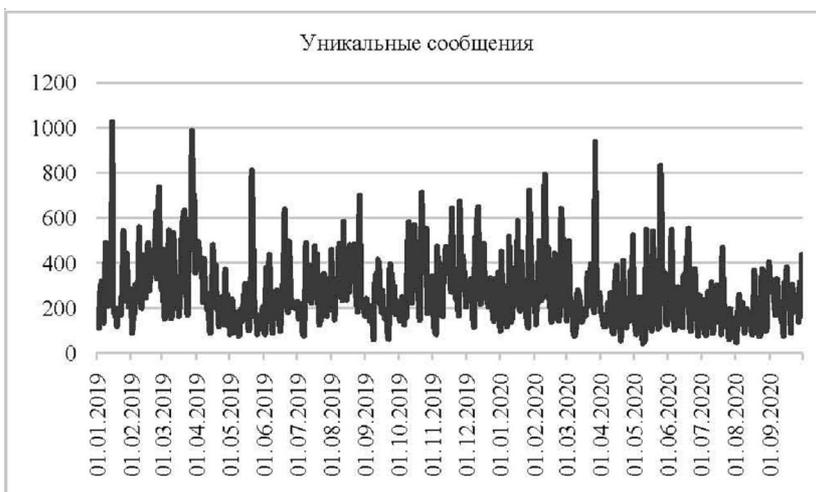

Рис. 4. Динамика уникальных сообщений
Fig. 4. Dynamics of unique messages

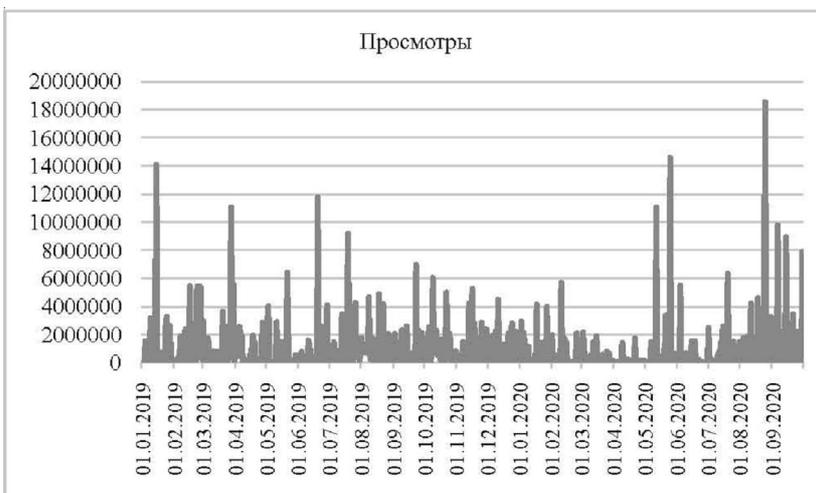

Рис. 5. Динамика просмотров
Fig. 5. Dynamics of views

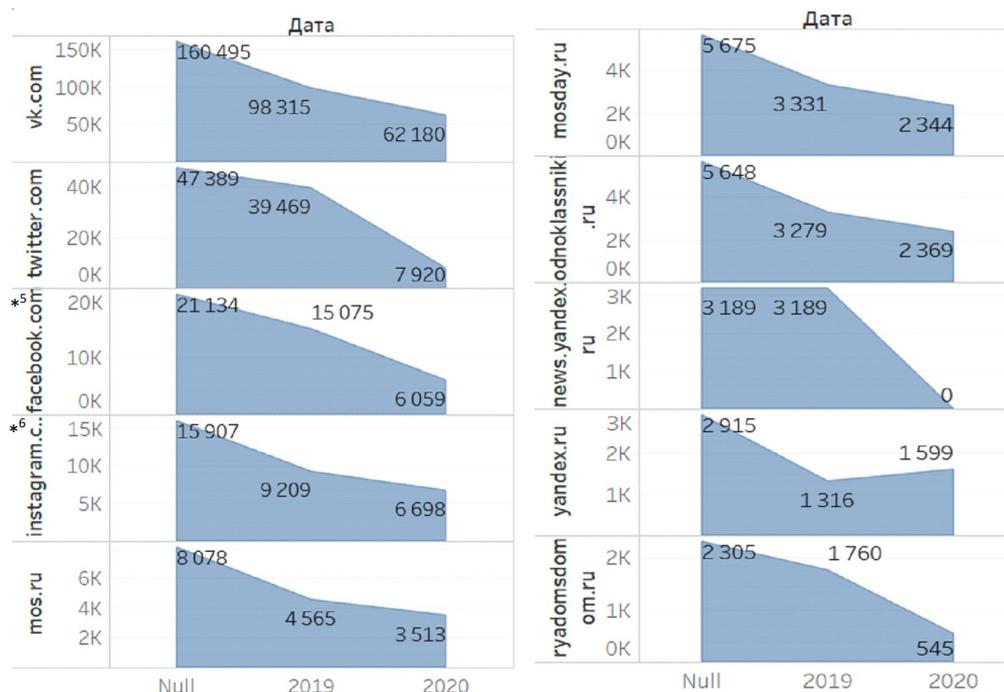

Рис. 6. Рейтинг источников по общему числу сообщений

Fig. 6. Rating of sources by total number of messages

2. Тематическая структура контента

Наиболее значимые для пользователей темы генерировались в социальных сетях (см. рис. 7).

Наиболее активно для освещения событий, связанных со строительством метрополитена, использовались посты (см. рис. 8).

Тематическая структура сводной базы контента показывает, что главное место занимают вопросы строительства метро (вес связи 100), строительство станций БКЛ (вес связи 100), а также МЦД (вес связи 99) (см. рис. 9).

3. Кластеризация контента по тональности

В сводной базе данных количественно преобладает нейтральный контент, а негативный занимает последнее место. Однако следует иметь в виду, что нейтральный и позитивный контенты генерируются преимущественно официальными и ангажированными акторами и источниками, а негативный – исключительно пользователями.

Именно негативный контент и цифровые следы пользователей позволяют делать выводы о реакции жителей Москвы на реализованные объекты метрополитена (см. рис. 10).

3.1. Характеристика негативного кластера

Негативный контент представлен по большей части в социальных сетях, а также в микроблогах и блогах (см. рис. 11).

Актеры генерировали негативные оценки по большей части в постах в социальных сетях и микроблогах, а также в репостах, комментариях в социальных сетях (см. рис. 12).

Семантическая сеть негативного кластера позволяет выявить наиболее значимые для пользователей семантические акценты, включающие проблемы и претензии, которые жители предъявляют к строительству метрополитена. Негативный контент представляет мотивацию жителей и активистов, выступающих против строительства метро и формирующих латентные и активные протесты.

*⁵ Социальная сеть, принадлежащая компании Meta Platforms Inc. – террористической и экстремистской организации, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

*⁶ Социальная сеть, принадлежащая компании Meta Platforms Inc. – террористической и экстремистской организации, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

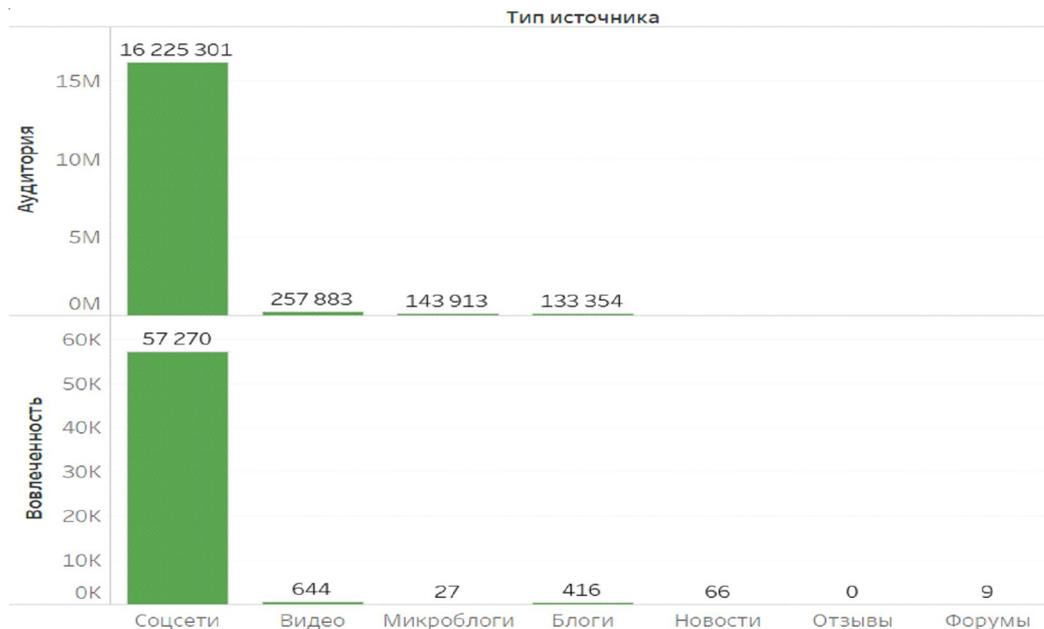

Рис. 7. Рейтинг типов источников, используемых для релевантного контента

Fig. 7. Rating of source types used for relevant content

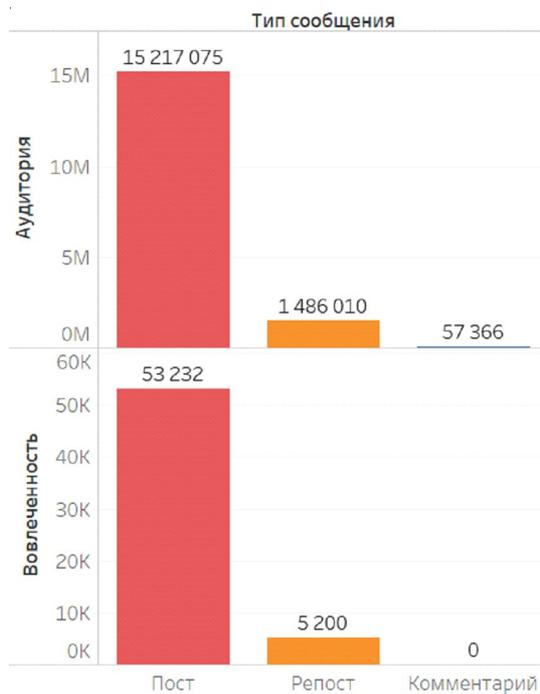

Рис. 8. Рейтинг типов сообщений релевантного контента

Fig. 8. Ranking post types of relevant content

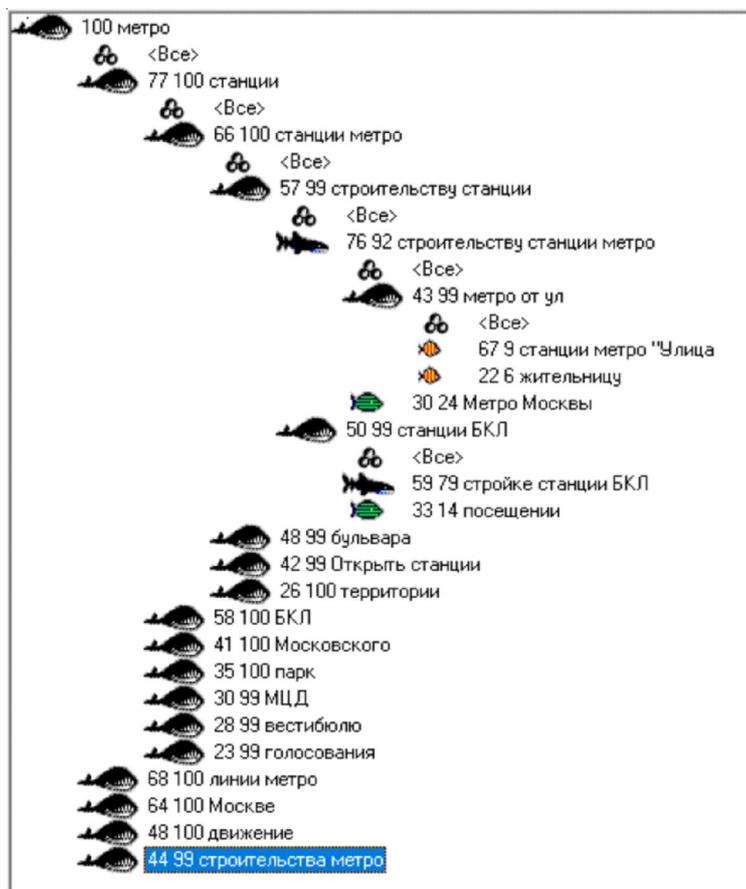

Рис. 9. Тематическая структура контента
 Fig. 9. Thematic content structure

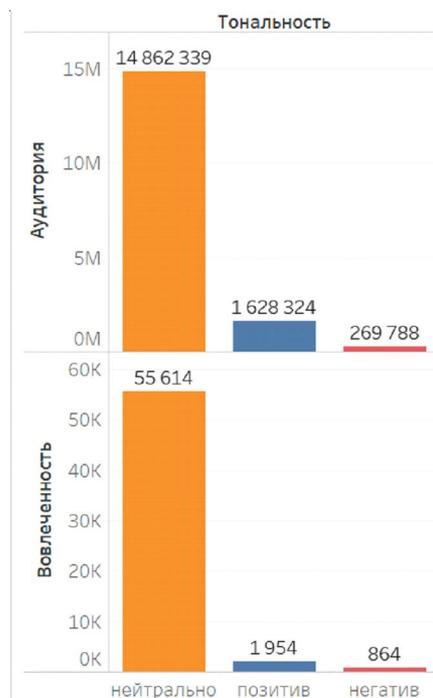

Рис. 10. Тональность контента
 Fig. 10. Content tonality

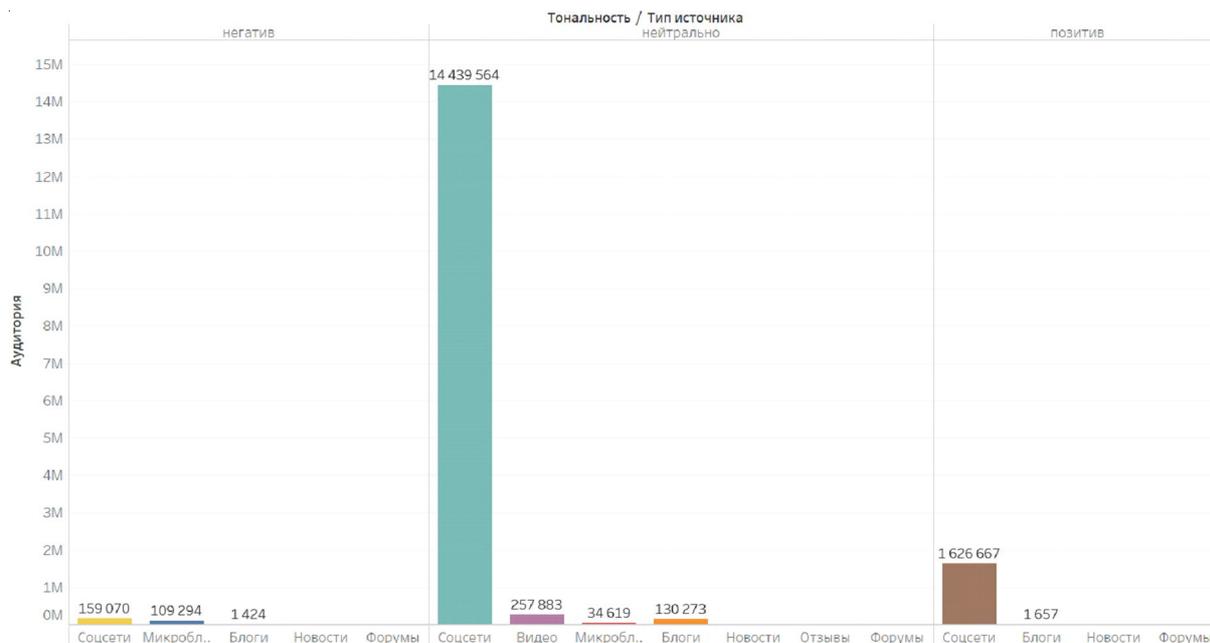

Рис. 11. Тональность настроения аудитории

Fig. 11. Audience mood tonality

Тип сообщения	Тип ист..	№	Тональность		
			негатив	нейтрально	позитив
Комментарий	Соцсети		3 759	52 500	201
	Видео			1	
	Блоги		1	904	
	Новости				
	Форумы				
Пост	Соцсети		144 459	13 016 205	1 526 634
	Видео			257 882	
	Микроблоги		109 294	30 152	
	Блоги		1 423	129 369	1 657
	Новости				
Репост	Соцсети		10 852	1 370 859	99 832
	Микроблоги			4 467	

Рис. 12. Тональность сообщений в соответствии с типом источника и сообщений

Fig. 12. Messages tonality in accordance with the type of source and messages

Ключевые темы негативного кластера:
– разрушение памятников архитектуры, исторически сложившегося облика города:

(2) Мы против уничтожения старой Москвы. Восстановление исторического облика Сокольнической площади, после завершения строительства станции «Стромынка» – одна из главных обсуждаемых тем в районе Сокольники. Жители района едины во мнении и выступают за возвращения исторического облика площади (ВКонтакте);

– освобождение дорогой земли под строительство 40-этажных домов и транспортно-пересадочный узел (ТПУ) посредством раз-

рушения старой Москвы, объявления добротных сталинских домов аварийными:

(3) Жесткая статья, но правдивая. Когда уже перестанут из Москвы человек делать и ее саму уничтожать? (ВКонтакте);

– уничтожение зеленой зоны столицы при строительстве:

(4) Гагаринский, Ломоносовский и Академический районы по полной программе испытывают на себе все удобства от будущего присутствия нового метро рядом с домом: из-за подготовки к бурению Коммунарской линии там уже неделю вытекает из-под земли бурая жижа, которую не могут откачать, и бьют фонтаны-гейзеры высотой с трехэтажный дом (ВКонтакте);

– финансовые нарушения при реализации проектов:

(5) По мнению «Новых Известий», сегодня стройки в руках государства – всего лишь пережиток советского периода, в то время как в современном мире во главе угла стоит качественное оказание услуг. Любое образовательное или медицинское учреждение можно построить и частный инвестор, который будет заинтересован в том, чтобы все сделать хорошо, быстро, без лишних дополнительных расходов и коррупции, потому что какой смысл воровать у самого себя? А государственные средства пойдут уже на оплату услуг, когда объект будет введен в эксплуатацию. Есть ли шанс на то, что в ближайшем будущем стройка в адекватные сроки станет нормой? Надежда, как говорится, умирает последней. Впрочем, пока у нас куда больше говорят о государственно-частном партнерстве, чем делают. Причина проста и понятна: в случае повсеместного распространения этого механизма на освоении «вкусных» бюджетов можно будет поставить крест (ВКонтакте);

– нарушение законодательных нормативов при строительстве, отсутствие у строителей пакета разрешительной документации, нелегитимная документация, несоответствие Генеральному плану Москвы и пр.:

(6) Строительство метро навязывается по обычной схеме: полного пакета разрешительной документации нет; строители прикрываются бумагами, выданными в обход закона. Проект не соответствует Генплану Москвы – разница прохождения линии по сравнению с Генпланом в некоторых случаях превышает 25 км (вместо Балашихи предлагается ехать в психиатрическую больницу им. Кашенко, а в перспективе – в Некрасовку) (ВКонтакте);

– недобросовестное проведение публичных слушаний:

(7) Этот незаконный Проект планировки территории (ППТ) был продемонстрирован на публичных слушаниях в апреле 2019 г., результаты слушаний сфальсифицированы, мнения 26 тыс. граждан не учли (ВКонтакте);

– фальсификация заключений и экспертиз, в которых, по мнению жителей, замешаны строители:

(8) На просьбу показать разрешительную документацию строители попытались заверить, что

предоставят документы «завтра» и в спокойной обстановке (ВКонтакте);

– опасения жителей, связанные с тем, что строительство с нарушениями нормативов приведет к крупным авариям, разрушению городских коммуникаций:

(9) В срочном порядке нужно заключить договор страхования рисков, которые могут возникнуть при строительстве ТПО (ВКонтакте);

– требования внесения в строительство конкретных изменений, вызванных спецификой района:

(10) 1. Прекратить работы по проектированию Бирюлевской линии метро в варианте, проходящем через Нагатинский Затон, так как район еще одно масштабное строительство не выдержит.

2. Соблюдать «Закон о тишине» – запретить проведение работ в ночное время.

3. Провести полноценные шумозащитные мероприятия – установить сертифицированные шумопоглощающие панели.

4. В домах «зоны котлована» установить качественные сертифицированные стеклопакеты (Кленовый бульвар, д. 25, 23. к. 2; Затонная ул., д. 17, 12 к. 1 и к. 2, 14 к. 1 и к. 2, Коломенская ул., д. 27).

5. Восстановить тротуар у дома 27 по Коломенской улице в целях обеспечения безопасности жителей и провести работы по шумозащите указанного дома.

6. В срочном порядке заключить договор страхования рисков, которые могут возникнуть при строительстве ТПО.

7. Составить оптимальные маршруты вывоза грунта с территории обоих строящихся объектов (станции метро «Нагатинский затон» и «Кленовый бульвар»), кроме того принять конкретные меры по соблюдению правил вывоза автотранспортом грунта (мытьё колес, укрывание кузовов тентами).

8. Контролировать маркшейдерские метки домов вблизи котлована.

9. Оградить объездную дорогу, которая пройдет по придомовой территории Коломенской улицы, д. 27, бетонными блоками с целью обеспечения безопасности жителей дома.

10. Пересмотреть проект благоустройства придомовой территории после завершения строительства, так как вырублено более 100 деревьев и снесено 2 детские площадки, а в проекте благоустройства не заложена компенсационная посадка деревьев на придомовой территории (ВКонтакте);

– нежелание жителей терпеть неудобства от многолетней стройки:

(11) Жители Академического района пытаются помешать работам по строительству метро вдоль Калужского шоссе из Троицка и Коммунарки, которые нарушают привычных образ жизни горожан (ВКонтакте);

– готовность активистов к открытому противостоянию со строителями и властями:

(12) Активисты останавливают технику на строительстве метро в Москве. В субботу днем жители Академического и Гагаринского районов проводили общественную инспекцию мест разрытий для проведения коммуникаций под прокладку Коммунарской линии метро, против строительства участка которой почти два года выступают жители трех районов. В районе Ленинского проспекта работы одновременно ведутся в нескольких местах. В одном из таких мест активисты на некоторое время перегородили проезд тяжелой технике и вызвали полицию (ВКонтакте);

– беспокойство жителей в связи с угрозой разрушения домов и придомовых территорий при строительстве:

(13) Жители района боятся разрушения домов из-за земляных работ (ВКонтакте);

– непродуманность расположения новых станций метро:

(14) ...Имела ввиду удаленность строящегося метро Лианозово от домов Дмитровского района... (ВКонтакте);

– нарушение работы транспорта во время строительства, приводящее к транспортному коллапсу в городе:

(15) Из-за закрытия участка Арбатско-Покровской линии на «Парке Победы» произошел коллапс. Который (к этому есть все предпосылки) до окончания работ не рассосется, так что пассажиров просят особенно внимательно планировать маршрут. Вот что случилось. В субботу и аж до 5 октября для строительства Большой кольцевой линии метрополитена был перекрыт участок синей ветки от станции «Молодежная» до «Парка Победы».

Москвичи считают, что при планировании новых станций метро не учитывают их мнение:

– Москва превратилась в большую стройку, – возмущается Никитина. – Понятно, что часть про-

ектов действительно необходимы, но работы ведутся совершенно без учета мнений и интересов москвичей. Поэтому люди вынуждены писать письма в прокуратуру, а иногда – как в Академическом (ВКонтакте);

– разрушение инфраструктуры жилых районов, возникновение антисанитарной ситуации в местах строительства:

(16) Страсти по Метрострою. Часть 2. 1. Угол Площади Вишневого и Чонгарского бульвара район Нагорный Москва (1 и 2 фото), 2. Угол Ялтинской улицы и Чонгарского бульвара. Это начало и конец объездного пути, который готовится как замещающий вокруг площади Вишневого мимо «Ангары», когда центр (Чонгарский бульвар) будет наглухо закрыт для проезда на два года (под ним будет двигаться щит и строиться техническая ветка БКЛ) (ВКонтакте);

– изменения, которые вносила пандемия в коммуникативные процессы между активистами и строителями:

(17) Запланированную встречу актива района с руководством Мосинжпроекта пришлось отложить по ситуации с коронавирусными мероприятиями. Этот вопрос я поднимала снова, но последовал отказ – массовых мероприятий по-прежнему не будет. Осенью я потребую план благоустройства и предсмотрую, чтобы его увидели все желающие. Пока все остается так, как все видят – стройка, посреди которой мы все живем (ВКонтакте).

3.2. Характеристика позитивного кластера

Позитивный контент представлен в большом количестве официальных источников и сообщениях акторов, ангажированность которых очевидна, что достаточно негативно влияет на восприятие пользователей.

Ключевые темы позитивного кластера:

– развитие транспортной структуры города и улучшение транспортной ситуации:

(18) В Москве построили последний тоннель северо-восточного участка БКЛ. От станции «Лефортово» до станции «Рижская». В столице завершили строительство последнего тоннеля северо-восточного участка Большой кольцевой линии (ВКонтакте);

– предложения по исправлению негативных ситуаций (комментаторам, дающим поло-

жительные оценки строительства метро, другие пользователи отказывают в принадлежности к сообществу москвичей, предполагая, что такие оценки могут высказывать только иногородние участники сетевой коммуникации или заинтересованные лица):

(19) Но среди комментаторов к опубликованному видео с протестами местных жителей встречаются и такие, кто поддерживает строительство метро. «Метро строить надо, и деревья пересадить можно, трагедии нет, и не надо нагнетать обстановку», – пишет кто-то, впрочем, не факт, что это москвич (ВКонтакте).

4. Анализ ассоциативной сети

Построение ассоциативной сети позволяет проанализировать восприятие акторами конкретных событий, явлений, ситуаций, выявить отношение к различным аспектам проблемы.

Ассоциативные сети стимулов *метро* и *дорожное строительство* показывают неоднозначное отношение москвичей к реализуемым дорожным проектам (рис. 13, 14). Например, строительство метро в негативном кластере ассоциируется с законодательными

Рис. 13. Ассоциативная сеть стимула *метро* (10/2839)

Fig. 13. Associative network of stimulus *Metro* (10/2839)

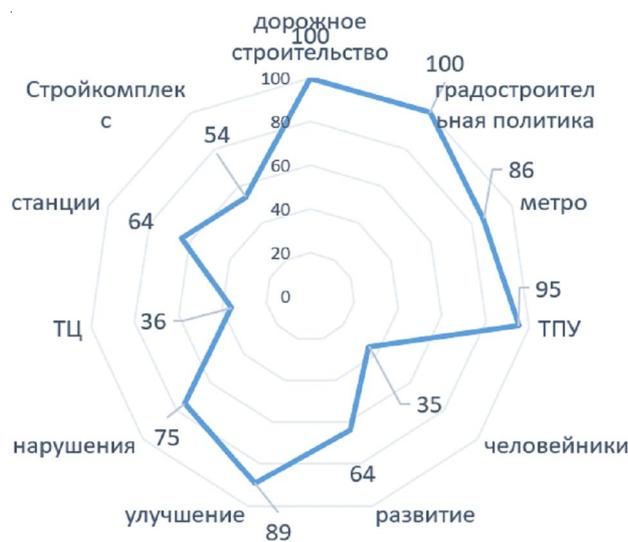

Рис. 14. Ассоциативная сеть стимула *дорожное строительство* (10/2839)

Fig. 14. Associative network of stimulus *Road construction* (10/2839)

ми и финансовыми нарушениями, а в позитивном – с развитием транспортной системы города. Аналогично этому представлена ситуация и в асоциативной сети стимула *дорожное строительство*.

Контент с реакциями стимула *метро*:

(20) В МОСКВЕ ОТМЕНИЛИ ТЕНДЕРЫ НА СТРОИТЕЛЬСТВО МЕТРО НА 10,5 МЛРД РУБЛЕЙ #москва #тендеры #строительство_метро Оператор развития московского метрополитена “Мосинжпроект” отменил объявленные в начале марта конкурсы на проектирование линии метро от улицы Новаторов до Московского центрального кольца (МЦК), а также строительство и реконструкцию двух электродепо, сообщается на сайте госзакупок (ВКонтакте).

Контент с реакциями стимула *дорожное строительство*:

(21) Дополнительное дорожное строительство обеспечит микрорайон системой внутриквартальных проездов, что позволит местным жителям удобнее добираться до своего дома, но и избавит дворы от транзитных машин.

Сегодня введена станция Большой кольцевой линии метро “Савеловская”, которая пере-

секает действующую серую ветку метро, дает возможность дополнительной пересадки, прибавляет для Большой кольцевой линии еще одну станцию (ВКонтакте).

Результаты анализа тональности цифровых следов акторов демонстрируют преобладание нейтрального кластера, что объясняется большим количеством ангажированных ресурсов. Между тем равная представленность позитивного и негативного кластеров подтверждает вывод о неоднозначном отношении москвичей к реализации новых проектов метрополитена (рис. 15).

5. Характеристика социальной напряженности, вызванной строительством метрополитена

Выявление наличия / отсутствия социального стресса в районах реализованных объектов метрополитена, в сетевом контенте в анализируемый период проводилось на фоне снижения количество релевантных сообщений с 204 005 в 2019 г. до 111 393 в 2020 г. (в 315 398 случаях дата не идентифицирована), что можно объяснить пандемией и перенесением фокуса внимания акто-

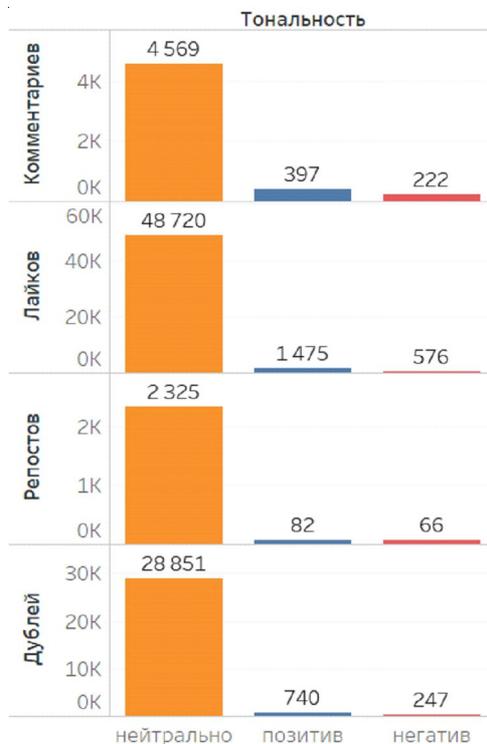

Рис. 15. Тональность цифровых следов

Fig. 15. Tonality of digital footprints

ров на проблемы, связанные с распространением и последствиями COVID-19.

Следует также отметить увеличение негативных сообщений и сокращение позитивного и нейтрального контента (рис. 16).

Распределение различных по тональности сообщений по цифровым платформам представлено на рисунках 17–19.

Трансформация эмоционально окрашенных (позитивных и негативных) сообщений

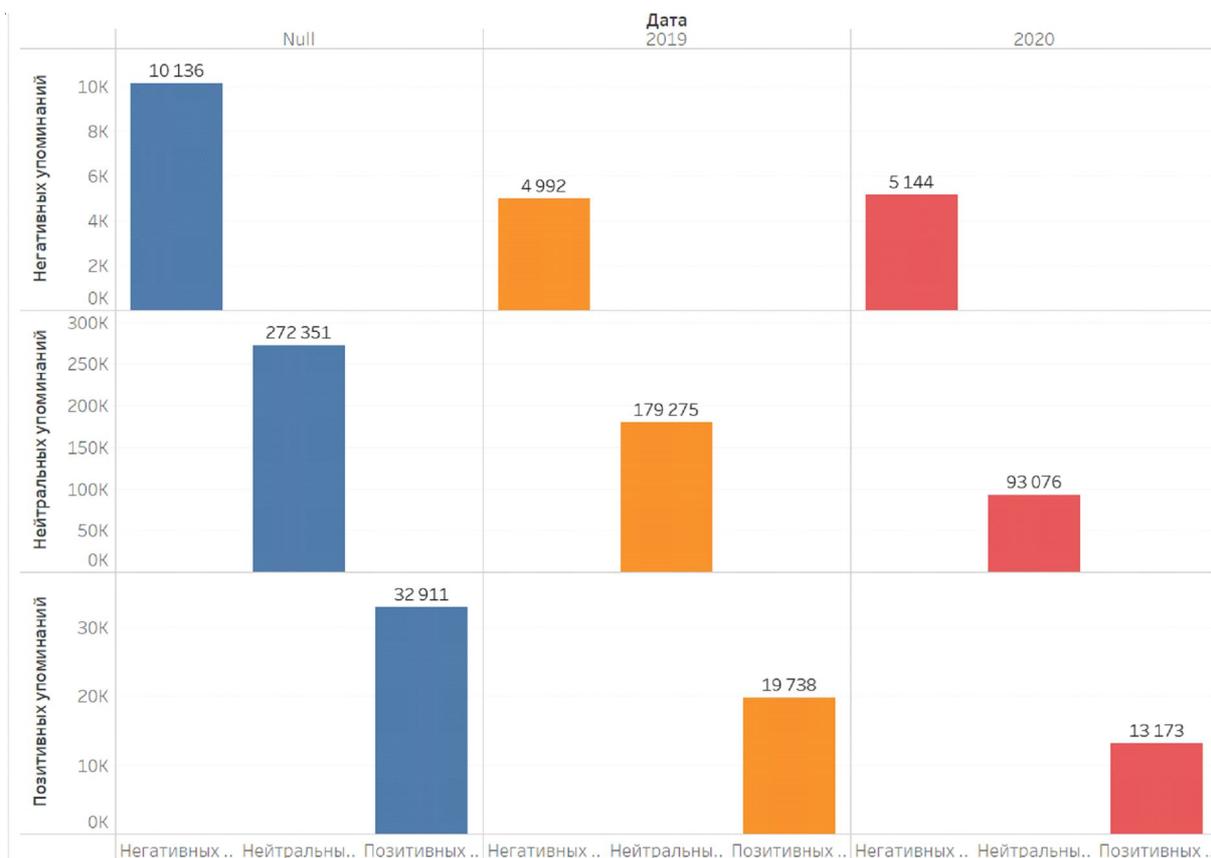

Рис. 16. Динамика сообщений по типам тональности

Fig. 16. Dynamics of messages by tonality types

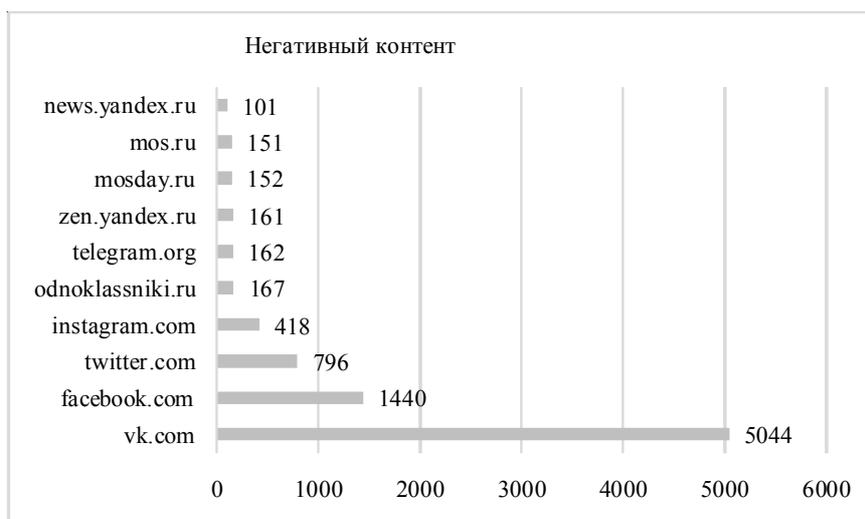

Рис. 17. Динамика негативных сообщений по цифровым платформам

Fig. 17. Dynamics of negative messages by digital platforms

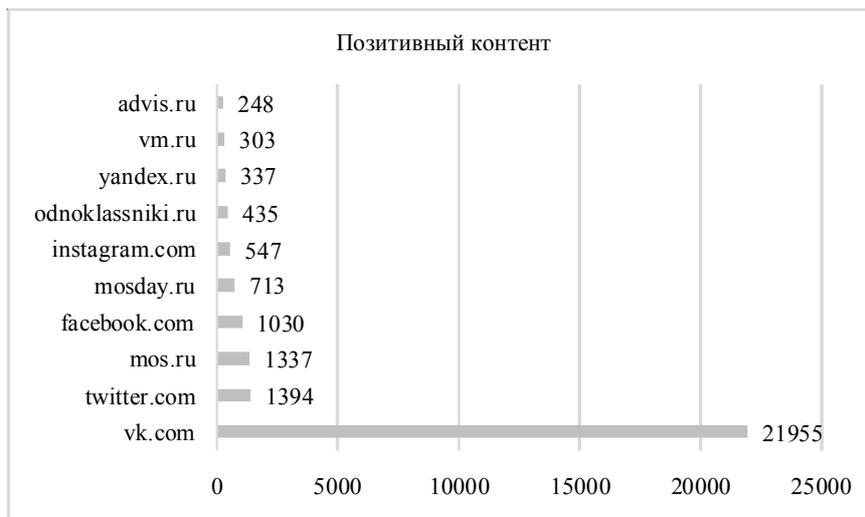

Рис. 18. Динамика позитивных сообщений по цифровым платформам

Fig. 18. Dynamics of positive messages by digital platforms

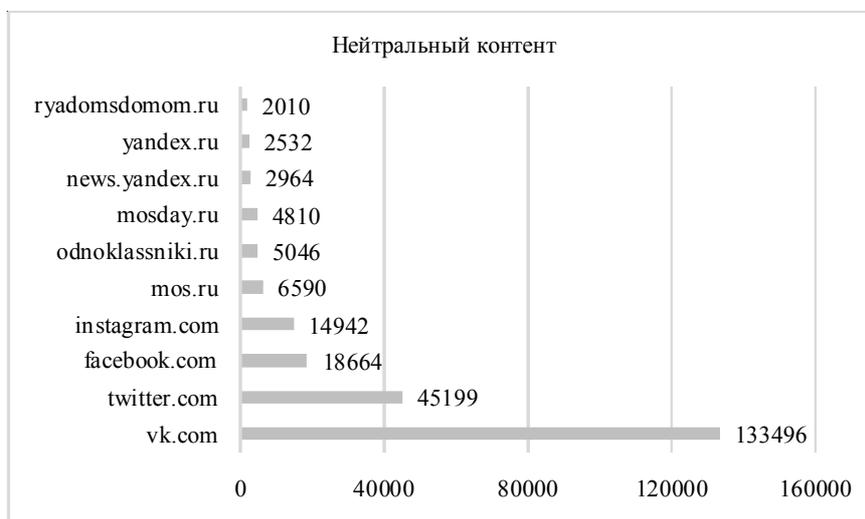

Рис. 19. Динамика нейтральных сообщений по цифровым платформам

Fig. 19. Dynamics of neutral messages by digital platforms

позволяет провести предварительный анализ для подготовки рейтинга социальной напряженности по реализованным объектам метрополитена (см. рис. 20, 21).

Анализ соотношения различных по тональности сообщений в общей базе данных по количеству и представленности в долях также предоставляет данные для составления рейтинга социальной напряженности по реализованным объектам метрополитена (см. рис. 22–24).

Анализ сводной базы сообщений и уникальных упоминаний позволяет определить реакции пользователей по степени заинтересованности в реализации конкретных градостроительных объектов (рис. 25).

Анализ реакций жителей Москвы на построенные объекты метрополитена на основе рассмотрения контента в социальных сетях и электронных средствах массовой информации, опубликованных за период с 1-го квартала 2018 г. по 3-й квартал 2020 г., показал рейтинг социальной напряженности по реализованным объектам метрополитена (1-я позиция – максимальная степень социальной напряженности, 9-я – минимальная):

1. Реализация проекта строительства БКЛ (Большой кольцевой линии метро).
2. Станция БКЛ.
3. Коммунарская линия метро.
4. Лианозово.

- 5. Люблинско-Дмитровская линия.
- 6. Строительство и продление станций московского метрополитена (Внуково, Нижегородская, Стахановская, Окская, Юго-Восточная, Косино, Улица Дмитриевского, Лухма-

- новская, Некрасовка, Филатов Луг, Прокшино, Ольховская, Коммунарка и т. д.).
- 7. Бирюлевская линия метро.
- 8. Рублево-Архангельская линия метро.
- 9. Улица 800-летия Москвы.

Реализация проекта строительства БКЛ (Большой кольцевой линии метро)	3 435
Станции БКЛ	409
"Улица 800-летия Москвы"	1
Бирюлевская линия метро	1
Коммунарская линия метро	1
Лианозово	1
Люблинско-Дмитровская линия	1
Рублево-Архангельская линия метро	1
Строительство и продление станций московского метрополитена (Внуково, Нижегородская, Стахано..	1
Изменение эмоционально окрашенных сообщений (вместе с дублиями) относительно предыдущего пе..	

Рис. 20. Эмоционально окрашенные сообщения (негативные)
 Fig. 20. Emotionally charged messages (negative)

Лианозово	9 334
Коммунарская линия метро	6 316
Строительство и продление станций московского метрополитена (Внуково, Нижегородская, Стахановская, О..	785
Станции БКЛ	106
Реализация проекта строительства БКЛ (Большой кольцевой линии метро)	81
Люблинско-Дмитровская линия	46
"Улица 800-летия Москвы"	1
Бирюлевская линия метро	1
Рублево-Архангельская линия метро	1
Изменение эмоционально окрашенных сообщений (вместе с дублиями) относительно предыдущего периода, ..	

Рис. 21. Эмоционально окрашенные сообщения (позитивные)
 Fig. 21. Emotionally charged messages (positive)

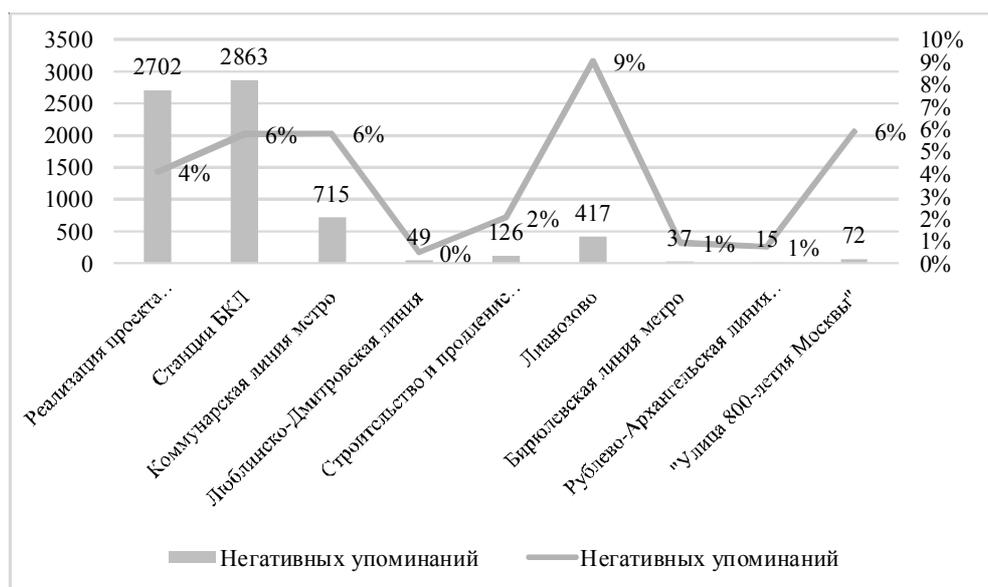

Рис. 22. Негативные сообщения (количество, доля)
 Fig. 22. Negative messages (number, share)

Рис. 23. Позитивные сообщения (количество, доля)

Fig. 23. Positive messages (number, share)

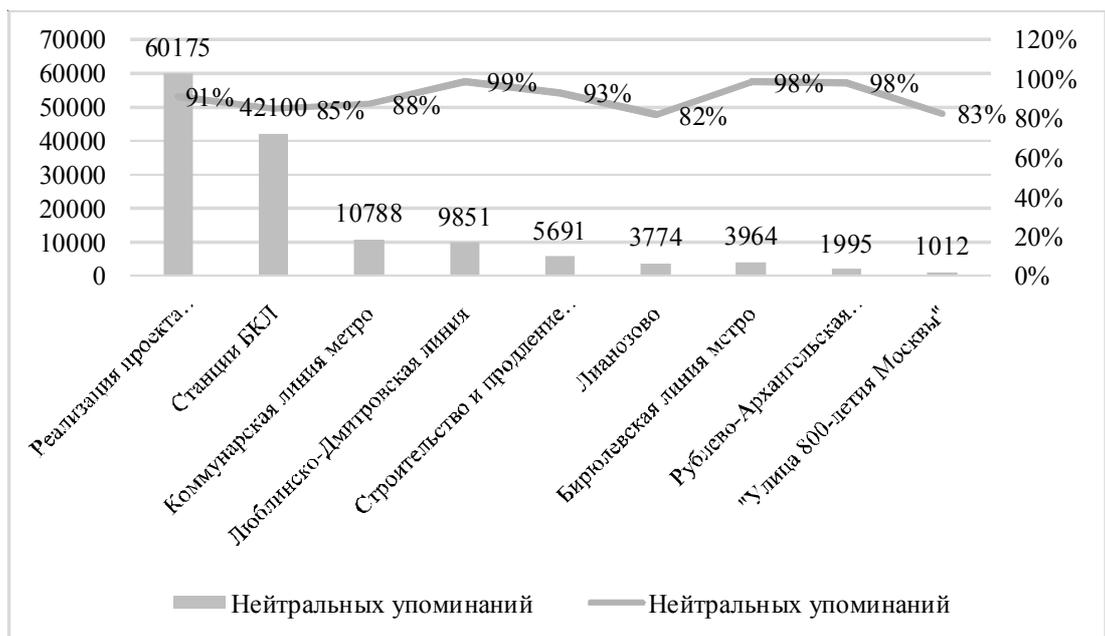

Рис. 24. Нейтральные сообщения (количество, доля)

Fig. 24. Neutral messages (number, share)

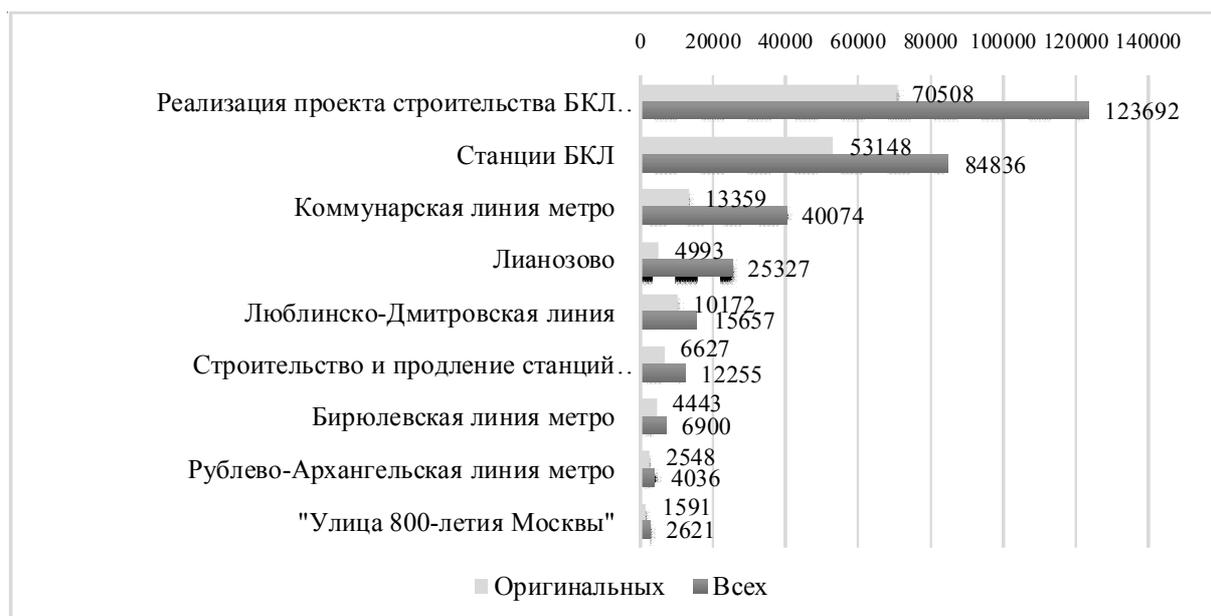

Рис. 25. Рейтинг социальной напряженности по реализованным объектам метрополитена

Fig. 25. Rating of social tension by implemented metro facilities

Выводы

Большие объемы текстовых и речевых данных, которые доступны для анализа, позволили перевести лингвистические исследования на принципиально новый уровень. Основная задача – корректно адаптировать традиционные лингвистические, психолингвистические, социолингвистические методики для использования в работе с большими данными (Big Data), особенно в режиме реального времени. В частности, выделение и анализ семантической сети с использованием нейросетевых технологий помогли уточнить и расширить лингвистическую парадигму в сфере исследований семантических процессов. Возможности, которые предоставляют новые технологии при проведении ассоциативного поиска и построения ассоциативной сети, также способны помочь разрешить многие вопросы, в том числе в дискуссии вокруг анализа парадигм лексических ассоциаций, связанных с различными трактовками их функционирования, вызванных наличием противоположных гипотез (например, зависимость от лексической сочетаемости или смысловых связей). Использование традиционного лингвистического инструментария при попытках проверить существующие концепции или выдвинуть новые приводит к появ-

лению работ, которые, в свою очередь, снова вызывают критические замечания коллег. Проведение исследований на больших объемах речевых и текстовых данных способствует устранению субъективности и проверке корректности концепций, разработанных на небольшом количестве материала, избежать ошибок, связанных с ограничениями эмпирической базы.

Кроме того, трансформация лингвистических методик при анализе больших данных позволяет расширить сферу практического применения научных лингвистических изысканий. В частности, в данной статье представлена методика, которая дает возможность использовать проблематику восприятия речи для решения социально значимых задач. Исследование вербального контента, генерированного пользователями, и их цифровых следов с помощью нейросетевого текстового анализа и анализа восприятия речи в цифровой среде показало двойственное отношение москвичей к строительству новых объектов метрополитена. С одной стороны, отмечается положительная реакция, обусловленная необходимостью развития транспортной структуры города, улучшения транспортной ситуации, с другой – протест жителей, выдвигающих целый ряд претензий к строителям и властям города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ерофеева И. В., Соловьев В. Д., Байрашева В. Р., 2020. Психосемантический эксперимент как инструмент объективации данных о синонимии (на материале русского языка) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 1. С. 178–194. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.15>
- Негрышев А. А., 2020. Псевдосенсация в Интернете: опыт лингвистического описания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 2. С. 43–53. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.4>
- Ускова О. А., Ле Тхи Фьонг Линь, 2020. Национальные стереотипы коммуникативного поведения в условиях виртуальной бизнес-коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 19, № 4. С. 133–144. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.12>
- Brandon P., Traylor A., Pater J., 2019. Learning Reduplication with a Neural Network Without Explicit Variables. URL: http://works.bepress.com/joe_pater/38/
- Campbell D. T., 1958. Common Fate, Similarity, and Other Indices of the Status of Aggregate Persons as Social Entities // Behavioral Science. № 3. P. 14–25.
- Cristia A., Seidl A., Junge C., Soderstrom M., Hagoort P., 2014. Predicting Individual Variation in Language from Infant Speech Perception Measures // Child Development. № 85. P. 1330–1345.
- Demuth K., 2018. Perception, Production, and Individual Differences // Applied Psycholinguistics. Vol. 39, iss. 4. P. 735–741.
- Essam B. A., Abdo M. A., 2020. How Do Arab Tweeters Perceive the COVID-19 Pandemic? // Journal of Psycholinguistic Research. Vol. 50. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10936-020-09715-6>
- Hickok G., 2001. Functional Anatomy of Speech Perception and Speech Production: Psycholinguistic Implications // Journal of Psycholinguistic Research. Vol. 30, № 3. P. 225–235. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1010486816667>
- Hickok G., Poeppel D., 2000. Towards a Functional Neuroanatomy of Speech Perception // Trends in Cognitive Sciences. Vol. 4. P. 131–138.
- Kreyßig N., Krautz A.E., 2019. Lying and Perception of Lies by Bilingual Speakers // Applied Psycholinguistics. Vol. 40, iss. 5. P. 1313–1329.
- Lowry M., Judith B., 2019. Blue Is in the Eye of the Beholder: A Cross-Linguistic Study on Color Perception and Memory // Journal of Psycholinguistic Research. Vol. 48, № 1. P. 163–179.
- Marsh K. L., Richardson M. J., Schmidt R. C., 2009. Social Connection Through Joint Action and Interpersonal Coordination // Topics in Cognitive Science. Vol. 1, № 2. P. 320–339.
- McCoy R. T., Grant E., Smolensky P., Griffiths T. L., Linzen T., 2020. Universal Linguistic Inductive Biases via Meta-Learning. arXiv:2006.16324 [cs.CL]
- Mueller A., Garrett N., Petrou-Zeniou P., Talmina N., Linzen T., 2020. Cross-Linguistic Syntactic Evaluation of Word Prediction Models. arXiv:2005.00187 [cs.CL]
- Mulligan K., Frank R., Linzen T., 2021. Structure Here, Bias There: Hierarchical Generalization by Jointly Learning Syntactic Transformations // Proceedings of the Society for Computation in Linguistics. Vol. 4. Art. 13. DOI: <https://doi.org/10.7275/j0es-xf97>
- Neuroinformatics and Semantic Representations. Theory and Applications, 2020 / ed. by A. A. Kharlamov, M. A. Pilgun. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing. 317 p.
- Phani Krishna P., Arulmozi S., Shiva Ram M. et al., 2020. Sensory Perception in Blind Bilinguals and Monolinguals // Journal of Psycholinguistic Research. Vol. 49, № 4. P. 631–639. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10936-020-09689-5>
- Pater J., 2019. Generative Linguistics and Neural Networks at 60: Foundation, Friction, and Fusion // Language. Vol. 95, № 1. P. e41–e74.
- Pickering M. J., Garrod S., 2004. The Interactive-Alignment Model: Developments and Refinements // Behavioral and Brain Sciences. Vol. 27, iss. 2. P. 212–225.
- Ransom T. G., Dale R., Kreuz R. J., Tollefsen D., 2019. How Do Different Types of Alignment Affect Perceived Entity Status? // Journal of Psycholinguistic Research. Vol. 48, № 5. P. 961–985.
- Uhrig S., 2022. Human Information Processing in Speech Quality Assessment. [S. l.] : Springer. 185 p.

REFERENCES

- Erofeeva I.V., Solovyev V.D., Bayrasheva V.R., 2020. Psikhosemanticheskiy eksperiment kak instrument obyektivatsii dannykh o sinonimii (na materiale russkogo yazyka) [Psychosemantic Experiment as a Tool for Objectification of the Data for the Ways of Representing Synonymy in the Modern Russian Language]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 1, pp. 178-194. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.1.15

- Negryshev A.A., 2020. Pseudosensatsiya v Internetе: opyt lingvisticheskogo opisaniya [PseudoSensation on the Internet: Experience of Linguistic Description]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 2, pp. 43-53. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.4>
- Uskova O.A., Le Thi Fyong Lin, 2020. Natsionalnye stereotipy kommunikativnogo povedeniya v usloviyakh virtualnoy biznes-kommunikatsii [National Stereotypes of Communicative Behavior in Virtual Business Communication]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 19, no. 4, pp. 133-144. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.4.12>
- Brandon P., Traylor A., Pater J., 2019. *Learning Reduplication with a Neural Network Without Explicit Variables*. URL: http://works.bepress.com/joe_pater/38/
- Campbell D.T., 1958. Common Fate, Similarity, and Other Indices of the Status of Aggregate Persons as Social Entities. *Behavioral Science*, no. 3, pp. 14-25.
- Cristia A., Seidl A., Junge C., Soderstrom M., Hagoort P., 2014. Predicting Individual Variation in Language from Infant Speech Perception Measures. *Child Development*, no. 85, pp. 1330-1345.
- Demuth K., 2018. Perception, Production, and Individual Differences. *Applied Psycholinguistics*, vol. 39, iss. 4, pp. 735-741.
- Essam B.A., Abdo M.A., 2020. How Do Arab Tweeters Perceive the COVID-19 Pandemic? *Journal of Psycholinguistic Research*, vol. 50. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10936-020-09715-6>
- Hickok G., 2001. Functional Anatomy of Speech Perception and Speech Production: Psycholinguistic Implications. *Journal of Psycholinguistic Research*, vol. 30, no. 3, pp. 225-235. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1010486816667>
- Hickok G., Poeppel D., 2000. Towards a Functional Neuroanatomy of Speech Perception. *Trends in Cognitive Sciences*, vol. 4, pp. 131-138.
- Kreyßig N., Krautz A.E., 2019. Lying and Perception of Lies by Bilingual Speakers. *Applied Psycholinguistics*, vol. 40, iss. 5, pp. 1313-1329.
- Lowry M., Judith B., 2019. Blue is in the Eye of the Beholder: A Cross-Linguistic Study on Color Perception and Memory. *Journal of Psycholinguistic Research*, vol. 48, no. 1, pp. 163-179.
- Marsh K.L., Richardson M.J., Schmidt R.C., 2009. Social Connection Through Joint Action and Interpersonal Coordination. *Topics in Cognitive Science*, vol. 1, no. 2, pp. 320-339.
- McCoy R.T., Grant E., Smolensky P., Griffiths T.L., Linzen T., 2020. *Universal Linguistic Inductive Biases via Meta-Learning*. arXiv: 2006.16324 [cs.CL]
- Mueller A., Garrett N., Petrou-Zeniou P., Talmina N., Linzen T., 2020. *Cross-Linguistic Syntactic Evaluation of Word Prediction Models*. arXiv: 2005.00187 [cs.CL]
- Mulligan K., Frank R., Linzen T., 2021. Structure Here, Bias There: Hierarchical Generalization by Jointly Learning Syntactic Transformations. *Proceedings of the Society for Computation in Linguistics*, vol. 4, art. 13. DOI: <https://doi.org/10.7275/j0es-xf97>
- Kharlamov A.A., Pilgun M.A., eds., 2020. *Neuroinformatics and Semantic Representations. Theory and Applications*. Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing. 317 p.
- Phani Krishna P., Arulmozi S., Shiva Ram M. et al., 2020. Sensory Perception in Blind Bilinguals and Monolinguals. *Journal of Psycholinguistic Research*, vol. 49, no. 4, pp. 631-639. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10936-020-09689-5>
- Pater J., 2019. Generative Linguistics and Neural Networks at 60: Foundation, Friction, and Fusion. *Language*, vol. 95, no. 1, pp. e41-e74.
- Pickering M.J., Garrod S., 2004. The Interactive-Alignment Model: Developments and Refinements. *Behavioral and Brain Sciences*, vol. 27, iss. 2, pp. 212-225.
- Ransom T. G., Dale R., Kreuz, R.J., Tollefsen D., 2019. How Do Different Types of Alignment Affect Perceived Entity Status? *Journal of Psycholinguistic Research*, vol. 48, no. 5, pp. 961-985.
- Uhrig S., 2022. *Human Information Processing in Speech Quality Assessment*. S.l., Springer. 185 p.

Information About the Authors

Maria A. Pilgun, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Leading Researcher, Russian State Social University, Vilgelma Pika St, 4, Bld. 1, 129226 Moscow, Russia, pilgunm@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8948-7075>

Irina V. Erofeeva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor, Department of Russian Language and Its Teaching Methods, Kazan Federal University, Kremlevskaya St, 18, 420008 Kazan, Russia, erofeeva89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6702-9129>

Информация об авторах

Мария Александровна Пильгун, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный социальный университет, ул. Вильгельма Пика, 4, стр. 1, 129226 г. Москва, Россия, pilgunm@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8948-7075>

Ирина Валерьевна Ерофеева, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, erofeeva89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6702-9129>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.16>

UDC 811.161.1'06:81'271
LBC 81.411.2-553

Submitted: 13.05.2022
Accepted: 19.09.2022

ACTIVE PROCESSES IN MODERN RUSSIAN: POSSIBILITIES OF ECOLOGICAL AND LINGUISTIC STUDY

Elvira N. Akimova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia;
National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

Galina T. Bezkorovaynaya

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Svetlana V. Ionova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The article considers possibility of applying the ecological-and-linguistic approach to the study of active processes that characterize the current state of the Russian language, text production, including electronic communication. The specificity of the ecological approach in linguistics, its distinction from the orthological approach, as well as the structural analysis of linguistic units are displayed, visible active processes that dominate in phonetics, vocabulary, graphic encoding and text creation are registered. The authors consider the usefulness of the ecological approach in linguistics, its distinction from the orthological approach, as well as the structural analysis of linguistic units. The analysis made provision for defining language democratization as the major trend, which is noted in word functioning, changes in phrase and sentence structures; numerous borrowings of words and parts of words from the English language support the globalization trend. There is a tendency in strengthening the subjective aspect of the text content in public communication that is marked by the shift towards evaluative-expressive-emotional colloquial speech style. The opposing trend is text intellectualization, it appeals to background knowledge of the reader, the use of abbreviated forms in information coding. The authors conclude that a long-term ecological monitoring of these trends and the use of the ecological-and-linguistic approach to classification of linguistic phenomena are required.

Key words: modern Russian language, active processes, ecological linguistics, linguistic consciousness, speech style culture, language levels, discourse, electronic communication.

Citation. Akimova E.N., Bezkorovaynaya G.T., Ionova S.V. Active Processes in Modern Russian: Possibilities of Ecological and Linguistic Study. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2022, vol. 21, no. 6, pp. 204-214. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.16>

УДК 811.161.1'06:81'271
ББК 81.411.2-553

Дата поступления статьи: 13.05.2022
Дата принятия статьи: 19.09.2022

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ЭКОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Эльвира Николаевна Акимова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия;
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
г. Саранск, Россия

Галина Тиграновна Безкоровойная

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия

Светлана Валентиновна Ионова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. Цель статьи – охарактеризовать возможности использования эколого-лингвистического подхода в изучении активных процессов в современном русском языке, в текстовом производстве, в том числе в электронной коммуникации. Показана специфика экологического подхода в языкознании, его отличие от ортологического подхода и структурного анализа языковых единиц. Описаны доминирующие изменения в фонетике, лексике, графическом коде (Э.Н. Акимова), в текстотворчестве (Г.Т. Безкоровайна, С.В. Ионова). Установлено, что сохраняется общая тенденция демократизации языка, выражающаяся не только в функциональных изменениях лексических единиц, но и в структурных изменениях словосочетаний и предложений, продолжает действовать тенденция к глобализации, реализующаяся в основном в многочисленных заимствованиях слов и частей слов из английского языка. Выявлены тенденция к усилению субъектного аспекта содержания текстов в публичном общении, обнаруживающаяся в их сближении с оценочно-экспрессивно-эмоциональной разговорной речью, и тенденция к интеллектуализации текста, предполагающая обращение автора к фоновым знаниям читателя, использованию сокращенных форм кодирования информации. Утверждается, что для оценки влияния этих процессов на язык необходим многолетний экологический мониторинг указанных тенденций с применением эколого-лингвистического подхода к классификации языковых фактов.

Ключевые слова: современный русский язык, активные процессы, экологическая лингвистика, языковое сознание, культура речи, языковые уровни, дискурс, электронное общение.

Цитирование. Акимова Э. Н., Безкоровайна Г. Т., Ионова С. В. Активные процессы в современном русском языке: возможности эколого-лингвистического изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2022. – Т. 21, № 6. – С. 204–214. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.16>

Introduction

Modern discourse practice proceeds in the conditions of two fundamental and contending tendencies – trends of globalization and that of national identity. In this context, language as a means of preserving the identity of the people, a tool for strengthening and developing national culture, an effective means of communication and information exchange has become more significant. In modern linguistics and sociolinguistics the environmental conditions for the existence of the language are defined as the natural, social and cultural conditions that preserve the identity of an ethnic community and its language: the integrity of the territory, the preservation of national culture, traditional areas of native speakers activity, and also a high level of national identity (Mikhalchenko (ed.), 2006). With this approach, the purity of a language itself, its correctness, integrity and consistency while performing its basic functions are the objects for special studying and description in a pair with the language norm decay and destruction. The most obvious examples of destructive speech in any linguistic culture are those that have a sharp, categorical form, which is indicted by obscene,

indecent and rude words. The use of obscene words in speech in an invective (offensive) function is submitted not only to public censure, but also to a punishment under the law. For linguists the processes that occur in modern Russian speech practice, though they might be assessed as antisocial speech behavior, are considered to be worth of rigorous scientific interpretation and qualifications in terms of ecological linguistics. These include some active processes in modern Russian, which are perceived as critical aspects of its use not only by specialists, but also by ordinary native speakers. In this context, traditional research issues are gaining new significance, such as borrowing into the national language, interpenetration of elements of different language systems, formation of precedent texts and texts of culture to preserve national concepts, problems of changing the mechanisms of speech communications under the influence of international computer technology, etc.

In this article active processes in modern Russian are interpreted from the standpoint of ecolinguistics. The following research aspects are considered: a) the ecology of the Russian language vocabulary; b) the ecology of the Russian language at other levels; c) ecology of the functioning

Russian language. This approach reflects the methodology of modern research in the field of ecolinguistics.

Material, methodology, methods

The scientists and researchers from related scientific branches have discussed the interrelation between language and environment, that is how the language functions, developing or degrading its forms. In 1912, E. Sapir published his program article “Language and Environment” [Sapir, 1912]. However, in the 90-ies of the last century in connection with the understanding of small nations’ fate, their cultures and languages by scientific community this problem received special acuteness and relevance. The term “ecology” (the science studying the relationship between organisms and external factors) was introduced by an American linguist Einar Haugen in 1869. In the 20th century, the term expanded its semantics and was used together with other refined definitions as “ecology of culture” [Likhachev, 1997]. E. Haugen was the first who united the concepts “ecology” and “language” in his report “Ecology of Language” thus nominating the science that relates the language and its environment and the ways how the society encodes it [Haugen, 2001].

Since then the ecological linguistics has been developing abroad in two main directions: *environmental linguistics*, transferring environmental terms, principles and methods of studies in language and *linguistics and language (linguistic) ecology* that studies the reflection of environmental issues in linguistics by using linguistic terms and methods and exploring the role of a language in describing environmental problems [Garner, 2005; Alexander, Stibbe, 2014; Couto, 2014].

In works by foreign scholars, the methodology of ecolinguistics is developing mainly as the communicative and sociological concepts of language, in line with it go the studies of varieties of the language environment (language galaxies) and the gravitational model of languages [Calvet, 2007], the context of non-metaphorical linguistic ecology [Garner, 2005; Salikoko, 2020], the theory of contacting language communities [Nelde, 1989; Thomason, 2001], the concept of the economic strength of language communities [Ammon, 2015, S. 193].

The Russian linguistics regards the language ecology not only in the context of concepts of external security of the language [Marusenko, 2015], but also together with such processes as complementary ones, developing both aspects of this approach [Skovorodnikov, 1992; Shakhovskiy (ed.), 2013, pp. 89-98; Akimova, 2016; Ionova, 2016b]. Ecological linguistics is understood as a science that combines ecology and linguistics and studies the interaction between a language, a human being as a linguistic personality and his environment. Language is considered as an integral component of relationships between a man, a society and nature. The functioning and development of a language are represented as ecosystem, and the surrounding world – as a language concept [Ivanova, 2007, p. 41].

According to Professor A. Skovorodnikov’s definition, ecology of language (linguistic ecology, ecological linguistics) is a branch of a linguistic theory and practice, which, on the one hand, is connected with the study of factors that negatively affect the development and use of the language, and on the other hand, with the search for ways and means of enriching the language and improving the practice of speech communication [Skovorodnikov, 1992, p. 111].

Following the traditions of western linguists, the Russian linguistics treats the language ecology in connection with sociolinguistics. Considering ecological linguistics, they focus on language environment concept and pay special attention to the multi-purpose mechanisms of language usage by a human being as well as the language ability to act positively or abusively. For the second trend, the term *linguisede* has been worked out to point to destruction and self-liquidation of the linguistic system. The Russian linguists also continue the traditions of ecological linguistics in connection with the culture of language science – orthology, which studies the communicative qualities of speech: correctness, accuracy, consistence, purity, propriety, etc. In this respect, the word *ecology* is regarded as ecology of a soul (A.T. Lipatov, V.S. Milovatsky, L.I. Skvotzov, A. Skovorodnikov, et al.). Currently ecological linguistics concerns the means directed to the saving as well as enriching and developing of a language, studying the means of effective communication, fighting hidden risks at each stage of communicating [Sirotinina, 2013].

The Russian and foreign linguists who devoted their studies to the ecological approach in their research (L.A. Verbitskaya, D.S. Likhachev, A. Skovorodnikov, L.I. Skvortzov, O.B. Sirotinina, E.V. Ivanova, S.V. Ionova, E.N. Akimova, E. Sapir, E. Haugen, M. Garner, R. Alexander, A. Stibbe, H.H. Couto, et al.) have constituted theoretical base of the investigations in ecological linguistics.

The authors of the article, supporting them, claim that any language system is in the state of constant evolution; a thorough analysis of language usage practice is capable of presenting marks of changes and development, their observation helps note transformation tendencies and changes. The enlargement of usage spheres of modern Russian resulted in notable alterations in styles of verbal communication. Thus, media discourse has got the place of a majoring sphere of communication and public opinion representation. The e-communication has become a competitor to it. The intercultural interactions lead to translanguial exchange, that is, while communicating, people borrow some elements from other languages, and it results in cross-influence and incorporation of foreign language elements and models into the system and structure of a native language. Observation of modern Russian language profile points to such trends as lowering norms of stylistic register in communication, growing influence of colloquial norms and types of communication. It is also worth mentioning that due to enlargement of information technologies communication the language has developed some new ways of producing and expressing messages, etiquette norms which differ from traditional and real communication practice.

The material for this research was taken from printed samples as well as e-materials of M. Epstein site “Word of the year 2016–2019”, private catalogues of language (E. Akimova), speech (G. Bezkorovaynaya) and text samples (S. Ionova), examples from several other sources. The method of parameter sample selection, structural analyses, and communicative analyses were used. The authors took into account the point that an ecology approach cannot be identical to the orthology one as well as structural analyses of the language units in terms of traditional linguistics.

The main method of the research in this study is a long-term monitoring based on the systematic,

specially organized analyses of the language units as well as speech samples, procedure of their correlation with the laws of textual organization and functions within the existing norms. For monitoring the following important factors were chosen: the object for observation, correlation of the data, the means of comparing, and the criteria of the real things. The first stage included the definition of the active processes in modern Russian, with a special focus on the ecology of Russian language vocabulary, its connections with word formation, some phonetic, syntagmatic and stylistic peculiarities.

Results and discussions

The ecology of the Russian language vocabulary

It should be stated that one of the risks the current society is facing is strengthening of the process of the national language’s core of “blurring”, which occurs due to the broadening of the information and linguistics exchange processes [Barron, Bruce, Nunan, 2000]. This trend is noted in the Russian studies in terms of certain changes in the lexical system of the Russian language and speech.

In the Russian speech and native speakers conscience the following processes, sometimes contradictory, are found: 1) impoverishment of the word stock, elimination of numerous culture bound words and phraseologisms (*бытие, распули, крестный путь, ничтоже сумняшеся, паче чаяния*); 2) dismissal of semantics of the important words and definitions (*соборность, милосердие, благотворный, держава*); 3) semantic blurring of some words (*клиенты, правые, левые, радикалы, консерваторы*); 4) numerous borrowings (*коучер, дауншифтер, прокрастинация, джус, джемпинг*); 5) abbreviation overuse (*ФГБОУ ВПО, ФЦПРЯ*); 6) abundance of clichés (*вызовы времени, вертикаль власти, цивилизованные страны*); 7) euphemisms, language craftiness (*маломобильные группы населения, ночные пансионаты*); 8) language abuse in the form of labeling (*совок, пиарея, толераст*); 9) bureaucratic words (*реализация, наработка, подвижки, на предмет написания, по вопросу*); 10) cussing, vulgar communication;

11) cynical nominations and technocratism (*раб-сила, человеческий материал, людское сырьё, движение контингента, человеко-единица*); 12) language criminalization (*мочить, крыша, заказать* (кого), *подлянка, тёрки*).

According to some researchers, at the same time nowadays we may notice the decreasing tendency of the uncontrolled language democratization. O.B. Sirotinina writes that there is no permissiveness in the speeches of modern media, there is noticeably less non-literary language, swearing on the air is absolutely excluded on the main channels, offensive language is not excluded in the literary language, but it is used much more carefully with many reservations (*as it seems, I think, as they say, according to rumors*), proving that this is a personal (or someone else's, but not a journalist's) opinion, and not an accusation of lying or humiliation of the applicant [Sirotinina, 2013, p. 26].

The processes of accepting and adjusting borrowings, mainly from English, to the norms of the Russian language are on the way. Thus, a number of foreign language concepts with special area of usage have been borrowed and partially assimilated to suit new communication requirements (*дедлайн, селфи, бокс-офис, мультиплекс, трекер, тримминг, спойлер, бэкграунд, тренд, шоурум, флешмоб, мэм, шоурум, фэйк, лайк*, etc.).

Having pasted the stages of semantic inclusion and graphical adaptation, such lexemes are no longer perceived by Russian users as foreign words, because they naturally fill the conceptual lacunas in the Russian conceptual map in the field of nominating new phenomena and professions. The process of borrowings consolidation in the Russian discourse is actively expanding, which may be proved by the examples: *омбудсмен* – an official professional rights defender; *провайдер* – organization professionally providing access to the Internet and other electronic facilities; *шопер* – the one who helps customers to be navigated in the labyrinth of a supermarket and abundance of goods; *маркетолог* – specialist in market relations; *брокер* – professional mediator between a buyer and a seller on the stock exchange; *дилер* – a man selling and buying by himself the stocks on a stock exchange. However, the backward movement is also observed. Some recently borrowed words, which at the beginning

of the 21st century got the status of fashionable words, at the moment are losing popularity in modern Russian speech practice. For instance, O.B. Sirotinina noted that by the end of the 20th century the borrowed word *teenager* appeared [Sirotinina, 2013, p. 17]. In 1990s it was used in a pair with the Russian *подросток* by Russians without any semantic or functional distinctions. Fortunately, it didn't get a common usage status and gradually the media started to give the preference to the Russian word. Therefore, in 2012–2013 the use of *teenager* was rare, whereas *подросток* was regularly used in mass media.

There is now a decay in active use of such expressions as *как бы* (*Мне это как бы нравится; Я как бы согласен*); adverbs with the transformed meaning *абсолютно, конкретно, короче* (*Я короче приехал в Москву короче; Ледяные фигуры растаяли конкретно*); non-semantic adverbs *достаточно, довольно, относительно* (*Разногласий, конечно, достаточно (довольно / относительно) много; Езжу я туда достаточно редко*), etc.

An online project titled *Word of the Year* supplies the material of rapid dynamics of fashionable words and expressions, their usual meanings and process of deteriorations is represented by the action The Word of the Year (see the site of a linguist Michael Epstein – <https://newtonew.com/culture/poigraem-v-slova-slovo-goda>). The Russian Word of the Year in 2021 was a nomination *anti-language*, it points to negative of the political language, the language of a lie, hatred and propaganda in the Russian public discourse. In this regard, the expanding phenomenon of the so-called “irresponsible” nomination, which reflects a characteristic feature of the public communicative behavior of Russian people in media, has been noticed currently. It consists of the process of pigeonhole, labeling and marking the subject of speech with tags that establish negative connotation and intense semantics: *фашизм, геноцид, террор, война, антисемитизм, шовинизм, репрессия, экстремизм, враг, тоталитарный, сектанты, пятая колонна* и др. (*fascism, genocide, terror, war, anti-Semitism, chauvinism, repression, extremism, enemy, totalitarian, sectarians, the “fifth column”*).

This phenomenon is mostly typical of propaganda battles and information wars, but today

it is moving into the everyday communication, mass and interpersonal communication.

Over the last five years in the field of Internet communication the quality of Russian, which was noted in the previous years, has clearly improved and the number of speech errors as well as the spread of Internet slang have decreased. The readers prefer the high-quality texts of high information content.

The modern Russian language is still absorbing innovations in the field of electronic communications and information technology. The enrichment of the semantics of language units with lexico-semantic variants borrowed from the thematic area of information technology continues. For example, the noun *oblako* with the meaning “the Internet service where one can store and use data from the Internet” has already been commonly used as a new lexical-semantic version of this word, although it has not yet been fixed in the explanatory dictionaries of the Russian language. Noting the theoretical and practical importance of learning the Internet language, researchers have been analyzing the technical “acquisitions” of the Internet for ten years, considering the factors of positive and negative influence of information technologies on the changes in the vocabulary of the Russian language. Today the spread of such innovations and their impact on the sphere of human communication haven’t been considered as vandalism, the destruction of norms, harm, “spoiling the language”. Instead the place of these units in the Russian language system is being discussed.

Studying the interactive forms of computer-mediated communication features brings changes in the communicative theory of politeness, where the change in application of traditional rules and norms during communication is fixed. Thus, on the pages of Russian-speaking general focus forums over the past three years new etiquette forms of communication news sites have been fixed, namely: a) the spread of addressing to uncertain communities and various groups of people (*people, comrades, everyone*); b) the emphasis on persons based on associations with professions, similarity of interests (lawyers, fishermen, parents of first-graders): **Юристы**, *подскажите название закона; Здравствуй-те, рыбаки*; c) the use of special types of

person’s nominations, including a user nickname: **Lastochka**, *а какая у вас температура в квартире?; Привет, пеней!; Царь*, *давно с живыми людьми общались?;* d) the spread of evaluative nominations in address (*Спасибо тебе, добрый человек, за поддержку; Расскажи нам правду, умник!; Ничего не поняли из твоей новости, грамотей; Ты даже этими словами убиваешь, террорист!*); e) the spread of the “on a first-name basis” communication style; f) the YOU-communication, joined with addressing by a user nickname (*Спасибо тебе, Nova34!; А ты, Тимофеев Николай, мог бы и поактивнее отстаивать свой лозунг; Тебе, любитель крупного шрифта, места на сайте не жалко*).

YOU-communication is especially noteworthy in that the criterion for choosing the form of communication “on you” here is not age and social status, but the situational status of a person, a nickname. The 22 years old traveler may address the 52-year old person: *Вова, а эти моменты действительно ценятся? А pupil being dogs coach can give advice to a pensioner: Звонарев, тебе нужно братья за мелкие породы, а то может характера не хватить* [Yakhnich, Ionova, 2013]. As can be seen from the above samples these markers are related to communicative risks and they contribute to breaking the link between generations and social cultures. They indicate the maintenance of the tendency to the general decrease of the mode of communication in society, the gradual elimination of traditional etiquette norms as regulators of social relations, the increase of the degree of “conflictogenity” of speech behavior.

The ecology of the Russian language at other levels

The linguists note active processes at all language levels. In phonetics, it is the final affirmation of the Moscow norm of the retention of the unstressed [и]. The retention of the unstressed [э] of St. Petersburg norm has almost disappeared, and even the middle sound between [и] and [э] in the first pre-stressed syllable is not pronounced [Verbitskaya, 2001, pp. 66-69].

The accentual norms, experiencing the flourishing of variability, are more shifted than ever. This is confirmed by normative dictionaries

(Ivanova, Lopatin (eds.), 2004). The norms of stress are “blurring”, first of all, due to the idea of unimportance of their observance, this is motivated by the fact that “everything is so clear”.

In the field of phraseology, the redistribution between the groups of phraseological units associated with the lack of background knowledge occurs: more and more combinations and even unities are passed into phraseological fragments. It should be noted that new phraseological units have appeared *белый и пушистый, скелет в шкафу, золотой парашют, оборотень в погонах, девушки с пониженной социальной ответственностью*. Basically, they belong to politics: *коридоры власти, двойные стандарты*; sports: *с подачи, уйти в аут*; military: *глухая оборона, понуждение (принуждение) к миру*. Jargonization of phraseology is noted: *с колес, закатать в асфальт, до фонаря, из-за бугра* [Malinski, 1992].

Word formation has become the real ground of experimental platform for making new speech forms. The following phenomena are noted in it: 1) the use of colloquial and jargon models that were previously on the periphery of the language: *чернуха, кидалово, бухло*, etc.; 2) activation of some word-formation models – action names with suffixation: *сочинизация (всей страны), демедведизация*), high productivity of names: *перестроечник, рекламист, подписант – отъезжант, дежурант, универсант, интересант (конфликта)*; 3) widespread use of foreign prefixes and prefixoids: *деполитизация, суперпрофессионал*, etc.; 4) the growth of the use of complex words with international elements: *бизнес-, хит-, шоу-, поп-, рок-, видео-*, etc.; 5) the abundance of abbreviations: *Ингнет, ЧР, РИ*; 6) Expansion of the circle of truncations: *маргинал, безнал, инфа*; 7) hybrid words (centaur words, telescope words): *трепортаж, моменталитет, пофигуристы*.

It is common knowledge that morphology and syntax are the most stable levels of the system, preserving conservativeness in the name of languages self-identification. Nevertheless, some scholars argue that in the modern Russian language, for example, an expansion of the functions of transitive verbs occurs [Epstein, 2007]. This refers to cases such as *его ушли с работы, няня гуляет ребенка, расходы пополам: я тебя обедаю, а ты меня ужина-*

ешь; говорящий хомяк не только детей привел в восторг, но и взрослых улыбнул. Some other processes are also indicated: a) the formation of occasional forms of the number of nouns that are formed in the system superficially (*дочь родился; мелкий и пугливый люд пошел*); b) expressively meaning full rethinking of the singular formations of the singular from Pluralia Tantum (*новый штан; мой машин*); c) the transition of relative adjectives to qualitative ones by the formation of occasional forms of degrees of comparison (*мебель чуток деревяннее; стеклянный звук*); d) the formation of real participles of the future tense (*прочитающий внимательно статью*) and anomalous forms of passive participles (*звонок, звонимый мною*) [Radbil, 2008]. It is easy to notice that all these examples are taken from the Internet: most native speakers perceive them as occasional.

The dynamics of modern Russian syntax refers not only to its system peculiarities (unit forms, their meanings and functions), but also the sphere of its functioning. The syntax system is influenced by the democratization of the language [Zifonun, 2018] (expansion of the speech habits, increasing of the personification), the pressure of foreign languages, style diffusions when the colloquial as well as jargon expressive means, using the graphs and pictograms, using both Cyrillic and Latin graphs.

The ecology of the functioning Russian language

The next step in research should be presented as an interpretative analysis of the word usage in speech practice that is based on the ecological balanced principle.

Considering the peculiarities of modern communication in Russian linguistic culture, it is necessary to remind the general ecological linguistic pattern: significant violations in microsystems lead to the destruction of macrosystems. Considering the features of modern communication in Russian linguoculture, it is necessary to recall the general ecological linguistic pattern: significant violations in microsystems lead to the destruction of macrosystems. Changes in language generate cognitive risks associated with understanding the meaning of the text [Shakhovskiy (ed.), 2013,

pp. 89-98; Ionova, 2016a]. Some of the generating functions of the text and the selection of language tools are transferred to the operational systems of computers, which has become an external medium and a means of storing information. The method of processing, storing and reproducing previously obtained information becomes easier than formulating and verbalizing new knowledge. In this case only the task of processing and storing information that is not directly related to creative thinking and obtaining new knowledge is “removed”. Therefore, the technologization of mechanical actions associated with the collection, storage and processing information can be attributed to objective phenomena and false risks of modern communication.

However, the processes of forming an individual vocabulary, verbal individualization, mastery of the variable ways of representing knowledge on the part of native speakers may be at risk. The tendency to democratization and spontaneity of speech in the text generation process leads to the simplification of phrases and sentences, the subjectivity of texts, increasing their appreciation, emotionality, dialogue potential, polyphony, styles mixing. How should we treat this from the point of view of the ecological linguistic postulates? On the one hand, the facts mentioned above serve as evidence of the expansion of creative and adaptive possibilities of the Russian language, as well as of the fact that Russian, as many people mistakenly think, is not dying out [Salikoko, 2020]. On the other hand, the verbal information, especially the one that is connected with the slang use, cannot help causing emotional protest, as it is simply non-ecological: it violates the moral conduct, aesthetics and correctness of human communication, primarily in mass media.

At the same time, some studies give a positive assessment of jargon as means of stylizing a living speech element, creating a special, friendly, laid-back tone are noted today. It seems that the urgent problem of forming a common jargon in the language (Ermakova, 1999), and especially in the modern media language, requires philologists to take a principled position of rejection of this negative trend: it can be registered, but it cannot be accepted and even approved.

Due to the Web 2 tools, conversational style has been fully legalized in written Internet communication. The main function of such

communication is not only transmitting the message but constructing the meta-message which defines the reasons and aims of the writer, conditions and context of the message, different degrees of independence and collectivity of the message (a possibility to communicate with others), possibility to interrupt, cooperate and respect the rules of politeness. To a certain extent, the system of iconic signs, which assists the verbal message range, supports the fact, too. Environmental assessment of these events cannot be considered homogeneous and therefore the Russian Internet segment needs to be monitored, new tendencies of internet communication should be studied from the scientific point of view, which, perhaps, reflects the tendency of functional possibilities of the Russian language to develop.

At the end of the last century, some prominent linguists (M. Gorbanevsky, A. Dulichenko, V. Shaklein and others) expressed their opinion about the threat of turning the richest Russian literary language into an English-jargon-vernacular entity. Nowadays it is possible to state that this negative scenario in its pure form has not been realized, since there are many tendencies in the modern Russian language that may oppose each other at the same time, and might be multidirectional; various factors of functioning and development coexist, mutually reinforcing, or, conversely, “extinguishing” each other. At the same time, there is a tendency towards a general decrease in the mode of communication in society, the conflictogenity of speech behavior, noted by Russian scientists over the years: a gradual change in traditional etiquette norms as regulators of social relations, widening the gap between the vocabulary of generations, not conducive to the relationship between social cultures. Therefore, these patterns relate to communicative risks in Russian linguistic culture [Sirotnina, 2013].

The ecological evaluation of the above-mentioned processes in terms of keeping the structure of the language and orthological evaluation demands widening of research spheres and taking into account the pragmatics of speech, changes in mentality and in the environment of modern communicants [Kibbee, 2003]. It is necessary to consider the above enumerated tendencies in the system of modern Russian and ecommunication as a positive reflection of the flexibility of the Russian

language. The linguistic cultural approach to modern challenges, regular and wide-scale monitoring of Russian segment in the Internet, text communication seem to be the most suitable ones for studying linguistic events.

Conclusion

The results of our study clearly show that ecolinguistics is the science of the relationship between language and the environment, that might register both language development or degradation. Our observations show that changes in the language can be noticed at almost every level and in every area of the Russian language operation due to peculiarities of communicative style and types of communication. From the point of view of the language systemic norms these changes are often assessed as violence and destruction, a violation of the natural laws of language development and language units usage. They are associated with the process of democratization of oral speech, the permissible mixing of styles and the reflection of spontaneous speech in writing. Computer communication causes changes in cognitive processes associated with the generation, perception and processing of information. In this regard, new ways of verbal and non-verbal expression are being formed and cultivated in the modern Russian language. Nevertheless, these changes are not only regressive or destructive, but also positive and creative. Ecological linguistics helps to collect any samples on the material of active-life speech practice and with its language tools of analysis to record some changes or innovations, then verify trends and language patterns and consider whether they are worth being noted in normative grammar or language manuals or be labeled as obviously erroneous uses. In any case the changes demonstrate real-life language functioning with the variations of communicative patterns, either positive or conflicting, which requires the usage of the ecological approach and a methodology of complex language research for solving the problems of anthropocentric linguistics.

REFERENCES

- Akimova E.N., 2016. Lingvoekologicheskaya interpretatsiya aktivnykh processov v sovremennom russkom yazyke [The Linguistic Interpretation of Active Processes in Modern Russian]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Mari State University], no. 3 (23), pp. 40-44.
- Alexander R., Stibbe A., 2014. From the Analysis of Ecological Discourse to the Ecological Analysis of Discourse. *Language Sciences*, vol. 41, pp. 104-110.
- Ammon U., 2015. *Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt*. Berlin, München, Boston, De Gruyter Publ. XVII, 1294 S.
- Barron C., Bruce N., Nunan D., 2000. Introduction. *Knowledge and Discourse. Towards an Ecology of Language*. Harlow, Pearson Education, pp. 1-12.
- Calvet L.-J., 2007. Approche sociolinguistique de l'avenir du français dans le monde. *Hérodote*, no. 3 (126), pp. 153-160.
- Couto H.H. do., 2014. Ecological Approaches in Linguistics: A Historical Overview. *Language Sciences*, vol. 41, pp. 122-128.
- Epstein M., 2007. O tvorcheskom potentsiale russkogo yazyka. Grammatika perekhodnosti i tranzitivnoe obshchestvo [On Creative Potential of Russian Language. Transitivity Grammar and Transitive Society]. *Znamya*, no. 3, pp. 193-208.
- Garner M., 2005. Language Ecology as Linguistic Theory. *Kaijian Linguistik dan Sastra*, vol. 17, no. 33, pp. 91-101.
- Haugen E., 2001. The Ecology of Language. Fill A., Mühlhäusler P., eds. *The Ecolinguistics Reader: Language, Ecology and Environment*. London, Continuum International Publishing Group, pp. 57-66.
- Ionova S.V., 2016a. Lingvistika novogo yazykovogo soznaniya i informatsionnykh tekhnologiy [The Linguistics of Innovative Language Conciseness and Informatics Technology]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 15, no. 3, pp. 6-16. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2016.3.1>
- Ionova S.V., 2016b. O dvukh aspektakh ekolingvisticheskikh issledovaniy [On Two Aspects of Ecolinguistic Studies]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], no. 1 (6), pp. 10-25.
- Ivanova E.V., 2007. Tseli, zadachi i problemy ekolingvistiki [Aims, Tasks and Challenges of Ecological Linguistics]. *Pragmaticheskiy aspekt kommunikativnoy lingvistiki i stilistiki* [Pragmatic Aspect of Communicative Linguistics and Stylistics]. Chelyabinsk, Obrazovanie Publ., pp. 41-47.

- Kibbee D., 2003. Language Policy and Linguistic Theory. *Language in Globalizing World*. Cambridge, Cambridge univ. press, pp. 47-57.
- Likhachev D.S., 1997. Kontseptosfera russkogo yazyka [The Concept Sphere of the Russian Language]. Neroznak V., ed. *Russkaya slovesnost. Antologiya*. Moscow, Academia Publ., pp. 279-288.
- Malinski T., 1992. Vozniknovenie novykh frazeologicheskikh edinits [Emergence of New Phraseological Units]. *Rusistika*, no. 2, pp. 67-76.
- Marusenko M.A., 2015. *Evolutsiya mirovoy sistemy yazykov v epokhu postmoderna: Yazykovye posledstviya globalizatsii* [Evolution of World System of Languages in the Postmodern Epoch: Globalization Inference on the Language]. Moscow, VKN Publ. 496 p.
- Nelde P., 1989. Ecological Aspects of Language Contact or how to Investigate Linguistic Minorities. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, vol. 10, no. 1, pp. 73-86.
- Radbil T.B., 2008. Innovatsionnye protsessy v leksike i grammatike russkogo yazyka Interneta [The Innovation Process in Vocabulary, Grammar of the Russian Internet Language]. *Croatica et Slavica Ladertina*, no. 4, pp. 240-244.
- Salikoko S.M., 2020. Globalization and the Myth of Killer Languages. URL: <http://mufwene.uchicago.edu/publications/globalization-killerLanguages.pdf>
- Sapir E., 1912. Language and Environment. *American Anthropologist. New Series*, vol. 14, no. 2, pp. 226-242.
- Shakhovskiy V.I., ed., 2013. *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve* [Emotive Linguistic Ecology in Modern Communicative Area]. Volgograd, Peremena Publ. 450 p.
- Sirotnina O.B., 2013. *Russkiy yazyk: sistema, uzus i sozdavaemye imi riski* [Russian: System. Usus, and Appearing Risks]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta. 116 p.
- Skovorodnikov A.P., 1992. Ob ekologii russkogo yazyka [About the Ecology of the Russian Language]. *Filologicheskie nauki*, no. 5/6, pp. 104-111.
- Thomason S.G., 2001. *Language Contact Publisher*. S.I., Edinburgh University Press. 320 p.
- Zifonun G., 2018. Die demokratische Pflicht und das Sprachsystem: Erneute Diskussion zu einem gesellschaftsgerechten Sprachgebrauch. *Sprachreport*, Jg. 34, S. 44-56.
- Verbitskaya L.A., 2001. *Davayte govorit pravilno* [Let Us Speak in a Right Way]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 239 p.
- Yakhnych M.A., Ionova S.V., 2013. Obrashchenie kak proyavlenie rechevoy kultury v internet-kommunikatsii [Addressing as Manifestation of Speech Culture in the Internet Communication]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], no. 1, pp. 246-256.

DICTIONARIES

- Ermakova O.P., Zemskaya E.A., Rozina R.I. *Slova, s kotorymi my vse vstrechalis: Tolkovyy slovar russkogo obshchego zhargona* [The Words with Which We All Meet: The Dictionary of Russian Common Jargon]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 320 p.
- Ivanova O.E., Lopatin V.V., eds. *Russkiy orfograficheskiy slovar* [Russian Spelling Dictionary]. Moscow, s.n., 2004. 960 p.
- Mikhailchenko V.Yu., ed. *Slovar sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Social and Linguistic Terminology]. Moscow, In-t yazykoznaniya Ros. akad. nauk, 2006. 312 p.

Information About the Authors

Elvira N. Akimova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Cross Cultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia; Professor, Department of Russian Language, National Research Ogarev Mordovia State University, Bolshevistskaya St, 68/1, 430005 Saransk, Russia, akimovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0883-2173>

Galina T. Bezkorovaynaya, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages № 3, Plekhanov Russian University of Economics, Stremyanny Lane, 36, 117997 Moscow, Russia, bezkorovaynaya.GT@rea.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0088-3619>

Svetlana V. Ionova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, sionova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6361-741X>

Информация об авторах

Эльвира Николаевна Акимова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия; профессор кафедры русского языка, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, ул. Большевикская, 68/1, 430005 г. Саранск, Россия, akimovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0883-2173>

Галина Тиграновна Безкоровайна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 3, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, пер. Стремянный, 36, 117997 г. Москва, Россия, bezkoovaunaya.GT@rea.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0088-3619>

Светлана Валентиновна Ионова, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, sionova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6361-741X>

Журнал «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научного сообщества с новыми исследованиями отечественных и зарубежных авторов, связанными с приоритетными лингвистическими направлениями, что способствует развитию современного гуманитарного знания и международного научного взаимодействия, а также созданию творческой дискуссионной площадки для реализации комплексного подхода в решении проблем языкознания на основе соединения традиций российской университетской и академической филологической науки с достижениями современной лингвистики.

Редакционная политика журнала направлена на распространение достижений российской и мировой лингвистики, опирающихся на современную научную методологию и широкий круг лингвистических источников, чему способствует:

– обеспечение доступности опубликованных статей независимо от географического положения и языковой принадлежности их авторов и читателей: развитие журнала по типу научного издания «открытого доступа» (Open Access), расширение присутствия журнала в международных базах данных и открытых электронных ресурсах, публикация статей на английском языке, увеличение объема аннотации (Abstract) и дублирование списка литературы в латинском алфавите (References);

– поддержание высоких стандартов публикаций благодаря их экспертной оценке и профессиональной редакционно-издательской обработке;

– публикация научно-теоретических, научно-практических и экспериментальных работ по актуальным проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительному изучению языков, теории языка, научных дискуссий по проблемам приоритетных направлений лингвистики, междисциплинарных исследований.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2023 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на I полугодие 2023 года 2600 руб. 97 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics is published to introduce high priority linguistic topics and current innovative results of Russian and foreign researchers to scientific community, which contributes to developing humanitarian issues and international science communications, enhancing debates and discussions, offering solutions on linguistic issues based on Russian scholarly and academic traditions in Philology combined with modern advances in Linguistics.

Editorial policy of the journal is intended to promote Russian and world achievements in Linguistics that are gained with relevance to modern research methods and broad scale of linguistic sources.

It is facilitated with:

- ensuring accessibility to the published articles irrespective of the geographic location or language of authors and readers;
- introducing an open access journal policy;
- extending inclusion of the journal into international data bases and open digital resources;
- publishing articles in English, duplicating References in Latin, enlarging Abstracts;
- maintaining high publishing standards due to expertise, professional editorial and technological processes;
- publishing scholarly and theoretical, scholarly and practical works and experimental results in current issues on functional linguistics of the Russian and other languages, intercultural communication, comparative language studies, linguistic theory, handling scientific discussions on prioritized trends in linguistics, cross-disciplinary studies.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2023 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 1st half of 2023 is 2600.97 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY. LINGUISTICS*

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

